

Ей в приданое дано было зеркальце одно,
Свойство зеркальце имело: говорить оно умело...
/ А.С. Пушкин/

Елену вывело из себя даже не то, что он изменил ей в их общей постели, а произнесенная при этом фраза: «Это не то, что ты думаешь».

Банальная, глупая, заезженная, как старая пластинка, фраза.

Скорее не фраза, а контрольный выстрел, последовавший после увиденного.

Интересно, какие мысли могут посетить голову нормальной женщины, если перед ее взором предстает адюльтер с участием любимого супруга и его секретарши?! И он еще смеет утверждать, что это не то...

А что? Производственная летучка с участием двух лиц – начальника и его помощницы, которая явилась по первому зову первого, чтобы законспектировать умные мысли, родившиеся внезапно в его голове? И для большей доходчивости он предложил её устроиться со всеми удобствами на супружеском ложе. Видимо, мыслишки были еще те... За гранью понимания порядочной во всех отношениях жены.

Никогда Лена не думала, что подобное может с ней произойти. С кем угодно, только не с ней. Она не заслуживает, потому что...

Потому что она такая- растакая, а главное – преданная...

Так рассуждала молодая обманутая мужем женщина, лежа в больничной палате № 6. Она не была «с приветом», как считала ее подруга Лизавета, просто с номером палаты не повезло. Лена вспоминала прошедший день и мысленно себя успокаивала: «Мне еще повезло. Всё могло быть гораздо хуже». Успокоение касалось не измены - с этим трудно смириться, а того, что произошло после нее.

Она помнила, как пулей вылетела из квартиры и бросилась бежать, не разбирая дороги. Именно, не разбирая, иначе никогда не попала под колеса проезжавшего автомобиля. Пришла в себя уже в больнице. Хорошо, что отделалась небольшим сотрясением, но врачи сказали, что надо недельку полежать. Куда идти потом – неизвестно, квартира Вовкина, измены она не простит, значит, туда не вернется. Неминуем развод. И проживание на улице.

Только не надо впадать в крайности! – осудила она себя. - И не нужно было вести страусиную политику! Изредка высовывать голову из песка, убеждать себя и других – у меня всё прекрасно, и снова прятать голову в песок, чтобы, не дай Бог, кто-то из знакомых не намекнул о неблагоприятном поведении обнаглевшего супруга... А ведь подруга ни единожды пыталась подвести разговор к запретной теме, но Ленка ловко уходила, как уходит от опасного удара классный боксер... И чего добилась своими уловками? Все же увидела все собственными глазами...

Ладно, черт с ним, с этим некогда любимым мужем. Надо подумать о себе. Надо бы... А куда деть семь прожитых совместно лет? Так просто из жизни не выкинешь. Ей почти тридцать и начинать все сначала очень тяжело. Бабушка всегда говорила: «Что бог не дает – все к лучшему». Будем на это надеяться.

Лена Тарасова привыкла к постоянству: дом-работа, работа-дом. И так все эти годы, с небольшим перерывом, когда кроме дома ничего не было. Наверное, ее вина в Вовкиной измене тоже есть. Запустила себя, по салонам ходить некогда, да и дорого. Набегаешься за день, уже ничего не хочется. Работу надо было давно поменять. Начала трудовую деятельность в школе, куда пришла с дипломом о высшем педагогическом образовании. Пришла, но надолго не задержалась: характер не тот, мягкий. О чем думала, когда мечтала стать учителем? О том, что дети будут особенными? Сидеть, слушать, бойко

отвечать и ни более того... Это уже не современные дети, а запрограммированные на результат работы.

Когда работа не приносит удовлетворения, человек пребывает в состоянии постоянной усталости, которая накапливается и накапливается. А чем все заканчивается? Ясно, депрессией. Утром встал изможденным, словно и не спал, а занимался тяжелым физическим трудом. К вечеру, вообще, караул: тело будто бы расчленено на части. Как с этим бороться? Срочно менять: профессию, себя, свое отношение к жизни. Для таких плакс, как Ленка, очень нужен человек, который подставит плечо, даст совет. Или просто пожалеет. Муж не был ни плечом, на которое можно опереться, ни плакательной жилеткой. Он презирал слабых людей. Лена боялась потерять его интерес, принимаемый за любовь. Поэтому старательно делала вид, что у нее всё хорошо – и дома, и на работе. От этой неестественной наигранности, сводило скулы, накатывало раздражение, готовое вот-вот вылиться наружу.

И чтобы волна ее недовольства не накатила на любимого мужа и не унесла его в неизвестном направлении, Елена приняла важное для себя решение - уйти из школы навсегда. Директриса ее особо не уговаривала, поняла, что призвание учителя не для этой маленькой женщины с испуганным взглядом, и отпустила её на все четыре стороны, несмотря на то, что была середина учебного года.

Поначалу Елена Викторовна расстроилась: неужели она такой плохой педагог, которого с легкостью можно выпроводить в самый ответственный момент?

В институте у неё по всем специальным дисциплинам были пятерки, практика в школах проходила на «ура!», дети слушали на уроках внимательно, не шумели, не хихикали, не издевались над молодой учительницей, еще студенткой. Лена думала, что так будет всегда. Ан, нет! То ли со школой не повезло, то ли после замужества сама изменилась, перестала отдаваться профессии сполна. Забыла о своей мечте стать прекрасным педагогом, которого обязательно должны любить и уважать все ученики. И раз забыла о мечте, погрязла в быту, то как можно что-то требовать с учеников? Сама не больна своим предметом, и не сможешь им заразить детей.

Была девушкой-мечтательницей, стала домашней клушей, собирающей кулинарные рецепты, чтобы удивить и порадовать супруга. На работе надо думать о работе, налаживать контакт с молодым поколением, совершенствоваться. Дети, в отличие от взрослых, чувствуют любую фальшь, любое невнимание их обижает, травмирует. В ответ начинают мстить.

Лена поняла свою ошибку позже, когда ушла из школы. А поняв, решила ее не повторять и в школе больше не работать. С таким мужем, как Владимир, нужно жить по его законам: завтраки, обеды, ужины, выглаженные сорочки и костюмы, секс по его желанию, собственные недомогания его не волнуют. И обязательный поцелуй перед уходом на работу и по возвращении. Загружать домашними делами – ни-ни! Дома надо расслабляться, так считал господин Тарасов. Поэтому вся работа по дому легла на хрупкие плечи жены.

О выборе нового места работы Лена не задумывалась, да и Вовка сказал, чтобы дома сидела - больше пользы. Подруга Лизка, или как ее звали в любимой гимназии не менее любимые дети - Елизавета Петровна, звала к себе, обещала замолвить словечко перед шефом, так она величала многоуважаемого директора, но Елена Викторовна уже «напреподавалась» и захотела быть просто любимой женой. Она не допускала мысли, что превращается в тупую клушу.

Но просидев дома три года, домохозяйка взбунтовалась. Не важно, что бунт был скрытным по причине того, что Вовка «не любил сцен». Женщина сама для себя решила – больше так жить нельзя! И вот как-то раз, приготовив вкусный ужин, Лена, уткнувшись взглядом в стол, призналась мужу, что хочет выйти на работу. И очень удивилась, услышав его слова:

- Я не против. Тебе надо встряхнуться, побыть среди людей, но с условием, что все будет по-прежнему.

Заботу о себе любимом он ставил превыше всего.

Это была маленькая победа, доставшаяся ей без ощутимых потерь! Осталась сухая ерунда – найти работу.

Лена стала частым посетителем службы занятости, но ничего интересного ей не предлагали. Она не хотела быть привязанной к стулу от звонка до звонка, не имея права отлучиться. Сидеть взаперти целыми днями ей надоело за три года. Хотелось передвижений, общений, новых знакомств. Взвесив все, она остановилась на работе, абсолютно не связанной с ее прежней профессией.

О профессии агента по недвижимости Тарасова прочитала в интернете. Там было сказано, что это серьезная и уважаемая работа, требующая активности, оптимизма и энтузиазма. Риелтор должен быть коммуникабельным, выдержанным и чутким человеком. Последнее полностью соответствовало Лене, все друзья и знакомые ценили в ней эти качества. Ей очень понравились слова – активность и оптимизм. Именно, этими качествами обладала ее любимая бабушка. Лена была абсолютной противоположностью, она пошла в маму, которая пасовала перед любыми трудностями и расстраивалась по любому поводу, даже самому безобидному.

Теперь у Елены представилась возможность изменить себя. Как это можно сделать с помощью новой работы, она не задумывалась. Но будет делать все, чтобы заслужить уважение в коллективе, чтобы любимый муж гордился ею, уважал, а не смотрел, как на домашнюю собачку, приносящую домашние тапочки.

Итак, решение принято! Елена Викторовна Тарасова будет риелтором!

Вначале не все складывалось гладко, не все получалось, но коллектив подобрался дружный, все старались ей помочь, кто советом, кто добрым словом, а кто и свою сделку мог презентовать по доброте душевной. Со временем Лена втянулась, поняла почти все нюансы этого нелегкого, скажем честно, труда и начала делать успехи, зарабатывать неплохие, по ее понятиям, денежки. По дому тоже все успевала: все выглажено, вычищено, посуды грязной не навалено, Вовка накормлен и вполне доволен жизнью. Так она считала до вчерашнего дня...

Дверь палаты номер шесть резко распахнулась, и пред очами больных разной степени тяжести предстал доктор Клюев. Он же Николай Васильевич, он же душка, как называло его за глаза все женское население травматологического отделения невзирая на возраст. Стройный красавец высокого роста с каштановыми волосами и темно-кариими глазами сводил с ума всех дам. Особенно завораживали искрящиеся глаза. От этой искры в женских сердцах загоралось пламя. Взгляд Клюева, его нежное прикосновение, его мягкую улыбку дамы считали лучшим лекарством. Поэтому утреннего обхода ждали с нетерпением.

- Доброе утро, красавицы! Как спалось? - поприветствовал Николай Васильевич всех разом и каждую в отдельности, пробегая по женщинам взглядом. Сегодня глаза доктора остановились на новенькой. - Ну, уважаемая Елена Викторовна, как Ваше самочувствие?

- Спасибо, хорошо. Я... домой хочу.

- Жалобы на головную боль есть? – проигнорировал её просьбу Клюев. - Шум в ушах, слабость? Как ночью спали?

- Если честно, то не спала. И голова кружится... немного, – потупив взор, сообщила Лена. – Но дома мне будет лучше.

А где теперь мой дом? – в который уже раз за последние часы подумала молодая женщина.

- О выписке не может быть и речи! - мягко осадил ее порыв доктор. – Милая, вы не волнуйтесь, никто вас здесь не станет держать больше положенного срока. Скоро, очень скоро вы будете дома. Обещаю. – Повернулся к стоящей за его спиной медсестре и

скороговоркой проговорил, - Верочка, пантогам по 0,5 три раза в день, когитум по 20мл один раз день. На ночь валерьяну с пустырником. – И снова вернулся к больной, - отдыхайте, ни о чем плохом не думайте! – Будто подслушал ее печальные мысли.

Легко сказать – не думать, когда все очень плохо. Когда не знаешь, как жить с этой щемящей болью в душе?!

Елена закусила губу, чтобы не разреветсяя...

Вскоре дверь опять распахнулась и появилась любимая подруга Лизка. Она окинула палату взглядом коршуна, выискивающего добычу. Добыча нашлась у окна, лежащая под одеялом.

- Я знала, что все так выйдет! – вместо приветствия заявила она. - Тебя никогда нельзя оставить без присмотра!

Без присмотра Лена осталась с тех пор, как Лизавета вышла замуж за математика Жорика на последнем курсе института, незадолго до получения диплома. А до этого были пять незабываемых студенческих лет, проведенных в одной комнате в общежитии.

- Горе ты мое, - продолжала причитать Елизавета, осматривая и ощупывая лежащую на кровати бледную подругу и пуская при этом слезу. – Как дальше жить-то будем?

Лиза была осведомлена о разрыве с Тарасовым по телефону и сразу примчалась проведать Лену с большим пакетом, из которого доносились умопомрачительные запахи. Кулинаром она была знатным, всегда говорила, что если бы не поступила в пединститут, то пошла бы в кулинарное училище. Несмотря на ее способности, дражайший супруг Георгий за несколько совместно проведенных лет так и не прибавил в весе, что очень расстраивало его супругу.

Не в коня корм, - любила говорить она, с любовью поглядывая на мужа.

Лена обожала прямолинейную Лизку. Это был единственный близкий и родной человек. Раньше еще был Вовка...

- Лизанька, а что ты принесла?- с напускным интересом спросила Тарасова, привычно «слезая» с неприятной темы. Вытянула шею, чтобы заглянуть в пакет с провиантом.

- Не подлизывайся! – резко осадил ее подруга, но сразу сменила гнев на милость: внешний вид Лены вызывал жалость, - Ну, скажи: как тебя угораздило попасть под машину? Тебя в детстве не учили смотреть по сторонам, прежде чем делать шаг на проезжую часть?

- Учили! А еще учили переходить дорогу в положенном месте, - с улыбкой подтвердила Тарасова. – Но в жизни бывают моменты, когда не задумываешься о последствиях... И еще очень жаль, что в памяти крепко засело... то, что случилось до аварии. А потом все, как в тумане. Помню, как бежала, не разбирая дороги, а потом свист тормозов, бац и... всё. Больше ничего не помню. – Заметив озадаченное лицо Лизы, она решила разрядить обстановку. Глупо хихикнула и заявила, - упал, очнулся, гипс.

- Где гипс? Ты себе что-то сломала? – Она сдернула с Елены одеяло и цепким взглядом впилась в худосочную фигуру, облаченную с убогую ночнушку.

- Дура ты, Лизка, хоть и заслуженный учитель! – вырывая из рук подруги одеяло, изрекла та. - Классику советского кинематографа знать надо.

- Чувство юмора есть, будешь жить, притом долго и счастливо, - заторможено высказалась подруга без тени улыбки на лице. Пораскинув мозгами, все-таки добавила. – И хорошо, что избавилась от Тарасова. Не беда, другого найдешь.

- Ты так говоришь, будто я выбросила старые любимые туфли, и теперь, наконец, куплю новые... Это, Лизочка, не туфли.

- Не туфли, - задумчиво подтвердила Елизавета, тяжело вздохнула и погладила Лену по руке. – Извини. Хотела тебя успокоить, вот и ляпнула, не подумав.

- Мне кажется, что меня засасывает в болото. Еще чуть-чуть и я перестану бороться за жизнь. Смирюсь, сделаю последний вдох и... - призналась Лена, не решаясь огласить конечный результат.

- Глупости! Я понимаю, измену любимого человека пережить сложно, но...

- Что но? Почему ты замолчала?
  - Не хочу говорить избитые успокоительные слова. Про то, что не все мужики сволочи. Бывают исключения, - уточнила Лиза, - и про то, что всё еще будет, что счастливый случай не за горами, что жизнь преподносит такие сюрпризы... Впрочем, о сюрпризах говорить не стоит... - Лена слушала подругу с таким интересом, словно не подозревала, что все мужики..., но бываю исключения, что... и так далее. Чтобы не убить в ней исчезающее желание к общению с противоположным полом, заумная подруга сбавила обороты. - Мы, женщины, сами во многом виноваты, но не хотим в этом признаться. Скажешь, не так?
  - Так, - сразу согласилась Лена очень тихо, почти прошелестела, как легкий ветер за окном. - В измене Вовки есть моя вина. Я все сделала для того, чтобы он начал «вытирать об меня ноги». Рано или поздно я бы узнала о его похождениях. Лучше рано... Пока я не проросла к нему всем телом. Расставание было бы более болезненным.
  - А сейчас?
  - Не скрою, я очень переживаю.
  - Простишь его?
  - Никогда! Хватит унижений.
- Лизавета смотрела на подругу с недоверием.
- Это хорошо, что я головой ударилась, глядишь, мозги на место встанут, - усмехнулась Лена.
  - Не было бы счастья, да несчастье помогло, - высказала народную мудрость Лиза.
  - Конечно! Пройдет и по моей улице мужчина, который будет меня любить так же, как твой Жорик любит тебя.
  - Не верю я в твое напускное веселье, - сокрушенно потрясла головой подруга. - Сама улыбаешься, а глаза на мокром месте... Но ты уговаривай себя, уговаривай. Всё лучше, чем о прошлом горевать... Конечно, появится у тебя свой Жорик...

Жорка Жуков, тезка известного полководца, учился с подругами на одном курсе, но на другом факультете - математическом. И с первого года обучения воспылал любовью к Елизавете, а она «рассмотрела» его только к концу пятого курса. Вот так и образовалась семья, главным членом которой был сын Ванька, названный так потому, что фамилия то у всех членов этой семьи – Жуковы. Как же можно еще назвать сына! Сам Ванюшка очень любил этот рассказ Чехова. Книгу подарила ему Лена несколько лет назад, когда он был еще совсем маленьким. С тех пор каждое ее посещение семьи Жуковых не проходило без прочтения полюбившегося рассказа. Тарасова знала его почти наизусть, надоело оно ей до жути, но отказать ребенку не могла. Особенно маленькому Ивану нравилось начало: «Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца назад в ученье сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать»... После чтения Ванька заливался слезами из жалости к тезке, причем так горько плакал, что Лена была готова присоединиться к нему. Тоже из жалости, но теперь в настоящему Ванюшке, не к литературному. С годами слез становилось меньше, но Лена замечала, что дается ему это нелегко. Родители считали, что в воспитании сына этот рассказ сыграл немаловажную роль: рос он добрым, сочувствующим, понимающим, ценящим любовь близких и отвечающим взаимностью.

Сейчас этот прелестный ребенок ходил в первый класс маминой любимой гимназии, и вот именно на нем сказались кулинарные способности матери. Был он от рождения розовощеким и упитанным пупсом, но при этом подвижным и озорным. Родители любили его по-разному: отец – тихо и без нравоучений, мать – с постоянным изливанием чувств и рассуждениями «что такое хорошо»...

После короткого объяснения Лиза Жукова стала угощать Лену разными вкусностями и болтать о всякой ерунде. При этом успевала с умилением наблюдать за подругой, жующей пирожок с мясом, зажатый в правой руке. В левой руке та крепко держала еще один пирожок.

В заключении Елизавета рассказала о погоде, словно Лена собиралась в ближайшем будущем на прогулку, попрощалась и убежала, размахивая опустевшей сумкой.

Аппетит у Лены мигом пропал, прихватив в компанию лицемерную эйфорию. Она отвернулась к окну и закрыла глаза. После еды её потянуло в сон. Сон-спаситель избавит ее от грусти. Пусть на время...

Но не тут- то было, день был богат на посещения.

Вокруг заохали, зашептались. Наиболее любопытная дама задала резонный вопрос: «Вы к кому?» Тарасова не выдержала и повернулась.

В поле зрения сначала попал... огромный букет цветов, потом рыжий долговязый парень, приблизительно её ровесник. Волосы у него были прямо огненные, а лицо очень добродушное, но ужасно веснушчатое. Он смущался и потел от волнения, постоянно вздувая рыжую челку. Хризантемы в его руках были ржаво-желтого цвета. Мужчина-осень с осенними цветами.

- Здравствуйте, - робко поприветствовал посетитель, оставив в покое челку. Обвел взглядом женщин, хотел ответить на заданный вопрос, но вовремя заметил Лену, облегченно вздохнул, будто проделал долгий путь пока ее отыскал, и направился к ней. - Здравствуйте, - вновь повторил он излишне внятно, посчитав, что перед ним женщина, потерявшая слух после аварии. – А вы меня не узнаете?

Девушка с недоумением посмотрела на него: где-то она его видела. Но где? И зачем он пришел? За несколько лет работы в агентстве недвижимости Лена встречалась со многими людьми, однако не каждый пришел бы ее проведать.

- Меня зовут Кирилл. Кирилл Шмидт, – представился рыжик и протянул ей букет.

- А почему не Отто Юльевич? – брякнула женщина, мысленно ругая себя за плохую память на лица.

Лена Тарасова была терпеливым человеком, не отвечала грубостью на грубость, не повышала голос, в общем, была мягкой и пушистой. Но, не сегодня. После недавних событий все мужское население планеты Земля стало ее врагом. Как она не пыталась переубедить в этом Лизавету, поддержав рассуждение о любви, поджидавшей неподалеку, умом понимала – мужчинам к ней нельзя приближаться! Вообще никогда! Тем более заговаривать и что-то бляеть, желая познакомиться. Она теперь феминистка и мужененавистница!

Ох, не повезло парню, ох, не повезло! Попался мне под горячую руку, - со злорадством подумала новоиспеченная защитница прав женщин против дискриминации. – Сейчас я отыграюсь в его лице за всех обиженных и оскорбленных.

- Меня многие об этом спрашивают, я привык, - отреагировал на ее замечание однофамилец известного исследователя Арктики и широко улыбнулся. Желание поквитаться за всех обиженных и оскорбленных у Лены почему-то исчезло. То ли искренняя улыбка поспособствовала, то ли забавное веснушчатое лицо, по-детски бесхитростное. – Тот Шмидт был математиком и астрономом, а я по профессии биолог.

Кирилл продолжал стоять с протянутым букетом, который пока не приняла жестокая женщина, при этом нервно переминался с ноги на ногу, как уставший от напряженного ожидания первоклассник на линейке.

Лене стало неловко за свою резкость.

Жаль, не выйдет из меня феминистки, - мысленно усмехнулась она.

- Эти цветы для меня? – задала она глупый вопрос.

- Для вас, - подтвердил мужчина, еще ближе придвигая к ней ржавый букет.

- Положите цветы на тумбочку, я потом их поставлю в воду.

Кирилл положил и снова замер у кровати Лены, поглядывая на нее с состраданием и болью.

- Как вы себя чувствуете? – выдавил он из себя.

- Спасибо, хорошо. Почти хорошо. Хочу домой, но меня не выписывают. – Лена хотела спросить, кто он такой и зачем пришел, но не решалась.

- Это хорошо, что хорошо, - промямлил мужчина. – Честно признаться, я боялся сюда приходить.

- Почему?

- Думал, вы залепите мне в лицо этими хризантемами.

Девушка вопросительно взглянула на Кирилла.

- Это я вас вчера сбил на своем автомобиле, – признался он и вздохнул так же тяжело, как это совсем недавно проделала Лиза Жукова. Потом сделал шаг назад и покосился на букет, лежащий на тумбочке.

Лене стало жаль этого рыжеволосого молодого мужчину, который оказался не в том месте, не в то время.

- Я сама во всем виновата, смотреть надо по сторонам, а не мчаться, сломя голову.

- Ну, что вы, что вы! Я должен был отреагировать, но...

- Вы и отреагировали, иначе я не отделалась так легко... Это вы привезли меня в больницу?

- Да, я, – при этом он сильно покраснел, конопушки еще ярче проступили на лице, будто умелец-художник их «освежил». – А можно я еще приду?

- Не стоит,- брякнула Лена, опять вспомнив, что она теперь ненавидит всех мужчин, кроме Лизкиного Жорика.

На ее счастье в палате появилась медсестра Верочка, а то бы коротким «не стоит» дело бы не ограничилось.

- Молодой человек, если хотите, чтобы ваша девушка быстро поправилась, то не утомляйте ее разговорами, а мне не мешайте ее лечить, - деловито высказалась она.

- Извините, – он опять сильно покраснел, посмотрел на Лену изумрудными глазами и уверенно заявил, - я завтра приду.

- Не утруждайтесь, – без прежнего неудовольствия произнесла Лена, даже как-то обреченно, хотя, часть фразы медсестры должна была подлить масла в огонь. Сегодня ее будто бы раскачивали на качелях, перемещая из области позитива в область негатива.

Какие у него глаза! – подумала она, провожая взглядом посетителя. - Прямо изумруды, а не глаза! Никогда таких не видела... Вся его нескладность, угловатость совершенно не сочетается с глазами. Обладатель таких «изумрудов» обязан быть высокомерным, черствым, а он совсем другой... Или я ошибаюсь?.. Тарасова, приди в себя! Феминистка недоделанная!..

Следующие дни были заполнены лечением и посещениями: утром забегала Лизавета, вечером – Кирилл. Не сговариваясь, два незнакомых друг с другом человека, распределили между собой опеку над больной, которая быстро восстанавливалась после аварии. К Лене приходил следователь, но она отказалась писать заявление на водителя, совершившего наезд. Сказала, что претензий к нему не имеет.

Наконец наступил долгожданный день выписки из больницы. Душка доктор отправил Тарасову на все четыре стороны. На прощание еще раз напомнил о выполнении всех рекомендаций и необходимости соблюдения постельного режима. Хотя бы еще пару недель. Задумчиво-рассеянный вид медленно выздоравливающей пациентки отчетливо дал понять, что наставления лечащего врача её также занимают, как венгерская рапсодия Ференца Листа приверженца отвязной молодежной музыки.

Но Лена тепло поблагодарила доктора, на время расставшись с собственными раздумьями. Что далось ей с трудом. А как иначе, если с легкостью принятое решение теперь казалось ей странным и опрометчивым.

Размышления касались Кирилла Шмидта и его предложения, которое она безрассудно приняла. И сейчас Кирилл ждал ее у порогу больницы.

В одно из посещений Елена незаметно для себя разоткровенничалась с ним. Поделилась своей печальной историей, и Шмидт, не раздумывая, предложил ей пожить в доме его бабушки. Старушка недавно скончалась и оставила внуку в наследство

небольшой домик в деревне. Надо сказать, что поначалу Тарасова мягко отказалась, о чем после сообщила подруге.

- Как я пойду жить в дом к почти незнакомому мужчине?! Пусть в дом его бабушки, все равно! - Лиза в очередной раз потчевала её вкусностями, пристально наблюдая, чтобы она уничтожила все принесенные продукты. - Я даже тебе отказала! – добавила Лена с набитым ртом.

- И зря! В тесноте, да не в обиде.

У Жуковых и правда было мало места, но они с удовольствием приютили бы у себя Лену, и она об этом знала и не хотела пользоваться их добротой. Еще неизвестно, сколько времени займут ее скитания по чужим домам, грех злоупотреблять гостеприимством хороших людей, чтобы в последующем не испортить с ними отношения.

- Мне отказала, Кириллу отказала, у тебя есть еще варианты или ты к Вовке намылилась? - между прочим поинтересовалась подруга.

- Ты, что с ума сошла?! – возмутилась Тарасова, - считаешь меня половой тряпкой?!

- Глупости говоришь. Просто любовь зла...

- Какая теперь может быть любовь, – с тоской пролепетала Лена, вспомнив о Вовкином звонке.

В первый день пребывания в больнице ей на мобильник соизволил позвонить бывший (так она его теперь называла).

- Ну, и когда ты вернешься? – не поздоровавшись, недовольным тоном произнес Тарасов.

- Опять к Лизке побежала плакаться?

- Никуда я не побежала! – парировала Лена, стараясь говорить спокойным тоном, несмотря на то, что сердце вытанцовывало твист, а голос противно вибрировал. И сразу замолчала, чтобы себя не выдать.

- А где ты еще можешь быть?! Или успела квартиру купить в своем задрипанном агентстве на сэкономленные на колготках деньги? – съязвил он, причем одним ударом унизив супругу и ее работу. На это он был мастер.

Лену всегда бесил пренебрежительный тон во всем, что не касалось лично господина Тарасова, но она не позволяла себе прекословить. Сдержалась и на этот раз: берегла свое пошатнувшееся здоровье. Голова нещадно болела, мысли ускользали, не позволяя сочинить резкий ответ, после которого у Вовки отпадет желание с ней разговаривать. В пикировке без последствий для себя Елена не практиковалась. Поэтому предпочла промолчать, стараясь умерить глубокое дыхание, словно преодолела на скорость пятьсот метров.

Послушав тишину, Тарасов спросил, всё ли с ней в порядке. В голосе интереса не было: надо было что-то спросить, вот он и спросил. Знает, что жена не привыкла жаловаться. Ее отучили жаловаться.

- У меня все хорошо, - делая паузы между словами, сказала Лена и отключилась, чтобы не разрыдаться.

Да, у нее все отлично! Все замечательно! Ее предал любимый муж, она получила сотрясение мозга, осталась без крыши над головой... А в остальном... Она жива, и это главное. И правильно, что сдержалась, что не сказала Вовке об аварии. Не собирается вымаливать сострадание! Хотя, где сострадание, а где Тарасов?..

Всю неделю, проведенную на больничной койке, Елена анализировала случившееся с ней, благо свободного времени на это было предостаточно.

И почему так бывает: выходишь замуж по любви, отдаешь себя этой любви, растворяешься в ней, а в итоге... в итоге получаешь оплеуху? - мысленно рассуждала она. – А причина ясна, как божий день. Нельзя жить жизнью того, кого любишь. Это еще Лев Толстой утверждал. Надо самой быть личностью... Но я считала, что мы любим друг друга. Ошибалась. Я его любила, а он позволял себя любить... Но многие так живут и считают это нормальным. Или обманывают себя. И я себя обманывала, чего теперь

скрывать. Боялась потерять это сокровище! Как же – красавец всем на зависть... Бабушка мне еще в школьные годы втолковывала: «Красивый муж – чужой муж». Кто бы прислушивался к ее словам! За «крокодилов» выходить замуж выходить никто не хочет, всем красавцев подавай. А что там говорил классик о красоте души? Попробуй, разгляди душу с первого взгляда. На это нужно время. А захочется ли узнать человека ближе, если он вызывает неприязнь?..

Лена вспомнила, как познакомилась с Владимиром. Дело было так.

Она опаздывала на свидание с парнем, с которым встречалась уже неделю. Именно неделю назад подруга Лизавета вышла замуж за своего ненаглядного Жорика. На свадьбе веселились от души, танцевали, кричали горько, устраивали розыгрыши, пели песни. Один парень, то ли родственник жениха, то ли друг детства, постоянно вертелся возле Лены, затем вызвался ее проводить. Девушка не возражала, ей стало очень тоскливо без подруги, которая ушла из общежития, переехав к новоиспеченному мужу. Парня звали Коля, или Петя, теперь уже и не вспомнит. Проводив ее до общежития, Коля или Петя предложил на следующий день сходить в кино, Лена согласилась. Сходили в кино, посидели в кафе. Затем были прогулки в парке, еще кино, поцелуйчики на скамейке и при расставании у общежития. Новый знакомый не вызывал душевного трепета, просто Ленке было тоскливо, вот она с его помощью и пыталась избавиться от тоски. Но спустя неделю его навязчивость набила у нее оскомину. К тоске добавилось раздражение.

После занятий в институте Лена собиралась с ним встретиться и втолковать, что им нужно расстаться. Времени до назначенного свидания оставалось мало, а ехать было далеко. Опаздывать она не любила, и хотела быстрее объясниться, обрести свободу, которая стала утекать с появлением навязчивого Коли. Или Пети. Поэтому закрыла глаза на некоторые материальные затруднения и ступила на кромку тротуара, чтобы остановить частника. Все-таки дешевле, чем такси. Остановила на свою голову. Мечтала развязаться с одним, попала в рабство к другому. Но в тот момент она обомлела, когда увидела в салоне автомобиля, резко затормозившего возле нее, необыкновенно красивого парня, темноволосого, с темно-серыми глазами. Это был Владимир Тарасов. Ее будущий супруг. Лена забыла о своих намерениях. Больше Коля или Петя в ее жизни не появлялся. Интересно, почему? Тогда она об этом не задумалась, перескочила на новую страницу жизни. Неужели ее необъяснимое исчезновение осчастливило парня? Или Лизка дала ответы на все вопросы? Чего уж теперь...

Дойдя до входной двери, Лена прислонилась к стене, не решаясь сделать шаг навстречу новой жизни. Опять новой... Что она ей принесет? Радость или боль? И почему так ноет сердце, будто предупреждает одуматься.

Я сошла с ума, - подумала она. – Никак иначе мое поведение не назовешь. Я еду к абсолютно незнакомому человеку! Знаю про него только с его слов. А вдруг... Ой, нет, не стоит вдаваться в крайности. Внешне Кирилл производит благоприятное впечатление... Опять внешность победила мой разум. Забыла, что внешность бывает обманчивой? Но это не аксиома... Что же мне делать, как поступить?.. Опомнилась! Надо было раньше думать, а не вести светские беседы с незнакомым мужчиной, который чувствовал себя виноватым... А это говорит в его защиту! Плохой человек никогда бы... Еще как бы стал таскаться ко мне в больницу! Чтобы я не стала его обвинять. И пусть бы позже полиция во всем разобралась: и переходила в неположенном месте, и на дорогу не смотрела. А поначалу бы нервы ему точно испортила, и неизвестно, чем бы все закончилось – многое зависит от следователя. Передали бы дело о дорожном происшествии какой-нибудь дамочке, у которой сбежавший муж похож на Кирилла Шмидта, вот бы она на нем отыгралась... И долго я буду здесь стоять и путаться у всех под ногами? Давай, двигай, безголовая!..

Тарасова замерла на ступеньках. Растянула губы в улыбке и окинула оценивающим взглядом рыжеволосого мужчину, стоящего неподалеку.

Можно подумать, у меня миллион вариантов! - мысленно успокоила она себя. – Но можно пожить у Жуковых... А зачем их стеснять, когда мне предложили целый дом за городом! Дом в полном моем распоряжении! Поживу с недельку, забуду обо всех жизненных неурядицах, а потом видно будет. Что-нибудь придумаю... Ничего за это время не случится. Не может со мной больше ничего случиться! Лимит неприятностей исчерпан!

Если бы Лена знала о том, что ее ждет в будущем, то вернулась бы назад, в палату номер шесть. Или отправилась бомжевать на вокзале...

А рыжеволосый мужчина улыбался ей в ответ и терпеливо ждал, когда она приблизится к нему, словно предоставлял ей право окончательного выбора. На нем были немыслимые клетчатые брюки и ярко-оранжевая куртка, что в сочетании с его личным авто ядовито-зеленого цвета производило неизгладимое впечатление, и сразу развеяло последние сомнения Лены, избавив от грустных мыслей. Она легко сбежала со ступенек, несмотря на увесистый баул у руках – накануне Лизавета смоталась в ее бывшее жилище, воспользовавшись отсутствием хозяина, и забрала ее пожитки.

Кирилл сдержанно поздоровался, перехватил тяжелую ношу, усадил ее на переднее сиденье, забросил баул в багажник и устроился за рулем.

- Как ты себя чувствуешь? - спросил Кирилл, пристально изучая лицо своей пассажирки, будто сомневался в правдивости ответа.

- Нормально, - промямлила Елена. - И не спрашивай меня о самочувствии...

- Хорошо, не буду, - быстро согласился он, не дослушав до конца.

- Кирилл, а где находится бабушкин дом? – обратилась она через некоторое время к притихшему мужчине, решив невинным вопросом сгладить свою резкость.

- Тут недалеко, - расплывчато пояснил он, - километров восемьдесят, не больше.

- Совсем близко, - съязвила она.

- Не думай, я тебя быстро домчу!

- Я никуда не спешу, - сообщила Тарасова. – Столько времени провела взаперти, что хочется полюбоваться природой... А там, куда мы едем, красивое место?

- Для меня - лучшее на земле. Я там вырос. Когда пошел в школу, то переехал в город к матери, но все каникулы проводил у бабушки... Признаться честно, я мало где бывал. Хотел пойти по стопам отца, он был археологом, но мама воспротивилась. Отец пропал без вести, когда я пошел в первый класс.

- И с тех пор вы ничего о нем не знаете? – не сдержалась от вопроса Лена.

- Ничего, – с грустью подтвердил Кирилл.

Они замолчали, каждый задумался о своем. Лена вспомнила свое детство. Отец был кадровым военным, офицером-десантником. Он погиб, выполняя интернациональный долг в Афганистане. Девочка плохо помнила его, больше по рассказам мамы, которая так и не смогла оправиться от смерти мужа. Она все время говорила, что он жив, что это не его похоронили в цинковом гробу. С годами эта мысль стала навязчивой, ни о чем другом думать уже не могла. Дочь ее мало интересовала. У нее было горе, с которым она жила. Мать иногда не понимала, какой сейчас год, какое время года, могла зимой выйти на улицу в тапочках и без пальто и пойти неизвестно куда. Все заботы о ней и о Лене взяла на себя бабушка, мать погибшего отца, которая продала квартиру в другом городе и переехала к ним. Когда Лена училась в седьмом классе, мама умерла. Они с бабушкой остались вдвоем. А через год у бабушки обнаружили рак мозга. Лена не могла в это поверить, потому что бабушка всегда была энергичной, здоровой, жизнерадостной. Она боролась с болезнью очень долго, но врачи ничего не смогли сделать. Лена похоронила ее за несколько месяцев до окончания школы. Мир рухнул в один момент. Вся жизнь ее была связана с любимой бабушкой, которая заменила ей отца и мать. Лена часто вспоминала ее, гордилась ее мужеством. Потеряв единственного сына, она не сломалась, а нашла силы жить дальше. Ради внучки, ради памяти погибшего сына.

Была бы жива бабушка, жизнь Лены сложилась иначе. Лена в этом не сомневалась.

Так, вспоминая грустное прошлое, они незаметно добрались до места. Взору Лены предстала чудесная картина осеннего пейзажа. Во дворе росли деревья, многие из которых совсем потеряли свой наряд, превратившись в яркий ковер, укрывший землю. На некоторых деревьях сохранилась немногочисленная красно-желтая листва, обещавшая в скором будущем облететь. И только на одном дереве трепыхался единственный листок, с которым осторожно заигрывал легкий ветер. Иногда ветер усиливался, пытаясь совать одинокий желтый лист, но у него ничего не получалось. Ветер затихал, как будто собирался с силами, налетал снова, а лист усердно держался. То ли силы ветра не хватало, то ли дерево не хотело отпускать единственного представителя прежнего убранства.

Лена сравнила себя с одиноким листом, который борется за выживание, и задумалась, как бы помочь ему. Поделилась своей идеей с Кириллом, надеясь, что тот не поднимет ее, взрослую тетеньку, на смех. Кирилл внимательно выслушал, подумал и пообещал, что он, как биолог, обязательно примет участие в решении этой проблемы. Лена подумала, что он шутит, но он говорил абсолютно серьезно. Она сравнила его с Тарасовым, который бы отмахнулся от нее и попросил не приставать с ерундой. Все ее проблемы всегда были ерундой, решение Лена должна находить сама, а не грузить ими мужа. Вот так. Поэтому она привыкла держать все в себе, даже с Лизаветой отвыкла делиться.

Кирилл Шмидт был абсолютной противоположностью. Ему можно рассказывать о пустяках, не боясь показаться глупой и смешной.

Сейчас этот человек стоял среди деревьев и с интересом наблюдал за Леной, пытаясь разгадать ее мысли. Она покосилась на него и улыбнулась. Она не могла не улыбнуться, и несуразный внешний вид не был тому причиной. Он ей нравился. Нравился этот двор, нравился этот обычный с виду дом, внутри которого она еще не была. Нравилась эта деревня, которую она не успела разглядеть. Нравилась печальные деревья, с достоинством принимавшие свалившееся на них очередное испытание сменой времени года.

Сдерживая нахлынувшие эмоции, женщина вдохнула полной грудью необыкновенные запахи осени, сгруппировавшиеся на этом участке. Именно, на этом, за забором все было не таким восхитительным. От пьянящего запаха прелой листвы у нее закружилась голова. На помощь пришла стройная яблонька, протянувшая ей свою руку-ветку. Елена сделала вид, что рассматривает редкую листву, чтобы не напугать Кирилла, который излишне обеспокоенно относился к её здоровью.

- Все-таки в каждом времени года своя неповторимость! – еле слышно сказала она, преследуя одно желание – чтобы он к ней приблизился. Он не двинулся с места, но как-то странно на нее посмотрел, словно она говорила не о времени года, а признавалась в своих чувствах, вызванных трогательной осенью, и он к этим признаниям был не готов. Чуть повысив голос, женщина продолжила пространное философствование. – Весной мы радуемся первому зеленому листочку, наблюдаем, как он растет, набирается сил, восхищаемся цветущими деревьями, весенними полевыми цветами. Летом лакомимся плодами, бывшими цветами, в лесу собираем грибы и ягоды, прекрасные и вкусные дары природы, а осенью... мы еще что-то собираем, но без прежнего энтузиазма. Осень замедляет ритм нашей жизни, заставляет соединиться с природой. Мы любуемся окружающими красотами, дышим полной грудью, немного грустим, но без сожаления ждем наступления зимы. За зимой снова будет весна... Это счастье, которое никогда не надоест.

- Ты никогда не писала лирические стихи?- неожиданно спросил Кирилл.

- Нет, я всегда была приземленной, в облаках не летала. Крыльев не было.

- Крылья есть у каждого, просто не все об этом знают, а если знают, не хотят их раскрывать, чтобы не воспарить к небу.

- Почему?

- Кто-то стесняется выделиться из толпы пешеходов, у кого-то жизнь складывается так, что не до полетов. Груз ответственности или груз проблем давит на плечи.

- Крылья появляются, когда человек по-настоящему влюблен, а объект его любви отвечает ему взаимностью. Летать вдвоем гораздо веселее, чем в одиночку, - пораскинув мозгами, высказалась Лена.

- Советую серьезно заняться стихосложением, у тебя точно получится, - посоветовал мужчина.

- Ты мне льстишь.

Они еще немного постояли, любясь осенней природой и тайно друг другом, и не решаясь сократить расстояние между ними, пока хрустальную тишину не нарушил Кирилл.

- Правда, здесь здорово? – также шепотом, как это сделала Лена, спросил он.

- Нет слов, я больше не хочу отсюда уезжать ни-ког-да! Хочется повесить гамак, лечь в него и нежиться на солнышке.

- Я все могу тебе обеспечить, кроме солнца... Боюсь, что вечером пойдет дождь, - задумчиво проговорил он, рассматривая серое небо, которое незаметно пришло на смену лазури с редкими белыми пятнами облаков. - А мне пора возвращаться в город...

- Как возвращаться? – заплетающимся языком проговорила женщина. – И ты... и ты оставишь меня одну?

- Только после того, как все тебе покажу и расскажу. Мне надо сегодня доделать кое-какую важную работу, а ноутбук остался дома. Разберусь со всеми делами и завтра приеду. Все выходные буду с тобой. Клятвенно обещаю!

Лена забыла о договоренности, согласно которой она будет жить здесь одна. Потому и приняла приглашение. Она здесь, Кирилл в своей городской квартире. Но по выходным он может сюда наведываться. Теперь она так испугалась остаться в одиночестве, что даже не испытала неловкости от вылетевшей фразы.

- Я... я...

- Голодной смертью ты не умрешь, продукты на первое время я привез, - продолжал между тем Кирилл, не обратив внимания на ее заикастое «я». - А завтра мы устроим с тобой пикник в честь твоего приезда.

- Обожаю пикники, но мне как-то неловко, я доставляю тебе столько хлопот... И ты абсолютно не обязан брать меня на содержание. Я сама виновата... - Это говорила не Лена, это говорила обида, поселившаяся в ней после его заявления.

- Мы же договорились – не возвращаться к этой теме! Забыли? Забыли! - сказал Шмидт, выгружая из багажника ее баул и еще какие-то пакеты.

- Но ты меня совсем не знаешь, а оставляешь меня в своем доме, - потупив взор, проямлила Тарасова.

- Во-первых, здесь красть нечего, если ты это имеешь в виду, а во-вторых, у меня такое чувство, что мы знаем друг друга сто лет... Пошли в дом!

Кирилл переложил все пакеты и баул в одну руку и мягко дотронулся до спины Лены. Безобидное прикосновение заставило ее ускорить шаг. И не потому, что ей было неприятно или резко портящаяся погода заставляла укрыться в безопасном месте. Она боялась собственных чувств, а касание вытаскивало чувство наружу, как выманивает кобру факир игрой на флейте.

Кирилл провел экскурсию по дому, сложил продукты в холодильник и умчался по своим делам, сказав напоследок, чтобы она ничего не боялась и не скучала.

- И хорошо, что уехал, - глядя вслед зеленому автомобилю, изрекла Тарасова, - а то не ровен час... Эх, не о том думаешь, красна девица. Эх, не о том...

После отъезда хозяина Лена еще раз обошла дом: в нем было четыре комнаты и кухня, причем одна из комнат напоминала веранду, две стены ее были полностью застеклены, даже в третьей, соединенной с комнатой, было окно. На веранде стоял

холодильник, на холодильнике - старинный радиоприемник, возле окна - обеденный стол и стулья. Все подоконники были заставлены горшками с цветами. В основном это были герани и фиалки. Причем цветение было настолько буйным, будто на улице не середина осени, а лето. Им, живущим в тепле дома, было без разницы, что все живое собирается залечь в спячку. В помещении всегда царил летняя благодать.

Интересно, кто ухаживает за этой красотой? – мысленно задалась вопросом гостья. И нашла ответ, который ее устроил, - Кирилл, больше некому. Сразу видно, он хороший человек, добрый и заботливый. У плохих людей цветы, вообще, не приживаются... К слову сказать, кроме кактусов у меня ничего не растет. Потому что я забываю поливать цветы. И какой из этого следует вывод, согласно моему утверждению? Глупости, я себя не считаю плохим человеком. Чуть безалаберной, это да. – Характеристика, данная самой себе, Лене не показалась правильной. – Просто у меня не доходят до цветов руки. Все внимание сосредоточено на пупе земли – господине Тарасове, вот и все... А смогла ли я приютить у себя незнакомого человека? Едва ли. И не потому что господин Тарасов пресек мое желание на корню. Я бы и сама не привела в дом чужака. А Кирилл смог и приютил. И это очередное подтверждение того, что он хороший человек. Чего не скажешь о Вовке. Он бы никогда не проникся сожалением к знакомому или родственнику, не говоря уже о посторонних... Фу ты, опять я их сравниваю. Их даже сравнивать нельзя! Как можно сравнить кита и акулу. Или крокодила и милую домашнюю кошечку. Наверное, специалист найдет сходные черты, но это специалист. Вот взять Кирилла. Угловатый, нескладный молодой мужчина, которому глубоко наплевать на свой внешний вид. Но он гораздо привлекательнее щеголя Тарасова. Гораздо!

Лена подошла к окну и с тоской поглядела на дорогу, по которой умчался на своей зеленой машинке Кирилл.

Как жаль, что он уехал и оставил меня одну, - с тоской подумала Елена.

Она не заметила, как он вошел в ее жизнь, проник в ее раненую душу и попытался ее излечить. Рыжий, смешной биолог. Немного рассеянный, как все научные мужи. Очень, очень милый... И, кажется, влюбленный. Влюбленный в нее, в Лену – некогда счастливую слепо-глухонемую жену, получившую наказание за свою слепоту и глухоту.

А с чего я взяла, что Шмидт в меня влюблен? Выдаю желаемое за действительное! - осторожно возмутилась она про себя. Вслух высказаться не решилась: вдруг у этого дома есть уши?! Он услышит и обо всем доложит хозяину? – Влюблен, точно... Кажется, влюблен. Женщина всегда чувствует, когда мужчина к ней неравнодушен. Только некоторые разрешают делать решающие шаги к сердцу, а некоторые ставят Великую Китайскую стену, перебраться через которую не представляется возможным. Есть такие представительницы прекрасного пола, которые ставят низкий заборчик, делая вид, что испытывают мужчину, проверяют его. Это такая игра, результат которой известен обоим, но они хотят насладиться процессом завоевания женщины и отодвинуть долгожданный миг победы.

Лена еще не решила, какую преграду поставит – Великую Китайскую стену или низкий заборчик, для видимости. Или, вообще, забудет о милой женской игре...

Тарасова еще раз обошла бывший бабушкин дом, перешедший в наследство к ее внуку. Даже выскочила наружу, как была – налегке, чтобы оценить внешний вид дома, словно была требовательным покупателем. Дом выглядел основательным, построен из качественного кирпича, явно простоит еще много-много лет. Такие дома в зажиточных колхозах строили для передовиков. И совсем не напоминал нынешние строения с хитромудрыми стилями.

Завидный жених этот Шмидт: дом в деревне, квартира в городе, машина, рассудила Тарасова, шустро зашмыгивая в дом, как замерзшая кошка, долго прождавшая у запертых дверей.

И почему он до сих пор один? - родился у нее вопрос уже в тепле. – Почему это завидного жениха еще никто не окрутил?.. Ладно, на недвижимое и движимое имущество наплевать, не все женщины меркантильны, но как могли не очаровать такие глаза!

- Эти глаза напротив – калейдоскоп огней, эти глаза напротив ярче и все теплей, - во весь голос затянула Лена, перевирая слова известной песни и пренебрегая недавней озабоченностью касательно ушей дома. Эту песню в исполнении Валерия Ободзинского они с бабушкой очень любили, выделяя ее из других.

Вспомнив про бабушку, Лене вдруг взгрустнулось. Грусть потянула за собой сомнения.

А если Кирилл женат, причем давно и счастливо? Но зачем ему понадобилась я?.. Что я, вообще, о нем знаю? Только то, что он сам мне сказал. Отец пропал без вести, любимая бабушка недавно скончалась, мать жива и здорова, он с детства увлекался биологией...

Сбивчивые перечисления ее еще больше растревожили.

- А что на самом деле? – вслух спросила Тарасова, и испугалась своего голоса, разрезавшего тишину задремавшего дома. Она под села к столу, уткнула в него локти и подперла кулаками щеки, отчего ее глаза заплаыли, а осенний сад, который и без того стал плохо различим в вечернем сумраке, престал ей в виде страшилищ с корявыми руками и кривобокими туловищами.

Лена улизнула в комнату, стараясь больше не глазеть в окна.

- И чего я себя накручиваю, - прошептала она. - Женат, не женат, гадать не буду. А вот когда он вернется, возьму и спрошу. Прямо так в лоб и спрошу. И посмотрю на его реакцию. И... и хватит об этом! Закрыли тему, как любила говорить моя бабушка, когда я начинала канючить и что-то выпрашивать.

Лена Тарасова прошлась по комнатам. Мебель была старенькой, разношерстной, но добротной. Из общей картины, намекающей на презрение хозяев к вещизму, выделялось зеркало, явно старинное, висевшее на стене: овальное с обрамлением в виде резьбы по дереву. О резьбе надо сказать особо. Старинный умелец потрудился на славу, создавая необыкновенной красоты узоры: проглядывались замысловатые цветы и дивные птицы с драгоценными камнями вместо глаз. Всю эту кропотливую работу покрывал лак, который в некоторых местах потрескался и начал шелушиться.

Надо его реставратору отдать, - по-хозяйски рассудила Лена, проводя рукой по орнаменту, будто поглаживала зеркало, знакомилась с ним.

После перешла к изучению своего отражения. И весьма удивилась, что выглядит обычно, хотя, ей думалось иначе: она должна превратиться в прекрасную даму позапрошлого века, которая принимала собственный заказ из рук мастера. Естественно, не сама принимала, за нее это сделали слуги, но прежде чем забрать и оплатить работу, она долго изучала свой облик.

Неожиданно Лене вспомнилась книга, прочитанная совсем недавно. В ней автор утверждал, будто в зеркале мы видим не свое отражение, а зеркального двойника, свою копию, обитающую в потустороннем мире. Причем, обращаясь к этой копии, мы можем влиять на свой внешний вид, на события своей жизни. Лена внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале и внятно произнесла:

- Я очень хочу остаться в этом доме навсегда. Я хочу, чтобы хозяин полюбил меня, а я полюбила его, чтобы у нас было все хорошо, чтобы мы были счастливы.

Ей показалось, что... что отражение подмигнуло ей, будто ответило:

- Я тебя услышало. Не волнуйся, все будет так, как ты пожелаешь.

Тарасова дернулась и едва не села на пятую точку. И почему-то с ожесточением потерла правый глаз – ее отражение подмигнуло ей левым глазом.

- У меня нервный тик, - изрекла она. – Тик после аварии, - объяснила зеркалу. Я сильно приложила головой к мостовой, отсюда и визуальные галлюцинации... Наверное.

Галлюцинация в купе с тишиной дома и темнотой за окном угнетающе подействовали на Лену. Она поежилась и осмотрелась в поисках пледа, чтобы укутаться в него с головой. Но вместо пледа на глаза попался телевизор. «Говорящий друг» заставил забыть о

боязни. Гостья включила телевизор на полную громкость и пошла на кухню, стараясь не смотреть в окно. Поставила на плиту чайник, а пока он греется, решила разобрать вещи. Направилась в «свою» комнату, которую сразу выбрала из всех остальных. Кирилл предоставил ей полную свободу в этом вопросе. Эта комната была самой уютной. В ней стояла кровать, застеленная красивым шелковым покрывалом зеленого цвета. По центру покрывала были вышиты попугаи всевозможных размеров и оттенков. Такой красоты Лена никогда не видела! Возле кровати пристроилась тумбочка с настольной лампой, с другой стороны - небольшой шкаф для одежды, чуть поодаль - старенькая деревянная этажерка с книгами, возле окна - письменный стол.

Наверное, это комната Кирилла, - подумала Лена.

Этим объяснялся её выбор. Возможно, находясь среди его вещей, проводя ночи на его кровати, она пытается разобраться в этом человеке.

Она стала перебирать книги на полках. В основном преобладала школьная классика: Фадеев, Гончаров, Достоевский, Толстой, Блок, Есенин... Понятно, как он проводил лето у бабушки. Хотя, судя по степени изношенности книг, можно судить о «любви» школьника Кирилла к русской литературе. Здесь также было много книг по биологии и истории, которые действительно были зачитаны «до дыр».

Лена разложила вещи и уселась перед телевизором с чашкой чая.

- Однако, не густо - всего три канала, - с осуждением обратилась она к «говорящему другу», устраиваясь с ногами на диване, и бросив пульт рядом с собой, - но это лучше, чем ничего.

На одном из каналов, как всегда, была одно известная личность, которую Лена считала абсолютно всеядным: эта личность вела передачи с разным уклоном – от кулинарных шоу до развлекательных и юмористических программ. Пришлось взять в руки пульт и сменить картинку. На другом канале шел очередной вялый сериал: она его любит, он ее пока не любит, но черед двести шестьдесят серий они обязательно соединятся, несмотря на козни недоброжелателей. Третий канал транслировал новости, после просмотра которых, возникал резонный вопрос: «Зачем я родился на этой земле в такое страшное время?»

За неимением лучшего, Лена выбрала жевательный сериал. Так вдвоем с телевизором они скоротали грустный вечерок. Он ей о чем-то вещал, она слушала вполуха, стараясь избавиться от собственных размышлений.

Было уже за полночь, когда в окно застучали первые капли дождя. Женщина прошла с контрольным обзором по дому, проверила, заперта ли входная дверь, быстро разделась и юркнула под одеяло. Уже хотела выключить настольную лампу, протянула руку, но сразу отдернула. Лучше спать при свете. Она плохо засыпала на новом месте. Полежав с закрытыми глазами не больше пяти минут, решила что-нибудь почитать. Взяв наугад с полки книгу, она раскрыла ее на середине, как это делают в книжных магазинах, чтобы оценить качество написания. Под ноги выпал черно-белый снимок. Ленка подобрала снимок и увидела молодого мужчину, который жмурился от ярких солнечных лучей. Фоном служили раскопки и песчаная пустыня без конца и края. Мужчина был одет в выдающуюся вида робу, похожую на военную одежду, на голове была панамы. И одежда, и панамы напомнили Лене ее отца на фотографиях из Афганистана. Пейзаж тоже был похож, только отца окружали люди с оружием в руках, находящихся в кольце бронетранспортеров. Люди сосредоточенно смотрели в объектив фотоаппарата. На фотке, выпавшей из книги, мужчина был один, если не считать одного расплывчатого человека, случайно угодившего в кадр, да и то не полностью: половина головы, колени и руки. Человек сидел на присядках и внимательно изучал что-то в руках. Это что-то напоминало обломок глиняного кувшина.

Лена догадалась, что это пропавший без вести отец Кирилла. Испугалась, что влезла на чужую территорию, сунула фотку обратно в книгу, а книгу вернула на полку. Читать резко расхотелось.

Она выключила настольную лампу и закрыла глаза. На удивление сон пришел быстро. В окно призывно просился на постой осенний дождь, но уставшая гостя его просьбу уже не слышала.

И не слышала, как скрипнула калитка, когда во двор зашел человек в длинном дождевике с капюшоном. Он замер напротив темного дома, прислушиваясь к звукам...

Утро неожиданно выдалось ярким, солнечным, совсем непохожим на осеннюю пору, когда ненастье затягивается на несколько дней, не пуская погожие денечки на смену. Земля еще не просохла от ночного дождя, в воздухе стоял устойчивый запах прелой листвы, прилежно застелившей весь двор ровным влажным ковром. Одиноким лист, на который по приезду обратила внимание гостя, упорно оставался на своем месте.

- Молодец, - вслух похвалила его Лена, любуясь осенним утром из окна.

Солнце на миг спряталось за спешащим по своим делам облаком, затем показалось вновь и осветило своими лучами-прожекторами застывшие капли воды на лиственном разноцветном ковре, сразу превратив их в бриллианты. Бриллианты покрывали весь двор, и создавалось впечатление, что находишься в сказочном дворце, где везде разбросаны драгоценные камни. И сейчас появится королева в наряде из желтых кленовых листьев, с бусами из ярких ягод рябины и с венком из поздних цветов на голове. Но королева не появилась, чем расстроила молодую женщину, решившую перебраться в сказку.

Лена отпрянула от окна, полюбопытствовала, который час. Почти одиннадцать.

- Вот это выспалась, так выспалась, - со счастливой улыбкой констатировала она и отправилась умываться. Потом сварила крепкий кофе, прихватила толстый кусок сыра, набросила курточку и вышла во двор. Присела на скамейку, расположенную возле входа, предварительно выбрав место посуше, и от наслаждения зажмурилась. Прекрасная погода, дурманящая осень, осторожный воробьиный щебет, ароматный кофе, размякший в ее пальцах сыр – все эти большие и маленькие удовольствия способствовали хорошему настроению.

Лена, как незрячий человек, степенно и поочередно то прихлебывала горячий кофе из чашки, то откусывал сыр от большого куска. Она погрузилась с головой в размеренные звуки внезапно воспрянувшей осени, отбросившей свою привычную лирическую тоску, и не услышала, как к дому подъехал автомобиль, как из салона вышел водитель и прикрыл дверь, как скрипнул калиткой и приблизился к ней. А она продолжала наслаждаться звуками, пила кофе и ела вкусный сыр.

- Пора, красавица, проснись! Открой, сомкнуты негой, взоры, - шепотом продекламировал мужчина, присаживаясь рядом.

Лена дернулась, едва не окатив себя кофейной гущей.

- Кирилл, ты меня напугал! – воскликнула она, тараша осоловелые глаза.

- Прости, - покаялся он, - не ожидал такой реакции. Думал, ты слышала, как я подъехал. Как спалось на новом месте? Приснился жених невесте?

- Представь себе, спалось без сновидений. – сдержанно ответила она. Сдержанность была вызвана не обидой, а своим расхристанным внешним видом: женщина не успела привести себя в порядок. Никак не думала, что он приедет так рано. Рано! Уже полдень! Вот, соня-засоня.

- Я рад, что ты выспалась. И если ты не против, то давай отправимся в поход по родному краю.

- Далеко? – спросила Лена, мысленно прикидывая, переодеться ей или остаться в старых джинсах, свитере и куртке? Переодеться хотелось и не хотелось. Еще решит, что она изо всех сил пытается привлечь к себе внимание. Пусть будет, как есть. Джинсы, как джинсы, свитер, как свитер. Не облачаться же в платье и туфли на высоких каблуках. Все-таки поход, а не ужин при свечах.

- Далеко мы не пойдем, погуляем по округе, - пространно ответил Кирилл.

- И только-то? – достаточно резко обронила женщина, будто она готовилась в длительному путешествию не менее недели, а не к получасовой прогулке. Для этой цели собрала багаж, закупила уйму провианта, продумала все варианты отговорок, последующих после настоятельных ухаживаний кавалера, а он заранее все знал: и сколько времени займет прогулка, и где они перекусят при желании, и о чем будут говорить. Объятия, лобзания и тому подобное в его планы, вообще, не входили. Пешая прогулка с осмотром местных достопримечательностей, а ты о чем подумала?

- Тебе нужно больше лежать, меньше ходить, - напомнил ей Кирилл Шмидт, вырывая из лирических грез-обманов, которым поспособствовала мягкая осенняя погода. – Только тебе нужно теплее одеться, - озаботился он, с умилением разглядывая ее заспанное лицо с глубокой вмятиной от подушки на левой щеке.

- У меня куртка теплая, я не замерзну, - успокоила его Лена.

От недовольства не осталось и следа: кроме бабушки, а потом Лизки о ней никто и никогда не заботился, и теперь от мужской заботы она млела и готова была на все. Почти на все. Или все-таки не почти? Внушила себе в очередной раз не торопить события, повторила про себя фразу несколько раз, как заклинание, при этом старательно отводила взгляд от милого заботливого мужчины, а затем и вовсе сорвалась с места, как перепуганный воробей, бросив на ходу: «Я сейчас!» Скрылась в доме якобы вымыть чашку с густой кофейной жижей, остатки которой она нервно пережевывала во рту. Одной чашкой дело не ограничилось. Лена залпом осушила стакан воды, остатки воды вытрясла в ладошку и обтерла ею лицо, так сказать для освежения и снятия волнения. Постояла у любившегося ей зеркала, провела щеткой по волосам, слегка мазнула помадой по губам, подмигнула сначала одним глазом, потом другим, прошептала: «Ну, ты помнишь, да?», только после этого обула кроссовки и вышла во двор, где ее терпеливо поджидал Кирилл.

- Сегодня я буду твоим экскурсоводом, если ты не против, - сказал он, закрывая калитку.

- Я не против! Веди, куда хочешь, Сусанин-герой! – развеселилась Лена.

- Не боишься? Вдруг Сусанин заведет тебя... куда-нибудь?

- Не боюсь! – Хотела добавить: с тобой ничего не боюсь, но сдержалась.

Кирилл взял ее за руку. Она, естественно, не возражала, даже очень была этому рада.

- Итак, наша деревня Алехново известна еще с пятнадцатого века, - начал экскурсовод, - только называлась она иначе – сельцо Богородицкое.

- Сельцо?

- Да, так в прежние времена называли небольшие села. Основал сельцо Богородицкое Федор Алехнов. В древних грамотах упоминается церковь. Она была при монастыре, который находился недалеко от сельца. Церковь простояла несколько веков, потом, конечно, разрушилась, но люди еще долго-долго искали на ее месте клады и сокровища.

- Ты сказки какие-то рассказываешь.

- Про сокровища не знаю, может и выдумки, но благодаря этим сказкам мой отец с детства начал интересоваться историей своей деревни. У них в школе был кружок, все летние каникулы участники занимались археологическими раскопками.

- И что-нибудь находили?

- Какую-то церковную утварь точно находили.

- Здорово! – восхитилась Лена, будто она лично обнаружила эти старинные ценности.

- Отец с детских лет был фанатом археологии, мог ни пить, ни спать, ни есть.

- Завидую людям, которые нашли себя с ранних лет. Повзрослев у них не встал вопрос, какую профессию избрать? Они уже знали, кем будут.

- Выбору профессии еще поспособствовала бабушка. Она всю жизнь проработала в местной библиотеке и снабжала сына книгами по истории, археологии.

- В вашей деревне и библиотека есть?

- А чему ты удивляешься, в советское время, когда колхоз был в передовиках, здесь проживало около двухсот человек. А сейчас много приезжих землю купили. Видишь, сколько новых домов понастроили.

Действительно, наряду со старыми, но добротными домами, были новые, в несколько этажей, настоящие дворцы. На газонах перед дворцами росла зеленая трава, не было ни одного пожухлого листочка или засохших цветов. В отличие от старожилов, перед домами которых были разбиты клумбы, обложенные остроугольными белеными половинками кирпичей. На клумбах росли обычные осенние милые лютики.

Вообще, вся деревня была чистенькая, ладненькая, с хорошими дорогами и с ухоженными домами, окна которых сияли чистотой. На подоконниках стояли горшки с бурно цветущими разноцветными геранями. Ни один дом не выделялся из общей образцовой массы, словно деревня готовилась к приему важных гостей. Но согласно заверению Кирилла, так было всегда.

Лена любовалась редкими поздними яблоками, вызывающе висевшими на ветках. Лазурное небо, красные яблоки, немногочисленная листва наполняли душу молодой женщины безотчетной радостью. Такое состояние безмятежного счастья бывает только в детстве. Или когда ты влюблен. С уст Лены не сходила улыбка.

- Райское место! – выдохнула она.

- Райское, - как эхо, откликнулся улыбающийся Кирилл.

- Кирилл, мне... хорошо и весело! – призналась женщина. - Думаешь, у меня после аварии... не все в порядке с головой? Надо бы думать о будущем, разбирать завалы прошлого, а я веду себя, как беззаботное дитя.

- Козьма Прутков говорил: Хочешь быть счастливым, будь им, - философски заметил мужчина.

А Тарасова подумала: «Хочу! Очень хочу! И хочу, чтобы рядом всегда был он. Этот смешной рыжий мужчина с добрыми глазами»...

Кирилл и Лена дошли до озера. Поверхность водоема напоминала стиральную доску, которой пользовались в былые времена женщины: покрыта мелкой бегущей рябью, создаваемой порывистым ветром, разгулявшимся на просторе.

- Это озеро всегда было излюбленным местом всей местной и приезжей детворы. Я пропадал здесь целыми днями, когда жил у бабушки, - сказал Кирилл. В его голосе прослушивались ностальгические нотки.

- Здесь и сейчас красиво, жаль, искупаться нельзя. Холодно. Бр-р-р, - передернула плечами Лена, и набросила на голову капюшон.

- Да, здесь холоднее, чем в деревне. Если ты замерзла, то можно зайти в кафе выпить чаю.

- Ну, ты меня удивляешь все больше и больше! – с удивлением протянула женщина. - Прямо не деревня Алехново, а деревня Ардингли близ Лондона. И все-то у вас здесь есть, даже кафе.

- А это еще что такое за... Ардингли? – с трудом выговорил мужчина.

- Это потрясающе красивая местность. В ней находится очень хороший колледж. Я много читала о нем и... думала, когда у меня будет ребенок, то я обязательно пошлю его учиться в этот колледж. В Англии очень хорошее образование.

- А мне бы не хотелось расставаться со своим ребенком. Не представляю, как можно отправить его куда-то, без присмотра. В России тоже можно дать хорошее образование, было бы желание его получить.

- Это я сейчас говорю, когда у меня нет детей. Почти уверена, что никуда его от своей юбки не отпустила. Я не хочу, чтобы он был маменькиным сыночком, но материнская опека, не чрезмерная материнская опека, никому еще не навредила, только на пользу пошла... А может бы и согласилась на поездку в Лондон. Но отправилась вместе с ним. Глядишь, и нашла применение своему английскому. Сняла бы маленький домик, гуляла по улицам

деревни Ардинглы, пила чай в точно отведенное время, и по шесть раз в день, как и положено у англичан.

- Ты была в Англии?

- Нет, но когда изучаешь язык, надо знать историю и традиции этой страны. Мне очень хотелось там побывать, одно дело читать, а другое – увидеть все своими глазами.

- Расскажи еще что-нибудь, - попросил Кирилл. Его мало интересовали английские традиции, ему важно было слышать ее голос.

- Что рассказать? – вскинула брови Лена.

- О Лондоне, о традициях. Но давай ты сделаешь это в теплом помещении, в кафе. Не знаю, подходит ли это время для чаепития, по погреться нам точно не помешает.

Молодые люди быстрым шагом приблизились к небольшому зданию с заманчивым названием «Сладкоежка».

Кирилл распахнул перед Леной дверь.

В кафе было тепло, и стоял потрясающий запах свежей выпечки, хорошего кофе и еще чего-то вкусного. Они сели за свободный столик, Тарасова огляделась: кафе было маленькое, опрятное и уютное, с большими окнами, с круглыми столиками и удобными стульями.

Кроме Лены с Кириллом, в кафе сидела бабушка с внучкой лет пяти, других посетителей не было., свободными остались еще три стола.

- Здесь выпекают очень вкусные торты и пирожные, а также булочки с корицей и орехами. Чего желаете? – галантно поинтересовался Шмидт.

- Всего и побольше! Я ужасно проголодалась! - Лена удивилась своей непосредственности, раньше она была робкой и стеснительной. Что с ней происходит?

Кирилл сделал заказ. Вскоре им принесли два блюда. На одном красовались разнотипные пирожные, на другом - ароматные булочки. И еще большой чайник со свежесваренным ароматным чаем. Чай оказался очень вкусным, горячим, крепким и с добавлением трав.

- Сегодня я лопну от обжорства! – с восхищением от обилия яств пообещала Лена, хватая с блюда восхитительную булочку. Откусила от нее почти половину и заурчала от удовольствия. Прожевав, сообщила, - за всю свою жизнь не ела ничего вкуснее, даже моя подруга Лизка не имеет печь такие булки, хотя она профи в выпечке.

Кирилл последовал примеру Лены и тоже принялся за еду.

- Могу со всей уверенностью сказать, что такого количества пирожных и булок британцы не съедают даже за все шесть общепринятых чаепитий, - уплетая пирожное, изрекла Лена. - Но то, что они признаны самыми непродуктивными работниками – это я знаю точно! Ведь, четверть рабочего времени англичане проводят за чашкой чая.

- Против традиций не попрешь, - философски высказался Кирилл, вытирая руки салфеткой.

- Традиции у англичан превыше всего. Меня лично эти условности взбесили бы, а они ничего, не ленятся каждый раз застилать стол белоснежной скатертью, раскладывать накрахмаленные салфетки, ставить вазу с белыми цветами, столовые наборы: чашка с блюдцем, вилка, ложка. Ну, и конечно, чайник, кувшин с кипятком, молочник, сахарница. К чаю подают булки с изюмом, масло, имбирные пирожные, вафли, джем и что-то еще, я забыла... Уж, не знаю, все ли происходит так, а не иначе, может быть все гораздо проще, без премудростей... Но мы с Лизкой начитались об английских традиционных чаепитиях, и решили устроить себе нечто подобное на следующий день после получения стипендии, пока деньги не закончились. Скатерть одолжили у девчонок в соседней комнате, вместо имбирных пирожных купили заварные, вместо джема выставили варенье из крыжовника, сваренное Лизкиной мамулей. Чай заварили, как полагается: одна чайная ложка на человека плюс один. Дело было в воскресенье, между чаепитиями думали заняться улучшением своего убогого жилища. В общем, накрыли стол к завтраку, все, как положено: сели, разлили чай, долили чайник кипятком, накрыли салфеткой, чтобы

заварился пока прием по первой чашке. За разговором не заметили, как время плавно перешло ко второму чаепитию, выпили еще по пару кружек, поели сдобы. Потом начали дружно зевать, об улучшении и украшении жилища уже забыли. В общем, проспали мы пятичасовой чай. А пирожных и булок так наелись, что долго на них смотреть не могли. Мы с подругой часто вспоминаем тот случай.

Они допили чай и вышли на улицу.

- Продолжим экскурсию? Или вернемся домой, чтобы вздремнуть после сытного чаепития? - спросил Кирилл.

- Только вперед, ни шагу назад!

- Тогда в путь! Я продолжу знакомить тебя с деревней.

Он привычно взял Лену за руку, будто продельвал это миллион раз. Но, несмотря на миллион первый раз, с трепетом сжал ее ладонь в своей руке. С трудом совладал с голосом, который мог выдать его чувства, пошутил:

- Я похож на Винни-пуха, который идет от хлебосольного Кролика. Хорошо, что в дверь легко протиснулся.

Они дружно посмеялись, чуть-чуть ослабив напряжение, возникшее при соприкосновении.

- Ничего себе! – в который раз за сегодня удивилась Елена, указывая на большое здание, - что это за стеклянный куб? - Они подошли к строению сбоку, поэтому вывеску пока не было видно.

- А это наш супермаркет, его построили на месте бывшего сельпо, убогой халабуды, куда мы раньше ходили за продуктами.

- Выглядит не хуже городского. Зайдем? Я хочу посмотреть, какие продукты в нем есть.

- Те же, что и в городе, не сомневайся. Давай зайдем в супермаркет в другой раз. Не хочется гулять с полными сумками. В Алехново есть еще один продуктовый магазин, он ближе к дому. Там мы пополним запасы. Без меня тебе лучше никуда не выходить, все необходимое я буду привозить из города.

- Спасибо тебе за все...

- И тебе спасибо...

- А мне за что?

- За то... – уклонился от ответа Кирилл и густо покраснел, как тогда в больнице. Он хотел многое сказать этой крохотной женщине, которая еле-еле доставала ему до плеча. Хотел, но боялся. Вдруг неправильно его поймет. Лена пока не готова к новым отношениям. А жаль...

- Развернутый ответ, а главное – все четко и ясно изложено, - усмехнулась Тарасова.

- Мы, биологи такие, мы можем, когда захотим, - приосанился Кирилл. Наклонился к ней и доверительно сообщил, - хочешь, я открою тебе тайну?

- Тайну? – также шепотом переспросила Елена, – какую такую тайну?

- Как деревня Алехново повлияла на мой выбор будущей профессии?

- И на твой выбор тоже? – суксилась она: начало ее разочаровало. Сказано – биолог! Кто о чем, а вшивый о бане! – Некстати вспомнилась ей поговорка.

Кирилл почувствовал, что настроение Лены изменилось. Он остановился, внимательно посмотрел на нее, потом поднес ее ладонь к своим губам и нежно поцеловал.

Лена не выдернула руку, только густо покраснела, от удовольствия или от смущения, или от того и другого вместе. И потупила взгляд.

- Так что ты говоришь... о... выборе профессии? – пробубнила она, изучая испачканные носки кроссовок. Невинное прикосновение мужских губ к ее ладони подействовало не хуже любовных признаний, красочных, жарких, многозначительных.

А Кирилл все мямлил и мыл ее руку в своими двумя руками. Но больше не целовал.

Детский сад, старшая группа, - подумала Тарасова. – Ты еще в обморок рухни для пущей убедительности в своей невинности. Забыла, что успела сходить замуж? Да, забыла. Не было в моей жизни замужества, не было Вовки, не было его измен...

- Мимо прошли две бабушки, нарушив их стеклянную идиллию, немного сбавив скорость рядом с ними, чтобы не только поздороваться, но и промониторить ситуацию.
- Здравствуйте! – громко и дружно сказали они, излишне старательно, чтобы их заметили и услышали.
  - Здравствуйте, - ответил им Кирилл, не поворачивая головы в их сторону.
  - Здравствуйте, - прошелестела Лена, поглощенная собственной обувью.
  - Жар от его рук, как электрический ток, пробежал по ее телу и достиг пяток.
  - Ну и? – прохрипела она, заглядывая за его спину, чтобы проследить за старушками, решившими обсудить пару, стоящую посередине улицы. Куда угодно, лишь бы не встречаться с ним взглядами.
  - Ты... о чем?
  - Ты хотел открыть тайну, - напомнила Тарасова, продолжая пялиться на бабулек, словно пыталась убедиться, что они не подслушают чужое признание. – Ну, тайну о том, как повлияла на... выбор деревни... на твой выбор твоя деревня... Прости, запуталась.
  - Я... Конечно... - Наконец, вспомнил Кирилл. И почему-то оставил в покое ее левую руку, ухватил только лишь за правую и опять повел по улице. Но выглядел при этом напряженным, будто не мог вспомнить что-то важное, о чем хотел рассказать, или тайна могла изменить отношение женщины к нему. Долго молчал, потом начал свой рассказ, но начал издали. - Мой дед, Василий Шмидт, сын обрусевших немцев, приехал в эту деревню после окончания института и стал работать агрономом. Это было еще до войны. Колхоз в то время выращивал черную смородину на продажу. Потом деда выбрали председателем. Был он человеком трудолюбивым, честным, справедливым. Люди его за это уважали. При нем колхоз стал процветающим или, как тогда говорили, превратился в колхоз-миллионер.
  - А на бабушке он здесь женился?- спросила Лена, которая с большим интересом слушала историю этой семьи, позабыв о легком разочаровании.
  - Нет. Они поженились еще в институте. Сюда приехали с одним фанерным чемоданчиком и старинным зеркалом, доставшимся бабуле по наследству. Это семейная реликвия, передаваемая из поколения в поколение. Бабушка им очень дорожила, уверяла, что зеркало хранит много тайн о бывших владельцах, потом будет хранить о нас. Служит своеобразным контролером, поэтому надо вести себя достойно... И все в таком духе. Скорее всего, хотела меня обуздать, хотела сделать из меня примерного мальчика. И надо признаться, я старался не разочаровать своих потомков. И необязательно, если зеркала рядом не было.
  - Как интересно! Я хотела бы побольше узнать о зеркале. Я сразу обратила на него внимание... Значит, это зеркало досталось твоей бабушке по наследству... - задумчиво пробормотала Тарасова.
  - А как звали твою бабушку? – спросила она.
  - Василиса Петровна.
  - Это же надо: Василий и Василиса.
  - Меня тоже хотели Васей назвать, да мама воспротивилась... Дед умер, когда я был совсем маленьким, поэтому почти его не помню, но бабушка много о нем рассказывала. Они очень любили друг друга. Я бы.. тоже... - продолжать он не стал. Загородил Лене дорогу и начал внимательно изучать ее лицо, словно сию минуту собрался писать ее портрет. Даже голову склонил сначала направо, затем налево. Женщина терпеливо ждала, что будет дальше. А дальше Кирилл выпустил ее вспотевшую ладошку из своей руки, и отошел на два шага.
  - Что?! – возмутилась она, вызываясь вздернув подбородок.
  - Слушай, а ты очень похожа на мою бабушку Василису. В молодости, конечно. Я видел фотографии... А я все время ломал голову, где мог тебя видеть раньше? Вроде бы никогда не встречались, а твое лицо мне знакомо... Ну, вылитая Вася в молодости. Я тебе потом фотки покажу.
  - Сочиняю я неплохо иногда... И вправду, Винни-пух.

- Ты мне не веришь? Потом сама убедишься, - монотонным голосом произнес Шмидт и при этом тяжело вздохнул, словно факт сходства его бабушки и новой знакомой его совсем не устраивал.

У него был такой несчастный вид, что Ленке захотелось встать на цыпочки, дотянуться губами до его губ и целовать, целовать, целовать, пока в голове не начнет шуметь, как при наборе высоты.

Не встала, не дотянулась, не поцеловала. А обогнула стоящего стеной высокого мужчину и с непринужденным видом пошла вперед, будто знала, куда надо идти.

Кирилл быстро ее догнал и пошел рядом. Лена ускорила шаг. Он не отставал. Они напоминали двух спортсменов-ходоков, которые спешат пересечь финишную черту. Но никак ни прогуливающих туристов.

Вскоре «спортсмены-ходоки» достигли главной площади деревни Алехново. Лена замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась, недоуменно осматриваясь.

- Это центр, - ответил на молчаливый вопрос Кирилл. - Здесь находятся медпункт, почта, библиотека, салон красоты.

- Я уже ничему не удивляюсь, - буркнула Лена. - Даже салон красоты и тот в наличии.

Шмидт проглотил ее иронию.

- У нас и школа есть. Хочешь, иди туда работать. Конечно, после выздоровления. - У Кирилла был такой напряженный вид, будто от ее ответа зависит вся его будущая жизнь.

- Я подумаю, - ляпнула Лена и повернула голову в сторону памятника, который находился возле клумбы в центре площади и сразу привлек ее внимание. Лена посеменила к нему, пытаясь издали прочесть выбитую на нем фамилию.

- Это памятник-бюст академику Клименту Аркадьевичу Тимирязеву, - сообщил экскурсовод. - Просто между инициалами «К» и «А» стерлись точки, а в фамилии отвалилась буква «р», вот и получилось: КАТимиязеву.

- А почему памятник находится в Алехново?

- Бывший колхоз носил имя Тимирязева, - пояснил Кирилл, замирая за спиной Лены. Он прижал ее к себе, обхватив обеими руками.

Лена превратилась в бесчувственное изваяние. Приказывала себе отреагировать, но не могла пошевелиться. Сейчас он решит, что я... к нему равнодушна... Но я не могу, вот так, сразу... Я его почти не знаю... Не знаешь, а почему тогда... Надоели эти зачем, почему! Хотела и приняла приглашение!

А Кирилла все устраивало. Не выпуская Лену из объятий, он продолжал ее просвещать.

- В советские времена на этой площади проводились все праздничные мероприятия. После регистрации в сельсовете, новобранцы возлагали к памятнику цветы. Здесь же, возле памятника, принимали в пионеры, награждали лучших колхозников. Еще в детстве я стал интересоваться, кто такой Тимирязев? Простудировав постепенно кипу книг я увлекся физиологией растений. Особенно запала в душу книга «Мир растений», в которой Тимирязев писал, что растение – посредник между небом и землей, оно, как Прометей, похитивший огонь с неба. Я стал смотреть на растения другими глазами. Академик утверждал, что в силах человека изменить и переделать природу. Я захотел стать таким человеком, своего рода, волшебником, и всерьез увлекся биологией... А что касается памятника, то я приложу все усилия, чтобы его отреставрировать.

- Бабушка приветствовала твоё увлечение?

- Не только она, мама тоже была очень рада. Она прикладывала все усилия, чтобы отвлечь меня от археологии.

- Кирилл, расскажи еще об отце... Если можно, - попросила Лена.

- Рассказывать особенно не о чем. Я плохо его помню, как и деда, а мама с бабушкой, наверное, не хотели рассказами беречь себе душу и травмировать детский организм.

На самом деле, история исчезновения отца была «темной», в семье об этом не говорили, но во времена своего студенчества Кирилл подружился с сыном одного

высокопоставленного чиновника, и благодаря папаше получил доступ к архивам. Таким образом он узнал, что его отец - Юрий Васильевич Шмидт - в 80-х годах работал в археологической экспедиции, которая проводила раскопки в Средней Азии в городище Дурмен-тепе недалеко от Самарканда. Тогда были найдены бесценные образцы глиняной скульптуры и уникальная коллекция орнаментальных панно. По истечении времени, сотрудники экспедиции подготовили выставку «Культура и искусство древнего Узбекистана». Когда выставка близилась к завершению, выяснилось, что исчезло несколько экспонатов. За кражу был осужден человек по фамилии Крюков, ответственный за организацию выставки. Органы нашли улики, подтверждающие его причастность к их исчезновению. Крюков на суде свою вину полностью отрицал, но его осудили на пять лет. Украденные ценности так и не были найдены. А Юрий Шмидт исчез. Кирилл заинтересовался пропавшими экспонатами: ими оказались два панно. На одном было изображено женское лицо, а на другом – голова хищного животного.

Розыск Юрия Шмидта был безрезультатным.

Много лет Кирилл пытался узнать правду о нем. Он чувствовал, что эти два дела: кража с выставки и исчезновение Юрия Шмидта каким-то образом связаны между собой.

Но Лене об этом знать не обязательно.

После семи лет ожидания мать вышла замуж вторично. Бабушка Кирилла долго не могла простить невестке «предательства по отношению к Юрию», о чем многократно заявляла внуку и самой предательнице прямо в глаза. С годами возмущение утихло, но отношения между свекровью и невесткой остались натянутыми. А Кирилл мать никогда не осуждал: если бы отец был жив, то дал о себе знать. Но он очень переживал, что самые близкие для него люди так холодно относятся друг к другу. Упрямая бескомпромиссная бабушка Василиса никогда не меняла принятых решений и не делала первый шаг для сближения с невесткой. Невестка, в свою очередь, обижалась на несправедливое обвинение и также не спешила мириться. Их короткие общения касались только связующего звена, коим являлся внук и сын, которого обе женщины обожали. Умерла бабушка Василиса внезапно – кровоизлияние в мозг и конец. Даже «скорая» не успела доехать, хотя, прибыла через пятнадцать минут после вызова.

Перед смертью старушка хотела что-то сказать, но так и не смогла вымолвить ни слова. С трудом поднимала руку, способную двигаться, и показывала на стену возле кровати. Туда, где висели картины, которые она любовно вышила, вставила в рамки и повесила на стену. Она очень гордилась своими работами. Говорила, жалеет, что занялась вышивкой только на пенсии, когда уже зрение не то. Несмотря на неважное зрение, бабушка Василиса создавала настоящие произведения искусства. И пусть произведений искусства не так много, но они остались внуку на память.

Кирилл долго строил догадки, что ему хотела сказать бабушка в последнюю минуту жизни? И почему она указывала на картины? Просила, чтобы он их сохранил? Но об этом и просить не нужно.

С памятью о близких людях расстаются только те, о ком впоследствии никто не вспомнит...

Инна Зимина проснулась из-за возни, доносившейся за дверью.

Опять близнецы Санька с Петькой что-то не поделили, - сладко зевнув, догадалась Инна и с неохотой открыла один глаз, чтобы бросить взгляд на часы. – И чего им не спится в законный выходной?! – мысленно возмутилась она, - так бы вскакивали в будние дни, маленькие поросята!

Покосилась еще на одного родного и любимого человека – мужа Вячеслава, который занимал половину кровати и сейчас крепко спал, невзирая на возню сыновей за дверью.

А этому, хоть, из пушки пали! - с завистью подумала супруга и осторожно вылезла из-под одеяла. Замерла на время, косясь на Славика, а тот перевернулся на другой бок и мирно засопел. Накинув халатик, Инна покинула спальню. Устроила небольшую

выволочку сыновьям, так, для профилактики, которой хватало до следующих выходных и направилась в ванну. Через некоторое время она уже готовила завтрак для своих трех мужчин. Естественно, завтрак включал в себя яичницу, которую мальчишки могли есть каждый день и не только на завтрак. Мать не догадывалась, откуда у них такая любовь к яичнице, и с кулинарными пристрастиями близнецов не боролась. Это было единственное блюдо десятилетних пацанов, которое они могли готовить самостоятельно.

На запах яичницы и кофе, потянулись мальчишки во главе с проснувшимся отцом. Все были умыты, причесаны и очень голодны. Уселись за стол и приступили к завтраку.

Быстро управившись с едой и выпив чай с булочками, мальчишки умчались в свою комнату. Инна с мужем неторопливо пили уже по второй чашке кофе и строили планы на предстоящий выходной день.

- Давай заедем к отцу, а потом отправимся за город. Погуляем, подышим свежим воздухом, пока погода окончательно не испортилась, - предложила жена.

- Согласен. Только ты позвони отцу заранее, вдруг его дома нет, а мы сделаем крюк и время потеряем.

Павел Леонидович, отец Инны, частенько исчезал из дома в последнее время и не ставил дочь в известность. Та бесилась, пыталась докопаться о истины, и каждый раз обижалась, когда слышала пространное объяснение об увлечении сбором грибов. Якобы в этом году в лесу полно грибов, и он не мог отказать себе в удовольствии прогуляться по лесу в корзине. Объяснение было неубедительным, потому как грибов Инны в глаза не видела. И корзины разных размеров в отцовском доме не находилось. Когда дочь дошла до точки кипения, Петр Леонидович коротко, но доходчиво, дал понять, чтобы его жизнь никто не сламычался. Даже единственное взрослое любимое чадо.

Инна на время поутихла, но все возмущение теперь высказывала супругу, который встал на защиту тестя. Дескать, пусть человек поживет в свое удовольствие, ему еще и шестидесяти нет. В прошлой жизни у него было мало хороших моментов: жена Петра Леонидовича, мать Инны, долгое время страдала от неизлечимой болезни, вместе с ней страдал и мучился от своей беспомощности любящий муж. Он все заботы по уходу за больной женщиной взял на себя, оградив от них дочь. Никогда не роптал, не выказывал усталость или недовольство, а после смерти погрузился в депрессию. Почти два месяца почти не выходил из дома, если только наведаться на могилу супруги, и почти ни с кем не разговаривал. А затем неожиданно увлекся сбором грибов.

Инна не прислушивалась к защитной речи «адвоката», хотя, в душе соглашалась с ним: отец имеет право на личную жизнь. Он еще не стар, выглядит моложе своих лет, а женщины с интересом поглядывают на него. Прав-то, Славка, прав, но как быть с дочерней ревностью и обидой? Прошло не так много времени со дня смерти матери, чтобы... за грибами ходить. Муж с ней спорил, говорил, что она уже выросшая, и должна понимать: отцу не достаточно ее любви и заботы, он не может с ней обсудить то, что может обсудить с женщиной, которая привлекла его внимание. Но у Инны и на это был веский аргумент: материальный достаток отца – вот что привлекает в нем корыстных женщин! А ну как она обдерет его, как липку, и помашет на прощание ручкой? Как он это переживет? Если переживет, вообще?

- Без любви не бывает разочарований, - пространно отвечал Вячеслав Зимин.

На мужчину философию Инке было наплевать, в нее есть свое мнение:

- Я не возражаю, чтобы отец нашел себе женщину. Не возражаю! Но чуть позже, когда пройдет время...

- Когда? Через двадцать лет? Когда Ему будет почти восемьдесят? В таком возрасте у жизни другая скорость.

Инна не могла себе представить рядом с отцом другую женщину. Ну, не могла, и все тут. Кто их его сверстник может стать ему парой? О молодках речь не идет: папочка здоровый человек, на подобный кукол не посмотрит.

Да, отец был привлекательным мужчиной, и Инна пошла в него: высокая, темноволосая, с голубыми глазами. И характером такой же: нетерпимый к несправедливости и обидчивый. Последнее качество не касалось дочери -ей он многое прощал. До поры, до времени. Пресек ее любопытство и закрылся в себе. Сколько усилий Инна приложила, чтобы вновь «подружиться» с отцом.

Ладно, за грибами, так за грибами. Правда потом еще увлечение рыбной ловлей появилось. Что будет потом, даже предположить страшно.

В последнее время Инна сама отстранилась от отца. Неожиданно в душе всплыла старая обида на него, которую она долго пыталась убить в себе. Дочь считала, что отец стал причиной болезни матери. Если бы не он, неизвестно, случилось бы то, что случилось. Глубокие переживания приводят к серьезным проблемам со здоровьем. Возможно, все было не так, и мать заболела сама по себе, без участия отца, но кто об этом может сказать со сто процентной уверенностью?..

Сегодня у Инны было хорошее настроение. Ей захотелось увидеться с отцом. И захотелось забыть о выдуманной взаимосвязи.

Она попыталась ему дозвониться на домашний номер и долго слушала длинные гудки. Потом позвонила на мобильник. Но, как всегда, его мобильник был отключен.

- Хорошо, что позвонила, его нет дома, - доложила она беспечным тоном мужу. Ей якобы все равно, дома он или нет. А если его нет дома, то ей без разницы, у кого он проводит время.... Грибник и рыбак...

Но настроение у Инны все-таки испортилось, как она не пыталась скрыть сей факт, Славку не проведешь.

- Если ты передумала, то мы можем никуда не ехать, - дипломатично сказал он.

- Мам, а как же... - начали близнецы, глядя на нее широко открытыми глазами.

- Я не собираюсь ничего менять! – перебила она мальчишек. Те радостно завопили, прихватили свои рюкзаки и полетели на улицу.

- Все хорошо? – спросил Славик.

- Все замечательно, - улыбнулась Инна, пытаясь потушить в себе гнев: Я не хочу выяснять отношения с отцом, пусть все будет, как будет... Я не в состоянии что-то изменить... Но я имею права знать, у кого он прописался?! Меня мутит от его лжи? Сколько можно терпеть! Надо расставить все точки над «i» и узнать правду! Я, в конце концов, я его дочь, я самый близкий человек... Спокойно, Инна, спокойно, держи себя в руках. Сама же сказала, что ты не в силах что-то изменить. Если отец завел себе... Не дай Бог!..

Отдохнула семья Зиминых великолепно. Погода милостиво разрешила насладиться последними погожими деньками, укрепив на голубом небе яркое солнце, брызжущее теплыми лучами. Отец с сыновьями гоняли мяч, а, проголодавшись, набрали сухих веток и разожгли костер. Сначала мальчишки пожарили на огне сосиски, а когда поленья прогорели, побросали в золу картофелины, обернутые в фольгу. Никто не мог дожидаться, когда картошка испечется, с удовольствием слопали полусырую, щедро посыпая солью. После еды, Инна разомлела и прикорнула в шезлонге. Славик сидел рядом и читал книгу, Санька с Петькой играли в бадминтон.

Вечером уставшая от отдыха семья Зиминых вернулась домой. Инна вновь набрала домашний номер отца и вновь долго слушала длинные гудки, бившие ей в висок. Без энтузиазма позвонила на мобильный. И снова неудача.

- Хо-ро-шо, - с угрозой в голосе произнесла она, поглядывая в сторону закрытой двери спальни. Ей не хотелось, чтобы муж застал ее за очередным дозвоном. Он вновь станет укорять ее за ненужную опеку над «взрослым мужчиной»...

А в селе Алехново Кирилл и Лена провели не менее прекрасный день, который закончился приятным вечером. Шмидт оказался не только знающим экскурсоводом, но, как оказалось, еще и отличным кулинаром. Он не только приготовил восхитительный шашлык, но и запек на мангале овощи. Такого сочного и вкусного мяса Лена никогда не

ела. Она не была вегетарианкой, но до этого к мясу была абсолютно равнодушна. Есть – хорошо, нет – не страшно. Шашлык и овощи получились бесподобными. Лена не могла остановиться, все ела и ела, а Кирилл все подкладывал ей на тарелку и подкладывал. И поливал очень вредным, но вкусным кетчупом.

- Почему все, что вредно, всегда вкусно? – спросила Лена, подбирая остатки кетчупа куском хлеба. Она не надеялась услышать вразумительный ответ от человека, поглощенного едой, и не ошиблась: Кирилл пожал плечами и в очередной раз наполнил бокалы красным вином.

- Чтобы вкусная еда была не во вред! – с серьезным видом высказался он и поднял бокал.

Им было весело и хорошо друг с другом, все неприятности отступили, они остались за воротами этого уютного дома. Кирилл рассказывал о работе, вспоминал смешные случаи из детства. Лена не сводила с него восторженных глаз. Она раскраснелась, то ли от вина, то ли от близости человека, который ей нравился все больше и больше. Представить себе не могла, что с мало знакомым мужчиной может быть так хорошо, просто и спокойно. Даже, когда они просто сидели рядом и молчали, обоим это не тяготило.

- Надо немного подвигаться, а то заработаю несварение желудка, - заключила Тарасова, выбираясь из-за стола. И предложила, - давай я посуду помою.

- Не откажусь, потому что это мое самое нелюбимое занятие из всех домашних дел, - сразу согласился хозяин. Но не ушел в комнату, не развалился на диване с газетой в руках, как это делал ее бывший муж, который считал любое занятие по дому немужским делом, а помог ей убрать со стола. Сел неподалеку и стал исподтишка наблюдать за ней, но настойчиво делал вид, будто изучает противоположную стену кухни.

Закончив с уборкой, она вышли во двор. Кирилл постелил старенькое одеяло на холодную скамейку, усадил Лену и заботливо прикрыл ей ноги теплым пледом. Естественно, пристроился рядом. Но не совсем близко, а на некотором расстоянии. Небольшом, но и оно расстроило женщину.

Вечерняя романтика дополнилась круглой луной и яркими крупинками звезд. Лену пугало полнолуние. И сейчас, взглянув на небо, она почувствовала необъяснимую тревогу.

- Кирилл, ты знаешь, что в полнолуние может закончиться один жизненный этап и начаться другой, - совсем тихо произнесла она, словно боялась, что их подслушают. – И еще... еще в полнолуние завязываются новые отношения, заключаются браки, принимаются важные решения, - на распев проговорила она, покосившись на притихшего мужчину и пугаясь при этом, как бы он не расценил ее слова, как намек.

- Будем считать, что новые отношения завязаны, важное решение ты приняла - рассталась с мужем и теперь начинаешь новую жизнь, а, насчет брака... - он посмотрел на нее своими изумрудными глазами – Нельзя упускать момент, пока подходящая кандидатура сидит рядом.

- Я... я всегда тебе буду благодарна за то, что помог мне в трудную минуту, - пролепетала она не по теме разговора и подумала: Что я несу?! Я совсем не то хотела сказать. А что я хотела сказать? Что подходящая кандидатура всю жизнь мечтала найти человека, который смог бы затмить незабываемый образ Тарасова? И за это получи человек низкий поклон от подходящей кандидатуры! И еще эта кандидатура желает осчастливить себя и тебя... походом на сеновал, чтобы... Чтобы что? Почитать лирические стихи, которые так и складываются в голове, так и складываются благодаря вашему присутствию рядом и благодаря такой незабываемой звездной ночи... Дура в кубе!

Кирилл придвинулся к Лене ближе и обнял за плечи. Обнял и мило чмокнул ее в маленький курносый носик, который оказался совсем холодным.

- Замерзла? - заботливо поинтересовался он, упустив из вида ее глупое бляение по поводу огромной благодарности. – Вернемся в дом?

- Нет, нет, - задергала головой Тарасова, испугавшись едва возникшей идиллии. - Посидим еще чуть-чуть... Такой чудесный вечер... Только вот луна... И мне взгрустнулось что-то. – Сбивчиво высказалась она. Грусть повлекла за собой желание прижаться к мужчине. Свое желание она не стала сдерживать.

- Хочешь, я тебя развлеку? – спросил мужчина и, не дождавшись ответа, исчез в доме. Лена проводила его недоуменным взглядом. Мелькнула мысль о хорошем начале без продолжения, но очень быстро Кирилл вернулся с гитарой в руках, развеяв ее опасения: если мужчина решил спеть, то это говорит о многом. Ее мысли он подтвердил вслух. - Душа поет, когда рядом такая девушка.

Кирилл присел на скамейку и запел приятным голосом, проникающим во все клеточки женского тела. Он пел про клен, который шумит над речной волной. А Лена просто сидела и слушала. Она забыла обо всем, о внезапно возникшей тревоге, о полнолунии, о бывшем муже, с которым весь день сравнивала Кирилла, о голове, которая постоянно напоминала о себе нудной болью. Все ушло. Хотя песня была немного грустной и рассказывала «о любви, которая, как сон, прошла стороной», Лена окончательно разобралась со своими чувствами.

Когда песня закончилась, и стало тихо-тихо, исполнитель вопросительно взглянул на Лену.

- Кирюша, спой еще, - почти шепотом попросила она и удивилась, что может говорить.

Мысли Кирилла были схожи с мыслями женщины. Но он тоже себя сдерживал. Боялся испугать ее своим напором. Он уверен в своих чувствах к ней, но пока сомневался, рассталась ли она с прошлым? Лена упорно делала вид, что забыла о недавних событиях, забыла о муже, но изредка выпадала из действительности, странно смотрела на Кирилла, словно впервые его видела, не могла понять, откуда он взялся, и куда делся Тарасов?

Время, как известно, лечит. Кирилл умеет ждать, у него хватает терпения.

Они были так увлечены друг с другом, своими мыслями, своими сдерживаемыми желаниями, что ничего и никого вокруг не замечали. Ну, может быть луну, похожую на блин, или звезды, похожие на крохотные золотые монетки.

А за забором уже давно стояла фигура в плаще и прислушивалась к разговору. Потом фигура медленно, будто нехотя, развернулась и растворилась в темноте...

Едва забрезжил рассвет, Кирилл и Лена отправились на рыбалку, о которой договорились накануне. Даже завтракать не стали, чтобы не терять драгоценное время. Решили перенести завтрак на лоно природы. Лена быстренько соорудила бутерброды с колбасой и сыром, заварила чай в термосе и сунула все в сумку.

Когда рыбаки добрались до водохранилищу, перед ними тотчас предстала идиллическая картина: по водной глади курсировала мама-утка, сзади нее плыли пятеро подросших утят. Они четко следовали за матерью. У Лены ребята-утята вызвали умиление.

- Какие хорошенькие! – восхитилась она и хлопнула в ладоши, сложив их перед грудью.

Неподалеку в камышах «распевались» лягушки, в воде плескалась рыбешка, на практически голых ветвях кустарника чирикали воробьи, устраивая собственные разборки. Из-за горизонта медленно выплывало красное ленивое солнце, проспавшее в это время года больше обычного.

- Тебе здесь нравится? - спросил Кирилл свою спутницу, замершую со скрещенными пальцами на груди и пристально изучавшую выползающее светило, будто боялась, что оно передумает и спрячется обратно за горизонт.

- Очень нравится, - заворожено проговорила Лена, не поворачивая головы в его сторону.

Она наслаждалась всем и сразу, не желая упустить что-либо из вида: и осенней природой с ее неповторимыми запахами, и легким шевелением водной глади, подталкиваемой легким шалуном-ветерком, и щебетом озабоченных птиц, с тревогой ожидавших скорого ненастья.

Молодая женщина сбросила оцепенение, раскинула руки в стороны, будто собиралась разом обнять всех участников импровизированного действия, и с восхищением произнесла:

– Хорошо-то как! Не хочется ни о чем думать, не хочется что-то вспоминать!

- Вот и не нужно, - подхватил мужчина и добавил, - тем более на рыбалке... Здесь человек отдыхает по-настоящему, освобождая голову от разных дум, как от плохих, так и от хороших. Сиди себе и тупо смотри на поплавок. - Кирилл разложил удочки на берегу, достал банку с червями, придирчиво выбрал одного представителя подотряда малоштитковых и стал насаживать его на крючок.

Лена заинтересованно следила за его движениями.

- Я тоже буду рыбу ловить! - напомнила она о себе. – Только покажи, как правильно забрасывать удочку.

- В этом нет ничего сложного, берешь ее в правую руку, а крючок с наживкой - в левую и... забрасываешь. – Кирилл продемонстрировал, как это делается. – Поняла?

- Ага. Можно я сама попробую? – легкое на вид дело, оказалось на практике достаточно проблематичным. У Лены получилось лишь с третьей попытки, до и то неподалеку от берега. – Ох, нелегко труд рыбака, - запричитала она и пристроилась на маленьком раскладном стульчике, который не забыл прихватить с собой запасливый Кирилл. Пару минут пялилась на слегка покачивающийся на волнах поплавок, а затем не выдержала и уточнила, - вот так все время надо сидеть, приклеив взгляд?

- Можешь смотреть на меня! – милостиво предложил ей мужчина с мягкой улыбкой.

Лена вмиг покрылась буро-малиновыми пятнами, будто он сказал какую-то непристойность. Причина крылась в воспоминаниях о вчерашнем вечере, о вчерашнем поцелуе на скамейке.

Детский сад, чмоканья в беседке, - осудила она себя мысленно. –Уж, и замужем побывала, а все стыдливую невинность из себя изображаю! Для тех, кто забыл, напоминаю - поцелуем вчера всё и ограничилось... Увы. Скрывать не буду – поцелуй получился что надо. В больной голове так зашумело от прилива крови, что я испугалась – вдруг лишусь сознания от чувств-с... А молоточки в висках – тук-тук-тук, тук-тук-тук. Будто невропатолог решил проверить мою, так сказать, впечатлительность, и выбрал оригинальный способ. А после вынес вердикт: реакция на поцелуй с Кириллом Шмидтом превысила допустимые значения... А какие значения допустимы? – задалась вопросом Лена, безразлично поглядывая на застывший поплавок. – Давление должно быть в норме?! Это у тех женщин давление в норме, которых поцелуй мужчины оставил равнодушной. А всё почему? Потому что мужчина им до лампочки. Все равно, что... - Тарасова повертела головой, выбирая объект для сравнения, - все равно, что поцеловать... допустим... дерево! Причем, здесь дерево? - осадилась она себя.– Приложилась буйной головешкой к асфальтному полотну, вот и безмолвно бредишь.

- Хм, безмолвно бредишь, - повторила она уже вслух, но достаточно тихо.

Хорошо, что Кирилл был полностью поглощен ожиданием клева, и ничего не услышал.

Лена так задумалась, что не заметила, как поплавок резко ушел под воду.

- Подсекай, подсекай! – услышала она рядом.

- Легко сказать, - пробурчала себе под нос девушка, вскакивая со стула, - еще бы знать, как это сделать?

Продолжая бубнить, она дернула удочку со всей силы, надеясь, что на крючке появиться заветная рыба огромных размеров, после чего Кирилл просто умрет от зависти. Но... на крючке ничего не было, даже червя.

- Не беда, - успокоил ее Кирилл, - сейчас насадим еще червя, у нас их много. Он увидел расстроенное лицо «рыбачки» и добавил. – Первый блин комом, сейчас все получится, не расстраивайся.

Рыбалка продолжилась. Еще пару раз наживка исчезала с крючка, но Лена не отчаивалась, она решила обязательно поймать большую рыбку, гораздо крупнее, чем у

Кирилла, который вытащил уже несколько штук. Девушка с явным недовольством поглядывала на него, а он, казалось, не замечал ничего вокруг, кроме поплавок. Лена тоже попыталась сосредоточиться на ловле рыбы, но голова сама по себе поворачивалась в его сторону.

При первом знакомстве он показался ей нескладным и угловатым, а когда приехали в деревню, мужчину будто бы подменили. Движения стали скоординированными, плечи расправились, речь потекла плавно, без буксенок. Прежними остались рыжие кудри. Или еще ярче заблестели под солнечными лучами... Про глаза, вообще, говорить не хочется, одно воспоминание о этих глазах-изумрудах вызывает гипнотический трепет.

Тарасова не сообразила, в какой момент посторонний мужчина превратился в близкого человека. Может быть, это случилось в больнице, когда Кирилл предложил ей пристанище? Или всё произошло вчера, когда он впервые взял ее за руку? Или когда вдруг запел под гитару такую знакомую и трогательную песню о клене?

Ночью она доказывала себе, что так нельзя! Нельзя, чтобы их отношения слишком быстро перескочили точку невозврата. Она боится новых отношений. Быстроразвивающихся отношений. Или не нужно себя стыдить за внезапно нахлынувшую любовь к почти незнакомому мужчине? Нельзя оглядываться, нельзя раздумывать, а надо кидаться головой в бушующий океан страсти. Нет, не страсти. Любви. Страсть вспыхивает и быстро угасает. Лена на такой «костер» не согласна... И с чего она взяла, что Кирилл ее любит? Он ей в этом признавался? Нет. Пока. А она уже нагородила огород, планы настроила на сто лет вперед. Недаром провела ночь без сна.

Все-таки мысленные рассуждения и рыбная ловля не совместимы. Лена опять чуть не прозевала клев. Поплавок резко потянуло на глубину. Набравшаяся опыта рыбачка рванула на себя удочку. На солнце заискрился крупный карась. Радости не было предела! Женщина вошла в азарт, сама быстро насадила на крючок червя и легко забросила его в воду.

Но прошло много времени, а клева не было. Кирилл тоже с надеждой смотрел на неподвижный поплавок. Потом оставил в покое удочку и предложил своей напарнице перекусить.

- Давно пора! – подхватила она. – Скоро время обедать, а мы еще не завтракали.

Они с большим аппетитом съели все бутерброды, запили горячим сладким чаем и разомлели. Лена непрестанно зевала, покачиваясь на стульчике, и соловело пялилась на водную гладь. Кирилл растянулся на траве.

- Земля холодная, простудишься, - подавив зевок, сказала она.

- А ты будешь меня лечить, если простужусь? - спросил он, перекатился на бок, чтобы лучше ее видеть, и пристроил руку под голову.

- Конечно! Касторкой! – Лена смотрела на улыбающегося Кирилла и чувствовала себя полной идиоткой: ну, нельзя сходить с ума от одного его взгляда, нельзя рисовать себе разные неприличные картинки, от которых горят уши! И выглядеть при этом дура дурой... с красными от стыда ушами. Есть девочка Красная Шапочка, а она будет девочкой Красные Уши. А Кирилл посмотрит на нее удивленно и спросит: «Почему у тебя, девочка, такие большие красные уши?» - «А это потому, что я стыжусь своих мыслей! И не спрашивай их содержание!»

Лена представила себя в виде чебурашки с большими красными ушами, не сдержалась и глупо хихикнула. В ответ Кирилл одарил ее подозрительным взглядом. Тарасова осеклась и нацепила на лицо маску прилежной девочки, которая пришла на частный урок к преподавателю – кандидату биологических наук. Перемена в лице женщины еще больше заинтересовала Шмидта. Он открыл рот, чтобы задать уточняющий вопрос, но она его опередила:

- Пойдем домой или еще посидим?

Причем сказано было таким тоном, будто она светская дама, а не начинающая рыбачка, млевшая под теплыми солнечными лучами, сидя на стареньком стульчике.

- Все зависит только от тебя.
- Если честно, то я устала.
- Тогда домой!

Шмидт быстро собрал удочки, прихватил ведро с уловом, и они отправились в обратный путь.

- Надо бы ускориться, как бы ливень не случился, - изучая затягивающееся тучами небо, сказал Кирилл.

Действительно, голубое небо на глазах превращалось в свинцово-серое. Ветер усилился, подгоняя путников к дому.

- А так все хорошо начиналось, - с сожалением вздохнула Лена, обхватывая себя руками.
- Замерзла? – спросил Кирилл и попытался ее обнять, но она непринужденно ушла от объятий. Он не обиделся, губы тронула улыбка раскаяния.

– Я даже не заметила, как погода изменилась, - заметила она, гордо расправив плечи.

- Где уж было заметить, - хмыкнул мужчина, - я, вообще, удивлен, что тебе удалось поймать одну рыбку. – Улыбка раскаяния исчезла, ей на смену пришла напряженная озабоченность. Только глаза выдавали веселый настрой – они озорно искрились.

- Да, всего одну! – с вызовом произнесла Лена, - но мой улов весит гораздо больше твоего! - Она ускорила шаг и загородила ему дорогу, встав в позу «сахарницы». Неожиданно опомнилась, - а чему тут удивляться?

- Так ты ж на поплавок почти не смотрела, с меня глаз не сводила, - доверительно сообщил Шмидт. Склонил голову, внимательно изучил свою грудь и успокоено добавил, - хорошо, что дыру во мне не протерла.

- Это я не сводила глаз?! Да я... да я... Ну, всё! Сейчас ты у меня получишь! – женщина стала напирать на мужчину, решившего временно отступить.

Сделав несколько шагов назад, он неожиданно остановился, а она, не затормозив, врезалась в него. Кирилл прижал ее к себе. Макушка Лены доходила ему до подбородка. Сначала она притаилась, будто соображала, нравится ей близость с ним или нет. Затем вскинула голову, и заглянула ему в глаза, решив прочесть в них истинные чувства, которые он к ней испытывает. Прочла. Привстала на цыпочки и потянулась к нему губами. Он не заставил долго ждать.

Кирилл заставил ее забыть обо всем. Он целовал ее нежно, чувственно. Время остановилось. Тучи бегали по небу от возмущения. И решили накрыть целующуюся пару темным мрачным покрывалом. Покрывало оказалось очень мокрым. Это они поняли слишком поздно, когда промокли до нитки.

Ветер попытался их разлучить, оторвать друг от друга, но у него ничего не вышло. Мужчина и женщина крепко взялись за руки и рванули в сторону дома. Бежали, переглядывались и покатывались со смеху.

Когда влетели в теплый уютный дом, стихия разошлась не на шутку. Нстойчивые крупные капли дождя громко и настойчиво барабанили в окна, словно призывали хозяев выйти и получить то, что они не дополучили. Ветер решил поиздеваться над деревьями: срывал оставшуюся листву и бросал ее на землю, предварительно прокрутив в воронке, будто сушил в режиме отжима. Видимо, осень вступила в свои законные права, отыгрываясь за прежние погожие деньки.

- Сейчас я наберу тебе горячей воды в ванну, - засуетился Кирилл, то направляясь к ванне, то возвращаясь к стоявшей на пороге Лене, которая выбивала дробь зубами. Он набрасывал на нее какие-то немислимые тяжелые одежды, обнаруженные здесь же, на вешалке, желая согреть. При этом он приговаривал, - это я во всем виноват, это я...

- Х...хочу в... в ванну, в...в горячую воду, - с трудом произнесла она, переминаясь с ноги на ногу. В кроссовках противно хлопало.

- Сейчас все будет! - пообещал он и исчез.

Лена начала медленно освобождаться от тяжести, которую на ней соорудил Кирилл, потом с трудом стянула свою куртку, промокшую насквозь. Полюбовалась ею и

осторожно уложила кучкой на пол. Наконец, стянула с ног кроссовки, мокрые носки. Пристроила всё рядом с курткой, и, оставляя на полу отпечатки собственных замерзших мокрых ног, посеменила в ванну, где приветливо журчала вода.

Мужчина молча указал двумя руками на пенную красоту и удалился. Елена рассталась с последними одеждами и нырнула в воду.

- Хорошо-то как! – не удержалась она от восклицания.
- Все нормально? – через дверь поинтересовался Кирилл.
- Все отлично! Я быстро! Тебе тоже нужно согреться.
- Не волнуйся за меня. Я не замерз.
- Так я и поверила! – прокричала она, чтобы он услышал.

Вылезать из ванны очень не хотелось, но нельзя быть эгоисткой. Вытираясь мягким полотенцем, Лена прикидывала, в каком виде ей предстать перед мужчиной. О наготе речь не шла, но заворачиваться в полотенце было не комильфо, тем более нелепо напяливать мокрые шмотки.

В это время в дверь робко постучали.

- Лен, я тебе халат принес, - доложил знакомый голос. В щель просунулась рука с халатом, несколько раз попыталась пристроить халат на крючок, четвертая попытка увенчалась успехом, затем рука исчезла. Дверь плотно закрылась.

У Лены, непонятно почему, испортилось настроение: то ли из-за того, что не появился сам Кирилл, то ли из-за принесенного халата, то ли из-за чего-то другого, но испортилось оно резко, будто свет горел, а потом его раз и выключили. Вот так, щелк и все.

Тарасова с ненавистью посмотрела на халат, будто он был главной причиной ее плохого настроения. Интересно, откуда здесь такой красивенький халатик? – с ехидством подумала она. - Понятно, что не бабушкин, бабушки такие вызывающие халаты не носят, они любят из теплой фланельки. Она пощупала чужой халат, как покупатель в магазине.

- Новый, - шепотом констатировала она. – И кому Кирилл купил этот халатик? Тому, кто у него часто гостит... Остается на ночь...

У Лены на душе заскребли кошки. Интересно, что из женского гардероба у него еще есть? – задумалась она, не решаясь набросить халат. Она закрыла глаза и представила себе женщину, которая по-хозяйски ведет себя в этом доме, который за короткий срок стал ее домом тоже.

Женщина была похожа на ту, которую Лена часто видит в зеркале. На нее саму! И никого другого рядом с этим рыжим биологом она не потерпит!

После удачного сделанного вывода настроение стало улучшаться. В темном помещении снова зажгли свет. Щелк и все!

Помяла в руках белый в синий цветочек халат, напомнила себе, что ревность - плохое чувство, недолго думая надела халат, туго стянула пояс на талии и вышла из ванны.

- Путь свободен! – оповестила она притихшего хозяина.

Он появился из кухни, хотел что-то сказать, но передумал и скрылся в ванне.

Разомлевшая от горячей воды и уставшая от неопределенности, женщина пристроилась на стуле, автоматически размотала тюрбан из полотенца на голове и начала задумчиво высушивать волосы.

Прошлое нельзя забыть, но надо его спрятать подальше в шкаф и доставать оттуда только хорошие воспоминания о близких, о детстве, об институтской поре, но ни-ни о бывших неудачах. Все плохое надо отпустить, тогда жить станет легче, не будет на душе тяжелого груза. И... открыть сердце новому чувству! - мысленно убеждала она себя.

Опустила глаза, в поле зрения сразу попал ненавистный халат.

Ну, чего я к нему привязалась?! Еще ничего не знаю, а уже делаю скоропалительные выводы... Подошел-то как идеально. Будто на меня шит. – как она себя не уговаривала, но ревность бушевала внутри. - У этого рыжего биолога все женщины одной

комплекции. Одни предпочитают блондинок, а другие - мелкогабаритных дамочек 42-ого размера! А то разоришься на этих халатах, если все дамы разнокалиберные.

Лена тряхнула головой, пытаясь прогнать из головы глупые мысли.

- Я.. его... никому... не отдам, - делая значительные паузы между словами, заявила она и покосилась на дверь ванной. - И чего ты, милая, расселась? Причесывайся и иди на кухню! Ставь чайник.

Собственный приказ она не замедлила исполнить. Пока грелся чайник, она выставила на стол чашки, выложила в вазочку вкусное песочное печенье и подошла к окну.

Да, погода под стать моему настроению, - подумала она, постукивая пальцами по подоконнику, словно играла на пианино.

Ее раздумья прервал Кирилл.

- Тебе очень идет эта расцветка, - сказал он, останавливаясь в дверях. - У меня всегда были проблемы со вкусом. Не понимаю, что кому идет, что не идет, а на тебя взглянул и понял - идет!

Лена с недоумением посмотрела на Кирилла: пытается ее задобрить? Заговорить, чтобы не спросила, чей это халат? Или подвести к объяснению? Сейчас возьму и задам конкретный вопрос, чтобы получить конкретный ответ, от которого многое будет зависеть. Полная ерунда! Как от какого-то халата может зависеть судьба двух людей? Мало ли что у Кирилла было в прошлом! Я тоже не в монастыре жила! Но все же решила задать вопрос, но Кирилл ее опередил.

- Представляешь, два года назад, на 75-летие бабули, преподнес ей этот халат, красивый платок и еще кое-что, она поблагодарила за подарки, сделала при этом вид, что безумно рада, а когда ее не стало, нашел и халат, и платок в той же упаковке, в которой принес. Я не обижаюсь, сам виноват - не умею выбирать то, что имениннику подходит, - покаялся он. - Можно было спросить, чего она хочет? Но я сам люблю сюрпризы и хочу сделать сюрприз близкому человеку. А если он заранее знает о подарке, то это уже не сюрприз, а простое исполнение пожелания. Или просьбы.

У Лены с души свалился камень, не просто камень, огромный валун. Переключателем снова щелкнули, яркий свет залил помещение. Все стало ясно и понятно, волнения, переживания вмиг разбежались, как мыши по норам.

Как это правильно - научиться разговаривать друг с другом, не молчать, не таить в себе обиду, не строить предположения, не домысливать, а просто объясниться! Если бы Кирилл сам не завел разговор на тему пресловутого халата, еще неизвестно, чем бы все закончилось? Пораскинув мозгами, я сдержала бы свой порыв выяснить все до конца - кто я ему, чтобы копаться в личной жизни? Он бы не посчитал нужным рассказывать о подарке бабушке на юбилей - зачем бередить душу воспоминаниями об ушедшей родственнице. В итоге я бы продолжала дуться, нервничать, ревновать. Обида, как костер при заботливом костровике, разгоралась всё сильнее и сильнее. Сколько это могло продолжаться - неизвестно. И чем бы все закончилось - еще вопрос?! Можно было хлопнуть дверью и уйти, не объяснив причины... Кому от этого стало хуже? Обоим, если их чувства взаимны.

Тарасова представила, как Кирилл выходит из ванны, а она бросает ему в лицо халат и удаляется с гордо поднятой головой! Он держит в руках оказавшуюся ненужной вещь и недоуменно смотрит ей вслед. В голове, естественно, появляется мысль: «А ведь девчонка сильно ударилась головой! Зря я приютил у себя эту сумасшедшую, хорошо, что сама ушла». И совсем скоро он забудет случайную знакомую, бросившуюся под колеса его автомобиля. Зачем ему связывать жизнь с ненормальной особой?! Выжила и ладно, пусть идет своей дорогой, а он пойдет своей.

Да, моя буйная фантазия разыгралась не на шутку, - подумала Лена.

И нет бы закрыть тему, но она не сдержалась.

- А какой комплекции была твоя бабушка? Неужели такая худенькая, как я?

- Я же говорил, что вы с ней очень похожи. Комплекцией она была чуть плотнее. Видишь, тебе халат слегка великоват.

- А дед каким был?

- Дед был крупным мужчиной. И с рыжими волосами. – усмехнулся он, - мы с отцом пошли в него.

- А моя бабушка была полненькой, да и мама тоже, поэтому я всегда ограничиваю себя в еде – боюсь, что гены дадут о себе знать и буду, как пышка... Только в последнее время пренебрегаю своими принципами.

- И всему виной мужчина, который стоит перед тобой, - заявил Кирилл и тряхнул своей яркой мокрой шевелюрой. Капли воды попали на Лену, остудив ее порыв к дальнейшим расспросам. – И чтобы быть до конца плохим мальчиком, предлагаю выпить чай с чем-нибудь вкусным и вредным.

Они пили чай с печеньем и смотрели в окно на разбушевавшуюся стихию. И недоумевали – неужели подобное возможно? В доме сухо и тепло – прямо засушливое лето, а за дверью правит разгневанная осень. Будто бы не в окно смотришь, а на экран телевизора.

Но обстановка в доме медленно начала меняться. Оба человека чувствовали приближение грозы. И вот влетела, нет, ворвалась, невидимая шаровая молния. Она заметалась между сидящими за столом людьми. Люди замерли - побоялись стать жертвой шаровой молнии, которая разрядит на ком-нибудь из них свою энергию. Это станет толчком к событию, после свершения которого один из них сильно пожалеет. Или пожалеют оба. Или никто из них не пожалеет. Всего три варианта развития событий.

Сидеть с глупым видом и ждать чужого толчка-подзатыльника было глупо. Глупо терять шанс. Глупо им не воспользоваться. Различие и сходство двух стихий внутри дома и за его пределами заставляли совершить первый шаг. Кто должен его совершить? Естественно, мужчина.

Кирилл резко отодвинул чашку. Чашка едва не покатила по столу. Шаровая молния тут же зарядила мужчину своей энергией. В это тот редкий случай, когда шаровая молния она стала его союзницей. Женщина напряглась в ожидании, еще сильнее выпрямила и без того прямую спину. Она не сводила взгляда с чашки, будто ждала дальнейших приключений с ней. На самом деле женщина боялась взглянуть на мужчину.

Мужчина встал, подошел к сидящей женщине, молча взял ее на руки и понес в комнату. По пути он что-то зацепил. Это что-то упало на пол, послышался звон разбитой посуды. Но на этот звук ни мужчина, ни женщина не реагировали. Он смотрел на нее, она слушала частые громкие удары его сердца.

Он боялся, что она выскользнет из его рук и, вложив в голос презрение, попросит навсегда оставить ее в покое.

Она боялась, что он передумает, поставит ее на ноги, и извинится.

Расстояние до спальни равнялось расстоянию от Москвы до Новосибирска. Мужчина преодолел его быстро и... медленно, за несколько шагов, во время которых каждый из них успел о многом передумать. Но оба мечтали об одном.

И их мечтам сегодня суждено было сбыться...

На улице совсем стемнело. Дождь перестал барабанить в окна. Может, он давно перестал стучать, кто из этих двоих знает, когда это случилось. И не важно, когда. Важно, ЧТО они испытали во время этого ненастья.

Лена натянула на себя первое, что попало под руку. Это была футболка Кирилла. Мини одеяло скрыло ее от пристального взгляда мужчины. Он лежал на боку, подставив под голову руку, и смотрел на нее своими изумрудными глазами.

- Прекрати меня рассматривать! – приказала она. Лена тянула футболку то вверх, то вниз, пытаясь укрыться ею.

Кирилл вырвал это своеобразное одеяло из ее рук и отбросил в сторону.

- Посмотри на меня, - попросил он, - я очень хочу увидеть твои глаза.

И без того смущенная Лена потеряла контроль над своими действиями. Перекатилась на другой бок, чтобы не встречаться с ним взглядом. Встать и уйти от него, оторваться, у нее не было сил. Они срослись за это время.

Но куда деть стыдливость? Надо бы что-то сказать, но что? Любое слово будет лишним. Нелишними будут признания, которые должны были опередить их страсть. А кто сказал, что признания первичны, а страсть вторична? После слегка утолившейся страсти приходит понимание того, что ты на самом деле любишь. Последние сомнения улетучились.

- А как же рыба? - брякнула Лена неожиданно для себя. Чего уж говорить о Кирилле.

- Она в в...воде, - выдержав паузу, ответил он, слегка заикаясь. И как тут не будешь заикаться, тем более думать об улове, когда перед глазами необыкновенной красоты женская спина. Гладкая и бархатная на ощупь женская спина.

- А рыба не...

- С ней ничего не случится, - пообещал Кирилл, не дослушав до конца. И опять забыл обо всем...

Расслабленных влюбленных вернул в действительность звонок мобильного, раздававшийся издали. А именно, из недр мокрой куртки Тарасовой, брошенной на пол. Встать не хотелось, Кирилл открыл глаза и вопросительно взглянул на Лену.

- Хочешь ответить? - спросил он шепотом, словно об их присутствии в доме мог догадаться упрямый человек, решивший потревожить их в такое время.

- Нет, не хочу, - также шепотом ответила она.

Кирилл прижал ее к себе. Его губы оказались у ее милого ушка.

- О нашей встрече, что там говорить! Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий, - тихо, но с искренним чувством процитировал он.

- Но мы с тобою сразу стали жить, не опасаясь пагубных последствий! - продолжила Лена.

- Ты тоже любишь стихи Высоцкого?

- Люблю - это не то слово, я его поклонница с малых лет, я ему поклоняюсь.

- Бабушка тоже его очень уважала. Вместе с ней и я пристрастился.

- А это ее работы? - Лена с интересом рассматривала две вышивки крестом в красивых рамках, висевшие на стене. Слабый свет с улицы попадал только на картины, словно предлагал насладиться искусной работой мастерицы двум жителям счастливого мирка. Чтобы лучше их рассмотреть, Лена включила торшер, стоящий возле дивана.

На одной картине был вышит огромный желтый подсолнух на фоне голубого неба. А на другой - букет белых ромашек, лежащих на столе, застеленной красной скатертью.

- Правда, красиво? - спросил Кирилл с восхищением.

- Очень! Я тоже умею вышивать, только не крестом, а гладью.

- Это великолепно, - без эмоций произнес мужчина. Женщина отвела от картин тревожный взгляд и с недоумением уставилась на него. - Мы так и будем лежать? - с задумчивым видом добавил он.

- А... что-то... - проблеяла она, смолкнув на полуслове.

- Я ужа-а-сно голоден! - признался он, - ну, просто ужас, как хочу... что-нибудь проглотить. Или кого-нибудь... такого аппетитного, - и нежно куснул ее за плечо.

- И не жаль?

- Жаль, конечно, - заключил он, оценивая ее придирчивым взглядом. Вновь было задействовано мини одеяло. - Но что делать, если кушать хочется.

- Я могу пожарить рыбу, - предложила Лена. - Но чистить ее будешь ты!

- Не очень заманчивое предложение, но в данную минуту я согласен на все.

Лена быстро натянула чистые джинсы и майку, очередной раз вспомнив про стыдливость. Кирилл облачился в шорты и принялся вместе с Леной за приготовление

ужина. Они сварили отменную уху и с удовольствием съели по две тарелки, сидя на веранде.

После ужина Кирилл предложил Лене подышать свежим воздухом, но она отказалась – погода не располагала к прогулкам.

- Давай посидим во дворе на скамейке под навесом, - продолжал настаивать мужчина.

Разве она могла ему отказать. Они оделись и вышли во двор. На улице сильно похолодало. Промозглый ветер продолжал свою усердную работу по освобождению деревьев от листвы. Невежливо срывал их и бережно укладывал на влажную землю, как заботливая мать укрывает ребенка одеялом перед сном. Одинокий лист на дереве стойко противостоял стихии.

- Молодец, листочек, держится! – похвалила его Лена. Во дворе было холодно и сыро. - Однако, долго не погуляешь, - поеживаясь, сказала она, осмотрелась, словно выискивала причину для возвращения в теплый дом. На глаза попалась собачья конура. - Кирюш, а почему во дворе будка есть, а собаки нет?

- Жил у нас песик по имени Барбосик. Долго жил, лет пятнадцать. Потом его не стало.

- А он породистый был?

- Помнишь как у Булгакова: «Тут не обошлось без водолаза». Здоровый, лохматый и очень добродушный. Бабушка даже ругала его, что охранник из него никудышный. Но ругала так, для проформы. Добрая была. Никогда не отличалась излишней разговорчивостью, а в последнее время я стал замечать, что она разговаривает сама с собой, хотя, я был рядом. За несколько дней до смерти, я случайно услышал фразу, которую не могу понять до сих пор. Бабушка сказала, что из-за ее доброты и мягкости жизнь сына пошла по скользкому пути, потому и всё так и вышло. Что вышло, почему пошла по скользкому пути, я уточнять не стал. Честно признаться, мне показалось, что она... заговаривается. Сама понимаешь, возраст... И постоянная тревога за отца тоже сыграла свою роль. Я не говорю, что у бабушки были проблемы с головой, но... на чем основаны ее рассуждения? Или она, действительно, что-то знала о своем сыне? Знала и мне ничего не сказала. Возможно, поделилась бы перед смертью, если было чем делиться, но не успела – скоропостижно скончалась.

Кирилл замолчал. Разговоры о бабушке всегда расстраивали его. Время идет, а рана не заживает. Только затягивается снаружи, а внутри зреет нарыв, готовый прорваться в любую минуту. Когда он прорывается, становится немного легче. Но нарыв этот не залечить никогда. Он будет давать о себе знать все реже и реже, но излечить рану дано не каждому. Бабушка была для него самым близким, самым родным, самым понимающим человеком. У матери своя жизнь, новый муж, работа, а у бабушки был только он. «Ты мой свет в окне», - часто говорила она внуку.

Лена поняла состояние Кирилла, она сама тяжело пережила уход своей бабушки.

Пустоголовая идиотка, зачем завела разговор на большую тему, - мысленно отругала она себя. – Что теперь делать? Пожалеть? Неизвестно, как он к этому отнесется. Может, обидится. Мужчины не любят, когда их жалеют.

Она решила просто повернуть разговор в другое русло.

- Я здесь уже третий день, а никого из соседей не видела, – доверительно сообщила Лена. Придвинулась к Кириллу, просунула свою руку в карман его куртки и положила голову на плечо. Он сразу сжал ее ладонь, извернулся и чмокнул ее в макушку.

- Странно, что никого не видела. С левой стороны живут баба Клава с дедом Гришей, они старенькие, но довольно шустрые, а с правой – тетя Оля с дочерью Викой. Только тетя Оля вышла замуж лет пять назад и перебралась в Краснодарский край, а Вика в Алехново живет от рождения и никуда перебираться не собирается. У нее здесь свой бизнес - открыла салон красоты. В клиентах отбоя нет, в общем, не бедствует.

-Замужем? – поинтересовалась Тарасова, чувствуя, как ревность вновь дает о себе знать.

- Нет, не замужем. Но в последнее время к ней часто навевается один и тот же мужик.

- В твоём голосе сквозит недовольство, - процедила сквозь зубы Елена. Хотела отодвинуться от Кирилла, а потом осадилась себя: Опять делаешь поспешные выводы?!
- С чего бы вдруг?! – передернул плечами Кирилл. - Просто я несу за Вику ответственность. Мы выросли вместе, бабушка ее постоянно опекала. Вика младше меня, росла без отца. Она была и остается мне хорошим другом. Немного легкомысленная, поэтому приходится ее ненавязчиво контролировать.
- Понятно – ты ее опекун, - с сожалением вздохнула Лена, будто мужчина признался ей в любовной связи со своей соседкой, с которой он вместе вырос.
- Тетя Оля просила перед отъездом присмотреть за своей непутевой дочерью, - поспешил признаться он, уловив нотки недовольства в голосе возлюбленной.
- Если она не может без присмотра, то почему мать ее оставила одну? Сидела бы рядом и контролировала! – Лена не хотела быть резкой, но рассказ об этой Вике вывел ее из себя.
- Вика давно выросла, может прожить одна, без матери. Я не хожу за ней следом, тем более не вожу за ручку, просто держу руку на пульсе.
- Пришелся ли опекуну по вкусу выбор близкой подруги? – язвительно спросила Тарасова, удивляясь своему поведению.
- Не пришелся.
- И в чем причина?
- Причина в разнице в возрасте. Этот кавалер ей в отцы годится.
- Не надо лезть в чужую жизнь, когда тебя об этом не просят! Она не маленькая, сам только что сказал, поэтому способна разобраться, кто ей нужен, а кто нет.
- Не спорю, но дело даже не в возрасте. Что-то в ее кавалере есть такое...
- Что же?
- Сам не пойму. Что-то отталкивающее.
- Всё ясно, - процедила сквозь зубы Елена, которой стало понятно, что Кирилл с ревностью относится к выбору своей давней знакомой.
- Вика первая красавица в деревне Алехново, - подумала она, - Кирилл не мог остаться равнодушным к ней. Потому она и не уехала отсюда, чтобы мелькать у него перед глазами. А кавалер ей нужен, чтобы привлечь его внимание. Разжечь, так сказать, его интерес.
- И все-таки, почему этот мужчина тебе неприятен? – продолжала допытываться она, трясясь не так от холода, как от злости. Хотя ей было все ясно, она решила продолжить допрос, чтобы поймать Шмидта на слове.
- Взгляд у него колючий. При первом знакомстве он так на меня посмотрел, будто я для него первый враг.
- Соперника заприметил, - выдала Лена, - или тебе показалось... А раньше ты его не встречал?
- Нет. Кажется, нет. Фамилию Вика не назвала, просто сказала: «Кирилл, познакомься, это мой хороший друг Петр». Даже без отчества... Но взгляд его меня покоробил... Ладно, черт с ним с этим Петром. Не собираюсь лезть в их личную жизнь, мне бы со своей разобраться! - Кирилл внимательно посмотрел на девушку, притянул ее к себе. – Ты не хочешь разобраться в нашей личной жизни?
- Прямо сейчас?
- А чего тянуть?!
- И они долго с ней разбирались, до самого утра. И они не могли понять – как раньше жили друг без друга...

Каждое утро в семье Зиминых было одинаковым: Санька с Петькой опять не собрали с вечера рюкзаки в школу, их папочка до последнего нежилась в постели, потом, не торопясь, завтракал с газетой в руках, затем осматривал свой гардероб, раздумывая: что надеть, и какой галстук подойдет к выбранному костюму и рубашке. Все вещи были тщательно выглажены заботливой женой, за мужем она оставляла только право выбора.

Но и это не могло быть решено без ее участия. Инна металась между всеми домочадцами, прихлебывая на ходу остывший кофе.

- Ты мог это сделать вчера?! Зачем набрасываться на детей, если они берут пример с отца! Славик, пора меняться, тогда и дети за тобой потянутся! – выговаривала она мужу, одновременно контролируя сыновей. Но все уговоры-выговоры не имели толка.

Когда сборы, наконец, были завершены, вся семья вываливалась на улицу, занимала свои места в автомобиле и двигалась по привычному маршруту: школа - работа.

- Пап, давай быстрее, а то опоздаем! - торопили отца близнецы. Они не очень переживали за опоздание, им хотелось «проехаться с ветерком».

- Пospешишь, людей насмешишь, - спокойно отвечал им отец.

- Это точно! – хмурилась вымотанная мать, несмотря на то, что день только начался. - Мы ведь никогда и никуда не спешим. Да, Славик?

- Да, Инночка, - с улыбкой соглашался с ней супруг.

Но иногда все шло не так. Это случилось в те дни, когда мать семейства «впадала в ступор», как говорили мальчишки. Квартира Зиминых с утра погружалась с непривычную тишину. Никто не подгонял сорванцов, не воспитывал их, никто не выказывал недовольство мужу. Вячеслав не приставал к жене с вопросами. А она сидела на кухне и смотрела в одну точку. В такие дни дети опаздывали в школу, а родители – на работу.

Санька с Петькой очень не любили это время «ступора», даже, не потому, что получали нагоняй от учителя за опоздание, а потому, что их деятельная и живая мать превращалась в совершенно другую женщину, которая не моталась по квартире, а передвигалась с трудом, при этом сильно шаркала ногами. Или просто сидела и смотрела в никуда. И молчала – что было самым непривычным. У этой, другой, женщины было то же лицо, та же красивая стройная фигура, что у их матери, но взгляд иной - безразличный и невидящий, будто смотрит на тебя и не замечает.

Славик прилагал усилия, чтобы растормозить жену, оживить ее, но безрезультатно. Так медленно тянулись несколько дней. Затем Инна возвращалась в нормальное состояние. Снова жизнь Зиминых возвращалась в привычное русло.

Понять причину таких резких изменений в матери и жене никто из домочадцев не мог. Вячеслав настаивал на обращении к врачу, но Инна даже слушать не хотела...

Высадив детей у школы, родители поехали на работу. Славик с Инной работали на предприятии, которое в советские времена называли «почтовым ящиком». Они пришли туда вместе после окончания физфака университета, где учились в одной группе. Инна была отличницей, старостой группы. Там, где она брала усидчивостью, Вячеслав ловил на лету. Сессии он сдавал легко, без особого усердия, и получал пятерки. Инне каждая отличная оценка давалась упорным трудом и кровью. Поэтому, после окончания института, она решила, что слишком устала от повышенного усердия в учебе. Работа должна приносить радость. Женщина не должна уставать на работе, у нее еще масса домашних обязанностей, при этом она обязана оставаться привлекательной и желанной для мужа. А как тут останешься той и другой, если намаешься на работе?!

Славик, или, как его называли в отделе, Вячеслав Андреевич, быстро стал подниматься по служебной лестнице и к тридцати четырем годам стал начальником лаборатории. Когда близнецы пошли в детский сад, Инна стала часто брать больничный лист по уходу за детьми. Один заболеет, за ним другой и так постоянно. Муж предлагал ей уволиться и сидеть дома, но Инна никогда бы не согласилась на это.

- Две зарплаты всегда лучше, чем одна, - говорила она Славику. - Отец нас материально поддерживает, спасибо ему за это, но неизвестно, что будет завтра. В любом случае, надеяться надо только на себя.

Дети пошли в школу и уже редко болели, но вопрос об увольнении Инны время от времени вновь поднимался в доме Зиминых. Инна не признавалась даже самой себе, что причина отказа крылась не в материальном благополучии. Причина была в муже. Высокий сероглазый красавец Зимин с атлетической фигурой привлекал внимание

женщин. Такого оставишь без присмотра и не заметишь, как какая-нибудь шустрая девочка приберет его к рукам. Умом Инна понимала, что Славик обожает ее и детей, но червь сомнения нет-нет, да грыз душу...

Выходя из машины, Инна услышала звонок мобильного в сумке.

- Ну, вот и пропажа нашлась - отец объявился! - сказала она с радостной улыбкой.
- Каждый раз одно и тоже: ты переживаешь, а ему на твои переживания наплевать и размазать! У кого-то жизнь бьет ключом, а кто-то от волнений волосы на голове рвет. - Впервые он высказал свое недовольство пренебрежительным отношением отца к чувствам дочери.

Инна нахмурилась, хотела что-то сказать, но передумала – переключилась на любимого папашу.

- Привет, пап, - сказала она и засветилась от счастья. – Я тебя опять потеряла... А-а-а, был на рыбалке! Там телефон не работал. Понятно. – спокойно отреагировала на очередное оправдание и с вызовом взглянула на супруга, словно он сказал ей неправду об отце...

- Ты ему веришь, а он тебя постоянно обманывает, - вздохнул Вячеслав, когда супруга закончила разговор и бросила мобильник в сумку.

- Чего ты добиваешься? – с вызовом спросила она.

- Ничего, - выдержав паузу, произнес супруг.

- Вот и отлично, - бросила Инна без особого удовлетворения.

Она не пожелала вступать в перепалку. А про себя решила, что обязательно выяснить, куда исчезает по выходным дням отец. В неожиданное увлечение рыбалкой она не верила. Отец слишком любит уют, чистоту и комфорт и на старости лет менять привычки не станет. Если ему есть, что скрывать, то это наводит на нехорошие мысли...

Лена проснулась поздно, Кирилл давно уехал. Она слышала сквозь сон, как он поцеловал ее перед уходом и что-то шепнул на ухо, что-то очень приятное и нежное... Может, признался в любви, а она все проспала и не услышала самого главного? Вот, засоня!

Женщина резко поднялась и скривилась – в голове зашумело, даже уши заложило. За шумом последовала надоевшая, проходящая на короткое время, головная боль. Возникло чувство, будто на голову уселся дятел и начал усердно и монотонно долбить по темечку.

Дятел птица интересная и красивая, но пусть он постучит в другом месте, там, где положено, на дереве, - подумала Лена, зажимая виски ладонями. - Говорил мне доктор, что надо соблюдать постельный режим, а я переступила больничный порог и сразу забыла его наставления. Лекарства не принимаю, занимаюсь... разными излишествами... – Вспомнив про «излишества», она зарделась. И головная боль немного утихла, и настроение, и без того приподнятое, стало возвышенно-мечтательным.

Настроению не помешала дрянная погода за окном. Утро выдалось пасмурным и неприветливым. На небе повисли темно-серые тучи, и уходить в ближайшее время не собирались. Ветер был слишком слабым, чтобы разогнать их.

Лена позавтракала полюбившимся печеньем с кофе, стоя у окна и пристально наблюдая за хмурым небом и вязким туманом, решившим отдохнуть на желтом ковре из мокрых листьев, за собакой, пробежавшей с деловым видом вдоль забора, за вороном, разбавившим деревенскую тишину громким карканьем. Она приоткрыла форточку, будто хотела услышать его возмущение. Но в форточку сразу проник сырой холодный воздух, и она ее захлопнула. Ворон обиделся то ли на её бесцеремонное поведение к нему, то ли испугался громкого звука, и улетел с важным видом, напоследок громко каркнув что есть мочи.

От неожиданно раздавшегося звонка мобильного Лена вздрогнула.

- Ленка, зараза, ты почему не перезвонила вчера?! Я же волнуюсь, уехала неизвестно куда, неизвестно с кем и пропала! – услышала она возмущенный голос подруги Лизаветы.

- Лизонька, прости, - покаялась Тарасова.

- Как у тебя дела, как здоровье?

- Не переживай, у меня все хорошо, голова побаливает немного, но это нормально. Врач сказал, со временем пройдет.

- А этот Кирилл... нормальный мужчина, он не маньяк?

- Не маньяк, - усмехнулась Лена. - Он очень хороший, заботливый.

- Ну-ка, ну-ка, про хорошего и заботливого поподробнее. Голос у тебя какой-то странный стал при упоминании о нем. Давай, подруга, колись!

- Лизка, кажется... Нет, мне не кажется, я и правда влюбилась. Он необыкновенный! Ко мне так никто не относился, как он.

- У тебя, Тарасова, всегда была удивительная способность идеализировать мужчин. Вспомни своего муженька.

- Он мне больше не муж, - нахмурилась Тарасова.

- А он об этом знает? Ты сначала с одним разберись, а потом... - Лиза не договорила. – Конечно, это твое дело!.. И ты на меня не обижайся, я ведь беспокоюсь о тебе. Ты такая доверчивая!

- Ладно, Лиз, не переживай. Все будет хорошо! Лучше расскажи, как у вас дела? Как Жорик, как мой любимый Ванька?

- Все нормально, Жорка работает, вечерами сидит за компьютером. Все, как всегда! – Лизка при этом тяжело вздохнула. Ее ревность к хобби мужа была Тарасовой давно известна. - Ванька вывел новую, свою собственную теорию: все дети учителей очень умные, иначе не может быть, и поэтому в школу можно ходить через день, а то и реже. А когда я его спросила: «Почему он решил, что умный?» Ответил, что гены сказываются, разве нет? Что ему на это скажешь?

- Я так за ним соскучилась! За всеми вами! - искреннее призналась Лена.

- Надеюсь, скоро увидимся. Ты не скучай, подруга. Выздоровливай! И звони обязательно!

Лена отключилась и не успела положить телефон на стол, как он зазвонил вновь.

- Привет, Леночка! Как здоровье? Когда думаешь выйти на работу?

Это была Людочка Павлова из агентства недвижимости.

- Привет, – без особой радости сказала Тарасова.

Она ко всем сотрудникам родного агентства относилась с симпатией, кроме Павловой, которая была не только секретарем директора, но и главным носителем сплетен.

Не иначе, хочет выведать, что со мной случилось! – подумала Лена. - Естественно, мою черепно-мозговую травму едва ли удастся утаить, но пусть она станет достоянием гласности как можно позже, и тем более эту весть не озвучить главная сплетница всея Руси.

- Выздоровливаю потихоньку, - печальным голосом призналась Тарасова. Любой мог догадаться, что до полного выздоровления, о котором так мечтает больная, еще очень далеко. – Скажу тебе, воспаление легких – болезнь серьезная, с ней не шутят.

- А у тебя воспаление...

- Соблюдаю постельный режим, пью лекарства, - продолжала свой монолог Лена, не обращая внимания на любознательный всплеск коллеги. Причем говорила монотонно, как эпизодический театральный артист, произносящий одну и ту же фразу на протяжении многих лет.

Будь Людочка пособообразительней, то легко уловила бы фальшь в голосе Тарасовой. Но Людочка, увы, умом не блистала, и ложь легко проглотила.

- Лен, я чего звоню, - бодро вступила она, когда признательно-печальный монолог подошел к концу, - твой муж заходил в агентство, тебя спрашивал. Мы сказали, что ты

болеешь. Он очень удивился, постоял, подумал, хотел еще о чем-то спросить, но, видимо, передумал, развернулся и ушел. Даже не попрощался, - с обидой добавила коллега, но об обиде быстро забыла, ее вновь подхватила волна любопытства, - Лен, я не пойму, что происходит? Вы с ним... расстались?

А твое какое дело?! - мысленно взвилась Тарасова, но эмоции сдержала: с такими особами лучше не враждовать.

- Людочка, это длинная история. Потом как-нибудь расскажу, - доверительным тоном произнесла она, с трудом избавившись от лезущего наружу недовольства. - А если мой... муж еще придет и вновь начнет интересоваться мною, то ты скажи, что ничего не знаешь. Я болею и точка. Договорились?

- Договорились, - задумчиво проблеяла Людмила, переваривая её просьбу. - А что я ему могу сообщить, если ничего не знаю, - опомнилась она, рассчитывая на то, что Тарасова снизойдет до откровения. Не снизошла, лишь посопела в трубку. Секретарша пожелала скорейшего выздоровления и отключилась.

Лену порадовала собственная сдержанность.

Представляю, как Людка скрипит зубами от досады! Уж очень ей хотелось услышать мое чистосердечное признание, но не судьба, - мысленно возликовала она, и сразу сникла - ее обеспокоил визит Тарасова в агентство. - Что ему было нужно? Неужели мне придется воевать за свое освобождение от его ига? Лично у меня к нему нет претензий, единственно чего я хочу, чтобы он забыл о моем существовании... Почему я решила, что Тарасов будет только рад избавиться от надоевшей супруги? Раз пришел в агентство, значит, не все не так просто.

Этого Лена не ожидала. На что способен бывший супруг, чтобы ее вернуть, она не знала. Владимир был человеком несдержанным, в гневе мог наговорить гадостей, обидеть, но руку на жену никогда не поднимал. Наверное, потому, что Лена могла гасить приступы ярости, не доводить их до самой опасной черты. Она представила себе теперешнее состояние бывшего мужа и поежилась. Пугала неопределенность.

Вместе с волнением усилилась головная боль. Дятел улетел, ему на смену пришел дровосек, поставивший себе цель разделить человеческую голову на две половины и узнать, что находится внутри.

- Господи, ну за что мне всё это?! - вслух запричитала Лена. Затем стала поворачивать голову то вправо, то влево, словно подобные упражнения могли утихомирить боль. - Надо выбросить из головы весь негатив: и Тарасова, и Павлову с ее лживой заботой, тогда мне станет гораздо лучше... Но таблеточку все же надо принять... Вот приму, оденусь и пойду гулять.

Она так и поступила. Приняла таблетку, оделась, вышла из дома и обвела взглядом деревенские просторы, ограниченные насупленными домишками, удерживающими в заточении хозяев. На глаза Елене попался белый лист бумаги, придавленный камнем. Лист бумаги лежал на старенькой тумбочке у входа. Женщина взяла лист в руки, решив, что это любовное послание от Кирилла. Не от Кирилла. А от незнакомца, причем враждебно настроенного.

На белом листе бумаги черным фломастером было написано короткое обращение, скорее призыв. Так пишут дошколята: печатными большими буквами слегка подрагивающей рукой. Незнакомец давно преодолел тот возраст, а буквы «подрагивали» от волнения или от злости. Фраза таила угрозу, ее причина Елене Тарасовой была не ясна: «Верните то, что вам не принадлежит»...

В маленьком кафе за столиком сидели двое мужчин. Они были абсолютно разные: одного можно было принять за миллионера, а другого - за бомжа. «Миллионер» неохотно приближался к шестидесятилетнему юбилею, определить точный возраст «бомжа» было весьма затруднительно, но где-то в районе сорока, плюс-минус пять лет. Первый был одет со щегольством: в дорогой темно-синий костюм, начищенные до блеска

ботинки, белую рубашку и галстук в бело-синию полоску. Темные с проседью волосы тщательно зачесаны назад, будто он только что вышел из парикмахерской. На левом запястье виднелись дорогие наручные часы. В кафе-забегаловке «миллионер» чувствовал себя неуютно, потому на лице поселилось презрение ко всему и всем, безгливость, а также недовольство собой – он вынужден все это терпеть. Сейчас бы махнуть в Париж, пройтись по Елисейским полям, посидеть в уютном кафе с газетой в руках, потягивая крепкий ароматный кофе из маленькой чашечки.

«Миллионер» покосился на своего собеседника – частого посетителя подобных мест. Собеседник был одет в мятые брюки с пятнами непонятного происхождения, растянутый свитер, с протертыми почти до дырок локтями, на ногах обуты туфли с оборванными шнурками. Туфли давно расстались с мечтой об уходе. На спинке стула, на котором сидел «бомж», висела куртка из плащевки неопределенного цвета. Можно было предположить, что когда-то она была серой. Всклобоченная редкая поросль на голове топорщилась во все стороны. «Бомжу» были безразличны косые взгляды посетителей кафе, чьи интересы были прикованы к «миллионеру» - случайному посетителю подобных мест. Складывалось впечатление, что богатый господин решил облагодетельствовать простолюдина, и зачем-то притащился сюда вместе с ним. Нет бы дать энную сумму денег и пойти своей дорогой. Не дал, видимо решил скрасить его одиночество, и теперь мысленно ругает себя последними словами, а заодно и простолюдина, из-за которого приходится все это терпеть. Простолудин блаженствовал от количества кружек с пивом, из которых пока только одна была выпита наполовину, другие были еще полны.

Мужчины понимали, что привлекают внимание, но им было все равно: их слишком занимала беседа.

- Пойми ты, наконец, это дело просто так не решить, нужно время, терпение, - уговаривал «миллионер», он же богатый господин, «бомжа», он же простолудин, - последи за ним, может, что и заметишь.

- Слушай, надоела мне эта байда, прижать его надо, он и расколется. Сколько можно нянькаться, надоело, – сдерживая гнев, процедил сквозь зубы «бомж» и резко отодвинул от себя пустую кружку.

- Прижать мы всегда успеем, а вдруг он ничего не знает. Тогда мы раскроемся, он заподозрит неладное, и сам начнет копать, с долей заискивания произнес «миллионер», едва сдерживая негодование.

- Знает – не знает, действовать надо. Снаружи я уже все проверил, а внутри пока не могу, девка какая-то объявилась, живет теперь там.

- Видел я ее. Последи за домом, выходит же она в магазин или прогуляться. Тогда внутри и посмотришь. Только осторожно, прошу тебя.

- Вечно вы, интеллигенты, любите все усложнять. С девкой я могу решить вопрос...

- Ни в коем случае! - испугался «миллионер», - я не хочу заработать еще один срок. Думаю, и тебе на свободе комфортнее. Так что действуй потихоньку, на рожон не лезь... Ты меня понял?

- Понял, понял, - пробубнил «бомж» и придвинул к себе вторую кружку пива.

- Вот и молодец, - похвалил его «миллионер». Однако радости от понимания на его лице не было. Он поднялся и, не прощаясь, покинул забегаловку, где он выглядел «белой вороной»...

Инна позвонила отцу и настояла на встрече. К ее удивлению он не стал привычно противиться и сразу согласился. Отец сам предложил вместе пообедать в маленьком ресторанчике недалеко от ее работы.

Раньше они часто там встречались. Кухня в кафе была простой, без изысков, напоминала домашнюю. Правда, цены были не копеечные, в связи с чем, посетителей было немного, всегда можно найти свободный столик.

Инна пришла первой, отца еще не было. Устроилась за столиком и стала изучать меню, время от времени с волнением поглядывая на дверь, хотя, причины для волнений пока не было. Но это пока, до тех пор, когда дочь не заявит: «Хочу знать правду!» Заявит и не сойдет с пути, как бы отец не пытался ее увести или задобрить.

Сегодня она специально пришла раньше назначенного времени, чтобы разобраться в себе: хочет она знать правду или нет? Её устраивают оправдания отца, которые ее тревожат, но не убивают? Или не устраивают, и она готова к серьезному доверительному разговору, который может иметь нехорошие последствия.

Уже через пять минут Инна решила, что желает знать правду! Она не сдвинется с места, пока он ей не признается, где пропадает по выходным дням. О внезапном увлечении рыбалкой ей слушать надоело.

Дверь распахнулась, и в зал вошел её отец.

Красавец, - с восхищением подумала о нем дочь. Восхищение мигом сменилось озабоченностью, - такой мужчина может очаровать женщину любого возраста.

Отец чмокнул ее в щечку и сел рядом.

- Я очень соскучился по тебе и по ребятам, - сообщил он пристально изучая дочь, словно пытался найти изменения, случившиеся с ней за время, прошедшее с их последней встречи. Для него она всегда будет маленькой девочкой, несмотря на то, что уже мать двоих детей. Он не удержался и провел рукой по волосам. Погладил, как гладил в далеком детстве.

Поглаживание вывело Инну из равновесия. Она забыла о заранее выстроенном разговоре и о том, что пришла сюда для серьезного разговора, а не ныть и возмущаться.

Так соскучился, что лишний раз не позвонишь, не заедешь!

Слезы уже застили глаза, и Инна уже не могла с ними совладать. Обида на отца, копившаяся несколько месяцев, лезла наружу. Еще в детстве, когда она разбивала коленку, и ее начинали жалеть, ей становилось еще горше. Другие дети успокаивались после этого, а Инна начинала горько плакать, да так долго, что забывала о причине слез. Вот, и сейчас, этот произвольный жест отца привел к вселенскому потоку.

Она попыталась взять себя в руки.

Забудь об обиде, забудь об обиде, думай о хорошем, - мысленно уговаривала себя Инна.

Отец не стал её успокаивать, не стал задавать лишних вопросов, чтобы не усугублять ситуацию, - он хорошо знал свою дочь, а углубился в изучение меню, предоставив ей возможность успокоиться без посторонней помощи.

Инна перескочила мыслями на близнецов – палочке-выручалочке в самые важные моменты: какие они у нее замечательные, самостоятельные. И на мужа, естественно: какой он у нее любящий и заботливый. И на себя любимую: как ей повезло в жизни! Про отца, смиренно сидящего рядом, также не забыла: какое счастье, что он у нее есть! Пока жив один из родителей можно считать себя ребенком.

Слезам был поставлен глухой заслон.

Инна улыбнулась. Она победила в этой нелегкой схватке, что бывало очень редко. Она может контролировать свои эмоции. Она не истеричка.

- Папуль, я тоже очень-очень соскучилась! И ребят тоже соскучились. Мы все тебя обожаем.

Отец погладил ее по руке, лежащей на столе.

- Извини меня, - покаялся он, - жаль, что мы так редко видимся. Ты же знаешь, я всегда занят. Много работы в магазине.

- Занят по работе... или занят кем-то другим? - неожиданно уточнила Инна и сразу пресекла привычные «откровения», - пожалуйста, не начинай опять про свое хобби!

Отец удивленно вскинул брови, будто не ожидал таких заявлений от дочери.

- Ты всегда была склонна к преувеличениям, - сдержанно произнес отец и дернул одним плечом, словно сгонял таким способом муху. - Ничего не происходит, все идет своим чередом: работа, дом и ... хобби, как ты заметила.

- Я хочу знать – как зовут... твоё хобби? Ты стал пропадать где-то уже по будням, а раньше исчезал только по выходным. Я очень переживаю за тебя, папа! У меня... нехорошее предчувствие

- Не стоит волноваться за меня, - ласковым голосом произнес он и задумался: надо ли рассказать обо всем дочери или пока отложить неприятный разговор?

То, что этот разговор будет для нее неприятным, отец не сомневался: дети в любом возрасте остаются эгоистами по отношению к родителям, считая, будто они принадлежат им безраздельно. Обида и ревность движет ими, если родитель заводит себе вторую половину. Причем каждый ребенок уверен, что эта объявившаяся половина родителю совершенно не подходит. И зачем она ему, если у него есть оно – любимое чадо! И не важно, сколько лет этому чаду. Никакие разговоры-уговоры не действуют.

Петр Леонидович придирчиво осматривал дочь, словно не мог понять сколько ей лет? И в состоянии ли она выслушать без истерик? Скорее, да, чем нет. Инна взрослая, разумная женщина, иногда взрывная, но умалчивать и прятаться по углам он больше не вправе.

Мужчина решил. Но начал издали.

- Когда не стало твоей мамы, я подумал, что моя жизнь тоже закончилась. Ходил каждый день на кладбище, пытаюсь вымолить прощение у жены за все, что она вынесла по моей вине.

- Пап, успокойся, пожалуйста, мама тебя давно простила. – У Инны на глазах опять выступили слезы. – Я понимаю, как тебе тяжело. Я очень хочу тебе помочь.

Отец её будто не слышал.

- Там, на кладбище, я познакомился с женщиной, которая тоже потеряла близкого человека. Она была, как и я, в жуткой депрессии. Вот так встретились два одиночества.

- Ты не одинок, у тебя есть я, - напомнила Инна. – И я тебя люблю.

- У тебя муж, дети, работа. Мы видимся редко, я не хочу тебе навязываться, требуя внимания и заботы. У тебя своих проблем достаточно. Мне хочется, чтобы рядом был человек, с которым можно поговорить обо всем, пойти куда-нибудь. Одному очень плохо, поверь. Дай Бог, чтобы тебе никогда не пришлось это испытать.

Они замолчали, думая каждый о своем. Принесли заказ, но у обоих пропал аппетит.

- Я не решался тебе признаться, знал, что ты примешь это за предательство по отношению к матери, к тебе...

- Извини, папочка, я страшная эгоистка, – перебила его дочь. Отец с нетерпением ждал «приговора». – Я совсем не против твоих отношений с женщинами... Ты нас познакомишь?

- Ты, правда, этого хочешь?

- Конечно, хочу! Уверена, ты не мог полюбить плохого человека! - заявила Инна, а про себя подумала: любовь часто бывает слепа.

Они пообедали, выпили по чашке кофе. Инна рассказала отцу о внуках, об их успехах в школе, о работе. «Больной» темы они больше не касались.

Поговорив еще немного, они расстались.

Инна узнала все, что хотела, но душа не успокоилась. Предчувствие чего-то нехорошего было настолько сильным, что она испугалась. Женщина была уверена, что мысли отца заняты не только новой пассией. Отец что-то скрывает, что-то недоговаривает, слишком хорошо она его знает.

Надо все обдумать, посоветоваться с мужем. Он умный, расставит все по полочкам, проанализирует, а потом успокоит жену...

Лена держала в руках записку и не могла понять, чья это злая шутка? Или совсем не шутка, а явная угроза?

Она хотела сразу позвонить Кириллу, но не стала его тревожить: зачем отрывать человека от работы, портить настроение и забивать голову всякой ерундой? Ерундой ли?

Конечно, ерундой! Надо выбросить эту гадость, вымыть после нее руки и забыть. Скорее всего, кто-то ошибся адресом.

Как бы Лена не пыталась себя убедить, она понимала - записка адресована Кириллу! Про новую жилищу никто не знает, а если и знает, то она точно не успела присвоить себе чужую вещь... Но и Кирилл на это не способен. За эти дни она успела хорошо его узнать. Он очень честный, добрый и ранимый. Поэтому не нужно его огорчать и рассказывать о записке.

Тарасова испугалась: вдруг ее любимому грозит опасность?! А она не предупредит его? Что делать? Как ему помочь?

Еще с первого дня в Алехново Лену не покидало чувство, что кто-то тайно наблюдает за ней, потому и завела с Кириллом разговор о соседях. Соседи, как соседи. Не криминальные личности. Возможно, пенсионеры подглядывали за ней, интересно ведь, кто поселился в доме Шмидта?

Лена вернулась в дом. Гулять расхотелось. Разделась, расположилась на застекленной веранде, несколько раз пробежала глазами записку, потом решительно порвала ее на мелкие клочки и выбросила в ведро.

Голова, как ни странно, болеть резко перестала. Лена подошла к окну.

Поднялся ветер и разогнал надоевшие тучи. Небо прояснилось, даже начало проглядывать солнышко.

Тарасова улыбнулась и подумала: «Даже погода за меня. Значит, я поступила правильно!»

И решила все-таки сходить в магазин. Надела черные брюки, водолазку и подошла к зеркалу. Разглядывая свое отражение, она удивилась: «И что Кирилл во мне нашел? Короткие темно-каштановые непослушные волосы, курносый нос, губы могли быть и поменьше, хотя сейчас это модно, многие к специалистам обращаются, а у меня и без чужих вмешательств пухленькие губки, глаза карие, чуть миндалевидные... А Лиза всегда говорила, что у меня занижена самооценка!»

Елена взлохматила волосы, приплюснула курносый носик и показала язык своему отражению. Опять пришел на ум бывший муж, который считал внешность жены посредственной, не забывая об этом каждый раз напоминать, чтобы она, не дай бог, не возомнила себя красавицей. А если человеку постоянно говорить, что он страшилище подобное Квазимодо, то со временем он им станет.

- Долой мысли о Тарасове! – воскликнула Лена. – Я самая красивая, самая...обворожительная, самая- самая! И всегда такой буду!

Она еще раз оценила свое отражение в зеркале и хотела отправиться по делам, но не удержалась – провела рукой по раме зеркала, словно погладила его. Бабушкино наследство завораживало.

- Ты так много повидало, - проворковала Тарасова. - Не хочешь рассказать мне о своих бывших владельцах?.. Молчишь... Знаешь, а я... наверное... скоро стану твоей новой хозяйкой? – Призналась она. - Ты же переходишь по наследству по женской линии? Переходишь! А я собираюсь замуж за Кирилла... Только он еще об этом не знает, - захихикала она. – Как думаешь, он не будет против нашей свадьбы?.. Я тоже считаю, что не будет... А как тебе его выбор? – заинтересовалась Лена, при этом расправила плечи и вздернула подбородок.

Ей показалось, что совсем рядом что-то прошелестело, будто кто-то продефилировал по комнате. Вдруг зеркало из желтого и тусклого стало более ярким, почти лимонным. Тарасова с опаской оглянулась, не стоит ли кто-то за ее спиной и манипулирует ли воображаемым пультом? Комната была абсолютно пустой, как прежде. Дама из позапрошлого века не прохаживалась и не шелестела своим бальным платьем со шлейфом. Никто не регулировал «настройки» зеркала.

Показалось, - выдохнула Лена, но сердце продолжало тревожно трепетать в груди.

Она повернулась к зеркалу с пояснением.

- Галлюцинация. Понимаешь, сотрясение мозга дает о себе знать.

Зеркало согласилось... и вернулось к прежнему цвету. Тарасова еще раз внимательно посмотрела на свое отражение.

- Мне кажется или я, правда, похорошела? – спросила она у своего зеркального визави, - точно похорошела! И все благодаря бабушкиному наследству. Спасибо тебе, старинное зеркало! Буду чаще в тебя смотреться, глядишь, избавлюсь от излишней самокритичности.

Лена надела куртку и отправилась за покупками.

Закупила в магазине все необходимое, и прогулочным шагом двинулась в обратный путь. Подходя к дому, заметила у соседних ворот автомобиль. Он уже тронулся ей навстречу, но потом резко замер возле нее. Дверь авто распахнулась, из салона выпорхнула молодая девица. Она была необыкновенно хороша собой: узкие кожаные брючки подчеркивали стройность фигуры, красная короткая курточка ей очень шла, длинные густые черные волосы доставали до талии. Но было в ее внешности что-то настораживающее. Наверное, к красивым людям всегда так относятся: у женщин они вызывают зависть в смеси с неприязнью, а у мужчин – восхищение вместе с боязнью быть отвергнутым.

Незнакомка окинула Лену оценивающим взглядом. Лена поежилась: она никогда не видела женщин с такими огромными темными, почти черными, глазами.

Вылитая панночка из Гоголевского «Вия», - мелькнула у нее мысль.

- Здравствуйте, - поприветствовала ее «панночка» с милой улыбкой. И затараторила, - это Вы живете в доме Кирилла? - ответ она знала наперед, поэтому не стала его дожидаться. - Давайте знакомиться, я - Вика. Вика Жданова, соседка Кирилла.

- Меня зовут Лена Тарасова, - промямлила та, тушуясь от такого напора и от присутствия рядом с ней такой необыкновенной красавицы, пусть и с черными глазами, как у панночки. – Я, действительно, живу у Кирилла. - Подтвердила она подчеркнуто вежливо, причем с ударением на слове «живу», показывая тем самым, что простым проживанием дело не ограничивается, и поселилась она здесь надолго, а может, и навсегда.

- А мы с Кириллом старые друзья. Надеюсь, что с вами тоже подружимся. Извините, я сейчас спешу, приходите с Кириллом в гости. С вами познакомимся поближе, да и Кирилла я давно не видела, - на ходу проговорила Виктория и умчалась в своем красном автомобиле.

Лена проводила ее ревнивым взглядом.

- Видите ли, с Кириллом она давно не виделась, - под нос пробурчала она. – Ведьмочка! – вынесла свой вердикт и замогильным голосом произнесла, вспомнив фразу из известного фильма, не забыв осмотреться при этом по сторонам, чтобы никого не шокировать. - Поднимите мне веки!

В детстве бабушка запрещала внучке смотреть «Вия». Говорила, что спать не будет, замучают кошмары.

- Да, это настоящий кошмар, - протянула Лена, - и этот кошмар живет в деревне Алехново, и спокойно гоняет по улицам на своем автомобиле!.. Хорошо, что в гробу не летает!

Лена не удержалась и прыснула, представив, как Вика Жданова, подобно героине Натальи Варлей из «Вия», стоит в полный рост в гробу, который летает по деревне. Сама она во всем белом, лицо мертвенно-бледное, руки вытянуты перед собой, огромные черные глаза смотрят прямо, как у зомби, выскивающего добычу. Вот, навела бы страху у местного населения!

Смех избавил женщину от неприятного осадка, появившегося после знакомства с соседкой Кирилла.

Лена зашла в дом, положила купленные продукты в холодильник и принялась за приготовление ужина. Очень хотелось порадовать любимого мужчину своим

фирменным блюдом – макаронами по – флорентийски, напоминавшим обычные макароны по-флотски, но были в нем кое-какие секреты!

Она поставила на огонь кастрюлю с водой и вновь вернулась мыслями к Ждановой: «Какая Вика красавица! Надеюсь, с Кириллом они просто друзья детства. Интересно, посмотреть на ее кавалера. Если он на самом деле существует, а не был придуман одним мужчиной, к которому я не равнодушна. Причина понятна – хотел скрыть их связь с Викой. Бывшую связь или настоящую?..»

Размышления Елены прервал скрежет ключа в замке. Лена задумалась и пропустила тот момент, когда человек проследовал через двор. Ее охватила паника. И не мудрено после получения угрожающего послания. А вдруг...

Тарасова заметалась по кухне, выискивая уголок, где можно спрятаться. Подходящего места не нашла. Взгляд остановился на скалке.

Вполне подходящее оружие для защиты! – решила она. - Просто так я не дамся!.. Врешь, не возьмешь, как говорил легендарный Чапай, переплывая через реку Урал.

Входная дверь, мерзко заскрипев, открылась. Лена притаилась в кухне, встав сбоку дверного проема. Скалка была крепко зажата в руке и готова к применению не по назначению.

Неизвестный проник в дом и тихо прикрыл за собой дверь. И тут... в кастрюле закипела вода. Легкая алюминиевая крышка под действием пара, стала подпрыгивать, подражая игре на тарелочках, и, тем самым, выдавая место, где спрятался одинокий обитатель.

Тише, прошу тебя, - мысленно попросила она крышку, но та оказалась абсолютно бессердечной и на призывы не реагировала. Продолжала свою игру.

Человек возился в прихожей.

Что делать? Что делать? – металась испуганная мысль в больной голове вчерашней пациентки палаты номер шесть. – Надо... надо напасть первой! Как только он войдет в кухню, а его бац по башке и все дела! А может быть, договориться по-хорошему? Неровен час убью человека, потом придется отвечать. Я ему объясню, что ценностей в доме нет, так, что проваливайте, дорогой товарищ, пока я полицию не вызвала... Если успею вызвать... А я ему скажу, что полиция уже едет... Он перепугается и убежит.

В прихожей чем-то шуршали.

Ищет что бы украсть, - подумала Тарасова. – Наверное, он знает, что в доме никого нет, вот и захотелось поживиться чужим добром, пока хозяин на работе... Хозяина-то нет, но есть одна его знакомая, которая... которая так огреет скалкой, что мало не покажется.

Лена была полна решимости.

Скалка была высоко поднята над головой. Крышка продолжала выплясывать на кастрюле, издавая противно-засывающие громкие звуки.

Шаги раздались совсем близко. Женщина приготовилась к атаке. Человек перешагнул порог кухни. И скалка едва не ударила по голове Кирилла.

- Ой! – взвизгнула Тарасова и выронила из рук орудие самозащиты.

- Есть девушка с веслом, а это что-то новое! – изрек хозяин и почесал затылок, провожая взглядом покотившуюся скалку. - Почему ты меня встречаешь с тяжелым орудием в руках под громкое звуковое сопровождение кухонной посуды? И почему у тебя такое испуганное лицо? Что произошло? – обратился он к грозной воительнице, когда скалка исчезла из поля зрения.

- Я решила, что в дом пробрался вор! Жуть, как испугалась!.. Я тебя не ждала. Нет, ждала, но не прямо сейчас. Думала, ты придешь позже, - оправдывалась она, то и дело сбиваясь. Чтобы себя чем-то занять, она подобрала с пола скалку, откатившуюся на достаточное расстояние, подошла к плите и выключила газ.

- У меня работа творческая, муза ушла, и я за ней, - с улыбкой пояснил он. – Извини, если напугал тебя.

- Уже все хорошо! Когда ты рядом – у меня всегда все хорошо. – Она повисла у него на шее. – Сама виновата, так увлеклась... приготовлением ужина, что не услышала, как ты подбежал... Прежде чем пугаться, надо было выглянуть в окно. Но это сейчас я трезво рассуждаю, а тогда... У меня душа в пятки ушла.

- Я соскучился! - признался он и чмокнул ее в кончик носа.

- Я тоже, очень-очень. – призналась Лена, и, не долго думая, укусила его за подбородок.

- Это мсть! – коротко пояснила она с обворожительной улыбкой.

- Такая мсть меня устраивает, - усмехнулся мужчина и прижал к себе мстительницу с такой силой, что сам испугался – еще сломает ей что-нибудь, ведь она такая маленькая, хрупкая. - Я так счастлив! Не думал, что подобное может со мной случиться... Сегодня читаю студентам лекцию, а перед глазами – ты! Еле-еле дождался, когда занятия закончатся.

- Надеюсь, что ничего лишнего ты не наговорил? – притворно испугалась Тарасова.

- Не могу утверждать...

Диалог влюбленных плавно перетек в долгий чувственный поцелуй...

- Ты голодный? – спросила Лена, нехотя выскальзывая из объятий Кирилла.

- Я сыт тобой! - хриплым голосом произнес он. Ему не хотелось ее отпускать, но что делать, если она вознамерилась его накормить ужином. Женщина принялась греметь кастрюлями, стараясь не смотреть в его сторону. Призывный взгляд Кирилла мог прервать хозяйственный порыв. – Тебе помочь? – поинтересовался он.

- Конечно! Я буду готовить, а ты развлекать меня разными байками. - Лена поставила на газ сковороду. Налила подсолнечное масло, выложила на нее фарш, ранее нарезанные лук, морковь и помидоры. Полюбовалась полуфабрикатом и вздохнула, - жаль, не успела до твоего прихода. Так хотелось сделать тебе сюрприз.

- А что у нас на ужин? - любопытствовал Кирилл, вытягивая шею. Подойти ближе он не решился. Уж, очень хотелось заключить Лену в свои объятия.

- Еще минут двадцать и увидишь.

- Тогда я пойду листву во дворе уберу! – заявил он.

- Не уходи, пожалуйста, посиди со мной, а после еды вместе поработаем в саду.

- Согласен, но ты будешь отдыхать, дышать свежим воздухом, а я трудиться.- Он все же не удержался, подошел к ней сзади и обхватил руками.

- Если ты будешь продолжать в том же духе, то ужина не увидишь!- строгим голосом произнесла Елена Викторовна.

Шмидт чуть не сказал: «Ну, и черт с ним, с ужином!» Но вовремя осекся: еще обидится. А Лена тем временем развернулась и сказала уже совсем другим голосом, голосом маленькой девочки, требующей сказку перед сном:

- Кирюш, расскажи что-нибудь... Например, про зеркало, которое висит в комнате на стене.

- Про зеркало? – удивился он. - Я тебе уже говорил, что это старинное зеркало. Оно наследуется из поколение в поколение.

- А откуда оно вообще взялось?

- Его привез из Италии бабушкин прадедушка. Ты обратила внимание, что у зеркала желтоватый оттенок? Он свидетельствует о том, что зеркало было сделано в девятнадцатом веке, не раньше. До этого зеркала были голубыми.

- Как интересно! А откуда ты почерпнул эту информацию? - спросила Лена. Вода в кастрюле тем временем вновь закипела. Хозяйка бросила в кипящую воду макароны и сосредоточилась на рассказчике.

- Из умных книжек почерпнул... Хочешь узнать, как изготавливали в то время зеркала?

- Еще спрашиваешь, - протянула она.

- Первые зеркала делали в Древней Греции. Стеклодув выдувал через трубку стеклянный шар, потом отрезал одну сторону. В ней, как в тигле, расплавляли небольшое количество свинца. Стекло прогрелось, вступало во взаимодействие с металлом, на поверхности

стекла появлялась тонкая пленка металла, которая служила отражающим слоем древнего зеркала. Уже позже вместо свинца стали заливать серебро. Готовое зеркало обламывали по краям и обрамляли в деревянную раму.

- Да, рассказать процесс изготовления можно в двух словах, а на самом деле все очень сложно! – Лена тяжело вздохнула, будто она ремесленник и перед ней стоит нелегкая задача – изготовить в одиночку зеркало. Вспомнив про раму, она с восхищением произнесла. – У бабушкиного зеркала не просто рама, а произведение искусства!

- Рама – основное украшение любого старинного зеркала. Каким надо быть великолепным мастером, чтобы сотворить такое чудо!

- Да, резьба по дереву восхищает. Прошло столько времени, а лак потрескался совсем чуть-чуть. Бабушка не отдавала зеркало на реставрацию?

- Никогда! Раньше всё делали на совесть.

Ужин был готов, Лена пригласила Кирилла к столу, который накрыла на веранде. Стеклообразные стены создавали впечатление, будто сидишь на улице, но в отличие от улицы, здесь было тепло и уютно благодаря плотно закрытым окнам и двум большим батареям.

За ужином разговор о старинном зеркале продолжился.

- Кирюша, а бабушка тебе рассказывала о каких-нибудь интересных случаях, связанных с зеркалом? – робко поинтересовалась Лена. Она пока не решила, на самом ли деле зеркало изменило свой цвет в процессе их «беседы» или ей все показалось? Как и странное шуршание. Но шуршание может найти простое объяснение – в доме завелась мышь... Хотя... На мышиную возню эти звуки не совсем похожи... И не нужно себя успокаивать выдумками о домашних грызунах... А если она себя не успокаивает? Не успокаивает, а, напротив, пытается себе внушить, что... это не простое зеркало, а... волшебное. Чтобы не заикливаться на своей прошлой жизни, не думать о будущем, Лена решила переключиться на тайны бабушкиного дома, в котором хранится наследие прошлого.

- Когда я ем, то глух и нем, тем более, когда ем такую вкуснятину, - отфутолил ее вопрос Кирилл, с удовольствием поглощая блюдо, приготовленное новой хозяйкой. – Лена, я забыл, как называется эта вкуснятина?

- Не скажу, пока не расскажешь! – заявила она.

На самом деле Кириллу было без разницы, как называется блюдо. От названия вкус не теряется. Особо ценится пища, приготовленная с любовью.

А Лена поняла, что рассказ откладывается на неопределенное время, насупилась и обронила, скрывая удовольствие от увиденного: мужчина ел «за обе щеки».

– Это - макаронеры по-флорентийски... Вкусно?

- Необыкновенно вкусно! – Он доел и протянул тарелку за добавкой.

Лене льстило, что ее старания оценили по-достоинству, но она усиленно делала обидчивый вид. Когда добавка исчезла с тарелки Кирилла, он покосился на сковороду, подумал-подумал, и все-таки решил больше не просить.

- Мне бабушка в детстве читала одну занимательную книжечку, - начал он, следуя обещаниям. – В ней рассказывалось о том, что старые зеркала обладают биоэнергией, впитывавшим в себя информацию обо всех прежних хозяевах. Ценность старинных зеркал заключается не в самом зеркале, не в раме, его обрамляющей, а в накопленной энергии предков, которая, излучаясь, помогает ныне живущим членам семьи... Отсюда вывод - надо думать о своих потомках, которым твое зеркало достанется, то есть вести себя достойно, «не ронять лицо», чтобы нечего было стыдиться.... А бабушка говорила, что нельзя подходить к зеркалу в плохом настроении или во время болезни. Не знаю, с чем это связано?

- А тебе... не страшно находиться с зеркалом в одном доме? – прошептала Лена и повертела головой, будто пыталась увидеть предков Кирилла, выскочивших из зазеркалья и мирно прогуливающих по комнатам.

- Никогда не думал об этом. В детстве я воспринимал все, как сказку. Сказку о старинном зеркале. Или игру... Вот так сядешь перед зеркалом и ждешь: вдруг появится твой прадед и откроет тайну. Признаться, у зеркала я засиделся не долго. В детские годы трудно усидеть на месте. Но неделю все-таки высидел. И эта неделя далась бабуле не легко.

- Ей не нравилось твое желание... познакомиться с предком?

- Бабушка сожалела, что прочла мне книгу о старинных зеркалах и тем самым привлекла мое внимание к наследственной реликвии. До этого я в него и не смотрелся, я же не девчонка, чтобы вертеться перед зеркалом. А когда начал игру «в гляделки», как я ее назвал, то бабуле это очень не понравилось. Она прогоняла меня, а я не мог понять, зачем она это делает? Что в этом плохого? Сажу себе и сажу, никого не трогаю. Это лучше, чем по заборам лазить.

- И что потом? Узнал, почему бабушка тебя прогоняла?

- Сам догадался, когда подрос и дочитал книгу до конца. Бабушка боялась за меня...

Лена ждала продолжения. Она не знала, что скажет Кирилл, но была уверена: сейчас услышит что-то очень важное, и оно может изменить их дальнейшую жизнь, а если и не изменить, то повлиять на нее – это точно! Тарасова раздумывала: нужны ли ей тайны зеркала или лучше остановить Кирилла, перевести разговор на другую тему... и жить, как жили? Она представила себя на перепутье: налево пойдешь – все тайны разгадаешь и получишь ответы на мучавшие тебя долгое время вопросы, но останешься одинокой, направо пойдешь – мужа найдешь, счастлива будешь, а прямо пойдешь – с тобой произойдет что-то страшное, непоправимое. Естественно, ей хотелось пойти направо... Но как быть с тайной? Так и жить в неведении? Но решение принимать не ей, ни Кириллу! Кажется, от них мало что зависит. Все в руках зеркала. Если зеркало «разбудил» кто-то... из предков, передал ему полномочия главы, то теперь все должны советоваться с ним. Может, это даже лучше, что есть главный советчик, который живет давным-давно, который всё знает и способен дать мудрый совет? Или предсказать будущее. Или рассказать о далеком или недавнем прошлом, оставшимся тайной.

- И что ты узнал? – дрожащим от волнения голосом, спросила Лена.

Кирилл некоторое время молчал, раздумывая, надо ли рассказывать ей правду? Она такая впечатлительная... Сейчас это болото затянет и ее, как затянуло в свое время бабулю.

– Почему ты молчишь? Кирилл, ты слышал, о чем я тебе спросила?

Он поднял на нее глаза. Догадался, что она не отстанет. Постарался придать голосу беспечность.

- А в книге, милая девушка, рассказывалось, что старинные зеркала являются дверью в иной мир... Будешь долго сидеть перед зеркалом, оно тебя туда затянет... Сказки всё это, но бабушка... верила. Так мне кажется, хотя, она в этом не признавалась. - Кирилл посмотрел на реакцию Лены. Та сидела, почти не дыша, и боялась пропустить что-то важное.

- А точнее, можно? – прошелестела она.

- Точнее, пожалуйста... Но при условии, что ты не будешь брать это в голову. Обещаешь?

- Лена кивнула. - Один французский исследователь утверждал: если каждый день сидеть перед зеркалом и сосредоточенно произносить магическое заклинание, то рано или поздно ожидаемая фигура появится. Это произойдет не сразу, но упорство, в конце концов, будет вознаграждено и даст ответ на интересующий вопрос. Бабушка говорила, что не хочет, чтобы я испугался и стал зайкой или калекой. Вдруг я увижу в зеркале что-то страшное... Всерьез я свою игру «в гляделки» не воспринимал, очередное детское увлечение, которое быстро проходит. К тому же я у зеркала ничего не просил, вопросы не задавал, просто смотрел в него, как в телевизор, только без изображения. Я не знал тогда, что нужно вести с ним беседы... Хотя, как утверждают некоторые ученые, зеркало не идет на контакт с любым человеком, оно само выбирает себе собеседника. Я не знаю,

по каким критериям происходит этот отбор, но думаю, что со мной оно не будет общаться.

- Почему ты так решил?

- У меня сложилось мнение, что зеркало предпочитает в качестве собеседников женщин. И оно чувствует: верит человек ему или нет, серьезно относится к общению или для него это всего лишь развлечение. Немалую роль здесь играет усидчивость. Если человек просиживает перед зеркалом по несколько часов в день, то зеркало уверено - человек искреннее нуждается в его помощи.

- Кирюша, - прошипела Елена, - знаешь, о чем я сейчас подумала?

- Даже не начинай...

- Ты еще не знаешь, что я хочу тебе сказать, а уже...

- Ладно, говори.

- Мне кажется, что... для зеркала я - отличный собеседник. Я подхожу по всем критериям. Сегодня...

- Я так и знал, что этим все закончится! – перебил ее Кирилл. Он так резко вскочил на ноги, что Лена от неожиданности дернулась и едва не свалилась со стула. Восстановила равновесие и исподлобья стала следить за передвижениями Кирилла по небольшой веранде. Передвижения не заняли много времени. Он приблизился к ней, наклонился и, справившись с негодованием, внушительно произнес, - я тебе очень прошу - забудь обо всем, что я тебе наболтал. Это просто зеркало, где ты видишь свое отражение.

- Но почему? – возмутилась Тарасова, а про себя подумала: «Если бы он только знал, что контакт с зеркалом уже налажен! Оно приняло меня!»

- Когда... пропал отец, я часто заставлял бабушку перед зеркалом. Она сидела и смотрела в него, что-то нашептывая, не замечая никого вокруг. Я сказал маме, но она ответила: «Не мешай ей, пусть находит утешение хотя бы в этом». Я с ней не согласился. Желание узнать у зеркала что-то об отце стало у бабушки навязчивой идеей.

Ясно: у старушки повредился рассудок, - догадалась Лена. – И Кирилл не хочет, чтобы подобное произошло со мной... Но наши интересы к зеркалу не совпадают....

- А бабушка ничем с тобой не делилась? - не удержалась Лена от вопроса.

- Ничем, - бросил Кирилл. Отвернулся от нее и стал смотреть во двор. Пауза длилась не долго. – Бабушка записывала что-то в тетрадь. Тетрадь куда-то прятала. После ее смерти я про записи забыл. А когда вспомнил, то поиски ни к чему не привели. Была тетрадь и пропала.

- Может, она уничтожила ее незадолго до смерти, - предположила Тарасова. - Не захотела, чтобы кто-то прочел ее дневник. Даже родной внук.

- Наверное... Давай не будем возвращаться к этой теме.

- Давай... Наши планы в силе?

- Какие планы? – позабыл Кирилл.

- Я имею в виду садовые работы...

Кирилл собирал граблями опавшую листву, а Лена прогуливалась вокруг дома, поглядывая на соседний участок. Там никого не было видно.

Она вспоминала сегодняшнюю встречу с Викторией. Елена не завидовала ее красоте, ее предпринимательской хватке, ее обеспеченной жизни. После встречи с Кириллом, Лена поняла: главное в жизни – любить и быть любимой. Многие ждут этого чувства многие годы, но не всем повезет так, как повезло ей. А если находят, то любовь не всегда взаимна, получается какая-то половинчатая любовь. Хотя, некоторых это вполне устраивает. Они даже стремятся к этому, считая главным, чтобы любили их, поклонялись им, боготворили. Зачем портить нервы и мучиться, ведь любая любовь - это работа и испытание. Как прелестно, когда ты позволяешь человеку любить себя, не испытывая при этом к нему никаких чувств, - думают некоторые особы женского пола. Возникает резонный вопрос: где смысл и как долго продлится это разрешение себя любить? По

мнению Лены, абсолютно никакого смысла нет! Рано или поздно мужчина и женщина расстанутся. При условии, что не появится взаимность. Уж, кому, как не Лене, рассуждать на эту тему. Здесь она дока. Прожила семь лет с Тарасовым, видела, как он к ней относится, но обманывала себя. Или жила надеждой?.. Да, надежда умирает последней... И надежда Лены на взаимность в итоге умерла.

- Какое счастье, что я встретила Кирилла! - достаточно громко произнесла Лена, не в состоянии удержать внутри себя эту радость. Хорошо еще, что завернула за угол дома, где ее не мог услышать мужчина, о котором шла речь. Она возвела глаза к небу и более сдержанно сказала, - спасибо, тебе Господи, что после стольких лет испытаний ты послал мне этого человека!

Из-за угла показался хозяин дома. После благодарности Богу Лена успела вновь переключиться на соседний дом. Вид у нее при этом был задумчиво-отстраненный.

- Девушка! – окликнул ее Кирилл, - обратите внимание на уставшего работника!

Тарасова вздрогнула, потом напряженно улыбнулась. Подбежала к работнику, приподнялась на цыпочках и наградила его звонким поцелуем.

- Награда слишком мала! – с напускным недовольством оборонил он. Притянул её к себе, чтобы получить более достойное вознаграждение...

Несмотря на страстные объятия и поцелуи, они сильно продрогли, пришлось вернуться в дом.

Во время вечернего чаепития позвонила Лизавета. Она не хотела расстраивать Лену, но не удержалась от сообщения.

- Тарасова, ко мне приезжал твой благоверный, ой, твой бывший, и пытал меня, как гестаповец! Требовал, чтобы я тебя вернула, будто ты вещь какая-то, а то нам всем будет плохо, и он нам устроит веселую жизнь с вытекающими последствиями. Хорошо, что Жорика не было дома, а то он спустил бы его с лестницы и подпортил ему смазливую физиономию.

- Да ты что! Вот же гад! – задохнулась от возмущения Лена. Она не сдерживала эмоции – Кирилл не мог услышать ее разговор с подругой.

- Еще какой, - поддержала ее Жукова. – Думает, напугал меня! – хмыкнула она.

- Лиза, мне перед тобой неудобно... Извини, что мой бывший муж доставляет тебе...

- Больше ни слова! - перебила подругу Елизавета. Плевать я хотела на Тарасова! Кто он нам? Никто!

- Никто! - подтвердила Лена.

- Главное, чтобы у тебя жизнь наладилась.

- Уже наладилась.

Лена попрощалась и пообещала перезвонить завтра. И сразу забыла о разговоре. Ей не хотелось портить этот чудесный вечер. Когда рядом Кирилл ей не было дела до бывших мужей!

Так приятно сидеть в тепле рядом с любимым человеком, забравшись с ногами на диван, и мечтать о будущем. Лена всегда была мечтателем, но раньше ее мечты были какие-то обыденные, приземленные: об отпуске, о покупке новой мебели, об удачной сделке на работе и т.д. Но доминантой всегда выступал муж – Владимир Тарасов. Ей всегда хотелось ему угодить во всем: в еде, в подарках по случаю или просто так, чтобы доставить ему удовольствие. Это сейчас она поняла, что таким образом хотела привлечь его внимание к себе.

О подарке мужу на день рождения Лена начинала задумываться месяца за два. Ходила по магазинам и высматривала что-нибудь необычное. Убивала на это уйму времени и сил. Наконец, находила, красиво упаковывала и с нетерпением ждала наступления дня рождения Владимира. Как она мечтала, что он искренне обрадуется и поблагодарит ее. Но Лена забывала, с кем имеет дело: такие люди не имеют привычки говорить «спасибо». Они ждут благодарности от тебя за то, что позволили находиться рядом со своей персоной. Приняв подарок в красивой упаковке, Владимир не

интересовался, что находится внутри, небрежно бросал его, после чего целовал дарительницу в щеку сухими холодными губами. Лена, после такой «благодарности», давала себе обещание, что больше никогда... И ни за что... Но быстро об это забывала. Очень хотелось угодить. Очень хотелось удивить. Но все повторялось вновь и вновь...

Как ей не хотелось вспоминать прошлое, оно само о себе напоминало звонками коллег и подруг. Она не думала, что сможет легко выбросить из головы жизнь с Тарасовым, но не подозревала, что бывший супруг будет постоянно ходить за ней тенью. И к чему эти постоянные сравнения Владимира и Кирилла?! Нельзя сравнить несравнимое!

Умные люди утверждают, что для успокоения должна пройти половина того времени, которое прожили в браке. Лена прожила с Тарасовым семь лет. Семь делим на два, получаем – три с половиной. По правилу, ей теперь три с лишним года раны зализывать?! Дудки! У Лена теперь есть волшебная таблетка для амнезии. И зовется эта таблетка Кириллом Шмидтом.

Лена с нежностью посмотрела на Кирилла и не удержалась от вопроса.

- Кирюша, чего ты хочешь больше всего?

- Раньше я очень хотел узнать правду об отце, а теперь к этому желанию добавилось еще одно – чтобы ты всегда была рядом. – Кирилл поцеловал ладонь Лены и прижал к своей щеке. – А ты... чего хочешь?

- Я хочу... Я хочу, чтобы ты любил меня, а я тебя, чтобы мы жили очень счастливо! Хотя, как можно жить очень счастливо? Люди или счастливы, или нет... Чтобы мы доверяли друг другу и уважали друг друга. Чтобы у нас были здоровые дети!.. Почему ты на меня так смотришь?.. Тебе не нравятся мои... примитивные желания?

- Какая ты у меня глупенькая... Иди ко мне, девочка моя...

Когда Кирилл уснул, Лена все ворочалась и ворочалась. Ее не волновали угрозы Тарасова, у нее почти не болела голова. Ее занимало старинное зеркало. Она заново прокрутила в голове рассказ Кирилла. Потом встала и подошла к зеркалу. Теперь она знала, какой вопрос ему задать.

Лена оглянулась на Кирилла. Он крепко спал. Слабый свет настольной лампы не столько успокаивал, сколько пугал, меняя окружающие предметы до неузнаваемости. Но менять свое решение молодая женщина была не намерена.

Она села перед зеркалом, увидела свое испуганное отражение и... улыбнулась. Ее зеркальная копия тоже улыбнулась в ответ.

- Вот так-то лучше, - шепотом произнесла Тарасова, - и не нужно бояться. Я же не боюсь общаться со своей подружкой Лизаветой, почему должна трястись сейчас? Зеркало – мой новый друг, или подруга... Подруга среднего рода.... Все равно подруга...

Глупая болтовня ее успокоила.

Лена еще раз приветливо улыбнулась, ободряюще кивнула и подмигнула. Мол, не дрейф, все будет хорошо.

Приблизила лицо к зеркалу и стала бойко что-то бубнить. Очень тихо, чтобы никто не подслушал их доверительный разговор...

Лена просидела перед зеркалом до рассвета. Она очень устала, язык заплетался, глаза слипались. Она хотела исполнить желание Кирилла и узнать правду о пропавшем отце, но, ... увы!

Зеркало обладало магической силой, не отпускало Тарасову, продержало рядом с собой до утра, словно проверяло её, но на контакт идти не пожелало. Пока...

Вика пила кофе и рассказывала сидящему рядом мужчине о знакомстве с новой соседкой. Мужчина ел кашу и кривился. Виктория заметила его гримасу.

- Петр, прекрати немедленно! Тебе полезно начинать день с тарелки овсяной каши.

- Если полезно, то почему сама не ешь... эту гадость!

- Ты отлично знаешь, что кроме чашки кофе и стакана сока в меня ничего по утрам не лезет. – Перебранка продолжалась бы еще долго, но Вика увидела в окне Лену. - Вон она,

легка на помине... Простушка сразу видно... Ничего особенного, маленькая, худенькая, как подросток. Одета кое-как... И где Кирилл ее откопал? Она ему совсем не пара. Он видный парень, кандидат наук, а она...

- Успокойся! Это не твое дело, - осадил Петр девушку. Любопытство взяло верх, и он подошел к окну. – Девушка, как девушка, очень даже миленькая. А ты случайно не ревнуешь своего Кирилла к ней?

- Я не ревную! Кроме тебя мне никто не нужен! – заявила Виктория и набросилась на Петра, - а тебе, как я вижу, такие миленькие нравятся? – При этом скривила лицо точно так, как это сделал Петр несколько минут назад, когда ковырял ложкой в тарелке с кашей.

- Мне нравятся высокие темноволосые молодые красавицы! – страстно признался он. – И черт меня дернул влюбиться на старости лет!

- Тоже мне, старик, - хмыкнула Вика. Усадила мужчину на диван, а сама села ему на колени.

- Петя, ты чем-то озабочен?

- Я хочу познакомить тебя со своей дочерью, - неожиданно заявил Петр и поцеловал девушку в шею. - Мне пришлось рассказать ей о нас, чтобы она перестала волноваться. Надеюсь, ты не будешь возражать?

- Петруша, я... я не думаю, что это хорошая идея... Как она воспримет нашу связь?.. Твоя дочь знает, что... что у нас большая разница в возрасте?

- Почему ее должна волновать разница в возрасте ее отца и его возлюбленной?! У меня своя жизнь и я не потерплю, чтобы мне указывали, как мне жить и с кем! - возмутился мужчина.

- Как скажешь, дорогой! – быстро успокоила его Вика. Ей не хотелось знакомиться с его дочерью, но спорить она не стала.

После ужина Петька с Санькой удалились в свою комнату, и Инна Зимина, наконец, смогла рассказать мужу о встрече с отцом. Вячеслав слушал жену, не перебивал, давал ей возможность высказаться, а сам... уже обдумывал ответную речь. С Инной надо быть очень осторожным в рассуждениях. Она женщина впечатлительная, может обидеться, замкнуться и впасть в «ступор», как называли это состояние сыновья. «Ступор» мог длиться неделю, а то и две. Лучше ее не нервировать и сохранить в семье нормальную обстановку. Это можно сделать одним способом – сказать жене те слова, которые она от него ждет, и таким образом её успокоить. Поэтому после заключительной фразы длинного монолога Инны, Славик для начала поцеловал жену, призвал успокоиться и беречь себя, так как они, т.е. муж и сыновья, очень ее любят и дорожат ею. Потом добавил, что увлечение тестя считает несерьезным и недолгим. Поиграет, развлечется немного и забудет. Зачем ему, пожилому человеку, любовные переживания? Нужно просто переждать! Вот и все! А потом жизнь вернется в привычное русло...

Инна выслушала его молча. После чего Славик поблагодарил за вкусный ужин и быстро удалился в комнату к сыновьям. Он знал, что Инну нужно оставить одну для осмысления вдохновенной речи мужа.

Если честно, то Славику жутко надоела эта игра в детективов: где тесть, куда он пошел, с кем он? Хорошо, что тот сам признался в своем увлечении.

Инна мыла посуду и размышляла. Она была полностью согласна с Вячеславом, но её обидел его резкий уход. Нельзя с ней так поступать! Создается впечатление, что он высказал не свое личное мнение, а произнес то, что она хотела услышать. И быстренько слинял, как говорят мальчишки. Видимо, надоело ее занудство. А Инна хотела еще поговорить с мужем. Спросить совета: нужно ли знакомиться с подругой отца или нет? Если эта связь недолговечна, как считает Славик, то к чему реверансы и книксены?

Ладно, если отец будет настаивать, то я не буду увиливать и познакомлюсь с ней, - решила Инна.

Лена Тарасова гуляла по берегу водохранилища. Погода сегодня располагала к прогулкам. Робкое осеннее солнце успело подсушить напитанную влагой землю. Время от времени солнце пряталось за лениво ползущими по небу тучами. И тогда резко холодало.

Недалеко от берега в траве копошились голуби, в кустарнике спорили воробьи. Изредка слышалось лягушечье «пение» в прибрежных камышах.

По дороге сюда Елена зашла в магазин и купила батон. Сейчас он ей очень пригодился. Кроме воркующих голубей, получивших свою порцию еды, по речной глади плавали дикие утки, которые подплыли к берегу и стали жадно хватать хлебные крошки. Скормив птицам весь хлеб, она еще немного побродила, наслаждаясь свежестью и непривычными звуками, а потом решила вернуться домой.

Свернув на нужную улицу, Тарасова еще издали заметила, что в соседнем дворе нет автомобиля. Значит, Вика укатила по своим делам. Лена облегченно выдохнула: ей не хотелось пересекаться с «Панночкой», к которой она испытывала неприязнь, несмотря на то, что та была с ней приветлива при первой встрече и даже приглашала в гости. Но в её искренность Лена не верила. Ей показалось, что за приветливостью скрывается ответная неприязнь. Откуда Тарасова знает, что на самом деле связывает Жданову и Шмидта? И какие у Ждановой на него планы? Может быть, Виктория просто не видит в ней соперницы. Как сравнить такую красавицу с невзрачной женщиной-подростком!

Возможно, между Викторией и Кириллом ничего не было и нет. Кроме дружбы, как он уверяет. А возможно...

Лена не борец. Раньше не была борцом. До того, как судьба свела ее с Кириллом.

Сейчас она стала другой. И просто так не отдаст любимого мужчине. Но лучше пока не вступать в открытую конфронтацию.

Да, Лена другая. Она не хочет взвешивать каждое сказанное слово, боясь быть непонятой и обсмеянной. Не хочет вертеть головой по сторонам, чтобы разобраться, как окружающие тебя оценивают, какое ты производишь на них впечатление? Не подсмеиваются ли, не тычут ли в спину пальцем. Паранойя? Паранойя. Бала когда-то. Но один лекарь ее вылечил. Почти вылечил.

Раньше Лену задевали косые взгляды и слова-уколы, после которых хотелось залезть под одеяло, выть там долго-долго, ругая себя за нерешительность. Почему ничего не сказала в ответ?! Почему снова смолчала и теперь воет втихомолку?! Надо было то-то и то-то... Надо было, но не смогла. А после боя кулаками не машут. Чего уж теперь реветь.

Как не быть паранойе, если в школе ее считали забитой дурнушкой и нищенкой. Да, они с бабулей не шиковали. А на что шиковать?! На бабушкину пенсию?! Еще Лене причиталась некая сумма за погибшего отца, но к этим деньгам они не прикасались, они были нужны «во взрослой жизни», как говорила бабушка.

Клеймо дурнушки и нищенки приклеилось к ней надолго.

В институте Лена чуть преобразилась, появились новые вещи. Но она по-прежнему больше молчала, никогда не высказывала своего мнения. И была для всех незаметной. Но это лучше, чем общее презрение и насмешки.

И вдруг рядом появился человек, который стянул с ее головы шапку-невидимку, и сокурсники заметили милую скромную девушку. Этим человеком была Лизка. Лена всегда ей будет благодарна.

Но Лиза не смогла сделать то, что с делал Кирилл...

Тарасова быстрым шагом преодолела соседний забор, влетела на свою территорию, будто за ней гналась злая собака, и захлопнула на собой калитку. Почти пробежала по двору, отперла дверь и вошла в свою крепость.

И обомлела. Пакет с продуктами, купленными в супермаркете, выпал из рук. В доме было все перевернуто. Везде валялись книги, газеты, вещи. Создалось впечатление, будто прошел цунами, открыл все ящики, вытащил все из них и разбросал по всему дому. Дверцы всех шкафов зияли открытыми ртами-дверцами, ковер на полу завернут, будто

вор хотел его унести, а в последний момент передумал. В воздухе летали перья из старых бабушкиных подушек, потревоженных потоком воздуха с улицы. Летающие перья создавали иллюзию снегопада. «Снег» летал и падал на пол, укрывая его неровным серо-белым ковром, будто намерился скрыть от новой хозяйки страшную картину надругательства над тем, что еще принадлежало только им.

Это было первое место на земле, где Лена была по-настоящему счастлива! И сейчас это место некто растоптал грязными сапожищами, залапал своими мерзкими руками. И что самое ужасное – внес сумятицу в едва успокоившуюся голову Тарасовой. Еще за порогом дома она была уверена, что все плохое уже позади, а теперь она... уже ни в чем не уверена.

Лена сама не заметила, как оказалась на полу, хотя, первым ее желанием было бежать отсюда без оглядки. Закрыла руками глаза, пытаясь отгородиться от страшной картины, и заплакала. Беззвучно и тихо, не решаясь завывать во весь голос. Слезы потоком текли из-под рук по щекам и капали, капали на колени.

Слезопад резко начался и резко закончился.

Лена отняла влажные ладони от влажного лица и осмотрелась. Разруха не произвела на нее прежнего убийственного впечатления.

- Спокойно! Спокойно! – громко призвала она себе, окончательно расставаясь с диким испугом и болезненной обидой. – И чего я сижу?! Расселась, понимаешь! Надо действовать, а не ныть. Нанылась за всю жизнь под завязку. Довольно! Еще полчаса назад утверждала, что стала другой. Вот и докажи!

Лена смахнула последние слезинки с лица, вытерла мокрые руки о брюки и встала на ноги. Взгляд был прикован к пушинке из подушки, которая настойчиво не желала укладываться на пол.

- Я не паникую! – обратилась Тарасова к пушинке. – Моя бабушка мне говорила, когда я разбивала коленку: «Это не самое страшное, что может случиться в жизни». Не самое. А что самое страшное? Смерть близкого человека. Сама спросила, сама ответила. – Лена боялась тишины, поэтому болтала и болтала. Об уборке, которой нужно заняться, о ремонте. Посмотрела на часы и проняла, что до возвращения Кирилла она ничего не успеет. Поэтому надо его предупредить.

Лена позвонила ему и спокойным голосом поведала о залезших в дом ворах, будто пересказывала увиденный только что по телевизору детектив. Даже подхихикивала в некоторых местах, словно детектив был сродни комедии. Как она не старалась успокоить мужчину, ей это не удалось.

- С тобой все нормально?

- Нормально! Прошу тебя, не волнуйся. Меня в это время не было дома. Я гуляла на водохранилище. Знаешь, там...

Что такого она увидела на водохранилище, Шмидт не пожелал слушать.

- Я сейчас приеду! А ты запри дверь и никому не открывай... Очень тебя прошу – продержись час-полтора.

- Кирюша, не нужно приезжать, у тебя...

- У меня есть ТЫ! И ТЫ сейчас в опасности!..

Лена послушалась Кирилла. Не стала запирается на семь замков, а, напротив, вышла во двор и села на скамейку. Находиться одной в доме ей было нелегко. Мыслей не было, была пустота и обида. Обида не за себя, за Кирюшу, за его бабулю, которая прожила здесь почти всю жизнь. А над ее вещами, которые она берегла всю жизнь и которые ей были дороги, кто-то покуражился.

Каждый человек считает свой дом своей крепостью. Пришел домой, захлопнул за собой дверь, и можешь быть уверен, что здесь ты в полной безопасности. Мой дом – моя крепость и моя мастерская, - как пел Владимир Маркин, и он был прав на сто процентов.

И вдруг, в один день рушатся все представления о доме-крепости. Конечно, жаль похищенных ценностей, но еще более возмущает тот факт, что проникший в дом

преступник, касался своими руками дорогих сердцу вещей. Как поступить в данной ситуации? Любая женщина примется за генеральную уборку, за перестирку всех вещей, но останется ли уверенность, что ты очистил свой дом от скверны? И сможешь ли навсегда избавиться от маниакальной боязни нового проникновения в твою крепость? Или каждый раз по возвращении домой, ты первым делом будешь проверять: не прячется ли где-то враг? Распахивать дверцы шкафов, заглядывать в ванну и туалет, становиться на колени и изучать, что творится под кроватью. А вдруг там затаился преступник? Неужели его миражное присутствие ты будешь ощущать постоянно?

Хотя... Степень маниакальности зависит от... привязанности человека к своему дому. Если для него дом – место, где он ест, спит или просто лежит на диване, то хозяина расстроит только потеря материальных ценностей. А если человек влюблен в свой дом, прирос к нему, то проникновение в жилище он расценивает, как надругательство.

К этой категории привязанных и влюбленных относился и Кирилл Шмидт. Он очень любил бабушку, очень любил дом в Алехново. Для него он был не просто крепостью, это была память о любимом человеке, который жил здесь и ушел из него в другой мир.

Всю дорогу у Кирилла перед глазами стояла бабуля, которая с укоризной смотрела на внука...

Кирилл Шмидт приехал не один. С ним был здоровенный коротко стриженный бугай. Миниатюрной Лене и Кирилл казался великаном, что уж говорить о шкафоподобном незнакомце.

Кирилл возмутился, что Елена его послушалась и вышла во двор, несмотря на то, что он строго-настрога... Но выговаривал он ей ласково и одновременно ощупывал ее взглядом, словно проверял, нет ли увечий. Это была прежняя Лена Тарасова, только в глазах затаилась тревога, без испуга. Она больше беспокоилась о Кирилле. Ведь знала, что значит для него этот дом. Проведя короткую воспитательную работу, Шмидт обнял девушку и представил своего сопровождающего.

- Познакомься, Леночка, это мой школьный друг – Бирюков Сергей Дмитриевич.

- Здравсти, - прошелестела Тарасова и с недоумением уставилась на школьного приятеля Кирилла.

- Сергей - частный детектив, он поможет нам... в..., в общем, поможет разобраться, - сбивчиво пояснил Кирилл.

Частный детектив пожал девушке руку, которая потерялась в его огромной лапе. Произнес дежурную фразу, что, дескать, сожалеет о неприятных обстоятельствах, поспособствовавших их знакомству. Даже, как-то галантно шаркнул ножкой при этом. Лене он сразу понравился. Ужасно понравился, ну вот ужасно и всё тут! С первого взгляда! Почему «ужасно» - не понятно. То ли потому, что это слово с ним хорошо сочеталось, ужасно большой Сергей Бирюков, и сразу видно, что ужасно добрый. Лена поняла это по его улыбке, такой милой и приятной, когда губы растягиваются совсем чуть-чуть, зато голубые глаза хохочут и искрятся, а на щеках появляются ямочки. Как для кого, а для Лены огромный рост в сочетании с ямочками – это нонсенс! И она теперь точно знала, что они с Кириллом в безопасности. Сергей не даст их в обиду, защитит и поможет разобраться в сложной ситуации.

Мужчины зашли в дом, а Лена наотрез отказалась лицезреть еще раз это варварство. И опять осталась одна. Мысль о вчерашней записке не выходила из головы. Несомненно, между запиской и взломом была связь. Надо ли рассказывать о ней Кириллу, Тарасова пока не решила.

Лена начала замерзать. Пальцы на ногах совсем окоченели. Она постукивала ногами друг о друга, пытаясь таким образом согреть их, потом поднялась и стала прохаживаться по двору, непроизвольно обращая свой взор на соседний дом. Это оглядывание вошло у нее в привычку. В доме будто бы никого не было, но Лене казалось, что там кто-то

притаился и исподтишка наблюдает за ней. И кажется, гардина на окне пришла в движение. Или это только кажется.

- У страха глаза велики, - пробубнила она себе под нос, отворачиваясь от соседнего дома. – И зачем мне сдался этот дом?! Больше делать нечего, как постоянно на него пялиться.

Лена вызывающе отвернулась от соседского дома. Теперь чей-то взгляд прожигал ей спину.

- Психоз нечаянно нагрывает, когда его совсем не ждешь, - с грустью пропела она лично сочиненную фразу на известный мотив.

- Что ты сказала? – спросил Кирилл, появляясь из дома в сопровождении своего друга-детектива, который держал в руках лист бумаги.

Очередное послание, - подумал Лена, не пускаясь в объяснение своего легкомысленного поведения. Но Кирилл и не ждал от нее ответа на свой вопрос, он был озабочен более прежнего.

- Лена, вы видели это,- спросил Бирюков и протянул ей листок, на котором черным фломастером было написано: «Тебе лучше убраться отсюда».

- Нет! – Лена узнала характерные кривые печатные буквы, только текст был другой. - Эту записку я не видела, - сказала она с ударением на первом слове.

- Значит, эту записку вы не видели, - подытожил Сергей с таким же ударением на «эту», - а позвольте тогда спросить, что вы видели? Или уже читали?

- Вчера... видела. И читала.

- Вчера? – удивился Кирилл, сложив домиком свои светло-рыжие брови. – Но почему ты мне ничего не сказала?!

- Не хотела тебя беспокоить. Думала, что это чей-то глупый розыгрыш.

Шмидт хотел что-то сказать, но приятель его перебил.

- Лена, вчера вы получили записку, - начал он, предоставляя ей возможность продолжить.

- Да. Она лежала у входа на тумбочке, придавленная камнем. – Тарасова указала, где находилось первое послание.

- С ума можно сойти! – возмутился Шмидт. – Лена! Мне страшно подумать, что с тобой могло произойти!

- Постой, Кирилл... - осадил его Бирюков и обратился к женщине, - у вас сохранилась та записка?

- Нет, - отрицательно покачала головой она, - я ее разорвала на мелкие кусочки и... выбросила... Но могу со всей уверенностью сказать, что обе записки были написаны одним и тем же человеком. – Лена в очередной раз пробежала глазами печатную писанину. - Я не понимаю, кто это может быть и что я ему сделала. В Алехново я несколько дней, никого здесь не знаю... Кроме соседки Виктории. С ней я недавно познакомилась, когда возвращалась домой. Мы с ней перебросили парой фраз, и... всё.

- Я уверен, что Вика здесь не причем, – сразу встал на защиту своей подруги Кирилл, что очень не понравилось Лене. Он даже упустил из вида, что о вчерашнем знакомстве двух женщин ему также не доложили.

- Откуда такая уверенность?! - не сдержалась ревнивая особа.

Кирилл не обратил внимания на ее реплику. Он перебирал в уме людей, способных угрожать Лене.

- А если это твой муж? Хочет, чтобы ты к нему вернулась, и выбрал для этой цели своеобразный метод.

- Тарасову больше нет дела, чтобы пугать меня и тем самым выманить из этого дома. Он прет напрямик, обходных путей не ищет... И он не мог этого сделать, потому что не знает, где я нахожусь.

- Твоя подруга Лиза могла ему рассказать.

- Не могла! Во-первых, Лиза тоже не знает. Где-то за городом и не более. Во-вторых, если бы и знала, то под пытками бы не выдала Вовке мое местонахождение. – От

возбуждения и обиды у Тарасовой на щеках загорелись два ярких красных пятна, будто кто-то щедро нанес румяна. Её возмущало то, что Кирилл так рьяно защищает свою соседку и нападает на Лизавету, которой она доверяла, как себе. Больше, чем себе.

- Лен, ты не обижайся. Я верю, что Лиза не могла выдать тайну... - начал Шмидт, но был резко остановлен.

- И не потому, что не знала, где я отсиживаюсь! – возмутилась она, не дослушав до конца.

- Я понял, - миролюбиво согласился Кирилл.

- Предлагаю вернуться в дом и выяснить, что пропало, - предложил частный детектив и первым направился к дому. За ним потянулась Лена, замыкал шествие Кирилл.

Лена проверила свои нехитрые пожитки. Будто бы ничего не пропало.

Кирилл бегло осмотрел содержимое шкафов.

- Я, вообще, не понимаю, что здесь красть, - заметил он. - Из ценных вещей только зеркало, а оно, как видишь, висит на прежнем месте.

- Зеркало! – вспомнила Лена, - я о нем совсем забыла!

Она подошла к зеркалу и ласково провела рукой по раме.

Шмидт стоял в эпицентре разрухи с задумчивым видом.

- У меня такое чувство, что в доме был обыск, что-то искали и не нашли.

- Почему ты думаешь, что не нашли? – хором спросили Лена с Сергеем.

- Если бы нашли, то не писали записку... И я повторяю – здесь нет ничего ценного! - устало произнес Кирилл и скривился, как от зубной боли. Даже приложил ладонь к правой щеке. Потом сместил руку к подбородку и поскреб по нему. Кирилла беспокоили игры с предупреждающими посланиями. Беспокоили и бесили. Его всегда бесили ситуации, которым он не мог найти объяснение.

- Резонно, - согласился Бирюков и дернул коротко стриженной головой, словно собрался боднуть кого-то из присутствующих. – И я бы с тобой согласился, если бы не был уверен, что бывшая хозяйка этого дома не хранила... что-то. И этим что-то мог заинтересоваться некто.

- Ты сам понял, что сказал? – недовольно буркнул Шмидт и посмотрел на Лену, будто вопрос адресовался ей. Оба подумали о бесследно исчезнувшем дневнике бабушки. Но какую тайну она могла доверить дневнику? И откуда о дневнике узнал неизвестный, наведавшийся в дом в то время, когда отсутствовали хозяева. И не этим ли интересом вызвано его желание удалить из дома новоявленную гостью?

Бирюков сделал вид, что не заметил переглядывания влюбленных. Посчитают нужным поделиться – поделятся.

Он подошел к зеркалу и стал его внимательно рассматривать.

– Это единственная ценность в доме? – спросил он, не удержался и провел ладонью по резной раме, потом переключился на столешницу. Кирилл и Лена пристально следили за каждым его движением. Им казалось, что с зеркалом сию минуту должно что-то произойти. Но нет, не произошло. Зеркало осталось старинным тусклым зеркалом, а частный детектив более не притрагивался к нему, ограничившись отдаленным созерцанием. Отступил на несколько шагов, чтобы рассмотреть себя в полный рост. Так казалось на первый взгляд. На самом деле, собственное отражение Сергея не занимало. Он, вообще, редко смотрелся в зеркало. Не поворачивая головы в сторону влюбленных, не сводивших с него глаз, он с осуждением заметил, - я знаю тебя, Кирюха, лет сто, и зеркало это видел много раз, а только сейчас понял - каждый раз оно выглядит иначе.

- Ты меня в этом винишь? – хмыкнул Шмидт.

- Ты хозяин, с тебя и спрос, - отшутился Бирюков, но без улыбки. И вновь переключился на изучение зеркала. – Может, изменения погодных условий на него влияют? Или настроение в доме? – Он приблизился к зеркалу и повторно провел рукой по столешнице.

- Толстая, - констатировал он, - с чего бы вдруг? Мне всегда казалось, что в ней должен быть выдвижной ящичек, в котором хранятся милые женские безделушки. Ан, нет,

просто столешница. - Он склонился, чтобы найти потайную кнопку, при нажатии на которую тайник откроется. - Ничего. - Потом стал обстукивать согнутым пальцем. - Звук странный, будто внутри пустота.

Лене не понравилось, что Сергей так грубо обращается с семейной реликвией. Но она ничего не сказала, только подошла и погладила столешницу зеркала, как- бы извиняясь перед ним за вольное обращение гостя.

Кириллу пришла в голову странная мысль, которую он сразу озвучил.

- Я никогда не задумывался над тем, могла ли бабушка хранить в доме что-то ценное. Был уверен - мне бы она точно обо всем рассказала. Из наследства в доме было только зеркало, а сейчас вот взбрело в голову: вдруг, кроме него... - Он замялся, не решаясь озвучить догадку.

- Думаешь, что вместе с зеркалом ей достались какие-то ценности? - подсказал Бирюков.

- Не знаю. Я считал, что у бабушки от меня нет секретов, хотя, знал её, как никто - она была человеком скрытным, делиться секретами не любила. Даже с особо приближенными людьми, в число которых входил я.

- Но у тебя есть какие-то предположения? - заинтересовалась Елена. - Кирюша, вспомни: возможно, твоя бабуля когда-то начала разговор о некоей тайне, а затем его оборвала на полуслове? Или ты упустил что-то. Погрузился в свои проблемы и упустил. Но обрывки того разговора зацепились в твоей памяти.

- Никакого доверительного разговора о ценностях я не помню. И не думаю, что это золото-бриллианты... Могу допустить мысль, что это семейные реликвии, безделушки какие-нибудь, которые были дороги только ей, как память о близких людях.

- Ну, на нет и суда нет, - задумчиво произнес Сергей, отворачиваясь от зеркала, которое не удосужилось открыть свои тайны. Он посмотрел на Лену и тоном, не терпящим возражений, заявил, - вам надо уехать отсюда.

- Я не собираюсь...

- Это не обсуждается! - поддержал друга Кирилл и более мягким тоном добавил, - так что собирайся, девочка моя!

- Мое желание кто-нибудь спросил?! - взвилась Тарасова. - А если я не хочу в город?! Что тогда? Насильно увезете?

Она понимала, что ведет себя, как маленькая капризная девочка, но не могла сдержаться. Честно признаться, она боялась здесь оставаться, но в город тоже боялась возвращаться - к встрече с бывшим супругом она не была готова. Пока не была готова, хотя, рано или поздно им придется встретиться и поговорить. Не обсуждать прошлое, а обговорить предстоящий развод.

- Можно поменять замки, - просящим голосом предложила она, уже не надеясь, что ей разрешат остаться в доме.

- Против лома - нет приема! - коротко, но красочно, обрисовал Сергей следующие вражеские действия.

Кирилл обнял женщину за плечи.

- Пойми, так будет лучше. Когда все прояснится, мы вернемся назад. Я обещаю! А пока проживем в моей квартире.

- Тогда, одна просьба, - немного успокоилась Лена. - Пожалуйста, давай заберем с собой зеркало. Очень тебя прошу!

Двое снова сидели в кафе. «Миллионер» и «бомж».

- Ничего там нет, я все перерыл, - недовольно констатировал «бомж», слизывая с губ пивную пену. - Вот живут люди, даже взять нечего.

- Я тебе говорил, сделать все незаметно, чтобы не возникло лишних вопросов, - осудил его открытые поиски «миллионер» и брезгливо покосился на него - ну до чего неопрятен! Но приходилось терпеть его присутствие. До поры до времени.

- Еще скажи, что я должен был там генеральную уборку сделать, - осканился «бомж», показав свои прореженные зубы отвратительно цвета. Но сразу смутился под суровым взглядом «миллионера». - Я действовал быстро, пока девка не вернулась. - О своем желании попутно поживиться чем-нибудь в чужом доме, он скрыл.

- А может, всё и к лучшему. Надеюсь, теперь они уберутся из дома. - «Миллионер» пил кофе и запивал его холодной минералкой. Удивительно, но кофе в этой забегаловке подавали хороший, горячий и крепкий, как он любил.

- Зеркало там больно ценное висело, сразу видно старинное. Давай я его в следующий раз прихвачу?.. Хоть какой-то навар. - «Бомж» оторвался от кружки с пивом и вопросительно глянул на собеседника.

- Степик, я руковожу операцией. В который раз тебя говорю - ничего там не брать, кроме того, что мы ищем. - Он резко поставил чашку на блюдце, будто поставил точку в разговоре.

Встал и вышел из кафе. Как всегда, не прощаясь.

Степик проводил его легко читаемым взглядом и пробубнил себе под нос:

- Да, пошел ты, руководитель хренов! Будет он мне еще указывать! Как только все найду, видел ты меня... И зеркало прихвачу! Из принципа!..

Сергей с Кириллом засиделись на кухне после ужина. Елена давно перемыла посуду, налила всем чай и тактично удалилась, прихватив свою чашку. Не хотела не мешать мужчинам.

- У тебя есть мысли, соображения? Может, заметил за последние дни что-то необычное? - спросил Сергей, возвращаясь к злободневной теме. До этого он выслушал историю странного знакомства Кирилла и Лена, и узнал причину, по которой ей пришлось скитаться по чужим домам.

Кирилл задумался.

- До появления Лены я редко надолго задерживался в Алехново. Больше наездами. Проверю, всё ли в порядке, и домой. Тяжело мне там. Не могу... не мог после смерти бабушки там долго находиться. Просил приглядывать за домом своих соседей - тетю Клаву с дядей Гришей. На Вику надежды мало, ей всё некогда.

- Только ты можешь догадаться о причине, побудившей преступников наведаться в дом! - проявил настойчивость Сергей.

А тот витал в облаках, как все влюбленные люди. И особо не беспокоился о проникновении чужака в жилище. Только о своей ненаглядной, которой чужак мог угрожать. Это поначалу он испугался, а потом обмяк. А чего трястись, если с Леной ничего не случилось, в доме ничего не пропало. Разбросал все, так на то он и вор, чтобы все разбрасывать. Искал, чем бы поживиться, не нашел и ушел восвояси. Мало ли в округе бродит людей без определенного места жительства.

Но все же поразмыслив, Шмидт высказался.

- Знаешь, Серега, что я замечал в последнее время? Что в огороде кроты завелись... Все перерыто, перекопано. Раньше ничего подобного не было... Но это раньше, когда бабушка постоянно жила в доме. А сейчас кроты осмелели и обустроились на нашем участке.

- И тебя этот факт не встревожил?

- С чего бы вдруг?!

- Надо было мне позвонить и рассказать.

- О кротах? - усмехнулся Кирилл. - Но ты не зоолог, насколько я помню.

- Я твой друг, и по совместительству частный детектив! И частный детектив уверен, что его друг понимает разницу между разбойниками-кротами и людьми, решившими провести раскопки на его территории.

- Я решил, что бомжи ищут корнеплоды для пропитания, - нашелся Шмидт.

- У тебя версии рождаются, как бурьян на огороде плохого хозяина. Какие еще предположения родились в этой гениальной кандидатской голове?
- Это не бомжи, - после недолгих умственных операций выдал кандидат биологических наук и усмехнулся.
- Хватит ерничать! Ты о записке забыл?! Лично меня она очень беспокоит.
- Слушай, - озабоченно протянул Кирилл, вмиг расставшись со своей юмористической расслабленностью, - как я мог о ней забыть!
- То-то и оно! – попенял ему Бирюков. - Пока в доме никто постоянно не жил, преступник спокойно копался ночью в огороде. Видимо, поиски в доме решил отложить на время, что-то ему подсказывало, что искомый предмет зарыт в земле. После того, как вся земля была перерыта, он собрался провести ревизию в доме, но тут, как назло, появилась Елена Тарасова, спутавшая все его планы. Выход нашелся быстро – надо ее припугнуть. В довершении он залез в дом и все там перевероршил. Думаю, что преступник преследовал одну цель – напугать нежданную гостью. А когда она уедет, он со спокойной душой займется поисками.
- Ничего не понимаю! Кому это нужно? - Кирилл потер виски. Голова была, как вилочка капусты, тяжелой и без единой умной мысли. – Серега, это никак не может быть связано с Леной. Вдруг ей кто-то угрожает?
- Пока я не могу дать точный ответ. Надо все проверить. Но мне кажется, что к Лене это не имеет отношения. Раскопки в твоём дворе начались еще до твоего знакомства с ней.
- Верно, - ухватился за фразу друга Кирилл. – И что ты намерен предпринять?
- Отдам послание на экспертизу, может появиться зацепка. – Сергей поднялся. - Дай мне ключи от дома, съезжу завтра в Алехново, осмотрюсь, поговорю с соседями...

Петр Леонидович лежал на диване, рядом пристроилась Вика, положив голову ему на плечо.

- Сегодня Кирилл звонил, - доложила она, накручивая на палец прядь волос. – Сказал, что вместе со своей красавицей некоторое время проживет в городской квартире. Я спросила: Почему? Но он ничего не ответил, только попросил присматривать за домом. Мне показалось, что он чем-то сильно расстроен.
- Почему ты так решила?
- Обычно Кирилл интересуется моими делами, мы долго болтаем... А в этот раз здрасте – до свиданья и все!
- Может, у него не было настроения разговаривать. Или занят был. А ты уже начинаешь додумывать.
- Я не додумываю, я волнуюсь. Я люблю Кирилла, как брата!
- Как брата?
- Да, как брата! – с вызовом произнесла Виктория. - И не надо на меня так смотреть!
- Не переживай за своего замечательного Кирилла, кто ему может угрожать?! Или он ведет разработки секретного биологического оружия? – округлив глаза, заинтересовался Петр.
- Тебе бы всё шутки шутить, - отмахнулась от него девушка и хотела встать с дивана, но мужчина ее удержал.
- Давай не будем говорить о твоём Кирилле. Поцелуй меня, я так соскучился!..

Кирилл ехал на работу и думал о вчерашнем происшествии. Лена запоздало предложила обратиться в полицию, но мужчины отвергли её предложение. Ну, заведут они дело и что? Все равно никого искать не будут. А Сергей даже обиделся: раз хотят писать заявление в полицию, значит, на него не надеются.

Неожиданно на ум пришел отец. Юрий Шмидт пропал почти двадцать лет назад и никакого результата в поисках так и не было. Кирилл с Сергеем вели собственное расследование, но прошло слишком много времени с его исчезновения. Бирюков

считал: если бы следствие по горячим следам велось более тщательно, то результат обязательно был, человек не иголка в стоге сена... Исчезновение отца не давало Кириллу покоя, он часто видел его во сне, и надеялся, что эти видения объяснят что-нибудь, но в них были просто детские воспоминания.

Ранней весной отец посадил яблоню во дворе в Алехново. А через три месяца исчез. Бабушка с Кириллом яблоньку очень любили, заботились о ней. Это дерево хранило память о близком человеке. Уже в первый год оно начала цвести, но урожая не было. Первые плоды появились только через год. И не плоды, а плод – единственное румяное яблочко. Огромное и вкусно пахнущее. Кирилл пристально следил за развитием плода. Когда бабушка сорвала созревшее яблоко, Кирилл долго плакал, хотя, считал себя уже большим. Он упал на бабушкину кровать, зарылся в подушках, чтобы никто не видел его слез, и наотрез отказывался попробовать яблоко. Ему казалось тогда, что отец вернется и обидится на них. После долгих бабушкиных уговоров он, наконец, успокоился. Или успокоился после того, как в дом пришла маленькая Вика, которая не должна была видеть, как большой мальчик Кирилл рыдает по пустякам. Бабушка разделила яблоко на две равные половины и дала детям. Она всегда делила между ними все поровну. Кирилл хотел поделиться своей половиной с бабушкой, но та отказалась.

Именно, тогда они решили, что каждый год будут сажать по одной яблоне. Свое обещание сдержали, и через несколько лет получился яблоневоый сад. Но самой любимой была первая яблонька, отцовская, как они с бабушкой ее называли. Сейчас эта яблоня уже не плодоносила, но у Кирилла никогда не появилось желание взять и спилить ее. Наоборот, он продолжал заботливо ухаживать за ней. Каждый год с наступлением весны он с нетерпением ожидал первой листвы. Он боялся, что за зиму яблонька могла погибнуть. Но яблонька, будто жалела своего хозяина, и каждую весну радовала зеленым нарядом...

Директор рекламного агентства «Глобус» Владимир Тарасов пришел на работу в плохом настроении, чем не удивил свою секретаршу Аллу Бабушкину: после исчезновения супруги босс пребывал в затянувшейся депрессии.

Девушка приветливо поздоровалась с шефом, тот небрежно кивнул в ответ и прошел в свой кабинет, громко хлопнув дверью. Секретарь проводила его насупленным взглядом и подумала: И не надоело ему переживать?! Было бы за кого! Погуляет и вернется твоя ненаглядная. А жаль...

Бабушкина не рассчитывала, что высокомерный красавец Тарасов станет искать свою невзрачную супругу и переживать. Такому мужчине больше подходит она, Алла. И когда невзрачничка Лена сбежала из собственного дома, застав их на супружеском ложе, Бабушкина уже видела себя в подвенечной платье рядом с Тарасовым. Как ей хотелось бросить эту надоевшую работу и насладиться обеспеченной жизнью.

Пока мечта Аллы откладывалась на неопределенный срок...

Тарасов бухнулся в начальственное кресло и пустым взглядом уставился в потолок. Посидев без мыслей некоторое время, он поднялся, достал из бара бутылку коньяка и плеснул в бокал. Полубовался цветом напитка и одним махом влил в себя содержимое бокала. Напряжение стало медленно отпускатъ. Только коньяк мог увести его мысли от исчезнувшей супруги. Он не знал: переживание это или злость на нее? Или и то, и другое? Но Владимир знал точно: он был невероятно зол на Лену! Невероятно! Не на себя, а на нее. В супруге крылась причина его измены.

Он не хотел думать о ней, тем более сожалеть о случившемся или жалеть ее, бедную несчастную, которой вздумалось вернуться домой в неурочное время. Как она могла так с НИМ поступить? Бросила на произвол судьбы, и ее совершенно не беспокоит то, что дома полный разгром, что почти вся одежда перекочевала с ящик с нестиранным бельем, что Владимиру самому приходится заботиться о своем пропитании.

Тарасов вспомнил пригоревшую яичницу, которую хотел приготовить себе на завтрак. Хотел сочетать два дела сразу, но у него не вышло: поставил сковороду на огонь, бросил кусок масла, за маслом последовали три яйца, и отправился в ванну бриться. Пока брился, яичница сгорела, квартира наполнилась гарью. Естественно, гарь почуяла вездесущая соседка. Прискакала к нему и спросила своим мерзким писклявым голосом: «Володечка, может вызвать пожарную команду?» Он хотел вызвать бригаду из психбольницы, чтобы те ее забрали вместе с ее сарделеобразной псиной, которая постоянно лает и не дает покоя. Но не стал вступать в дискуссии и захлопнул дверь перед ее крючковатым носом. У человека и так плохое настроение, а тут еще эта соседка со своими постоянными вопросами: «Володечка, что-то я Леночку давно не вижу?» Мне бы тебя век не видеть, гримза старая!

Тарасов налил в бокал еще немного коньяка и начал медленно потягивать. Настроение улучшалось с каждым глотком.

В первые дни после ухода Лены, он даже радовался: он может от нее отдохнуть. Потом задумался: где она? Потом стал психовать и ругать ее! Устроенный быт рушился! А этого Тарасов не выносил. Алка предлагала свои услуги, да что она умеет! Такую только пусти в дом, потом палкой не выгонишь: спит и видит, чтобы развести его с Ленкой и женить на себе. Ведь, это она предложила в тот злополучный день заехать к нему домой. Будто других мест нет!

- Покажи мне, котик, как ты живешь. Твоя женушка все равно на работе, - нудила она сладким голосом.

А он уши развесил и повез ее к себе домой. Показывать, как он живет, на какой кровати спит.

Нет, Алка Ленке не чета. Нет, конечно, внешность у Алки яркая, но на роль жены она не годится. От такой жены всего можно ждать. С Леной жизнь была спокойной, тихой, без сюрпризов. Когда женился на ней, думал, что благодетельствовал. Серая мышка, ничего не требующая, сидит дома, стирает, убирает, готовит, всегда всем довольна. Ни тебе упреков, ни тебе вопросов: где был и почему поздно пришел? Мечта любого мужчины, любящего свободу и не привыкшего оправдываться и унижаться.

Где ее искать? И как вернуть домой?

Подруга ее, Лиза, еще та зараза, ведь знает, где она и молчит. Давно хотел их рассорить, не вышло, а жаль. Лизка всегда его терпеть не могла, настраивала Лену против него. Как-то ехали с Алкой в машине, а на остановке стоит Жукова. Он тогда решил, что она их не заметила, но нет - глазастая оказалась, потом выговаривала ему, обещала жене доложить, если не прекращу шашни водить. Он ее заверил, что никаких шашней нет. Ехали с помощницей по делам. Да, после работы.

Надо было давно Алку уволить. Надо, да жаль. Дура, но красивая до невозможности. Тут тебе и глаза, и губы, и волосы, и фигура, и ноги. Как удержаться! Ведь, ни в музее, где руками ничего трогать нельзя. Здесь можно! Здесь я хозяин!

Но куда делась Лена? Мне бы только ее найти! Наплел бы ей с три короба, она бы поверила и вернулась домой. И тогда все стало бы, как прежде: завтраки, ужины, чистые наглаженные сорочки, и ... сексапильная Аллочка. Или Светочка. Или Галочка... Для поднятия тонуса...

Вылезать из-под теплого одеяла не было желания: в квартире отопление еще не включили, а давно пора. Хорошо было в бабушкином доме: тепло, сухо, уютно, ходи хоть голышом. Здесь в спортивном костюме, в теплых носках, а все равно мерзнешь. Не вставая с постели, Лена взяла в руки пульт и включила телевизор. Уже подходила к концу утренняя развлекательная программа, ведущие пожелали всем приятного дня и попрощались. Лена их поблагодарила и потрусилась в ванную. Долго стояла под горячим

душем, потом хорошенько растерлась махровым полотенцем, закуталась в халат и переместилась в кухню.

Включила электрический чайник и пока он греется стала смотреть в окно. Квартира Кирилла находилась на пятом этаже шестнадцатизэтажного дома. Окна выходили во двор, на детскую площадку. Дни стояли солнечные, но прохладные. Молодые мамочки вывели своих чад на прогулку. Малыши были одеты в теплые комбинезончики, шапочки со смешными помпонами, и передвигались, как маленькие медвежата. Мамочки сидели на скамейке и переговаривались, не спуская глаз с детей.

- Счастливые, - с завистью протянула Лена. У нее зашипало в носу, на глазах неожиданно выступили слезы. - Почему у меня все по-другому? Мне почти тридцать...

Цифра тридцать прозвучала, как девяносто или сто. Цифра – предел, цифра-граница, за которой нет жизни.

Развить мысль молодая женщина не успела, отвлек закипевший чайник. Лена бросила в чашку две ложки растворимого кофе, подумала и добавила ложку сахара. Залила кипятком и вдохнула возбуждающий аромат.

- Блаженство! – восхитилась она вслух, чтобы не чувствовать себя одинокой.

Зажгла две газовые конфорки, чтобы стало теплее, и устроилась с чашкой на стуле, придирчиво осматривая кухню, которую не успела изучить вчера.

Кухня была большой и квадратной. Вдоль одной стены стола мебель, явно выполненная на заказ. В углу пристроился холодильник. Другую стену занимал прямоугольный стеклянный стол со стульями. На одном стуле сидела Лена и выискивала следы женского пребывания. Ну, никак эта кухонная чистота не вязалась с безалаберным научным мужем. И эти горшки с цветами на подоконнике. Стал бы он за ними ухаживать. А может быть и стал – биолог все-таки. Цветы еще куда ни шло. Герани, кажется. Наверное, привез из бабушкиного дома. Бабушки обожают неприхотливые герани, радующие их круглогодичным цветением.

Кирилл вчера сказал, что это квартира принадлежит его отчиму – Феоктисту Федоровичу Эшману. Тот женился на матери Кирилла - Марте Львовне - и переехал в их трехкомнатную квартиру. Когда Кирилл поступил в университет, мать, под давлением отчима, дала сыну полную свободу: он отделился, переехав в эту квартиру и с тех пор жил в здесь.

Полная свобода обернулась постоянными наездами матери, которая уверяла, что всего лишь обеспечивает сыну быт: привозит еду, убирается в квартире, закладывает грязное белье в стиральную машину. От приготовленной еды Кирилл не отказывался, но при этом уверял, что способен самостоятельно решить бытовые проблемы. Но мать, есть мать. Она считала, что ее сын без ее опеки пропадет. Вот появится в доме женщина, тогда...

Что будет тогда, Кирилл представлял себе с трудом. Он был уверен, что мать начнет конкурировать с его избранницей. В институтские годы он особо не спорил, от заботы не отказывался.

О прошлой материнской опеке, больше напоминающей контрольно-ревизионную комиссию, он успел рассказать Лене, но он не упоминал о визитах Марты Львовна в теперешнее время.

А вдруг сейчас распахнется входная дверь и на пороге появится представительная дама, которая задаст резонный вопрос: «А что вы здесь делаете?» Что ей на это ответить?

- Я здесь живу! – вслух заявила Тарасова, отвечая на мысленный вопрос матери Кирилла. – Живу и никуда не уйду!

Вымыла чашку и отправилась на экскурсию по квартире, словно эта квартира насчитывала не одну комнату, на двадцать одну.

Лена убеждала себя, что таким образом просто хочет лучше узнать Кирилла, но в глубине души понимала - это самообман. Лена искала в квартире следы пребывания другой женщины.

Я веду себя отвратительно, - мысленно возмущалась Тарасова, но продолжала открывать шкафы и ящики. Обыск, к радости Лены, не принес результатов: предметов женского туалета и прочих безделушек она не обнаружила.

Неожиданно тишину квартиры разорвал резкий телефонный звонок. Лена вздрогнула и схватилась за сердце.

- Привет! – услышала она радостный голос Кирилла в ответ на свое резкое «Да!» - Как дела у моей девочки?

- Привет, привет! – протараторила в ответ девочка. Ее тронула его забота и внимание. Он такой хороший, а она... копается в его вещах... - У меня все отлично!

- Ты не замерзла?

- Я греюсь газом! – отрапортовала Тарасова и приложила ладонь сначала к одной пылающей от стыда щеке, затем к другой. - Как у тебя дела?

- Все нормально, только очень соскучился. А с газом лучше не шути. В кладовке стоит обогреватель, лучше им обогревайся. Постараюсь освободиться пораньше. Люблю! Целую!

- И я тебя! - Лена была счастлива. Всего несколько ласковых слов, но какой чудодейственный эликсир от подозрительности и ревности!

И как она не пыталась избавиться от сравнений, они постоянно всплывали. Как сейчас. Лена вспомнила, что Владимир Тарасов всегда звонил домой по поводу, а не просто так, чтобы поинтересоваться ее настроением или самочувствием. Ему было до лампочки и то, и другое. Повод был всегда один: сообщить время прибытия с работы. Не для того, чтобы супруга не волновалась, а для того, чтобы к указанному часу была во всеоружии. А если на вечер Тарасов планировал деловую встречу в ресторане, то потребность в домашнем ужине отпадала вместе с известием о прибытии. Ему звонить без особых на то причин Лена не имела права, дабы не тревожить по пустякам. Всё, что касалось её, было пустячным и не требующим его вмешательства. И любой ее звонок он расценивал, как посягательство на личную свободу. Он – свободная личность, а она – рабыня. Была когда-то.

Теперь все иначе. Лене улыбнулась удача - в ее жизни появился человек, которому она нужна, а он – нужен ей. Которому можно позвонить в любую минуту и задать любой вопрос, пусть и глупый, с одной целью – чтобы услышать его голос.

Жизнь прекрасна и удивительна!

Оказывается, на свете существует взаимная любовь. Любовь без унижений и упреков, любовь без боязни сделать что-то не так, без боязни быть непонятой.

Лена нашла в кладовке обогреватель, подумала и придвинула его ближе к зеркалу, которое нашло себе новое место, и сама устроилась перед ним.

- Как ты? – спросила она еле слышно. - Может, поговорим?.. Не хочешь поделиться своими секретами? Я уверена, что ты знаешь о судьбе Юрия Васильевича Шмидта...

Сергей Бирюков был зол на себя и на всех окружающих. Хотя окружающие были ни при чем. Злиться надо на себя, на свою неспособность решить легкую задачку с двумя неизвестными: кто и с какой целью? Но расследование забуксовало. Повторный осмотр дома Кирилла в Алехново, душевная беседа с соседями-пенсионерами, отданная на экспертизу записка, даже засада, устроенная ночью – ничего из выше перечисленного не дало результата.

О своей работе, как и положено, Сергей доложил заказчику, своему другу Шмидту. Тот предложил забыть обо всем. Не тот человек был Бирюков, чтобы согласиться с ним. А Кирилл уже сожалел, что попросил его о помощи. Завидным упорством и желанием дойти до конца Сергей Дмитриевич Бирюков отличался еще в детстве. Он не привык

увливать от трудностей, сворачивать на половине пути, недаром много лет занимался альпинизмом.

А Кирилл быстро забыл о происшествии, все его мысли занимала Лена.

Все вечера мужчина и женщина проводили вдвоем. Когда на улице выдавался теплый вечер, они медленно прогуливались или просто сидели во дворе на скамейке. Кирилл всегда слыл интересный рассказчиком, а в присутствии любимой женщины старался сразить ее своим интеллектом. Лена больше молчала, только изредка вставляла короткие фразы или задавала вопросы. Ей было хорошо рядом с ним, и не важно, что многое из сказанного она не понимает. О своей диссертации, которую Кирилл защитил четыре года назад, он рассказывал больше часа. Лена его ни разу не перебила и искренне выказывала заинтересованность.

Она гордилась им: до чего же Кирилл умный! Защитил кандидатскую в таком молодом возрасте! Одно название диссертации чего стоит - «Естественный отбор – движущая сила эволюции и приспособленческое поведение растений». Во как! Кажется, ничего не перепутала. Рядом с таким человеком надо тоже совершенствоваться.

Лена Тарасова решила подтянуть свои знания по биологии, чтобы поддерживать беседу, а не сидеть с вытаращенными глазами, когда он рассказывает о борьбе организмов за существование, о передаче генотипа и закреплении его в поколениях.

Но на чтение «умных» книг у Лены совсем не оставалось времени. Каждый день она по несколько часов проводила у зеркала. Общение с ним стало ей необходимым, как наркотик. Результатов пока не было, но девушка была терпеливой. Со стороны могло показаться, что она хочет узнать, «кто на свете всех милее», но Лена смотрела не на себя, она смотрела вглубь зеркала, ожидая ответа на заданные ему вопросы. Она ждала чуда.

В пятницу Лена приготовила ужин и, ожидая Кирилла, привычно пристроилась перед зеркалом. Она шепотом разговаривала с ним. Сначала было все, как обычно. Потом в комнате вдруг появился резкий непонятный запах. Девушка подумала, что это из кухни – забыла выключить газ, и теперь еда подгорела, а Кирилл остался без ужина. Она полетела на кухню. Все было в порядке. Источник запаха так и остался невыясненным. Лена вернулась в комнату и поняла, что здесь запах сильнее, чем на кухне. Она стала медленно передвигаться по комнате и принюхиваться, как поисковая собака. Со стороны ее вынюхивания смотрелись странно, если не смешно, но Лене было не до смеха. Ее что-то тревожило. Хороший нюх помог ей найти источник загадочного запаха – возле зеркала. Она села на свое место и сразу появился странный звук. Он был едва различимым. Теперь пришлось задействовать слух. Ей показалось, что внутри зеркала... кто-то шепчет. Слов было не разобрать, просто бормотание, тихое-тихое.

Лена резко отпрянула от зеркала. Испуг был так велик, что у нее отнялись ноги, иначе бы на сумасшедшей скорости вылетела не только из комнаты, но и из квартиры. Ее всю колотило. Она стиснула с замок пальцы, чтобы унять дрожь в кистях рук, и громким голосом произнесла привычную фразу:

- У меня галлюцинации после аварии!

При этом Лена не сводила глаз с зеркала. И вдруг... оно начало менять цвет: из тускло-желтого стало прозрачно-голубым. Потом по нему пошло странное мерцание, будто внутри попеременно вспыхивали и гасли лампочки. Лена взялась руками за столешницу, чтобы не свалиться со стула.

– Не бойся, не бойся, - уговаривала она себя и пристально следила за изменениями зеркала, будто смотрела увлекательный фильм на экране телевизора. Бессвязный шепот слышался вновь. Он становился все громче и громче. Теперь это был уже не шепот, а чья-то речь.

- Ой, мамочка, ой, мамочка, - запричитала испуганная Тарасова.

Неожиданно наступило расслабление, словно ей дали сильное успокоительное мгновенного действия. Но голова при этом работала четко, даже пропала привычная боль.

- Я ничего не понимаю! - вырвалось у Елены. - Что за тарабарский язык?! Ты можешь изъясняться нормально?

Зеркало могло не только объясняться на «тарабарском» языке, оно могло показывать. Сначала женщина заметила в правом верхнем углу с трудом различимую человеческую фигуру. Она была расплывчатой, как будто бродила в тумане, затем стала увеличиваться и проступать четче и четче, медленно выплывая из тумана и приближаясь к центру зеркала. Теперь Лена смогла хорошо рассмотреть человека, вышедшего из недр зеркального мира.

Этого человека она уже видела. На фотографии.

И теперь без труда узнала его. Это бы исчезнувший отец Кирилла Юрий Васильевич Шмидт.

Не отрываясь, Лена следила за действиями Юрия, который в одной руке сжимал небольшой металлический чемоданчик, а в другой держал лопату. Он остановился, осмотрелся, бережно поставил чемодан на землю, поднял голову и пристально посмотрел на Лену. Так ей показалось. Лена в очередной раз отпрянула от зеркала, но мысль о побеге ее не посетила. Успокоилась только тогда, когда мужчина начал копать в земле. В непосредственной близости от места раскопок находилось маленькое деревце.

Между тем Юрий бодро трудился. Он выкопал достаточно глубокую яму, встал на колени и бережно уложил на дно ямы металлический чемоданчик, который в самом начале «действия» нес в руках. Затем быстро закопал яму, похоронив свой чемодан.

Закончив работу, Шмидт еще раз осмотрел окрестности, потом повернулся к Лене спиной и стал удаляться в том же направлении, откуда пришел: из центра зеркала в правый верхний угол. Он становился все меньше и меньше, туман опять окутывал его, затягивал назад, в зазеркалье. Вскоре он превратился в точку, а потом точка пропала.

Запах, исходивший от зеркала, усилился.

Лена потеряла сознание...

Кирилл открыл дверь и сразу почувствовал запах гари. Первой мыслью была – произошла утечка газа.

- Лена! – завопил он на всю квартиру.

На его зов никто не откликнулся. Кирилл заглянул на кухню, бросил беглый взгляд на закрытые краны газовой плиты, потом повернул в комнату и здесь увидел лежащую на полу девушку.

- Лена! Лена, Леночка, что с тобой?

Женщина не отреагировала. Мужчина подхватил ее на руки и перенес на диван. Распахнул настежь окно, свежий воздух проник в помещение. Ветер отпихнул внутрь легкий тюль, затем затянул тюль в раскрытое окно, разгулялся сквозняк, сильно хлопнула входная дверь, которую Шмидт забыл закрыть. Веки Лены задрожали, но глаз она не открыла.

Кирилл не знал, что ему предпринять: то ли звонить в неотложку, то ли вызывать Бирюкова, который был специалистом в разных областях, то ли не терять время даром и самому заняться любимой женщиной. В это время она застонала и наконец, открыла глаза.

- Леночка! – в который раз повторил Шмидт, но с другими интонациями: на смену озабоченности, испугу и горечи пришла смесь счастья и колеблющегося успокоения.

- Кирюша, - прошелестела она.

- Что случилось? Как ты себя чувствуешь? Может, хочешь воды? Или еще чего-нибудь? – забросал он ее вопросами.

Лена что-то тихо сказала, но он не расслышал. Пригнулся к ней ближе, чтобы разобрать шепот.

- Очень душно, мне нечем дышать, - повторила Лена.

- Я уже открыл окно, сейчас тебе станет легче... Надо вызвать врача, - опомнился он.

- Не надо, прошу тебя. Просто посиди рядом... Когда ты рядом мне хорошо... Уже и голос прорезался. И в глазах стало светлее. Я нормально себя чувствую.

- Я вижу, - вздохнул Кирилл, не сводя с нее взгляда, - в гроб краше кладут, как говорила моя бабушка.

- Ты тоже очень бледный.

- Я испугался за тебя. - Он держал в своих горячих ладонях ее маленькую ледяную ладошку. - Ты замерзла?

- Не хочу показаться тебе капризулей, но... закрой окно, я замерзла, - призналась Лена и улыбнулась извиняющейся улыбкой.

В распахнутое окно врвался холодный осенний ветер, подкидывал тюль, кружил по комнате и старательно выгонял остатки гари.

Кирилл выполнил ее просьбу, и на всякий случай сходил на кухню, чтобы еще раз убедиться в исправности газовой плиты. Открыл духовку, принялся, как это делала незадолго до него Тарасова, и решил перекрыть газ.

- Почему- то здесь запах сильнее, чем в кухне, - с недоумением изрек он, возвращаясь в комнату. - Ничего не понимаю... Ты мне можешь объяснить, что произошло?

- Это не утечка газа, - твердо сказала Лена. - Я сначала подумала, что у меня что-то сгорело на плите, пошла, убедилась, что... что ничего не сгорело. - Она не знала, как признаться Кириллу в том, что сегодня произошло. Все же решила, но начала издалека.

- Я тебе все объясню, только не считай меня... ненормальной.

- Я так не считаю...

- Постой, не перебивай... Я сама сбиваюсь... Ты обещаешь, что выслушаешь меня спокойно, без эмоций.

- Может, подождать с рассказом. Приди в себя, а потом...

- Я с этим не могу жить, - призналась она.

- Лен, ты меня пугаешь.

- Чтобы тебя не пугать, я, пожалуй, начну.

Но начинать рассказ о своих «беседах» с зеркалом Лена не спешила. Она боялась, что Кирилл неправильно истолкует ее правдивое признание. И какой нормальный человек поверит тому, что она видела своими глазами.

- Кирюша, тут такое случилось, что в голове не укладывается... В общем, дело было так. Все началось с твоего рассказа о старинных зеркалах. Ты говорил, что если повторять один и тот же вопрос, то зеркало ответит...

- Бабушка тоже сидела перед зеркалом, что-то нашептывала, а в итоге ничего не узнала. Я уверен, что она спрашивала зеркало о моем отце.

- Но ты сам говорил, что она что-то записывала в тетрадь. Значит, зеркало пошло с ней на контакт! Ей было, что записывать!

- Если бы она что-то узнала, то поделилась со мной! - заупрямился Кирилл.

- А если не хотела тебя волновать? - Лена села на диване, - или не хотела, чтобы ее считали...

- Выжившей из ума, - досказал за нее Шмидт. - Это логично, - кивнул он. - Или новость повергла ее в шок, поэтому она не захотела, чтобы я узнал правду. Записала все в дневник, а дневник спрятала. И стала ждать подходящего момента, чтобы посвятить меня в свою тайну. Хотела, чтобы я для начала повзрослел и смог достойно принять ее. - Он вопросительно посмотрел на притихшую Лену, которая усердно прятала глаза. - Ты что-то... видела?

- Видела, - выдохнула она. - Давай я тебе все расскажу, а выводы ты будешь делать сам...

Когда она закончила, Кирилл был потрясен. Потрясен и удивлен. Потрясен и ошеломлен. Но недоверие к рассказу Лены у него не появилось. Значит, все, что он читал в книгах о старинных зеркалах, правда. Пусть, не все, но доля правды есть.

Лена смотрела на него так, как смотрит преступник на судью, который вот-вот вынесет свой вердикт. Ей снова стало душно, хотя, температура в неотопляемом помещении, к тому же хорошо проветренном, почти сравнялась с уличной. Она ловила взгляд Кирилла, чтобы понять отношение к ней, к ее сбивчивому рассказу, и разгадать его планы. Сейчас он поднимет голову, одарит ее презрительный взглядом и скажет: «Мне только сумасшедших в доме не хватало! Иди-ка ты, девочка, подобру-поздорову...»

Кирилл не произнес ни звука. Ему было просто необходимо переварить сообщение Лены. Если бы он услышал всё не из ее уст, а из уст кого-то другого человека, то не поверил бы ни одному слову! Такого не может быть! В сказки он верил в глубоком детстве, когда еще в школу не ходил. Предания о старинных зеркалах его увлекали, как увлекают напечатанные в газетах заметки об НЛО. Кирилл даже не задавался вопросом – верит он в эти рассказы о зеркалах или нет? Прочел и положил информацию в подкорки памяти, авось пригодится.

Пригодилась... И зачем поделился с Леной? Хотел блеснуть эрудицией? Не задумывался, к каким последствиям это приведет? К плачевным! Хорошо, что вернулся вовремя, иначе неизвестно, чем бы все закончилось...

Кириллу стало по-настоящему страшно. Не за себя, за Лену.

Он не может себя успокоить тем, что все это выдумки. За то недолгое время знакомства, он хорошо узнал Лену Тарасову. Она не была фантазеркой.

И вдруг в голове Кирилла Шмидта начала складываться мозаика, как в детской игре. Все стекляшки занимали свои места, выстраиваясь в красивый узор. Это раньше в голове были одни вопросы и темнота, будто цветные стеклышки насыпали в голову кое-как, они бестолково заняли весь объем, а выстроиться в красивую мозаику не пожелали. Теперь в голове просветлело, мозаичная картина начала складываться - каждое стеклышко заняло свое место.

Отец спрятал чемодан во дворе дома в Алехново, - мысленно рассудил младший Шмидт. - Причем спрятал его в непосредственной близости от яблоньки, которую сам и посадил. Других саженцев в то время не было, насколько я могу помнить. А что было в чемодане, догадаться не трудно. В чемодане были пропавшие панно. До сих пор я считал, что отец исчез вместе с панно, однако ошибался. И рассказ Лены тому подтверждение... А вдруг я ошибаюсь, и в чемодане что-то другое? Но что? Ответить на вопрос можно только тогда, когда мы найдем чемодан.

- О чем ты задумался? - спросила Лена, уставшая сверлить Кирилла взглядом. Она заметила, как меняется лицо Кирилла: от огорчения до просветления. И даже до какой-то дикой радости. Он нашел выход, - подумала она, - и выход прост: надо быстро избавиться от умалишенной особы, поселившейся в его доме. Она собралась с духом и поинтересовалась, - Кирилл, ты... мне веришь?

Если первый ее вопрос мужчина оставил без внимания, то на второй удосужился ответить, причем в довольно резкой форме.

- Да, верю я тебе, верю... - Он не злился на нее, он не знал, как ему признаться, что его отец – вор? Хотя, еще рано делать выводы... Не надо себя обманывать! Отец не играл в детские «секретки», он прятал в земле чемодан, а в чемодане были некие ценности. Иначе, зачем ему их зарывать в землю. И Лена должна всё знать! Все равно она все увидит своими глазами, когда чемодан будет найден. Но дети не отвечают за грехи отцов.

Лена не обиделась. Она заметила, что Кирилл находится на перепутье, как она когда-то. Поэтому не торопила, просто сидела и терпеливо ждала. И дождалась.

- Лен, мне надо тебе кое в чем признаться...

Тарасова напряглась. В ее голове за секунду пролетела масса предположений по поводу признаний Кирилла.

- Рассказать об отце... - добавил он. У Лены отлегло от сердца. - После твоего рассказа я начал кое-что понимать... Надеюсь, скоро найду конец ниточки, потяну за нее и распутаю этот запутанный клубок.

- Ничего не понимаю! Ты можешь все внятно объяснить?

Кирилл рассказал ей все: о похищенных с выставки панно, об аресте руководителя, об исчезновении отца. Он пытался себя убедить, что к панно отец не имеет отношения. И вот теперь...

- Почему ты не рассказал об этом раньше? – удивилась Лена. – А выводы пока делать рано. Еще ничего неизвестно.

- Я уверен: в чемодане – украденные с выставки панно! – настойчиво повторил мужчина.

- Откуда такая уверенность?

– Откуда? – переспросил Кирилл и задумался. А, правда, почему он сразу подумал о похищенных панно?..

Сегодня был день сюрпризов и день неожиданных воспоминаний. Шмидт вспомнил некогда оброненную матерью фразу, которая «сбила с головы отца корону», которую нацепила любимому сыну собственная мать, отрицавшая наличие у него корысти. И преступных наклонностей, тем более. Для нее Юрий всегда был идеалом... Оказалось, что отец далеко не идеал, каким его представляла бабуля. Если он не идеал, то ничто человеческое ему не чуждо. Нельзя оценивать человека за один проступок, но его поведение может быть рассмотрено под другим углом.

- А что нам мешает проверить? – между тем вещала Тарасова, позабывшая о своем недомогании. - Двор твой, хочешь – копай, хочешь, ищи металлоискателем, чемодан же металлический.- Глаза Лены загорелись азартным огнем, как у всех золотоискателей.

- Согласен на все сто! - поддержал ее Шмидт. Он позвонил Бирюкову и пригласил в гости, заинтриговав при этом, - Серега, есть интересные новости!

- Вот и отлично! - быстро отреагировала Лена на скорый визит друга и отправилась на кухню разогревать остывший ужин...

Степик, он же Чагин Степан Степанович, большую часть из своих сорока двух прожитых лет провел в местах не столь отдаленных. Сроки лишения свободы за тайное хищение чужого имущества или попросту кражи колебались от трех до восьми лет. Чагин был вор опытный, начал свою «деятельность» еще с малолетки. С каждым разом сорок увеличивался, потому как аппетиты вора со стажем росли.

Во время одного «перерыва» судьба свела Степана с одним умным мужиком. Он отличался от контингента колонии. Был культурным, образованным, но так же, как и все остальные твердил, что не заслуживает наказания, что преступление не совершал. Будто бы его оклеветали и все такое.

Чагин был единственным, кто ему посочувствовал. В общем, сблизилась два совершенно противоположных человека. Степик взял интеллигента под свое крыло. Хотя, и молод был в то время, но вес среди братвы уже имел. Отсидел мужик свой срок от звонка до звонка, даже под амнистию не попал, а когда очутился на свободе, о своем товарище не забыл. Передачи слал, а во времена недолгой вольной жизни ссужал деньгами на первых порах и советом помогал. Любил он это дело – советовать. А Степику его советы до одного места, но он недовольства не выказывал. Хочет «вправить мозги», пусть вправляет, можно подумать Чагин прислушается к его воспитательной речи.

Степан сам не знал, почему прилип к этому человеку. Материальная поддержка и передачи «с воли» не были причиной. Возможно, чувствовал, что их дружба рано или поздно принесет плоды. И плоды эти будут такими, что Степик бросит свою полную опасностей жизнь и переберется в райское место, где доживет до старости.

Год назад Чагин в очередной раз вышел на свободу. И сразу напомнил другу о себе. Тот не отказал. И вскоре поделился своей тайной и теперь уже у Степана попросил помощи.

Чагин добро помнит, всегда готов отплатит той же монетой.

Но время идет, а результатов нет. Надоело Степану в земле ковыряться, в чужих шкафах копаться. Последнее ему не впервой, но скучно – в том доме и пожить-то нечем. Недавно наплевал на запрет и сунулся снова в тот дом. Хорошо, за долгие годы нух выработался – почувствовал засаду и вовремя слинял. Но азарт не пропал. Переждал чуток и опять туда. Для начала убедился, что ни в доме, ни в округе нет никого, и легко проник внутрь. Облазил весь дом в поисках вещи, которая привлекла его внимание в прошлый раз, а именно, старинное зеркало, за которое можно неплохие деньжата срубить. А зеркала-то и нет. Полная невезуха! Так и ушел ни с чем.

И если нет никаких ценностей ни в доме, ни в саду? А друг-приятель издевается над ним? Может, решил его таким способом перевоспитать?

Но нет, утверждает, что своими глазами какие-то записи видел, где черным по белому написано – сокровища присвоили хозяева этого дома.

Степику хочется ему верить, но терпение на исходе. Впрочем, как и деньги, которыми его поддерживает старый приятель. Да разве это деньги, так крохи с барского стола. А Чагин любит на воле жить на широкую ногу. Привычка такая. И менять свои привычки он не намерен.

Да, Степик добро помнит... Но ему кажется, что за все добро он расплатился сполна. Как говорится, помог, чем мог, а теперь прощайте!..

Прошло несколько дней, приближались выходные. Петр Леонидович с нетерпением ждал приезда дочери со всем своим семейством, чтобы познакомиться со своей избранницей.

Инна особо не горела желанием знакомиться, но все время после приглашения испытывала волнение. Только за пару дней до поездки в деревню Алехново она взяла себя в руки, переложив волнение на плечи «невесты».

Это ей смотрины устраивают, а не мне, - подумала дочь немолодого мужчины и сразу успокоилась. – Невеста, - несколько раз повторила она мысленно, - смех да и только - невеста. Пора уже о душе думать, а она замуж собралась... Дети, наверное, мне ровесники. Хорошо, если есть внуки, Сане и Пете веселее будет.

Кроме волнений и предположений, Инну занимал еще один очень важный вопрос – в чем пойти в гости? И как всегда, поняла, что в чем! Вот, совершенно нечего надеть! Не нацепит же она старое тряпье. Ну, пусть не тряпье, но далеко не новые вещи. Все-таки первая встреча, нельзя ударить в грязь лицом. Как известно, по одежке встречают...

В пятницу на работе по обычаю выдался короткий день. Славик поехал домой к мальчишкам, а Инна решила устроить шопинг без занудных свидетелей. Убив несколько часов, она была вознаграждена за упорство - купила именно то платье, о котором давно мечтала. Оно облегалo ее стройную фигуру, подчеркивая все достоинства. Фиолетовый цвет необыкновенно шел Инне. Не смутила даже высокая цена: не каждый день она радуется обновлениям. Она надеялась, что добренький папочка компенсирует часть расходов...

В субботу, ближе к полудню, по квартире Зиминых прошел торнадо, который носил женское имя – Инна. А с раннего утра она отправилась в салон красоты, пробыла там несколько часов, и явилась домой вся издерганная, всем недовольная. Прическа не та, ногти покрыли не тем лаком, хотя, она сама его выбрала. И вообще, она никуда не едет!

- Хорошо, мы никуда не поедем, - миролюбиво согласился супруг.

- Как это не поедем?! – усиливая звук к концу фразы, возмутилась она.

- Но ты...

- Что я? Опять всё я! А ты у нас мягкий и пушистый!.. Почему ты молчишь?

- Не могу выразить словами свое восхищение твоим новым имиджем!

- Ты... ты... правда так думаешь?! Или прикидываешься? Посмотри, что у меня на голове? Прическа называется «птицы вьют гнезда».

- Ты не права, Инночка! Мне очень нравится! Тебе идет, когда волосы забраны наверх. У тебя красивая шея...

- Лучше уйди, знаток женской красоты! – заявила она, но менее воинственно.

Славик укрылся в комнате сыновей, которые делали вид, что их совсем не трогает легкая перебранка родителей. Они прилежные мальчишки, усердно учат уроки, без лишних напоминаний, и они достойны, чтобы их взяли с собой в загадочное Алехново.

- Пап, так мы поедem или нет? – шепотом спросил Петя у отца.

- Поедем, поедem, - успокоил тот.

Инна еще покричала для порядка, потом покрутилась перед зеркалом, и сделала вывод, что муж как всегда был прав – она неплохо выглядит. И прическа ей эта идет. Достала новое платье, приложила его к себе и совсем успокоилась. Приоткрыла дверь в детскую комнату, оглядела притихших мужчин, улыбнулась и пригласила их пить чай.

- Мы же в гости идem, - заныли близнецы, - надо весь день голодать, чтобы в гостях больше влезло, а ты нас все время пичкаешь.

- Я не хочу, чтобы вы меня опозорили. Налетите на еду, будто вас дома голодом морят.

Мальчишки покосились на отца.

- Никто вас не заставляет запикиваться первым, вторым и третьим, мы просто выпьем чай, - сказал он, а когда Инна ушла в кухню, прошептал, - не будите в маме зверя!

Трое мужчин отправились следом за единственной в семье женщиной.

Славик по обыкновению уткнулся в газету, Саня с Петей забыли, что сегодня объявили голодовку, и с удовольствием уминали печенье, запивая сладким чаем. Инна задумалась с чашкой в руках.

Она понимала, что излишне нервозна, что не умеет совладать со своими эмоциями. И, тем самым, портит жизнь своим близким. А все отец со своим приглашением... Может, и правда, отменить поездку пока не поздно. Позвонить отцу и сказать, что она приболела... Вдруг Славик прав, и у отца это всего лишь мимолетное увлечение, а она расстаралась: и платье купила, и полдня в салоне красоты просидела.

- Славочка, а как называется та деревня? – слащавым голосом поинтересовалась Инна, заходя издали. Хотела еще раз услышать мнение супруга.

- Какая? – не понял он, отрываясь от газеты.

- Алехново! – хором ответили за отца сыновья.

- Спасибо, ребята! А то ваш папочка сегодня... не в форме.

Зачем менять планы? – мысленно возмутилась она, словно оспаривала чужое мнение. – И на Славку налетела без причины... Наверное, обиделся... Ничего, вечером помиримся... Так, на чем я остановилась? Ах, да! На мимолетном увлечении! Ну, и пусть связь отца с этой деревенской жительницей будет недолгой. Нас там ждут. Приедem, познакомимся, посидим, поговорим. Я обязана знать, с кем... общается мой отец. Не исключено, что его новая знакомая - порядочная женщина, уверена - на другую он бы не обратил внимания... Но почему сердце предчувствует недоброе? Будто предупреждает о чем-то. А может быть, никуда не ехать? Плюнуть на приглашение и завалиться с интересной книжкой на диван...

Кирилл и Лена впервые поехали в Алехново после проникновения в их дом. Вскоре обещал прибыть Бирюков. Накануне они долго спорили – верить или не верить зеркалу. Естественно, пессимистично относящийся ко всякой мистике Сергей склонялся к недоверию, а Лена и Кирилл дружно пытались его переубедить. В итоге переубедили уже за полночь и приняли решение завтра же отправиться в деревню на раскопки.

Кирилл вел машину и размышлял про себя.

Возможно, наши раскопки бессмысленны. И не потому, что зеркало «сказало» неправду, присочинило, а потому, что панно нашли раньше нас те люди, которые перекопали весь двор. Хотя, вряд ли нашли. В противном случае не стали ли оставлять записки

угрожающего содержания и не влезли бы в дом... Почему так долго не решались на поиски? Не знали, где искать. А потом узнали... Откуда? Зеркало растрепало? Смешно... Ладно, будем надеяться, что копатели ничего не нашли и у нас есть шанс обнаружить чемодан с панно. Что потом? А потом я избавлюсь от них. Каким образом? Спрячу в другом месте, чтобы никто их больше не нашел и не смог обвинить отца в краже... Или панно нужно вернуть? Но как я объясню, где их обнаружил?.. Ни то, ни другое меня не устраивает... Как все-таки поступить, чтобы и украденные ценности вернуть и сохранить доброе имя отца? Честное имя... Кого я пытаюсь обмануть? Дураку ясно, что папочка прикарманил ценности, принадлежавшие государству. Но это мне ясно... Что я скажу другим? Что брел, брел по лесу и вдруг наткнулся на панно, мирно поджидающие меня под сосной? Полная чушь! Думай, Кирилл, думай!.. Итак, по моим сведениям, выставка «Культура и искусство древнего Узбекистана» открылась в марте 1989 года, отец исчез в начале июня. Скорее всего, он выполнял чей-то заказ. Кто-то захотел стать обладателем этих панно. Если бы заказчик добился желаемого, то отец не стал бы их закапывать в бабушкином дворе. Почему закопал? Передумал отдавать? Или заказчик передумал брать? Не договорились по цене? Тогда можно было вернуть панно обратно, пока их никто не хватился. Но отец не вернул, а взял и закопал. Говорили, что на выставке было представлено большое количество уникальных археологических экспонатов, найденных на раскопках за большой период времени. Одновременно все находки не выставлялись ввиду нехватки места. На смену одним приходили другие. Не выставленные экспонаты находились в хранилище. Поэтому вернуть их не составило бы труда. Допустим, встреча с заказчиком откладывалась на неопределенное время. И чтобы на панно не натолкнулась вездесущая Василиса Петровна, ее сын «похоронил» их в земле. Пусть полежат там до поры до времени, пока заказчик не объявится. А сам папочка скрылся, чтобы не попасть под подозрение. Вдруг кто-то стал случайным свидетелем, сразу не сообразил, что к чему, а после того, как обнаружили пропажу панно, кое-что вспомнил и рассказал бы кому следует... Будто бы все правильно выстроилось... Отец все закрутил, а мне приходится раскручивать.

Кирилл Шмидт так и не пришел к выводу, что делать с панно. Отложил принятие решения до того момента, когда они будут найдены. Если, конечно, произойдет чудо, и панно обнаружат в том месте, где они были якобы закопаны отцом...

Лена и Кирилл решили дождаться Сергея и начинать раскопки вместе с ним. Время ожидания они провели с толком – навели порядок в доме, который спешно покинули.

Работа по дому была почти завершена, когда появился Бирюков. Он раздобыл металлоискатель, сразу заявив, что лучше положиться на прибор, чем сразу начать раскопки, потерпеть фиаско и потерять время. Тарасова не понимала, зачем всё усложнять, если итак все понятно – Юрий закопал чемодан под той яблоней, которую посадил незадолго до этого. Это она не знает, какую из большого количества яблонь он посадил, но его сын отлично осведомлен. И Лене указал на «старушку».

Мужчины серьезно подходят к делу, серьезно и неспешно, в отличие от женщин, которые торопятся, чтобы поскорее получить результат.

Спорить Елена не стала, отошла в сторону и стала ждать, нервно потирая ладони, азартно покусывая губы, будто была на спортивном состязании и болела за любимую команду. Не хватало еще подбадривающих выкриков. Выкрики, как и гневное возмущение медлительностью Сергея, она сдерживала с трудом.

А Бирюков неторопливо совершал круговые спиралевидные движения по яблоневому саду, подбираясь к заветной яблоне, служившей центром этих перемещений. Чем ближе мужчины подходили к яблоне, чем учащеннее билось сердце Лены. Женщина надеялась, что ничто не помешает поиску человека с металлоискателем. Под ничто она подразумевала некий металлический предмет, волею случая оказавшийся в земле на садовом участке. Тогда мужчины начнут копать в ложном месте, и время, действительно, они потеряют.

Наконец, Сергей и следующий за ним по пятам Кирилл почти добрались до места, указанного зеркалом. Оставалось всего-то несколько шагов. Лена затаила дыхание. Голова закружилась, пришлось призвать на помощь стену дома.

И тут Бирюков остановился и начал озиаться по сторонам, будто решил изучить живописные окрестности. На глаза попала Лена, держащаяся за стену дома. Она так быстро отдернула руку, испугавшись ненужного вопроса, словно приложилась к раскаленному утюгу, а не к холодной кирпичной кладке. Сергей внимательно изучил повисшую плетью женскую руку, затем перевел взгляд на свои конечности, крепко сжимавшие недействительный металлоискатель. Лена едва не спросила с угрозой в голосе: «Ты издеваешься?!» Но не успела – Сергей продолжил поиски.

Ему хватило одного шага, чтобы металлоискатель подал двойной сигнал...

Семья Зиминых с помощью навигатора успешно добралась до деревни Алехново.

Вячеслав Зимин немного поплутал по самой деревне, пока искал нужную улицу.

- Живут же люди! – завистливо протянула Инна, рассматривая необычные по архитектуре строения с ухоженными газонами. – Вот бы нам бы сюда перебраться!

- Надо трудиться, трудиться и еще раз трудиться, и тогда все мечты начнут сбываться! – перефразировал ее супруг известную цитату вождя мирового пролетариата.

- Особенно, вон та женщина, сильно перетрудилась, чтобы ее мечта – жить с такой роскошью – сбылась! – Инна показала на холеную красавицу, которая показалась из одного особняка, гордо прошествовала к своему авто и уселась на водительское место, безразлично бросив на пассажирское сиденье сумочку, стоимость которой равнялась двум месячным зарплатам начальника отдела.

- Зависть – плохое чувство! – бросив безразличный взгляд на красотку, высказался Вячеслав. – От зависти начинаются болезни желудочно-кишечного тракта!

- А тебе совсем не хочется жить в таком домишке? – спросила с обидой супруга, словно Славика уговаривали обустроиться в таком дворце, а он наотрез отказывался.

- Ну, почему же не хочется? Хочется... Но по Сеньке и шапка, – философски добавил он.

- А помечтать?

- А помечтать никогда не вредно, лишь бы не свихнуться от несбыточной мечты. Я привык ставить перед собой реальные цели.

Инна хотела возразить, привычно поспорить, то в это время Саня и Петя закричали.

- Вот нужная нам улица! А вон и дедушка стоит. Наверное, нас встречает.

Вячеслав заглушил двигатель, ребята выскочили из машины и подбежали к деду.

Петр Леонидович разом обнял обоих внуков.

- Мои дорогие! Как я по вас соскучился! Когда вы успели так вырасти?! – удивился он. – Скоро меня перегоните.

Мальчишки повисли на нем, как две груши на высоком дереве.

Инна присоединилась к ним, чмокнула отца в щеку и прильнула к его плечу, ухватив обеими руками за руку, давая понять невидимой пока невесте, кому по праву принадлежит этот мужчина.

- Доченька моя, как я рад! – расчувствовался он и ответно приложился губами к ее макушке. Пожал руку зятю, – привет, Славик! Как добрались?

- Нормально добрались, – ответила за всех дочь.

На шум из дома вышла девушка.

Наверное, дочка хозяйки, – подумала Инна, пристально изучая ее. И быстро сделала вывод: Если она похожа на мать, то моему отцу повезло – ему досталась красивая женщина.

Девушка улыбалась гостям, Петр Леонидович протянул в ее сторону руку, высвободившись из хватки дочери, приглашая ту подойти ближе.

- Знакомьтесь, это – Виктория! – со счастливой улыбкой произнес он.

Повисла пауза, напомнившая немую сцену в бессмертной комедии Гоголя «Ревизор»...

Яма была уже достаточно глубокой, но пока поисковики в ней ничего не обнаружили. Желание копать дальше не пропало. Мужчины сменяли друг друга, каждому казалось, что у него работа пойдет быстрее. Теперь и у них появился азарт. Куда девалась сдержанная задумчивость и нерасторопность. Лена постоянно перемещалась вокруг ямы, выбирая место для лучшего обзора. Они почти не разговаривали, чтобы не пропустить долгожданный скрежет лопаты по металлической поверхности. И дождались, когда дошла очередь копать землю до Кирилла.

Он замер и взглянул на своих товарищей. Сергей смотрел нарядно, Лена – затравленно, словно боялась, что в яме ничего не обнаружат и начнут ее упрекать во лжи. Никто бы ее упрекать не стал, но ей очень не хотелось потерять доверие обоих мужчин. Особенно, Кирилла Шмидта, который стоял в яме и ждал приказа или подбадривающего напутствия. Но Кирилл думал в этот момент о другом: а надо ли было затевать поиски? Может, пока не поздно одуматься и... Что и? Взять и закопать тот предмет, в который уперлось лезвие лопаты? Что о нем подумают?

У Бирюкова пересохло в горле. Он протянул руку, чтобы забрать лопату у заторможенного приятеля, но тот мотнул головой, крепко схватился за черенок лопаты, опустил глаза и еще раз провел орудием труда по металлической поверхности. Раздался зубодробильный звук, противный, но приятный и долгожданный.

Кирилл забыл о своих сомнениях, быстро очистил твердый предмет от земли. И все увидели... поржавевший металлический чемодан. Шмидт с трудом отобрал его у земли и положил у ног Сергея.

Этот чемодан походил на тот, что видела Лена в зеркале.

Мужчины обратились с немим вопросом к ней, как к последней инстанции.

- Кажется, это именно тот чемодан, - недолго думая, подтвердила она, но без особой уверенности.

- Тут замок с секретом, как его вскрыть? - задумчиво произнес Кирилл, стоя по пояс в яме. Рядом с ямой на корточках пристроился Сергей, визуально изучающий находку.

- Сейчас мы вскроем замок, не волнуйся. – Бирюков достал из кармана набор отмычек и стал шерудить в замке чемодана.

- Слышь, это не ты в наш дом пробрался? - усмехнулся Шмидт, желая разрядить обстановку.

- Я, - без намека на улыбку кивнул приятель, - и как ты догадался?

- Сережа, а ты...

- Лена, не пугайся, мой старинный друг не вор со стажем, он частный детектив. И по роду своей деятельности многое должен уметь.

- И иметь при себе все нужные инструменты, - досказал Бирюков, ловко орудуя отмычками.

Вскрытие замка заняло немного времени. Вскоре они услышали характерный щелчок и замерли в ожидании....

Петр Леонидович вышел с внуками во двор прогуляться и снять напряжение, которое появилось внутри, когда он заметил взгляд дочери, которым она наградила его избранницу. Зная необузданный характер Инны, он уже приготовился к отражению атаки, но та сдержала эмоциональный порыв, хотя, далось ей это нелегко. И всё благодаря мужу, который положил ей руку на плечо, словно напомнил о своем присутствии, о своей поддержке.

Мужчина прохаживался по дорожке и поглядывал на резвящихся внуков. Услышав приглушенные разговоры в соседнем дворе, он переместился ближе к забору и тотчас обо всем догадался. Былое напряжение было несравнимо с тем состоянием, которое охватило его в этот момент. У него не только отнялся язык, он не мог сдвинуться с места,

ничего не слышал, никого не видел, кроме заржавевшего чемодана, лежащего на горке земли.

Не может быть! - пронеслась ураганом в его голове мысль. Хорошо, что он мог думать, смог уговорить себя успокоиться. - Этого не может быть! Просто не может быть и все! Потому что никто не знает, где Шмидт закопал мои панно. Это совпадение. Это не то, о чем я думаю... В бумагах черным по белому было написано, что ни одна живая душа не знает об этом, кроме самого Шмидта. - Вновь попытался он себя убедить.

Бумаги попали к Петру Леонидовичу случайно. Все началось с его знакомства с Викторией. Молодая красивая женщина сразу ему понравилась. До этого он не предполагал, что может кем-то увлечься. Тем более не мог допустить мысль, что она обратит на него внимание. Теперь он не представлял жизни без Вики. Она искренне отвечала ему взаимностью.

Петр Леонидович часто навещался в Алехново. Помогал хозяйке по хозяйству, хотя, она его об этом не просила. Однажды Виктория пожаловалась, что у нее не доходят руки навести порядок на чердаке. Мужчина проявил инициативу, но Вика отмахнулась. В следующий свой приезд Петр напомнил о чердаке, и она сказала, что весь хлам уложила в коробки. Теперь проблема состоит в том, что надо спустить тяжелые коробки вниз.

- Викуля, ты проверила, в них точно нет ничего ценного? – озабоченно спросил Петр, примеряясь к одной из коробок.

- Фамильных драгоценностей у нас никогда не было! - усмехнулась девушка, стоя за его спиной.

Петр Леонидович не сдержался и заглянул внутрь.

- Здесь какие-то бумаги... Может это нужные документы.

- Зря ты копаешься, только время зря потеряешь. И перепачкаешься в пыли.

- Ты не хочешь, чтобы я смотрел?

- Глупости! Смотри, если интересно... Это все мамино. Я не вникала. Наверное, старые счета. Моя мамуля очень бережливый человек, ничего не выбрасывает, всё копит, копит, как Плюшкин. А зачем складировать всякий мусор?!

Внутренний голос подсказывал Петру: посмотри бумаги, посмотри! Он старался прислушиваться к своему внутреннему голосу.

Коробок было всего три. Беглый осмотр много времени не занял. В последней коробке, на самом дне, как это обычно бывает, обнаружилось самое интересное - потрепанная общая тетрадь. Подобные тетради продавали в советское время. Была она вся в пыли, обложка подрана, но надпись можно разобрать. Петр взял тетрадь в руки и обомлел. На обложке аккуратным почерком было выведено: «Личный дневник Шмидта Ю.В.»

По спине Петра Леонидовича потекла струйка ледяного пота.

- От...откуда это? – спросил он, с трудом ворочая языком.

Вика взяла из его рук запыленную тетрадь.

- Личный дневник Шмидта Ю.В. – вслух прочла она. – Странно... Я не обратила на тетрадь внимания, когда укладывала в коробку... С чего бы дневнику лежать на чердаке нашего дома?

- Ты знаешь этого Шмидта Ю.В.? – стараясь говорить бесстрастно, поинтересовался Петр.

- Конечно, знаю. Дядя Юра жил по соседству. Он давно пропал. Кирилл в ту пору учился или во втором, или в третьем классе, точно не помню, а я, вообще, еще в школу не ходила. Только Кирюха в городе учился, а сюда...

- Подожди, не таракти, потом расскажешь про Кирюху... - скривился мужчина.

- Ах, я таракчу! – обиделась Вика.

- Извини, извини, - покаялся за несдержанность кавалер. Выказал заинтересованность и спросил, - а кто такой Кирюха?

- Это сын дяди Юры, - пробормотала она, не понимая, что случилось с её возлюбленным. Раньше он никогда не позволял себе разговаривать с ней в подобном

тоне... Что-то здесь не так. Вон, даже в лице переменялся, как тетрадь увидел. - Ты был знаком с дядей Юрой? – в лоб спросила она.

- Был, - не стал скрывать Петр. – Мы вместе работали в археологической экспедиции. Понимаешь, Шмидт так неожиданно пропал, вот я и подумал, вдруг его дневник приоткроет завесу тайны. – Он бережно смахнул пыль с обложки общей тетради. – Столько лет о нем ни слуху, ни духу, а тут дневник. Прямо послание с того света... Хотя... Преждевременно делать выводы. Возможно, Юрий жив.

- Сомневаюсь, - покачала головой Виктория. И ляпнула невпопад, - дядя Юра жил в городе, - словно ее спросили, где проживал Шмидт. На самом деле, она боялась дать свое согласие на чтение чужого дневника, где могли таиться мысли и чувства, к которым посторонние не имеют права дотрагиваться. Никто не имеет права, кроме ее матери. Недаром дневник оказался на чердаке их дома. - Здесь, в Алехново, жила его мать – бабушка Вася. Василиса Петровна. - Задумчиво продолжила она и снова перескочила на другое. - Петь, а я не и знала, что ты был археологом.

- Не археологом, а всего лишь снабженцем в археологической экспедиции, - уточнил он. И все равно повернул разговор к теме, которая его беспокоила больше, чем прошлая трудовая деятельность. - Викуся, а все же: как эта тетрадь могла оказаться в вашем доме? - Видимо, до последнего сомневался в подлинности личного документа, некогда принадлежащего бывшему коллеге.

- Я догадываюсь о причине, но не знаю, имею ли право раскрывать чужие тайны? - промямлила она.

- О каких тайнах ты говоришь! Столько лет минуло! – Петр Леонидович выжидающе смотрел на девушку. Выглядел он при этом ужасно огорченным, будто девушка неожиданно отвергла его ухаживания, хотя, раньше была благосклонна.

Вике стало жаль его. Она не могла сказать, что у нее «снесло крышу» от любви к нему, но Петр ей нравился: выглядел для своих лет великолепно, был страстным, заботливым, щедрым. На недавний день рождения подарил автомобиль. И не какой-нибудь, а новенький «Фольксваген-Джетта». Получить дорогой подарок приятно, но Вику подкупила легкость, с которой он ей вручил ключи от автомобиля, совершенно не требуя взамен страстных объятий и преданных заверений в вечной любви. Мужчине было приятно ее порадовать. Он, вообще, каждый день ее поражал и удивлял. Была в нем такая внутренняя сила, которой хотелось безоговорочно подчиняться, чего с ней никогда не было. Все мужчины, которые ей попадались до их встречи с Петром, были пластилиновыми. Она что хотела, то и лепила из них. Ой, нет, один все же был. Сильный духом, как он себя называл. По правде, не духом, а кулаками он был силен. И бандитом к тому же оказался. Грешно об этом говорить, но на ее счастье убили его в одной бандитской разборке. Все же жаль его было. Молодой, красивый. Еще бы жить, да жить.

Однажды Виктория познакомилась на кладбище, где оплакивала безвременно ушедшего «сильного духом», с вдовцом. И забыла о прошлом...

Виктория сжалась над Петром.

- Я могу рассказать только о своих детских воспоминаниях, а про тетрадь лучше спросить у мамы. Я ей потом позвоню...

- Начни пока с детских воспоминаний, - предложил Петр Леонидович.

- Сколько я себя помню, мы с мамой всегда жили вдвоем. Отца своего я не знала и вопросов, в отличие от других детей, по этому поводу не задавала. Моя мама - Надежда Афанасьевна Жданова - работала продавцом в магазине. В молодости она была очень красивой, поэтому предложений руки и сердца было предостаточно.

- Теперь понятно, на кого ты похожа.

- Да, я на нее похожа... Так вот... Отбоя от кавалеров у мамы не было, но она никого и близко не подпускала. Иной раз появлялся в нашем доме гость с подарками для меня, посидит-посидит часик-другой, чаю попьет и уйдет. Иногда и чаю очередному гостю не предлагала, а сразу выставляла из дома вместе с подарками. Поэтому визиты маминих

поклонников не вызывали у меня ревности. – Вика замолчала, собираясь с мыслями. – Когда в гости приходил дядя Юра, я сразу замечала: отношение к нему у мамы особое. При его появлении она очень преображалась. Прямо светилась вся от счастья. Летала по комнатам, не зная, чем ему угодить.

- Насколько я помню, Юрий Шмидт был женат?

- Женат, но его супруга здесь почти не появлялась, а он то в экспедиции, то в Алехново. Думаю, обоих такие отношения устраивали. По крайней мере, о разводе речь не заходила. Дядя Юра вырос здесь, не выносил городской суеты. С мамой они дружили с детства, и в молодости у них даже любовь была, но потом он уехал в город учиться, женился там, родился Кирилл... У мамы своя жизнь, свои заботы... Это сейчас, с высоты своего возраста, я понимаю, что юношеская любовь между матерью и Шмидтом не прошла. Он метался между семьей и мамой, а мама ничего не требовала. Ей хватало обрывочной любви. Ворованной любви. И было все равно, что о ней судачат в деревне. Не знаю, чем бы все закончилось, как бы сложилась их жизнь, и сложилась ли вообще, но дядя Юра неожиданно пропал. – Вика вспомнила то страшное время, когда мама и бабушка Вася целыми днями плакали, а они с Кириллом не понимали причины, но тоже плакали. – Мама ждала, верила, надеялась долгие годы. А потом все-таки решила выйти замуж. Мне всегда казалось, что толчком к замужеству стало желание уехать отсюда, желание забыть прошлое, мучившее ее все эти годы. Она сказала мне на прощанье: «Может быть, в другом месте рана затянется. Ты не обижайся на меня, дочь». Я не обижаюсь, мама мне и так всю свою жизнь посвятила, пусть поживет для себя... Петь, мне не хочется ворошить прошлое, беречь маме душу. Я сразу ляпнула, не подумав, а теперь...

- Викуля, я тебя очень прошу – позвони. Для меня это очень важно. Я хочу понять, действительно это дневник Юрия Шмидта или нет? И как он оказался в твоём доме?

Петр Леонидович подумал в тот момент: Сам бог послал ему эту девушку в благодарность за перенесенные испытания...

После того разговора прошло несколько дней, за время которых Вика собиралась с силами для телефонного разговора с матерью.

Родительница звонку дочери обрадовалась. Для начала они поговорили о здоровье, о погоде, обсудили новости, потом Вика осторожно подошла к больной теме. Мама замолчала, потом послышалось всхлипывание.

- Мамуля, ты меня слышишь, прости меня, я не хотела причинить тебе боль.

-....

- Мам, не молчи, скажи мне хоть слово. – Вика тоже начала плакать.

- Тебе не за что извиняться. Это я виновата перед Юрочкой, перед его мамой Василисой Петровной, светлая ей память. Не выполнила я последнюю волю ее сына.

- О чем ты говоришь, мам?

- Как-то Юрочка принес мне свой дневник и попросил: если с ним что-то случится, передать дневник матери, Василисе Петровне. Когда Юра пропал, я так переживала, забыла обо всем на свете... Сама не пойму, как могла забыть о его просьбе?! Совсем из головы вон. Теперь уже и Василиса Петровна лежит в сырой земле... Вика, доченька, очень тебя прошу – отдай этот дневник Кирюше. Он наследник, пусть как хочет, так и распоряжается этим дневником. Иначе вина на мне большая, не исполнила последнюю волю...

Только сейчас она осознала, что Юрий Шмидт никогда к ней не вернется. Осознала и горько заплакала.

Вика после разговора с мамой долго размышляла: неужели на свете есть такая неземная любовь? Сколько лет прошло, а она все равно помнит, верит.

Свинья я последняя, - вынесла себе вердикт девушка. - Взяла и вскрыла едва начавшую затягиваться рану. Правду умные люди говорят: настоящая любовь не проходит, и неважно, рядом любимый человек или нет. Он всегда живет в твоём сердце...

Вот так, совершенно случайно, в руках Петра Леонидовича Крюкова оказался личный дневник Юрия Шмидта, в котором указывалось место, где были спрятаны старинные панно, за кражу которых он несправедливо получил пять лет. И отсидел этот срок от звонка до звонка. Но был вознагражден за испытания, хотя, не верил в подобный исход. Есть Бог на свете, есть...

Крюков разработал целый план по поиску исчезнувших ценностей. Надеялся отыскать Юрия Шмидта или его родственников, которые могут что-то рассказать. И привлек к розыскам Степана Чагина. Прикармливал его много лет, как чувствовал, что тот со временем пригодится.

Но время шло, а результатов не было. Эйфория со временем прошла, уступив место разочарованию. Панно так и не нашли. Крюков стал сомневаться: может, это очередная шутка Шмидта? Он на такие розыгрыши был горазд! Ко всему, занервничал Степик. Петр Леонидович пытался его успокоить, давал денег, уговаривал, но Чагин с катушек слетел. Видите ли, ему все надоело! Он устал рыть землю, как крот. И, вообще, не нанимался в безвозмездные копатели.

- Знать бы точно место, куда твой приятель закопал клад? – при каждой встрече повторял Степик. – Под яблоней! Тут этих яблонь, как в садовом кооперативе!

Нытье подельника и собственные уговоры, подогреваемые разными подачками, вконец надоели Крюкову, но расстаться со Степаном не мог: без его услуг Петру не обойтись, а подключать к делу новых людей было опасно.

Вику и Чагина Петр держал в неведении. Рассказывал, что Шмидт в огороде матери спрятал сокровища, не упоминая панно. Крюков сомневался, что Степик будет ему помогать в поиске каких-то гипсовых обломков.

Когда раскопки на приусадебном участке не увенчались успехом, Петр приказал Чагину осторожно проверить в доме. Вдруг мать Юрия случайно обнаружила закопанные на ее участке панно и где-то их положила, догадавшись, что они принадлежат сыну-археологу. В доме Чагин ничего не обнаружил. Напряжение между «искателями клада» достигло взрывоопасного максимума, вот-вот и дело дойдет до бурных выяснений отношений. Но неуправляемый Степик неожиданно исчез. Как в свое время исчез Юрий Шмидт. Крюков пытался дозвониться Чагину, даже поехал на съемную квартиру, но тот, как в воду канул.

Вдруг он нашел то, что так долго мечтал найти Крюков? Нашел, решил, что панно стоят больших денег и скрылся.

История повторяется...

Но как оказалось, Чагин панно не нашел.

Крюков стоял у забора. И непонимающим взором вновь и вновь смотрел на вырытую яму с бугорком темной земли, на ржавый предмет на этом бугорке, на счастливые лица людей, празднующий победу.

А потом в голове Петра Леонидовича что-то шелкнуло, будто выключили свет, и наступила ночь. Мужчину качнуло, он попытался уцепиться за забор, чтобы удержаться на ногах. Кажется, ободрал ладонь, но боли почти не почувствовал. Только в груди разлетелось на маленькие кусочки сердце...

Ни Лена, ни Кирилл, ни Сергей не заметили чужого интереса с соседнего участка. И не заметили, как там, на участке, кто-то рухнул на землю, как подкошенный.

Они пристроились у раскрытого чемодана и переглядывались, словно призывали друг друга к дальнейшим действиям. Никто из них не решался поднять крышку поржавевшего чемодана и заглянуть внутрь.

На ветке яблони пристроилась огромная ворона и с интересом наблюдала за людьми.
- Кар-р-р! – разнеслось по округе. Птица призывала людей к действию.

Наконец, Кирилл решился.

Он осторожно приподнял крышку чемодана. Пригнулся, чтобы изучить через щель его содержимое. Разглядеть не смог, поэтому резко отбросил крышку, чем напугал Елену. Она отпрянула и едва не свалилась на землю. Сергей ее поддержал.

Внутри лежала ветхая тряпица, брошенная кое-как. Шмидт вопросительно взглянул на Бирюкова, тот неопределенно передернул плечами.

Кирилл взял двумя пальцами тряпицу и потянул вверх, как это делают иллюзионисты. Фокус не удался. Чемодан был пуст...

Близнецы ворвались в дом Вики с криком:

- Дедушка упал, дедушка упал!

Мальчишки были очень напуганы и постоянно оглядывались назад, словно их кто-то преследует. Первой рванула на улицу Вика, за ней Инна, а потом Вячеслав с сыновьями.

У забора лежал без сознания Петр Леонидович...

Врач «скорой помощи» констатировал гипертонический криз. Предложил госпитализировать больного, но он от госпитализации отказался.

Когда доктор уехал, Инна с неприязнью взглянула на Вика и процедила сквозь зубы.

- Удивительно, что это раньше не случилось.

- На что Вы намекаете? – хозяйка дома сидела рядом с лежащим на кровати Петром и держала его за руку.

- Тут и намекать нечего, и так все ясно.

- Инна, перестань немедленно, - тихим голосом попросил отец. Каждое слово давалось ему с большим трудом.

- Действительно, Инна, сейчас не время выяснять отношения, - поддержал его зять.

- Конечно! Не время и не место! – взвилась она. – Все вокруг правы, одна я не права! Да, папочка?

Крюков отвернулся к стене. Слезы душили Инну, но рыдать при Вике она не хотела, поэтому пулей вылетела из дома.

Славик извинился за жену, взял за руки перепуганных сыновей и последовал за женой, которая успела сесть в машину.

Все время, которое они провели в гостях у Виктории, Инну колотило от злости. Кого угодно она ожидала увидеть в качестве избранницы отца, только не молодую девицу, которая моложе ее!

Ну, папочка и учудил!

И долго он будет кровь у меня пить? - злилась она, смахивая ладонью слезы. - Если бы не отец, не его арест, то моя жизнь могла сложиться иначе! Это он виновен в том, что я вышла замуж не за того, за кого хотела выйти! Все он, все он!

Инна не подумала, что союз с тем человеком мог быть несчастлив, что ей повезло: Вячеслав - прекрасный муж и отец. Ей просто хотелось забросать обвинениями отца.

Она забыла, что отец никогда не был диктатором. Никогда не указывал направление, по которому ей следует двигаться. Он просто давал ненавязчивые советы. Но говорил таким проникновенным тоном, что каждое слово молотком забивалось в девичью голову. Инна жутко злилась на себя. И тогда, и сейчас. Потому что вся ее жизнь проходила с оглядкой на отца. Ей было важно услышать его мнение. Она боялась его разочаровать. Всегда боялась, в любом возрасте.

Каждого претендента на ее руку и сердце она сразу знакомила с отцом. Она не копалась в собственных чувствах. Ей казалось, что этот лучше, чем предыдущий. Он ей подходит. Но лучше узнать мнение отца. Отец терпеливо браковал всех претендентов. Даже того парня, которого она очень любила. Кажется, любила... И почему вдруг вспомнила о нем? Сто лет не вспоминала, а сейчас... Решила «навешать всех собак» на отца...

Когда дошла очередь до Вячеслава Зимины, неожиданно отец одобрил выбор Инны.

Почему отец решил, что имеет право вмешиваться в жизнь единственной дочери?! – продолжала накручивать она себя. От злости даже реветь перестала. - Никогда его не интересовало мое мнение! И сегодня я только намекнула, как мне сразу заткнули рот!..

Инна сидела в тепле автомобиля, но чувствовала холод, холод внутри себя. Ее начало трясти, в горле стоял ком, который душил ее и не давал дышать. Она вспомнила слова мамы, которая всегда говорила: «Поплачь, дочка, и тебе станет легче».

Бедная моя мамочка, ты тоже пострадала от этого монстра! - расчувствовалась Инна. Из глаз снова потекли слезы. Они капали на новое платье. Платье впитывало в себя это море слез, как губка. Инна не замечала ничего. Вместе с водопадом уходило напряжение, улетучивалась удушающая злость, дышать стало гораздо легче.

Славик, милый, добрый, терпеливый Славик молча вел автомобиль, время от времени поглядывая в сторону жены. Он знал: лучше ее сейчас не трогать, пусть успокоится. Мальчишки тоже притихли, нарушая тишину салона шмыганьем. Они не поняли, чем вызвана очередная мамина истерика, но по обыкновению были на ее стороне. Они всегда были на ее стороне, и всегда ее жалели. Шмыганье на заднем сидении усилилось. Инна резко повернулась к сыновьям.

- Ребятюшки, успокойтесь. Не надо плакать, - засюсюкала она, - все хорошо, никто не будет расстраиваться. Договорились?

- Угу, - ответил за всех глава семьи.

- Не будете плакать, мои маленькие? – спросила разволновавшаяся мать.

- Не будем, - прогундосил один.

- Мы не маленькие, - добавил другой.

- Вот и славно, - облегченно вздохнула она.

Почему я так себя веду?! – мысленно возмутилась своим несдержанным поведением Инна. - Детей травмирую, себя извожу... Она взглянула на мужа. – А вдруг он устанет от моих постоянных взбрыкиваний?! И не только от взбрыкиваний, но и от погружений в себя? Скажет, зачем мне такая жена? И будет прав. Заберет мальчишек, развернется и уйдет, что тогда? Как я буду жить? Дергать папочку и спрашивать его совета, как вернуть мужа и детей? Спрашивать... Потому что я не могу самостоятельно принять решение. И не нужно никого винить в собственной беспомощности. Давно пора было набраться ума-разума... Хочу казаться умной и взрослой теткой, а на самом деле я малолетка. Истеричная малолетка, не контролирующая свои эмоции, свои поступки.

Инна едва не переметнулась к обвинениям в адрес отца, который воспитал ее такой безвольной, но удержала свой порыв в узде: сама во всем виновата! Почему позволяла манипулировать собой?! Да, потому, что так было легче жить. Кто-то принимает за тебя решения, а тебе это нравится. Иногда тебе хочется почувствовать себя самостоятельной, способной решить любую проблему. Хочется, но не получается. И что в итоге? Ты ведешь себя, как слепой котенок: не знаешь куда идти и что предпринять, стоишь и ждешь подсказки. Если подсказки нет, то ты начинаешь психовать. Как сегодня. Ждала, что отец как-то объяснит свое поведение – почему выбор пал на эту девицу. Не при всех, а ей одной объяснит. Инна примет это как извинение... Или пусть бы Славик что-то успокоительное шепнул на ушко. Пусть и не касаемое сегодняшней ситуации. Прошептал бы: «Я люблю тебя, Инка!». И все. Пружина внутри нее разжалась, обида отступила.

Да, она слепой котенок... Но такой ее любят близкие люди.

Но нельзя себя так вести! Нельзя устраивать скандалы при детях. Нельзя травмировать их психику. Если хочется порыдать, закройся в ванне и рыдай! Чтобы никто не видел и не слышал.

Нельзя испытывать терпение мужа! Всему есть предел.

Надо меняться, - твердо решила Инна и вытерла слезы...

- Можешь вернуть дневник сыну Шмидта, они мне больше не нужны, - безразличным тоном произнес Крюков и отвернулся к стене. Больше он не проронил ни звука.

Вика посидела рядом, пристально изучая его спину. Она ждала, что сейчас Петр повернется к ней, скажет что-то доброе, способное ее успокоить, но он не двигался, словно не чувствовал ее сверлящий взгляд.

Тогда Виктория поднялась и стала убирать посуду со стола. Ходила туда-сюда и размышляла. О дочери Петра она не вспоминала, чего-то подобного с ее стороны она ожидала. Ее беспокоила причина болезни любимого человека. И, естественно, его поведение, его безразличие к ней после приступа. Весь день он был бодр, весел, и вдруг... И почему завел разговор о дневнике дяди Юры? Какая связь между его обмороком и дневником, будь он неладен?

Виктория подошла к кровати, на которой лежал Петр, присела на край и провела ладонью по его спине. Ей просто хотелось к нему прикоснуться, почувствовать тепло его тела. Он не дернулся, не отреагировал на ее прикосновение, только приглушенно пробубнил.

- Оставь меня в покое... И не нужно никаких вопросов.

- Петруша, ты мне очень дорог, - проговорила она спине.

Слеза покатилась по щеке. У нее всегда так: один глаз начинает плакать раньше другого. Прятать слезы не было причины: единственный человек, лежащий близко-близко, был далеко-далеко.

Сегодня Вика поняла, как ОН ей нужен! Этот немолодой уже мужчина ЕЙ очень нужен! И как она жила до него? Невозможно даже себе представить. Будто это была не ее жизнь, а чужая. Она наблюдала за ней со стороны, как кинофильм в просмотровом зале. А ОН сидел рядом и сжимал ее ладошку в своей крепкой ладони. Фильм закончился, они покинули зал, и пошли рука об руку.

А вдруг его не станет?! Нет-нет, даже думать не смей!

Что я могу предпринять в этой ситуации? – задумалась Жданова. - Оградить Петра от волнений. Главная проблема – его стержневая дочурка. Вот же змея! Отцу плохо, а она начала выяснять отношения. Старше меня, двое детей, а ума не нажила... Эгоистка! Баловал ее отец всю жизнь. Конечно, единственный ребенок. А что если... родить Пете сыночка?.. Он будет только рад. И я буду безмерно счастлива. Я так давно мечтаю о ребенке. О ребенке от любимого мужчины. От моего Петруши. Сын даст отцу новый заряд жизни. И скрепит наш союз...

Неожиданно пришедшее решение успокоило Викторию.

Петр давно уснул. А она сидела, боясь пошевелиться, чтобы не потревожить его. Потом с осторожностью прилегла рядом, скрутилась калачиком и задремала...

Кирилл проводил Бирюкова и вернулся в дом, они с Леной решили на выходные остаться в Алехново. Каждый из них думал о своем: Кирилл - о дальнейших шагах, Лена с благодарностью вспоминала своего подсказчика - старинное зеркало. Невзирая на жесткий запрет, она решила продолжить свои тайные эксперименты с зеркалом.

Кирилл размышлял не просто так, а совмещал с работой по кухне - увлеченно чистил картошку.

- Тебе помочь? – предложила Лена, устав от гнетущей тишины в доме, появляясь на пороге.

Шмидт оторвался от своего занятия и посмотрел на нее странным затуманенным взором. Потом сбросил оцепенение, улыбнулся, тряхнул своими огненными вихрами и извиняющимся тоном проговорил:

- Прости меня, девочка моя! Я погрузился в размышления, а монотонная работа, как давно известно, способствует мыслительному процессу.

- Мне кажется, твой мыслительный процесс затянулся, - усмехнулась она. Кирилл посмотрел на часы. – Я не про время. – Лена кивнула головой в сторону тазика с водой, где выступающей горкой лежал очищенный картофель. - Ты ждешь в гости роту солдат?

- Да, действительно, затянулся! - поддакнул он, оценивая плоды своего труда.

- Хорошо, что я заговорила с тобой, а то все запасы на зиму пошли бы под нож, - рассмеялась Лена. Особенно ее позабавило по-детски удивленное лицо Кирилла.

- И что же теперь делать с этой горой? – задался он вопросом и сам нашел ответ, - дорогая, с сегодняшнего дня мы переходим на картофельную диету.

- Что-то я про такую диету ничего не слышала.

- Неужели?! – насупился мужчина, будто каждый уважающий себя человек с малолетства обязан придерживаться этой диеты. – Ладно, оставим в покое неизвестную тебе диету, - отмахнулся он и спросил, - а какое твое самое любимое блюдо из картошки?

- Я очень люблю жареную картошечку с соленым огурчиком! – с восторгом ответила Лена. Она проголодалась после земляных работ на свежем воздухе, хотя, в процессе принимала косвенное участие, и сейчас воспоминание о простом блюде вызвало в животе революцию.

- Ты любишь такую вредную пищу, в которой уйма канцерогенов, способных вызвать появление раковых клеток?!- Кирилл отбросил в сторону нож. – Сейчас я буду читать тебе лекцию о правильном питании, неуч ты этакий! - С этими словами он стал надвигаться на Лену, расставив руки в стороны, чтобы она не ускользнула.

- Лектор, вы бы руки помыли для начала! – призвала она, увернулась и проскочила под его расставленными руками. Подлетела к окну и заметила, как от соседнего дома отъезжает машина скорой помощи.

- Неужели Вика заболела?! - испуганно проговорил Кирилл. - Надо сходить к ней, узнать, может ей что-нибудь нужно.

- Там есть кому о ней позаботиться, - с неприкрытым недовольством сообщила Елена.

- Ты намекаешь на ее поклонника?

- На кого же еще! И скорее всего, врач понадобился ему, а не ей. Вот до чего доводит...

- Лена, не надо, - резко остановил поток женского негодования Шмидт. – Тебе подобная язвительность совсем не идет.

Она смутилась и отвела от него взгляд. Снова уставилась в окно и заметила, как из соседнего дома пулей выскочила молодая женщина и бросилась к автомобилю, припаркованному у забора. Вскоре показался мужчина, который вел за руки двух близнецов. Все сели в тот же автомобиль и уехали.

- Этот «Рено» я раньше не видел, - задумчиво проговорил Кирилл, словно его приставили приглядывать за домом соседки. В его голосе не было прежнего недовольства, как не было извиняющихся ноток. - Однако странные дела творятся в соседнем королевстве.

- Приехали гости, уехали, что ж тут странного? - осторожно обронила Тарасова, стараясь погасить свои эмоции, - и на то оно и соседнее королевство, чтобы не лезть в него со своими вопросами. – Вышло не очень дружелюбно.

Шмидт никак не отреагировал, словно не услышал.

Они еще некоторое время постояли у окна. Лена боялась, что Кирилл направится к Вике, а она начнет метаться по дому в ожидании его возвращения.

Он не пошел к Вике. Но больше не проронил ни слова.

Если до этого молчание их не тяготило, то теперь тишина дома убивала. Они вместе занялись приготовлением ужина, причем, не сговариваясь, но при этом продолжали молчать. Были вместе и были врозь.

Лена не считала нужным извиняться за свою резкость и косилась на задумчивого Кирилла, который беспокоился о Вике, но считал неправильным идти в ее дом, когда там есть кому о ней позаботится...

Владимир Тарасов всегда привык добиваться цели. И сейчас он поставил себе цель - вернуть домой супругу. Цель вполне выполнимая, пусть и проблематичная.

О том, где скрывается Лена, мог знать только один человек – ее близкая подруга Лиза Жукова. И пусть она не желает раскрывать тайну, Владимир обязательно докопается. Он надумал следить за Жуковой, которая рано или поздно приведет к беглянке.

Субботним утром он явился на пост у дома Жуковых. Поставил автомобиль так, чтобы хорошо просматривался подъезд, в котором они жили, а его пребывание не бросалось в глаза, и приготовился к долгому ожиданию...

Жорик Жуков безмерно любил свою жену Лизоньку и сына Ваньку. И свою математику тоже любил. Любовь к последней имела прямую связь с бытовым кретинизмом. Жуков с младых лет увлекался математикой, ей и посвятил свою жизнь: после получения диплома преподавал математику в гимназии. Все вечера Георгий проводил за компьютером. На заре супружеской жизни Лиза еще пыталась загружать мужа домашними делами, но быстро поняла, что легче все сделать самой. Она повторяла свои просьбы по несколько раз, но супруг оставался глух к ним. Или исполнял все так, что лучше бы он ничего не делал. Но всегда внимательно выслушивал перечень пожеланий, даже кивал и обещал «все исполнить в лучшем виде». Сказано – бытовой кретинизм, взращенный на почве фанатичной любви к математике и приобретенного увлечения компьютерами. Пришлось Лизе смириться со своей участью и взять на себя все обязанности по дому. Ей было не в тягость. Лучше иметь такого мужа, чем как у Тарасовой.

Душа за подругу болела давно, ведь знала о любовных похождениях Вовки. И теперь сердце не на месте: где эта непутевая Ленка, с кем? В Алехново у Кирилла! Где это Алехново, кто такой Кирилл, знать бы. Но, кажется, подруга счастлива. Голос радостный, будто бы ничего не скрывает, хотя, ничего и не рассказывает. А Лиза любит, чтобы ей все по полочкам разложили, обо всех мелочах рассказали.

Счастлива... Дай-то Бог! Но много Тарасова понимает! И в мужчинах совсем не разбирается.

Лиза считала подругу доверчивой, ее неумение разбираться в людях всегда ее беспокоило. Очень не хотелось, чтобы все повторилось вновь, и Лена вновь получила от судьбы болезненный подзатыльник. Поэтому Лизе не терпелось познакомиться с Кириллом. Она человек проницательный и сразу разберется в его истинных намерениях.

Но как организовать встречу? Как уговорить Ленку привести в их дом загадочного Кирилла?..

Жуковы дружно вышли из подъезда, прошли вдоль дома и повернули за угол. Тарасов чуть не поддался желанию двинуть за ними, но передумал: а вдруг его дорогая женушка сидит сейчас в их квартире? Сидит и выжидает того момента, когда можно выйти на улицу. Может, у них с Лизкой такая договоренность? Догадались, что брошенный муж может следить за Жуковой, чтобы выйти на след супруги. Сейчас пойдет за Лизкой по пятам, а беглянка спокойно покинет чужую квартиру.

Наверное, думают, что он хочет ее вернуть? Что жить без нее не может? Что сожалеет, что все так вышло? Да, хочет вернуть, да, жить без нее не может. И сожалеет. Потому что с Леной все просто и понятно. И спокойно. Без сюрпризов. На семью одного любителя сюрпризов вполне достаточно.

Владимир похвалил себя за сдержанность, несмотря на то, что желание броситься за Лизкой не прошло. Сдержанность по цепочке потянула за собой привычную злость на супругу. Из-за нее он вынужден сидеть в чужом дворе и ждать. Это ли не унижение?

Только бы ее вернуть. Вот бы он отыгрался за все. Тарасов представлял, как приведет ее домой и выместит на ней накопившуюся злость.

Обиделась она! Подумаешь, цаца какая! Скажи спасибо, что женился на тебе!

Тарасов очень изменился в последнее время, и все подчиненные это заметили. Естественно, причина всем была известна. Источником информации служила секретарша Аллочка. С кем застала Владимира жена, Аллочка не уточнила, но этого и не нужно – все и так догадались.

Алла думала, что обрела власть над Тарасовым, но глубоко ошибалась. Он бесился от одного ее вида, но пока не увольнял, а она продолжала тешить себя надеждой и мечтала стать невидимкой, когда в дверях появлялся грозный начальник. Впрочем, об этом мечтали все сотрудники рекламного агентства «Глобус», боясь попасть под горячую начальственную руку. Чем начальник занимался в кабинете – неведомо никому и мало кого заботило, лишь бы на них не срывался. А тот с утра закрывался в своей клетке и никого, кроме заместителя, к себе не приглашал, что ему было несвойственно: раньше все рабочее время проходило в совещаниях-заседаниях. Несмотря на бездействие руководителя, трудовая деятельность кипела, никто от работы не отлынивал. И в этом была заслуга заместителя и друга Тарасова – Вяземского Макара Кузьмича, который временно взял на себя руководство «Глобусом». Одновременно пытался привести в чувство товарища. Положительного результата его встряхивания, уговоры и предложения «оттянуться по полной» пока не приносили...

Сидя в машине возле дома Жуковых и потягивая кофе из термоса, Владимир продолжал придумывать суровые наказания для сбежавшей жены. Он устал. Устал ждать, устал злиться, устал выдумывать способы мести... А как хочется бросить все к чертовой матери! Бросить свою затею с возвращением Ленки, поехать домой, развалиться в кресле перед телевизором, выставить на стол бутылку вискаря и медленно потягивать его из толстостенного стакана, постукивая подтаявшими кубиками льда по его стенкам и любуясь на просвет цветом благородного напитка. Ох, как хочется упиться до одурения. И забыть обо всем. Дать передышку уставшей голове. Выбросить из головы все грустные мысли, которые с постоянным издевательством прокручиваются в ней.

Он после упьется до одурения. Когда Ленка окажется в родных четырех стенах под надежным замком.

Владимир гордился собой: у него есть сила воли! А раз есть сила воли, то он обязательно достигнет поставленной цели. Впрочем, как всегда...

Когда начало темнеть, вернулись домой Жуковы. А Ленка так и не появилась. Тарасов проводил дружное семейство суровым взглядом, посидел еще час и поехал домой, решив заступить на свой пост завтра, в воскресенье, с утра пораньше...

Кирилл и Лена сидели во дворе у костра. Каждый из них держал в руке шампур с нанизанными на нем сардельками. Картофельная диета себя не оправдала. Прошло пару часов и обоим захотелось чего-нибудь посущественней, чем жареный картофель с соленным огурчиком.

Они не стали выяснять отношения. Лена не высказала сожаления своим поведением, не желая возвращаться к спорной теме, а Кирилл успокоился за Вику: если бы на то была необходимость, она сама обратилась бы за помощью. Так по молчаливому согласию был восстановлен мир.

И теперь они сидели во дворе у костра и с наслаждением вдыхали аппетитный запах, исходящий от сарделек, с которых капал в огонь плавящийся жир. Толстенькие сардельки безответственно долго покрывались аппетитной корочкой, а двое оголодавших людей устали ждать того момента, когда можно будет вкусить эту румяную вкуснятину.

Когда голод был утолен, Лена убежала в дом, вернулась с гитарой и без лишних слов протянула ее Кириллу. Он взял в руки инструмент, подумал немного и, глядя на любимую, тихо и чувственно запел:

- Для меня нет тебя прекрасней, но ловлю я твой взор напрасно...

Стена непонимания, неожиданно возникшая между ними после оброненной фразы, окончательно пала. Лена слушала, не сводя восторженных глаз с любимого мужчины. Она обожала песни Юрия Антонова и сейчас удивлялась, как он догадался об этом.

- Пожалуйста, спой еще! – попросила она, когда Кирилл смолк.

- Для тебя я готов петь всю ночь... Не только ночь, всю жизнь... Если ты согласна...

- Я согласна, - призналась Елена, выдержав паузу.

Легкая улыбка тронула губы мужчины. Он запел, гитара запела вместе с ним.

- Ты мне в сердце вошла, словно счастья вестница...

Вика вышла на крыльцо и прислушалась. Из соседнего двора доносился приятный голос Кирилла.

Диагноз ясен, - усмехнулась она, - мой друг влюблен! Надеюсь, что взаимно. Он этого заслуживает. Повезло Лене...

Вика постояла еще немного, полюбовалась звездами, дослушала песню и вернулась в дом, осторожно прикрыв за собой дверь, чтобы не услышали двое влюбленных на своем острове и не решили, что кто-то втискивается в их идиллию.

Петр спокойно спал, лежа на спине, время от времени забавно всхрапывая. Вика приблизилась к нему, дотронулась губами до щетинистой щеки, провела двумя пальцами по складкам между бровей, будто разгладила, и прошептала:

- Каждому свое...

Утром Лена поговорила по телефону с Лизкой, которая настаивала на знакомстве с Кириллом Шмидтом. В последнее время это была главная тема их дискуссии. Жукова не стала выслушивать веских доводов, которые на ходу выдумывала подруга, и та в итоге сдалась, хотя, еще не знала, как воспримет ее согласие Кирилл. Она его попытается уговорить. Но в любом случае мнение Лизаветы не повлияет на их отношения. Они любят друг друга. Вчерашнее недоразумение не в счет. Милые бранятся, только тешатся.

Подруги договорились, что они заедут к Жуковым по пути к себе домой. Осталась самая малость - уговорить Кирилла. Зная его стеснительность, Лена догадывалась, что перед ней стоит трудная задача. Конечно, можно сказать, что соскучилась по подруге, по ее сыну Ваньке, и попросить заехать к ним. Но где вероятность, что Кирилл изъявит желание сопровождать ее? Скажет, ты иди, а я в машине подожду. Сколько будет нужно, столько и подожду. Не силой же его вести!

Ладно, на месте разберемся, - решила Лена и начала собираться в обратный путь...

Утро воскресенья выдалось солнечным, но прохладным. Недалеко от шестнадцатиэтажного дома стоял черный внедорожник «Nissan Murano». Он спрятался за крайним гаражом, возле которого присоседилась группа мусорных контейнеров. Не та величина у внедорожника, чтобы легко укрыться за полуогороженной забором площадкой с несколькими баками, но интереса он не вызывал, словно привычное дело - стоящие друг за другом баки и джипы. Джип стоял здесь уже второй день, и успел сродниться с пейзажем. Даже бабули на скамейках не реагировали на величественный автомобиль. Они не так много времени проводили на улице - погода не позволяла, чтобы обращать внимания на ненужные проблемы, не имеющие никакого отношения к теме разговора. Стоит себе и пусть стоит, главное не наглет, как некоторые...

Старушки побродили, посидели, обсудили новости, и разошлись. Хоть и солнечно, но все-таки прохладно. И ветер пронизывающий.

Старушек сменили громкие подростки. Те проявили большой интерес к завидной тачке, но близко не подошли. Издали обсудили, помечтали, выпили по банке пива, подурачились и разбежались.

Человек в автомобиле терпеливо ждал, сверля взглядом подъездную дверь...

Во второй половине дня, ближе к вечеру, во двор зашмыгнул бойкий автомобильчик зеленого цвета. Бодро протрусил вдоль дома и замер у подъезда, вызвавшего интерес водителя внедорожника.

«Жигули-десятка», номер..., - автоматически зафиксировал в памяти ненужную на первый взгляд информацию человек в «Ниссане». Он уже хотел отвести взгляд от автомобиля, но из салона показалась знакомая женская фигура.

- Оп-па! – выдохнул Тарасов, - вот так встреча! - Он не подумал, что Лена имеет отношение к водителю «десятки». Поймала частника, чтобы доехать до дома подруги. Сейчас автомобиль уедет, она войдет в подъезд, и...

Владимир отбросил от себя дверь джипа, опустил на асфальт одну ногу и замер. Водитель «десятки» не собирался отчаливать, получив свои деньги. Напротив, он последовал за Леной. И не просто последовал, а обнял ее за талию и о чем-то оживленно с ней переговаривался. Нога Тарасова вернулась в салон, дверь прикрылась.

- Рыжий, рыжий, конопатый, - задумчиво изрек не к месту Вовка. – И что ж ты, рыжий, конопатый, делаешь рядом с моей женой?!

Нельзя было не заметить, какие разительные перемены произошли с Еленой. Глаза сияют, улыбка не сходит с уст. Какая-то уверенная, независимая, даже походка стала более легкой, будто крылья за спиной выросли. Раньше она была совсем другой... Или он смотрел на нее и не замечал. Видел некий расплывчатый образ без особых примет. Как не замечают обслуживающий персонал. А спроси, как выглядела горничная в отеле, или уборщица в твоём подъезде, или какая консьержка из трех имеющихся дежурила сегодня? Ты усомнишься, какой ответ дать. И горничная была, еще влезла в номер, решив, что ты уже ушел, и уборщица возила шваброй по ступеням, распространяя терпкий запах пота, едва не зацепила тебя этой шваброй и не извинилась, и консьержка услужливо поздоровалась, а ты едва кивнул в ответ... Зачем тебе запоминать их лица?! Да, Владимир Тарасов заносчивый и высокомерный... Но Лена – не обслуживающий персонал. Или обслуживающий? И этим вызвано его желание вернуть ее в родные пенаты. Ему с ней комфортно...

Кирилл согласился заскочить к Жуковым. И согласился зайти вместе с Леной. Долго упрашивать не пришлось, он не хотел ее отпускать от себя.

По дороге они купили торт и коробку конфет. Все Жуковы были страшными сладкоежками, и Лена никогда не приходила к ним с пустыми руками.

Дверь открылась, и на пороге появились Лиза и младший Жуков, который был заранее оповещен о приезде тети Лены и уже заждался.

Лена расцеловала обоих, представила Кирилла, который опять начал краснеть и смущаться. Потом приподнялась на носки и чмокнула появившегося в прихожей Жорика. Мужчины пожали друг другу руки.

- Проходите, пожалуйста, - пригласила гостей хозяйка и театрально воздела руку в сторону, указывая направление. При этом она навязчиво рассматривала и без того смущенного Шмидта, словно сомневалась, тот ли пришел или не тот. Судя, по счастливой улыбке Елены, пришел тот.

Проходя мимо подруги, Лена успела ей шепнуть:

- Прекрати так пялиться на Кирилла.

Ответить та не успела, потому как Лена уже прошмыгнула мимо.

- Вот это стол! - восхитилась Тарасова, оценивая кулинарные шедевры хозяйки, разложенные по вазочкам, тарелочкам, плосечкам.

- Потом еще горячее принесу! - с явным удовольствием от похвалы доложила Лиза и бросилась на кухню. Через пару минут она появилась вновь, в руках была очередная тарелочка, естественно, не пустая, и приказала: Ребята, все к столу!

- Наконец-то, - вздохнул Ванька, - мама нас с утра голодом морит. Дала по бутерброду и велела не перебивать аппетит до прихода гостей.

- Бедный ребенок! – пожалела его Лена и взлохматила шевелюру на его голове.

- А то ты не знаешь, что этот ребенок всегда голодный! – усмехнулась мать. – Про бутерброды он вспомнил, а про пирожки забыл. Кто таскал горячие пирожки? А?

- Это папа! - ловко выкрутился Ванька.

- Это я! – обреченно согласился Жорик.

- Вот такие у меня мужчины! Один за другого стоят горой! – Расцвела от счастья Лизавета, одаривая любовным взглядом обоих.

Кирилл забыл о смущении, в этом доме он почувствовал себя своим. А хозяйка сразу поняла, что это порядочный мужчина, ни чета некоторым.

Все расселись по местам. Лиза всегда была хлебосольной хозяйкой, а сегодня, вообще, превзошла себя. И гости, и хозяева уплетали за обе щеки. Но Лиза была бы не Лиза, если бы не совмещала прием пищи с обстоятельным допросом нового знакомого. Лена незаметно толкала ее ногой под столом, но та, как будто, не замечала. Кирилл не краснел, не сбивался, а свободно поддерживал беседу, которую не принимал за допрос. Подключил к разговору молчаливого математика, чтобы было легче отбиваться от женского прессинга. А математик так разболтался, что удивил не только Лену, но и собственную жену.

Под конец застолья хозяева были очарованы Кириллом.

Поблагодарив за вкусный ужин, пара влюбленных отправилась домой.

Кирилл галантно распахнул дверь автомобиля перед Леной. Но удержал женщину, притянул ее к себе и поцеловал.

Если взглядом можно было испепелить, то целующаяся пара сгорела бы дотла. Именно так смотрел на них человек в большом черном «Ниссане». У него от напряжения занемели пальцы, сжимающие руль, а перед глазами пошли красные круги. Он почувствовал, что из носа вот-вот хлынет кровь, потому что вся кровь прилила к голове, а руки, напротив, онемели. Мужчина с трудом приоткрыл дверь автомобиля, будто она весила не менее тонны. Холодный свежий воздух привел его в чувство. Он откинулся на сиденье и закрыл глаза. Машина начала бешено вращаться, словно ее установили на центрифугу. Владимир открыл глаза, вращение замедлилось, а потом и вовсе прекратилось. Он глубоко вдохнул влажный воздух и закашлялся.

- Возьми себя в руки, - хриплым голосом приказал он, когда приступ кашля отступил. – Сейчас нужно успокоиться и поехать за ними.

Когда зеленая «десятка» выехала со двора, Владимир тронулся за ней...

По дороге домой Лена постоянно оглядывалась назад.

- Что с тобой? - поинтересовался Кирилл. – Ты была такой веселой, а сейчас побледнела, вид испуганный.

- Все хорошо, только голова немного разболелась. Забыла выпить лекарство, да и устала немного.

- Если ты будешь вертеть головой, боль только усилится.

- Я не верчу, тебе показалось, - бодрым голосом отрапортовала она и попыталась улыбнуться.

- Лена, нельзя пренебрегать наставлениями доктора. Забыла, что он тебе говорил?.. Но в этом есть и моя вина, - покаялся Шмидт.

Женщина его не слушала. Она была очень напугана: ей показалось, что во дворе дома Жуковых стояла машина Тарасова. Правда показалось или она там была на самом деле? Если машина ей померещилась, то почему так колотится сердце-вещун?

Нельзя рассказывать Кириллу о своих страхах.

Лена незаметно обернулась назад. Позади них плелись несколько автомобилей. Ни один из них не был похож на авто Тарасова.

Мне померещилось, - решила Лена.

Кирилл свернул к супермаркету. Елена напоминала трусливого вражеского агента на чужой территории, которому поручили незаметно добраться от своего авто до входа в магазин: вся скукожилась, скрючилась, при этом не забывала зыркать по сторонам. Ее скорости, но не технике, мог позавидовать человек, который занимается спортивной ходьбой. Внутри она немного расслабилась, переключилась на Кирилла, который то и дело спрашивал:

- Лен, это будем брать? А это?..

До дома они добрались без приключений.

Выйдя из машины, Лена посмотрела по сторонам. Тихо, спокойно, чужих нет.

У меня мания преследования, - быстро поставила она диагноз. – И что мне с этим делать? Надо больше гулять на свежем воздухе, а не сидеть перед зеркалом...

Владимир Тарасов заметил, в какой подъезд зашла его жена.

- Ну, вот и все! – самодовольно изрек он, повернул ключ зажигания и поехал домой. От недавнего недомогания не осталось и следа...

Инна Зимина не спала всю ночь, прокручивала в голове события прошедшего дня. То оправдывала свое поведение, то клеймила себя позором, поочередно жалея отца и себя несчастную.

Утром все же решила позвонить отцу, еще не решив, будет ли извиняться или поинтересуется его здоровьем, не возвращаясь к вчерашним событиям, словно ничего не произошло. Но прежде Инна выпроводила из дома своих мужчин, кого в школу, кого на работу, пообещав мужу-начальнику явиться после обеда, чтобы за это время привести себя в божеский вид: опухшее лицо и красные глаза могли послужить поводом к пересудам.

Лишь после этого взялась за телефон. Но услышав первый длинный гудок, едва не отключилась. Отругала себя за трусость и терпеливо стала ждать соединения.

- Алло, - услышала Инна женский голос. Не голос отца, а этой женщины Виктории. - Алло, вас не слышно! – прозвенела та сердито, выждала какое-то время и отключилась.

Инна Зимина не нашла в себе силы ответить.

Отдышалась, походила по комнате и снова позвонила.

- Алло...

- Дай мне немедленно отца!

- Здравствуй, Инна, - спокойно поприветствовала ее Вика. - У тебя что-то срочное? Если нет, то позвони позже, Петр спит, и я не хочу его будить. Когда он проснется, я обязательно передам, что ты звонила. Он сам решит, перезванивать тебе или...

Инна отшвырнула от себя мобильный телефон, не желая слушать продолжения.

- Теперь мне будут указывать, когда мне разговаривать с собственным отцом! – взвилась она. Бросилась в спальню, распласталась на кровати, спрятав лицо в подушке. Почему-то слез не было. И агрессия резко сменилась слабостью, будто Инна проделала тяжелую физическую работу.

Но она нашла в себе силы перевернуться на спину, чтобы было легче дышать, и стала изучать потолок.

Потолок не дал подсказки, как следует себя дальше вести с пассивной отцом: игнорировать её или изобразить дружелюбие? Подружиться с ней «по-честному» у Инки никогда не получится.

Почему все мои мысли заняты Викторией?! – подумала она, - я должна думать об отце, у него проблемы со здоровьем, мне надо как-то ему помочь, а я даже не поинтересовалась его самочувствием. Я плохая дочь... Почему у Вики был печальный голос? Вдруг отцу стало хуже? Нельзя винить ее во всем смертных грехах. С каждым может такое

случиться, тем более в немолодом возрасте. Осень, перепады давления... И не нужно осуждать отца, а попытаться понять его. Человек в любом возрасте достоин счастья. Дети - это замечательно, но я давно выросла, у меня своя семья, свои заботы. С отцом обязательно должен быть рядом человек, который... который его по-настоящему полюбит... Славка прав: отец - не глубокий старик. Что он видел за свои, без малого, шестьдесят лет? Постоянные экспедиции, колония, затяжная болезнь мамы. Он был сиделкой при ней. Неужели он не достоин стать счастливым?! Мама не вчера умерла, прошло достаточно времени.... Но я никак не ожидала увидеть рядом с отцом молодую девушку. Естественно, меня переключило. Поначалу я еще сдерживалась, хотя, очень хотелось учинить скандал в первую же минуту. Сдержалась, но всем видом показала презрение к охотнице за богатеньким дядечкой. Пусть знает, что я ее намерения легко разгадала. Это отец ослеп от любви, но меня так просто не проведешь... Но когда у отца случился приступ, Вика искренне испугалась. Значит, ее подталкивает к отцу не корысть, а... Что? Ну, не любовь же... Вот взять меня. Я могла бы полюбить... Кого бы мне полюбить? Например... Например, - Инна перебирала в уме знакомых пожилых мужчин, в которых она смогла бы влюбиться, если бы была одинокой. Кроме коллеги по работе Ивана Сергеевича Капустина, который постоянно ходил в мятом костюме, будто каждое утро тщательно топтался по нему ногами, прежде чем натянуть на себя, никто в памяти не всплывал. - В Капустина я бы точно не влюбилась, - решила Зимица. - Надо бы подобрать кого-то попримечательней. Чтобы отдаленно был похож на франта отца... Ой, вспомнила! Есть такой! Это сосед с девятого этажа. Как же его зовут... Эдуард... Францевич. Точно! Эдуард Францевич. - Она закрыла глаза, чтобы восстановить в памяти образ лощеного седовласого господина, разъезжающего на серебристой «Ауди». Авто затмевало образ ее владельца. - А если представить, что у него нет престижной машины? - задалась вопросом Инна и поняла, что Эдуард и без «Ауди» мог привлечь внимание любой женщины. - Из чего можно сделать утешительный вывод, что молодая женщина способна полюбить немолодого мужчину. Искренне полюбить.... И всякие сопоставления мне не нужны, я еще вчера, к своему неудовольствию, заметила, что эти двое - отец и Вика - искренне привязаны друг к другу. По взглядам, которыми они обменивались, по коротким фразам, по желанию незаметно прикоснуться друг к другу. Вика потчевала гостей, но своим поведением давала понять, что главным человеком за столом является мой отец. И это не была игра на публику, все выглядело естественно и... очень трогательно. Другая бы порадовалась за отца, а я... А я устроила скандал, к тому же выбрала самое неподходящее время.

- И чего я разлегалась? - спросила она у потолка. - Устала от противоречий? Не мудрено! То к этому флангу перевернусь, то к другому. Вот сейчас встану и пойду звонить Виктории. Говорю же, встану и пойду... Женщинам всегда есть о чем поболтать...

Макар Кузьмич Вяземский не знал, как привести в чувство своего друга Владимира Тарасова. Уже десять утра понедельника, а его опять нет на работе. Внушительная стопка бумаг дожидается его подписи, работники беззастенчиво болтаются по офису с чашками кофе, пользуясь снисходительностью заместителя, хихикают, сплетничают. Работа, конечно, идет, Макар следит за процессом, но делается все, как в замедленной съемке. Подчиненные зама уважают, но только при появлении директора, агентство начинает гудеть, как улей: все бегают, работа кипит, никто не шепчется, не распивает чай-кофеи, не шатаются по коридорам.

Наверное, так и должно быть, - размышлял Макар, - один начальник добрый, другой злой.

Добрый, ясное дело, он, Вяземский, а злой, особенно в последнее время, Владимир Ильич Тарасов, закадычный друг еще со школьной скамьи. Вовка всегда был неуравновешенным, любил, чтобы его слово было последним, демократия не приветствовалась. Разумеется, в «Глобусе» процветала абсолютная монархия. Макар с

подобным положением дел смирился, даже находил в этом выгоду для себя - решение всех серьезных вопросов перекладывал на Владимира, который, в свою очередь, не снимал с себя ответственности в случае неудач. В общем, всех всё устраивало, а кого не устраивало, те искали себе другое место работы.

Вот и Лена нашла себе другое местожительства. Тарасов возомнил, что ему все дозволено, его супруга вытрет слезы и забудет об измене, но просчитался. С характером оказалась женщина. Или устала терпеть унижения. Всему когда-то приходит конец.

После ее исчезновения Владимир сильно изменился. И раньше был не сахар, а теперь и вовсе горячая смесь. Ко всему одержим желанием найти Лену и отомстить. Уж, сколько раз Вяземский пытался отговорить его от этой затеи, но разве Тарасов кого-то послушает. Вбил себе в голову – надо наказать Лену и все тут. А Макару тревожно: как бы друг глупостей не наделал.

Вот и сегодня. На звонки не отвечает, на работе до сих пор не появился. Что думать? Что делать? Послать кого-то домой к Тарасову? Жаль посланника. Ехать самому? Придется. Еще немного подожду, - решил Макар, - и поеду.

Он в сотый раз позвонил секретарю Алле, чтобы узнать, не появился ли босс. Та уставшим голосом сообщила, что нет, не появился.

- Змея, - сообщил Вяземский телефонному аппарату, положив трубку, - и почему Вовка ее до сих пор не уволил?

Алка ему никогда не нравилась. И не потому, что давно был влюблен в другую женщину, он не выносил девушек без единой извилины в голове. Алла была из таких. Ну, совершенная тупейка. Но с амбициями и зашкаливающим самомнением.

Лена не такая. Она умная, добрая, домашняя, искренняя. И очень нравится Макару. Возможно, поэтому он не выносит намеков своей дамы сердца о свадьбе. Потому что не уверен в своих чувствах к ней. А о чувствах к Лене боится даже думать.

Где она скрывается? Вдруг Тарасов ее нашел?

Вяземский знал, что в гневе Вовка мог сотворить что-то ужасное, потому и волновался. И за друга, и за Леночку...

О дне рождения Кирилла Лена узнала случайно.

Когда он утром собирался на работу, ему кто-то позвонил. Любопытство выиграло, прихватив в союзники слегка задремавшую ревность, и заставило наострить слух.

- ...Спасибо, мамуля, я тебя тоже поздравляю!.. И я тебя люблю! Увидимся... Да, хорошо, познакомлю.

Лена прокралась в прихожую и встала у него за спиной.

- И с кем ты собрался знакомить свою маму? Не со мной ли?

Кирилл вздрогнул от неожиданности, сграбастал ее в охапку и сказал.

- Конечно, с тобой! Больше у меня никого нет.

- Бальзам на душу, - умилилась Елена, прижимаясь щекой к его груди. Внутри бойко стучало сердце. – Так бы и стояла всю жизнь, - прошептала она, но сама же отпрянула, словно мужская грудь мгновенно раскалилась от ее прикосновения, что было недалеко от истины. - Кирюшка! Ты наглый врун! – воскликнула она.

- Спасибо за комплимент! – расшаркался он.

- Конечно, а как тебя называть, если ты не удосужился заранее предупредить, что у тебя сегодня день рождения.

- И почему я в этом случае врун? Я всего лишь скрыл от тебя сей факт... Я не люблю устраивать карнавалы и фейерверки по этому поводу. Предпочитаю забыть о дне рождения. И забыл бы, если бы мама не напоминала мне об этом каждый год.

- Как это, забыть? Вот так бы день прошел, и ты мне не признался?

- На сон грядущий сообщил бы, что сегодня стал на год старше.

- Ну, ты даешь! – возмущенно протянула Лена. – Допустим, я тоже не люблю широко праздновать свой день рождения, предпочитаю уютные домашние посиделки в узком кругу. – Последнюю фразу она произнесла поникшим голосом.
- Что с тобой? – Кирилл внимательно всмотрелся в ее лицо. - Плохие воспоминания?
- Нет-нет! - замотала головой Лена. - Просто я не люблю быть в центре внимания. И неискренности не выношу. В этот день все почему-то вспоминают о тебе, говорят, какая я замечательная...
- Что в этом плохого? Пусть говорят. Или ты считаешь, что ты не замечательная, что все должны забыть о твоём дне рождения?
- Почему некоторые звонят раз в году? Можно подумать в остальные триста шестьдесят четыре дня в году меня не существует! – по-детски насупилась Тарасова.
- К сожаленью день рожденья только раз в году, - усмехнулся Кирилл и вернул ее голову себе на грудь, не забыв чмокнуть в макушку.
- Это не дружба, - пробубнила Елена. - Промежутка в дружбе и любви не существует.
- Я тебя люблю круглосуточно и круглогодично, - признался Кирилл, - надеюсь, это тебя успокоит.
- Мы с тобой знакомы...
- Это не имеет значения, - перебил он ее.
- Не имеет, - сразу согласилась Лена и, встав на цыпочки, поцеловала его в губы. – Я тебя очень люблю!.. И не нужно на меня так смотреть! Тебе давно пора на работу!
- Да? – удивился Шмидт, - а может мне сегодня сачкануть? И повод есть.
- Нет, уж, я тебе этого не позволю... А вечером...
- А вечером мы отправимся в ресторан!
- Ты сам говорил, что не любишь пышных торжеств.
- Никаких торжеств и не будет. Просто поужинаем вдвоем. Только ты и я. А на выходные мама пригласила нас к себе. – Кирилл заметил встревоженное лицо Лены. – Не волнуйся, тебя никто не съест. Все, мне пора! До вечера...

После завтрака Елена приступила к разбору своего нехитрого гардероба, надеясь отыскать в нем подходящий наряд для вечернего похода в ресторан. Много времени поиски не заняли: женщина решила надеть черную юбку-футляр приличной длины – до колена, которая отлично подчеркивала все достоинства ее стройной фигуры, и блузу в черно-белую поперечную полоску с небольшим круглым воротником. Примерила наряд, повертелась перед зеркалом, сделала вывод, что на прилежную ученицу она не похожа, как не похожа на училку, скорее на деловую женщину, забежавшую после работы в ресторан, чтобы поужинать с любимым мужчиной. Конечно, можно разбавить строгий наряд легкомысленными аксессуарами, но все бусики-висюлечки остались в квартире Тарасова, Лизка о них как-то не подумала. Ну, и ладно, Лена обойдется без аксессуаров.

На повестке дня остался самый главный вопрос - что подарить имениннику? Вот над этим предстояло поломать голову, еще не вполне здоровую. Лена пересчитала имеющуюся наличность. Увы, не густо. И как выйти из положения?

- Что же делать, что же делать? – как заклинание твердила она, прохаживаясь по комнате, то и дело оценивая себя в зеркале, чтобы еще раз убедиться в правильности выбора. - И денег мало, и выходить из дома Кирюшка не разрешает... А почему я обязана слушать этого перестраховщика?! Все уже позади. Кажется... По крайней мере, грозных писем мне больше никто не пишет. Хотели, чтобы я покинула дом в Алехново, я его покинула. Что ж мне теперь всю жизнь безвылазно здесь сидеть?! – Лена театрально раскинула руки, указав несуществующим зрителям, где она обязана коротать дни. – Я же не крот, чтобы выходить на улицу в темное время суток и то в сопровождении Кирилла, который крепко держит меня за руку, словно я маленькая... А как приятно, когда о тебе волнуются, заботятся... - Она приблизилась к зеркалу и заговорщицким тоном произнесла, - а мы Кириллу ничего не скажем? Правда? Я быстренько пробежусь по

магазинам, выберу ему подарок и вернусь! Должна же я порадовать любимого человека? И цена подарка значения не имеет, главное выразить свое отношение к имениннику, показать, как он дорог и любим.

Лена оделась и вылетела из квартиры. Чтобы долго не болтаться по улице, она надумала проехать две остановки на автобусе до большого торгового центра, в котором обязательно найдет достойный подарок для Кирилла. Можно прогуляться пешком, да погода сегодня не радует: с утра зарядил мелкий ситочный дождь и не собирается прекращаться.

Оказавшись на улице, женщина воззрилась на серое небо, будто взывала его сменить цвет и прекратить омовение жителей, а на самом деле оценивала, стоит ли доставать зонт. Стоит, иначе сильно вымокнет пока добредет до автобусной остановки, совершать пробежки она еще не решалась. Покопалась в сумке, нашла зонт, на глаза попался пустой кармашек для мобильного телефона. Кармашек был пуст.

- Балда Ивановна, - обозвала она себя за рассеянность, - и что теперь? Возвращаться? Нет уж, возвращаться – плохая примета. А если Кирилл будет звонить, а ему после чего-нибудь совру...

Владимир Тарасов несколько дней вел наблюдение у дома, где нашла убежище его супруга. Часы ожидания не прошли даром. На удивление, он понял, как был не прав по отношению к ней.

Чтобы что-то понять, нужно потерять, - подумал он, - но еще не поздно что-то изменить. Я ей скажу, что всегда любил ее. Но не выказывал своих чувств. Ну, такой я человек!.. Или любовь родилась в тот момент, когда увидел Лену рядом с этим рыжеволосым нескладным парнем. Их поцелуй меня убил. Убил меня прежнего. На смену безразличному и высокомерному Тарасову, не пропускающему ни одной юбки, пришел положительный во всех отношениях Владимир Тарасов, любящий одну женщину – свою жену. И сейчас главное – доказать ей это. Она добрая. Она меня любит. Она все поймет. И простит. А с ржым у нее все несерьезно, от обиды на меня.

В горле пересохло. Вовка повернул голову и заметил на заднем сидении непочатую бутылку минеральной воды. Схватил ее и начал пить. Красиво, с достоинством, как он любил. В этой сложной ситуации он контролировал себя и любовался собой, новым Тарасовым, который, в отличие от прежнего, умеет справляться со своими эмоциями. Опустошив бутылку наполовину, он аккуратно положил ее на пассажирское сиденье рядом с собой, затем передумал и переложил назад, где она и лежала.

Вода заполнила пустой желудок. Желудок запросил чего-нибудь посущественней, чем минеральная вода. Вовка задумался, когда он в последний раз ел, но так и не вспомнил. Когда последний раз появлялся в родном агентстве, он тоже не помнил. Но там у него есть надежный тыл в лице Макара Вяземского. Дома тоже был тыл... И будет.

Владимир взглянул на себя в зеркало и ужаснулся – кто это? Неужели он – лощеный барин Тарасов?! Космы торчат в разные стороны, как у сумасшедшего, давно небритая физиономия с мешками под глазами очень подходит главному герою триллера. Вовка опустил глаза и оценил свою одежду: «жеванный» костюм давно мечтал о химчистке, а обувь просила пройтись по ней хотя бы губкой. Сидящий на водительском месте человек был полной его противоположностью. Этот бомж явно провел ночь под мостом в коробке из-под холодильника.

Теперь Владимир Тарасов делил свою жизнь на две части. В первой части его жизни присутствовала Лена, про те времена, когда они не были знакомы, он давно забыл, ему казалось, что она всегда была укрытием от бытовых проблем. Была солнцем, под лучами которого он нежился. И незаметно для себя самой была возбудителем его желаний разного уровня. Владимиру хотелось наслаждаться жизнью, строить планы, покупать новую одежду и ловить восхищенные взгляды девчонок. Он очень любил в той, прошлой жизни, быть франтом, быть уверенным в себе мужчиной, у которого все сложилось

просто замечательно. С уходом жены ее уверенный в себе муж растерялся, потерялся, испугался, сник, забылся. Не стало тыла, не стало защитной стены, не стало солнца. Один тяжелый мрак. Иногда серость, но больше мрак. Он так давит на него, что трудно дышать. Вдохнуть свежий воздух полной грудью точно не удастся. И от этого у Тарасова постоянно кто-то скребется в голове. И кто-то бьет в грудь увесистым кулаком. Еще чуть-чуть и настанет конец. Владимир умрет от удушья.

Но выход есть. Он очевиден – надо вернуть Лену! Надо ее убедить. Сказать, что любит, что больше никогда...

Про никогда лучше не говорить. Звучит как-то по-детски. Не хватало еще слезу пустить...

Он мужчина. Он имеет право. Он не станет унижаться. Кто сказал, что он стал другим?!

Незаметно Тарасов себя накрутил до такого состояния, что обидный взгляд постороннего человека, не говоря уже о фразе, которую тот может обронить по недомыслию, может привести к разрушительным последствиям. О чем, о чем, а о последствиях Тарасов думал меньше всего. У него чесались руки, он строил жуткие планы мести своей неверной супруге, позабыв о желании покаяться.

Он мужчина. У него есть чувство собственного достоинства. Он не позволит.

Владимир смотрел на опостылевший подъезд усталыми глазами. Глаза чесались и болели, словно в них бросили песок. Тарасов снова достал бутылку, смочил водой несвежий носовой платок, пролив изрядную часть воды на брюки, не заметил этого, и начал промывать глаза. Вода текла по лицу, капая на пиджак и на брюки, оставляя кляксовые пятна, принимающие замысловатые фигуры. Вовке стало холодно. Он достал с заднего сиденья шегольское полупальто, которое теперешнее время не изменило. Для начала промокнул им мокрые кляксы, затем укрылся, как одеялом. Бутылка с водой оказалась под ногами. Тарасову было все равно.

Глаза еще чесались, но видеть он стал лучше. И снова сосредоточился на подъезде. Ему хотелось взорвать и этот подъезд, и весь дом. Он хотел освободиться. От всех, а главное - от Лены и от своего унижения, которое почти заполнило его, поджав под себя лощеного господина Тарасова.

Это она виновата, что я превратился в это чудовище. Она и только она!

Я мужчина. Имею право.

Из подъезда вышла симпатичная высокая блондинка. На руках она держала маленькую девочку в красном комбинезоне и белой шапочке. Вовка знал, они всегда выходили на прогулку в это время. Для большей убедительности он взглянул на наручные часы.

Молодая мать выпустила девочку из рук, та сразу помчалась к детской площадке. Хотя, помчалась громко сказано – теплый комбинезон не способствовал быстрому перемещению. В нем девчушка напоминала оробевшую маленькую обезьянку, оказавшуюся в незнакомом месте, которая забыла на время о своих прежних привычках.

Девочку завали Леной. Мать постоянно ее так называла, а та не обращала на материнские окрики никакого внимания. При упоминании имени - звонко, призывно, по несколько раз - Тарасов постоянно вздрагивал и вертел головой.

Блондинка первый раз за сегодня крикнула: «Лена!» И Лена появилась.

Но не маленькая обезьянка. А та Лена, которую так ждал Владимир, ее законный супруг.

Он опять обратил внимание, как она изменилась, посвежела.

Его законная супруга застыла на минутку у подъезда, изучая небо, служащее сегодня поливочной лейкой, в которой вода не прекращалась, потом стала ковыряться в сумке. Закусила губу от досады. Она всегда так делала, когда не знала, как поступить. Выудила из сумки зонт, распахнула купол над собой и неспешным шагом двинулась вдоль дома.

Тарасов тронул машину с места. Заскучавшая «Ауди» двинулась вслед за женщиной, постепенно набирая скорость.

Лена не успела свернуть за угол, как дорогу ей загородил автомобиль, завизжавший тормозами. Она оказалась зажатой между автомобилем и стеной дома. Еще была

возможность избежать встречи с человеком, сидевшим за рулем машины. Надо было всего лишь развернуться и дать деру: сзади был проход значительно больше, чем спереди. Но зонт заклинило между стеной и автомобилем, и Тарасова замешкалась, не сообразив, что надо расстаться с зонтом, поднырнуть под него и... бежать так, чтобы опередить водителя, не успевшего выбраться из салона. У Ленки было преимущество, но неожиданное появление Владимира сковало ее движения и отключило сообразительность. Она прижалась к стене дома, одновременно воюя с зонтом и не сводя взгляда с бывшего мужа, светившегося лучезарной улыбкой хищника, готового преступить к трапезе. Дверь приоткрылась, еще сильнее сжав купол зонта. Из небольшой щели показалась крепкая мужская рука. Рука схватила миниатюрную Елену за куртку и одним махом затащила ее в салон через узкую щель, оставив снаружи несчастный поломанный зонт. Дверь сразу захлопнулась. Автомобиль извернулся, избегая столкновения со стеной дома, и свернул за угол.

- В... Вовка... ты? Ты зачем...? Чего ты хочешь?

- Да, это я, - злобно ухмыльнулся он. - Забыла, как я выгляжу? Не мудрено, слишком весело проводишь время. Даже сказал бы, насыщенно. Некогда о муже вспомнить... Чего я хочу? Сама можешь догадаться – хочу вернуть тебя домой!

Лена неожиданно быстро справилась с волнением.

- Выпусти меня немедленно! – процедила она сквозь зубы. - Я тебя видеть не хочу! И... и между нами все кончено! - Попыталась открыть дверь, но она была заблокирована. – Выпусти меня! – взревела она, налегая на дверь на каждом выделенном слого. Авто не пожелал стать ее союзницей.

- Сиди смирно, кукла пустоголовая! – цыкнул на нее законный супруг. – И запомни - между нами ничего не закончилось, все только начинается...

Симпатичная блондинка по имени Светлана на минуту отвлеклась от дочери-непоседы и успела заметить, как женщину, которая недавно поселилась в квартире Кирилла Шмидта, засосало как пылесосом в салон незнакомого автомобиля.

Все происходящее очень напоминало похищение. Светлана не знала, что ей предпринять, но тут дочка упала, ушибла себе лоб и расплакалась. Пришлось ее долго успокаивать. Про похищение заботливая мать забыла. И вспомнила о нем, когда по возвращении с прогулки на глаза попала соседская дверь. Света долго звонила в дверь, даже от досады стукнула пару раз кулаком, чем удивила свою дочь, которую стук привел в полный восторг.

Пришлось отложить разговор до прихода хозяина. У нее не было другого выбора...

На все попытки Владимира Тарасова завести непринужденный разговор с супругой на отвлекенную тему та отвечала молчанием. Ее выводил из себя его добренький голос, его приклеившаяся к губам улыбка, его желание дотронуться до нее. Раз он проигнорировал ее просьбу, она будет делать вид, будто никого рядом нет. Но когда разговор свернул в иное русло - Тарасов заявил, что скучал по ней и хочет... Чего он хочет, и хочет ли на самом деле, Ленке было не интересно. Не поворачивая головы в его сторону, она громко и внятно сказала.

- Я хочу с тобой развестись. И это не обсуждается.

И самой понравилось, каким тоном сказала: спокойно, без истерии.

Желание супруги не оставило Владимира безучастным. В один миг из мило болтающего человека он превратился во взбесившегося зверя.

- Ах, так, - прорычал зверь и погнал автомобиль подальше от родного дома, к которому они почти доехали.

Лена испугалась, но виду не подала, и не спросила, куда они едут. Только до боли сжала пальца.

Вскоре внедорожник выбрался из города. Женщина напряженным взглядом проводила пост ДПС и полицейского с жезлом в руках, не обратившего на них никакого внимания.

У нее не возникло желание позвать на помощь, бороться. Ниоткуда навалилось оцепенение и равнодушие, словно она выпила упаковку успокоительных таблеток. Сгорбленная безучастная старушка никак не напоминала шуструю молодую женщину, недавно строившую грандиозные планы на будущее. Она смотрела на мокрый грязный асфальт, который заглатывал под себя летящий автомобиль, не реагируя на встречный транспорт. Темно-серое шоссе ее зомбирovalo, на смену постоянной нудной головной боли пришла ужасная разрывающая боль.

Чтобы окончательно не рехнуться от боли, от дороги, от своего заторможенного состояния, Тарасова нашла в себе силы слегка повернуть пудовую голову. Боль пронзила так, что она застонала, но Владимир этого не заметил, слишком был погружен в гоночный процесс. Или его мысли были заняты предстоящей расправой над непокорной женой.

Этот может, - подумала о нем Лена. – Мне кажется или Тарасов, на самом деле, похож на полоумного человека? Неужели рядом со мной находится он – мужчина моей десятилетней любви? Не может быть! Этот лохматый тип с сальными волосами и красными вампирскими глазами не имеет ничего общего с человеком, обожающим себя, ценящим комфорт и уют, созданный не его руками.

Владимир молчал, больше не пытался завести беседу или злобную пикировку. Пикировку даже лучше – в этом случае Елена сможет выйти из состояния транса. Хотя, что она способна сотворить в данной ситуации? Не выпрыгивать же из машины на полном ходу?! Тем более, бессмысленно и опасно затевать с водителем потасовку. Она погубит и себя, и его. Как бы Лена не относилась к Тарасову, смерти она ему не желает.

А Вовка продолжал гнать внедорожник на бешеной скорости, как будто собирался превратить авто в летающий аппарат, который вот-вот должен оторваться от земли.

Пассажирка не просила снизить скорость: Тарасов так судорожно сжимал руль, был так поглощен гонкой, что она предпочла его не отвлекать, а заодно не напоминать о себе. Вдруг у него в мозгу что-то переключилось, и он, вообще, забыл о ее присутствии.

Что же будет дальше? – подумала Лена. И попыталась успокоить себя, - куда-нибудь мы приедем. И когда-нибудь... - Что случится после, ей даже представить было страшно. - Ну, почему это произошло именно сегодня, в день рождения Кирилла?! - про себя возмутилась она и добавила, - а что бы изменилось, если бы все произошло завтра или послезавтра? Отпраздновали праздник, а потом уже можно меня похищать? Так что ли?.. Я не желаю, чтобы меня похищали, чтобы меня разлучали с Кириллом. Я не желаю становиться пленницей душевнобольного человека, одержимого идеей прожить со мной до старости. Потому что так ему удобно... В таком случае, начинай действовать, а не сиди, как тупоголовая курица на насесте... Курица хотя бы кудахчет, а я похожа на парализованную, у которой отнялись конечности, отнялась речь, благо память не нарушилась. Я помню, какой Тарасов изувер, и какой прекрасный человек Шмидт. Как он мне дорог, как я... Об этом лучше не надо, иначе разревусь, как белуга, на радость изуверу... Но я не могу себе приказать, отключить еще и память, избавиться от любви... Милый мой, хороший Кирюша... Он с ума сойдет, когда вернется домой и обнаружит, что меня нет. Что он подумает? Вдруг решит, что я его обманывала? Поиграла в любовь, и вернулась к богатому мужу.

- Куда мы едем? – хриплым голосом спросила Лена. Неожиданно к ней вернулась способность разговаривать.

Водитель не захотел ее услышать.

- Владимир! Ты оглох?! Немедленно останови машину, я хочу выйти!

Тарасов одарил ее таким взглядом, что у нее пропало желание о чем-то спрашивать, тем более что-то требовать.

Маньяк, - молнией пролетела мысль в ее голове, растревожив еще больше.

Елена стала нервно вспоминать психологию, которую преподавали в институте, на предмет того, как себя вести с агрессивным человеком? Она мало что помнила, потому

что у преподавателя был мерзкий, занудный, монотонный голос, доводивший до бешенства всех студентов курса. Чтобы соскочить с противной тональности, все занимались своими важными делами. Лизка с Ленкой, например, играли в крестики-нолики или исподтишка что-то жевали, или читали интересные книги. Гораздо интересней, чем психология.

В трудные жизненные моменты можешь вспомнить даже то, что не было включено в базу твоих знаний. Так случилось и с Леной.

Кажется, надо смотреть в глаза неуравновешенному человеку и во всем с ним соглашаться. И еще... надо ему дать высказаться и дослушать до конца, - восстановила она в памяти якобы несуществующий отрывок знаний по психологии. - Вот прям так взять, и разговорить его. Он будет нести всякую ахинею, а я внимательно слушать и кивать. - Она автоматически кивнула, причем довольно резко, отчего клацнули зубы, а голове стало гораздо легче. Хотела повторить еще разок, чтобы закрепить процесс выздоровления, но одумалась - вдруг все вернется на круги своя. Но все-таки слегка покачала головой из стороны в сторону, как китайский болванчик. Все в порядке...

- Вов, останови! Меня укачало, - миролюбиво проворковала Лена. Полное безразличие с его стороны. Она предприняла еще одну попытку, по-детски заканючив, - ну, пожалуйста! Я тебя очень прошу. - И привела веский аргумент, - а то меня стошнит прямо здесь.

Видимо, пачкать салон любимой машинки ему не хотелось, в иерархии любви машинка занимала второе место после себя любимого, поэтому он сначала сбросил скорость, а потом резко свернул на проселочную дорогу. Проехав всего-то метра три, он нажал на тормоз.

- Дальше не поеду, дорогу развезло, потом не выберемся. - спокойно доложил он, будто атмосфера в салоне была дружеской и не подразумевала надвигающегося скандала.

Елена открыла дверь, но не вышла из машины. Убежать он ей все равно не даст.

Никто из них первый не начинал разговор. Тарасов для себя все решил, а Лена не знала с чего начать. Он смотрел в лобовое стекло автомобиля и не видел ничего, в голове была такая пустота, что элементарный заданный вопрос приведет его в замешательство. Жутко хотелось склонить голову на руль и уснуть - сказывалось напряжение последних дней. Он добился своего: жена рядом, поэтому так расслабился. Что будет дальше, его не интересовало. Куда они едут, он не знал. У него было ощущение, что в уши вставили беруши, надели на голову шапку-ушанку, и как в далеком детстве завязали веревочки под подбородком. Поэтому все окружающие звуки он воспринимал плохо. Сквозь пелену Тарасов услышал голос жены, но никак не мог понять, о чем она говорит. Он тоже распахнул дверь автомобиля, в салон ворвался сырой, холодный воздух. Стало немного легче, шапку с головы сняли, остались одни беруши.

Наконец он услышал, откуда-то издалека, о чем говорит Лена.

- Вов, посмотри на меня. - Когда муж повернулся к ней, она увидела такую боль в глазах, такую тоску, что забыла, о чем хотела спросить.

Она притянула его к себе, уложила к себе на колени его голову и стала гладить, как маленького, приговаривая «все будет хорошо». Она чувствовала, что напряжение отпускает Вовку, он расслабился, дыхание стало ровнее. Девушка с удивлением поняла, что он спит, спокойно так спит, как Штирлиц по дороге в Берлин, только, в отличие от Штирлица, неизвестно, когда проснется. Первым желанием было тихо открыть дверь, положить его голову на сиденье, вылезти из машины и бежать, бежать... подальше от бывшего мужа, назад к Кириллу. Но она не смогла бросить Вовку. Он спал такой спокойный, такой безмятежный, как будто полностью доверил себя и свою жизнь Лене. Она сидела в машине, смотрела на спящего Тарасова, гладила его по голове и думала о будущем, которое уже не казалось ей таким ясным и понятным, как утром...

Кирилл спешил домой. Он хотел забрать Лену и отправиться с ней в ресторан. Именинник забронировал столик заранее. Это было спокойное, уютное место, музыка в нем играла тихо, можно было разговаривать, не опасаясь, что к концу вечера ты оглохнешь или охрипнешь, пытаясь докричаться до собеседника. А когда музыка смолкнет, ты не успеешь понизить голос, и последнюю сказанную фразу услышит весь зал. И весь зал посмотрит на тебя, как на идиота. В том ресторане, куда сегодня вечером они отправятся с Леной, все было иначе. Там Кирилл отмечал защиту своей кандидатской диссертации и знал о традициях заведения и о том, какая публика его посещает.

Шмидт думал о грядущем вечере, мечтал пригласить любимую женщину на танец, нежно прижать к себе и медленно передвигаться в такт музыке.

Одно беспокоило Кирилла: почему Лена не отвечает на его звонки? Но мечты вытеснили волнение. Нехорошие предчувствия Кирилла не донимали. Настроение было отличным...

Лиза Жукова с утра находилась в странном состоянии, будто она была трансформером, который разобрали, а потом неправильно собрали. Отсюда и все вытекающие последствия: каша подгорела, кофе убежал, чашка разбилась. Она накричала на домашних. Жорик и Ванька после этого надулись и разговаривали только друг с другом, игнорируя жену и мать, причем делали это так вызывающе спокойно, будто ничего не произошло. Лизе от такого вызывающего спокойствия стало не по себе. Если бы они начали спорить с ней или вообще оба замолчали, ей было не так обидно. Хотя на кого ей обижаться - сама устроила бурю в стакане воды.

Мужская половина семьи позавтракала, вежливо поблагодарила без привычных нежностей и отправилась в гимназию. У Лизы сегодня был выходной. Она решила все негативные эмоции вытравить физическим трудом. Она была чистоплотной до невменяемости. И считала, что наводить порядок лучше всего без посторонних, которые постоянно отвлекают. Сегодня именно такой день, можно, не спеша, переделать все дела, испечь любимый Ванькин пирог, сходить в салон красоты, тем самым сделать приятное себе и мужу, который обожает, когда она меняет свой имидж. Обожает, если замечает. Бывали случаи, когда Лизавета кардинально меняла цвет волос, а Жорик смотрел и никак не мог сообразить, почему жена задает непонятный вопрос: «Ну, как я тебе?» Но выручал любимый сын, который с малолетства был наблюдательным и галантным кавалером, отмечал малейшие изменения в облике матери и произносил неуклюжие, но такие дорогие ей, комплименты.

В перерыве между уборкой и тестом на пироги, Лиза решила позвонить Ленке. Та ей не ответила. Потом еще раз позвонила и еще.

- Тарасова, возьми трубку! - громко сказала Жукова, будто абонент мог ее услышать и тотчас выполнить приказ.

После нескольких неудачных попыток Лизка стала рассеянной: забыла положить в тесто яйца.

Правильно говорила моя бабушка: когда занимаешься выпечкой, думай только об этом, иначе ничего хорошего из затеи не выйдет! –вспоминала Лиза.

Однако мысли не захотели сосредоточиться на выпечке, улетали все время к непутевой подруге. Жукова набрала ее еще раз. Безрезультатно. Так продолжалось до самого вечера, разница была лишь в том, что перерывы в дозволах становились все короче и короче. В салон она, естественно, не пошла. Предчувствие чего-то нехорошего съедало ее душу, рвало сердце на части. Лизавета решила всплакнуть, да передумала: нельзя реветь без причины! Ничего с Тарасовой не случилось, просто вышла куда-то, а телефон дома забыла, - успокаивала она себя, вытирая непрошенную слезу.

Кирилл зашел в квартиру и обнаружил, что Лены нет. Ее мобильный телефон лежал в прихожей на тумбочке, верхней одежды в шкафу не было, входная дверь была закрыта как обычно - на два замка.

Значит, она спокойно оделась и вышла куда-то, забыв телефон, и сейчас вернется, - решил он. На всякий случай проверил, на месте ли любимые джинсы и белый свитер. Связь между любимой одеждой Лены и его спокойствием была понятна ему одному. Ни свитера, ни джинсов не было. Он успокоился, но на всего на пару минут.

В подъезде заскрипел лифт, Шмидт прислушался, надеясь, что он остановится на их этаже. Лифт миновал их этаж и поехал выше.

Кирилл подошел к окну и выглянул на улицу. Дождь почти прекратился, но небо было затянуто. Еще чуть-чуть и совсем стемнеет.

Где она, где?

На улице стало быстро темнеть. Уличные фонари еще не зажглись, и от этого было еще тревожнее. Кирилл упорно стоял у окна, уткнувшись лбом в стекло.

Зажглись фонари. Кирилл невольно улыбнулся, словно их свет имел отношение к возвращению Лены. Прохожие спешили домой, но его девочки среди них не было.

Сейчас позвоню Бирюкову и посоветуюсь с ним, что мне предпринять? - решил Кирилл, но не успел осуществить задуманное - тревожную тишину квартиры разорвал звонок в дверь, который моментально снял сумасшедшее напряжение.

Кирилл бросился к двери. Напряжение как моментально исчезло, так сразу и вернулось, когда он увидел, кто перед ним стоит. А перед ним стояла не та, о которой он думал весь вечер.

Разочарованию Шмидта не было предела. Он не хотел видеть эту женщину, он, вообще, никого не хотел видеть, кроме Лены. Возможно, еще Бирюкова, который даст дельный совет. Советом его помощь не ограничится.

На пороге квартиры Кирилла стояла соседка Светлана, с которой они никогда не обменивались визитами. Соседка Светлана хмурилась и с задумчивым видом смотрела на хозяина квартиры, распахнувшего перед ней дверь. Ему показалось, что она мечтала увидеть вместо него кого-то другого и сейчас обязательно спросит: «А кроме вас здесь никто не проживает?» Глупые вопросы озадачивали кандидата биологических наук. Будучи сам человеком весьма не глупым, он имел дело с людьми себе подобными, которые глупых вопросов не задавали.

На смену счастливой улыбке на лице мужчины наряду с озадаченностью появилось разочарование, прихватившее с собой раздражение. Он хотел сослаться на занятость и грубо захлопнуть дверь перед непрошенной гостьей, то та его опередила.

- Кирилл, вы меня извините, но мне надо с вами поговорить, - робко начала она и почему-то заглянула ему за спину, словно не желала появления свидетелей, способных помешать их доверительной беседе.

Прежде чем прийти к соседу, молодая мать долго раздумывала: надо ли встревать в чужую жизнь? Но странное происшествие на улице заставило ее пренебречь собственными принципами, которые и заключались в том, чтобы не лезть, куда тебя не просят.

- Света, я сейчас очень занят, давайте в другой раз! - Все-таки Кирилл решился озвучить свое нежелание выслушать соседку, пусть и очень симпатичную, пусть и с проблемами, которыми она решила поделиться с ним, неизвестно по какой причине. Вероятно, ранее этот визит и робкая речь польстили бы мужчине, возмнившему себя спасителем всего слабого рода, но не сегодня. Отсюда и резкость, отсюда и забывчивость всего того, что ему внушали бабушка и мать с раннего детства - при любых обстоятельствах быть вежливым. Вежливость, как известно, главное орудие защиты, оно нокаутирует соперника, коему подобная черта так же известна, как творческому работнику строение жидкостного ракетного двигателя закрытого цикла.

И Кирилл уже собрался захлопнуть свою дверь перед хорошеньким курносый носиком милой соседки, но та не собиралась сдаваться. Она тараном пошла на насупленного хозяина с торчащими во все стороны рыжими волосами. Хозяин опешил от напора соседки. Света прошла на кухню и присела на стул. Он потащился за ней. Остановился в дверях, облокотился о дверной косяк и скрутил калачиком руки на груди, выказывая свою занятость и нетерпеливость, как и незаинтересованность в разговоре, инициатором которого является милая интеллигентная соседка, оказавшаяся настоящим бульдозером, когда дело касается лично ее.

Но дело лично ее не касалось, оно напрямую касалось мужчины, который стоял перед ней в вызывающей позе. Чтобы Свету не выставили из квартиры, она сразу перешла к делу, без предварительных предположений. Она любила высказать собственные предположения, поставив визави в тупик, а затем объяснить смысл. Считала, что так ее внимательнее выслушают. В общем, сначала интриговала, затем всех «рассаживала» по местам. Сегодня необходимости в интриге не было: судя по отчаянию на лице соседа и открытой неприветливости, он может не дожидаться перехода от рассуждений к сути дела, а быстро перейдет к переносу легкого женского тела из собственной кухни в квартиру, находящуюся по соседству.

- Дело обстоит так, - с деловым видом начала Светлана и едва не изменила своему решению, вернувшись к противной привычке рассуждать. - Мы всегда с Леночкой гуляем во дворе, даже если погода... - И осеклась, а потом затараторила, как пулемет, - сегодня мы гуляли...

Когда соседка закончила свой короткий, но между тем не лишенный трагических красок, рассказ, Кирилл Шмидт сначала погрузил пальцы в волосы, потом уронил руки, плетью повисшие вдоль туловища. Светлана догадывалась, что ее новость сразит соседа, но не думала, что сразит до такой степени.

- Я могу чем-нибудь помочь? - проблеяла она, поднимаясь со стула и не сводя с него сочувствующего взгляда.

- Вы... уже помогли. Спасибо. - выдавил из себя Кирилл и опять взъерошил волосы, как всегда делал в минуты полного бессилия. Взглянул на встревоженную соседку и постарался ее успокоить, хотя, в успокоении нуждался сам. - Ничего страшного не произошло... Кажется. Я вам очень благодарен за... информацию... Эта информация мне очень помогла.

- Извините, если что...

Света протиснулась мимо Кирилла и выскользнула из квартиры, так и не решив до конца, нужно ли было к нему приходить?

А Кирилл знал одно – надо звонить Бирюкову...

Огромный рефрижератор медленно двигался по городу, презрительно пропуская мимо себя юркие автомобильчики. За рулем рефрижератора сидел Юрка Гуляев, молодой муж любимой жены Люси, молодой отец очаровательной двухмесячной дочурки Машеньки. Он мечтал поскорее добраться до дома, где его очень ждут.

Эх, скорее бы выбраться из города, - подумал Юрка.

За городом он, наконец, поедет быстрее, усиленно сокращая расстояние. Ехать домой всегда быстрее, чем из дома. И груз этому не причина.

Гуляев считал себя опытным водителем, пять лет в этой транспортной компании отпахал, да два года до этого в армии баранку крутил. От начальства одни благодарности и поощрения, а иначе он работать не может, семью надо кормить, один Юрка работник, Люська с дочкой сидит, мать пенсионерка. Она им с ребенком помогает, а Юрка ей когда подарочек привезет, когда денег подкинет. Мать она есть мать, по-другому с ней нельзя. Она с ним немало проблем видела: то болезни разные в детстве одолевали, особенно бронхит замучил, а когда подрос, то связался с нехорошей компанией. С бронхитом мать решила проблему – прислушалась к совету доктора, продала квартиру, чтобы перебраться

в другой город, где климат Юрке больше подходит. Врач оказался прав: после переезда Юрка ни разу не закатился кашлем. Как на свет заново родился. А вот с компанией вопрос не так быстро решился, но все-таки решился. Благодаря усердию матери. Неизвестно, кем бы он стал и где бы сейчас был...

Рефрижератор медленно выбирался из города...

Ноги у Лены затекли, но она боялась пошевелиться, чтобы не разбудить спящего Владимира. Она удивлялась, что он провел три часа без движения в неудобной позе. Она и сама задремала. Но дрема больше походила прорисовки разных картинок в голове. Вот Кирилл возвращается домой и зовет ее с порога. Она не отзывается. Кирилл быстро обходит все помещения, благо их не так много. С уст не сходит улыбка, глаза горят нетерпением. Но и улыбка стирается с уст, и огонь угасает, когда мужчина понимает, что ее нет. Нет и следов борьбы, входная дверь аккуратно закрыта за все замки, следовательно, она ушла по собственному желанию, не по принуждению. Что произойдет потом? А потом он... озверевает и начнет все крушить, поминая недобрым словом обманщицу, втершуюся ему в доверие... О гневе и крушении можно забыть: уравновешенный Кирилл Шмидт на подобное не способен.. Тогда он... улыбнется, прям так возьмет и улыбнется счастливой улыбкой, упадет на диван и с восторгом заявит: «Как здорово, что я опять один! И как я был глуп, когда хотел связать свою жизнь женщиной, которая быстрее меня сообразила, что я не готов к семейной жизни. Если, вообще, когда-нибудь буду к ней готов. Никогда! Проживший столько лет без семьи, едва ли захочет расстаться с холостяцкой жизнью»... А как быть с любовью? С той любовью, которая возникла там, в больничной палате? Он полюбил ее, она полюбила его. Именно, ее – ту женщину, которая оказалась под колесами его автомобиля... А вдруг он решит, что она специально кинулась? Возникли проблемы в семье, и женщина решила найти замену непутевому супругу. Кто-то порекомендовал Елене Тарасовой Кирилла Шмидта, как вполне подходящую кандидатуру в качестве мужа. Порекомендовали и предупредили: Голыми руками такого не возьмешь! Тут особый подход нужен. Надо бы его разжалобить, оторвать от своих растений, а заодно и дать почувствовать себя виноватым. Виноватым в наезде на женщину, которая и без того расстроена донельзя, а теперь едва не стала калеккой. И кто знает, существовал ли на самом деле муж-изменник, или все родилось в ее голове согласно плану обольщения.

Возможен такой вывод после исчезновения Елены? Возможен, почему нет.

Ушла и записку не оставила...

Ушла, и ладно...

Надо бы замки сменить...

Мало ли, какие она преследовала цели...

Стыдно-то как, - подумала Лена, окончательно вырываясь из грустной дремы и прикладывая ладони к горящим щекам, будто она на самом деле жестоко обманула мужчину. Того мужчину, который ей поверил! Который дал крышу над головой! Который ее полюбил. Искренне полюбил. А она... жестокая лгунья...

- И что я себе напридумала! - осуждающе возмутилась она задышающим шепотом, едва не зашлась кашлем. Опустила глаза на спящего мужчину. И тут же женские руки, прижатые к щекам, переключались на лоб Владимира: решила поверить, почему он такой розовощекий? У Вовки явно был жар.

У него высокая температура, на самом деле он не спит, а пребывает в беспамятстве! – испугалась Елена. - Что же делать? На улице скоро совсем стемнеет, Вовке нужна медицинская помощь... Как выбраться отсюда? Водить автомобиль я не умею. – Она покосилась на переднюю панель, которая для нее значила тоже самое, что и приборная панель в самолете. Мааса вариантов решения проблемы родилась в голове: Нужно выйти на трассу и «проголосовать»... Или найти в кармане Вовки мобильник и вызвать «скорую». И позвонить Кириллу. Успокоить его. Нет, сначала я позвоню Кириллу, потом

в «скорую». Нет, «скорая» спросит, где вы находитесь? Что я отвечу?.. Какой я видела указатель?.. Спросите что-нибудь полегче... Надо искать мобильник, а потом разбираться, кому звонить в первую очередь... Ой, мамочки, я не помню номер телефона Кирилла... Лена! Спокойно! Возьми себя в руки! - Призвала она себя к порядку. – Я... помню номер телефона Лизаветы! Я позвоню ей...

С ловкостью умелого карманника Тарасова запустила руку в карман куртки своего бывшего мужа. Чужое проникновение в его карман сыграло роль чудака медика, который использует в своей практике нетрадиционные методы лечения, дающие поразительные результаты, причем поразительные по скорости. Запустила Лена руку в карман бесчувственно мужского тела, тело пришло в чувство и вновь стало ее мужем, пусть и бывшим.

Она так напугалась, что не додумалась вытащить руку–воровку. Так и сидела с вытаращенными от страха глазами, скрючившись в неудобной позе. И дыхание при этом задержала, отчего сердце, и без того учащенно забившееся от испуга, теперь стало давить на грудь, собираясь вылезти и сбежать.

- Ты... чего? - прохрипел Тарасов.

Он испугался не меньше Ленки. Еще бы – открываешь глаза, пока соображаешь, что послужило причиной пробуждения, где ты, вообще, находишься и почему занемело все тело, а перед твоим взором предстает лицо с выпученными глазами. Владелец этого лица ко всему еще и уродец, потому что у него одно плечо значительно выше другого, о руках лучше не говорить – о длине одной руки доподлинно неизвестно, а другая... наверное... достает до... до середины икры. Если не до земли, потому что владелец этой особенной руки легко дотянулся до чужого кармана, находящегося на значительном расстоянии.

Ленка сглотнула тягучую слюну, вдохнула и на выдохе произнесла, удивляясь собственной сообразительности в экстремальных условиях.

- Руки замерзли. – При этом первый слог первого слова получился излишне длинным, потому что на него пришелся интенсивный выдох: Ру-у-у-уки замерзли.

Вовка непроизвольно вытянул губы в трубочку, будто собрался повторить фразу. Или поцеловать жену, что позволило ей вернуться в исходное положение, в котором она провела последние три часа до пробуждения Владимира...

Кирилл с нетерпением ждал Бирюкова, нарезая круги по квартире. Вдруг из прихожей послышался незнакомый звук. Мужчина пошел на звук и понял, что служит его источником. Источником служил мобильный телефон Елены, который Кирилл не посмел взять в руки, чтобы его не сочли ревнивцем, контролирующим свою девушку, случайно забывшую телефон на полке. Кто бы его счел ревнивцем, если в квартире он был один, а его девушка бесследно исчезла, он не подумал.

Надо было с самого начала не выпендриваться, а найти в телефоне Лены номер ее подруги и позвонить ей, - подумал Кирилл, не сводя взгляда с мобильного, нетерпеливо требующего внимания. – Подруге или еще кому-нибудь. Например, Тарасову. Позвонить и спросить: «Вы не подскажете, где Лена? Не у вас ли?» Кто этих женщин разберет: разлюбила она или полюбила?!

Чтобы не додуматься еще до какой-нибудь глупости, Шмидт рванулся к телефону, боясь, что тот смолкнет, так и не дождавшись ответа, а Шмидт так и не решится перезвонить.

Он не рывкнул привычное «алло» или «слушаю», а, заметив имя абонента, просто сказал. - Лиза, это Кирилл. Лена пропала.

Теперь он был уверен, что она пропала, а не села в автомобиль по собственной воле. Как бы красочно не описывала похищение соседка Светлана, Кирилл сомневался в правдивости ее слов. Мало ли что сочинит молодая женщина, уставшая от однообразия.

- К..как это п...пропала? – заикаясь, спросила Лизавета Жукова.

Кирилл коротко обрисовал ситуацию.

- Это Тарасов, больше никому, - выдала женщина.
- Но зачем ему похищать Лену? - уперся Шмидт, хотя, в душе был полностью согласен с Лизой.
- А она вам не рассказывала, что он ее ищет по всему городу?
- Н...нет, не рассказывала, - потряс головой мужчина, будто движения его головы мог кто-то видеть.
- Тарасов и ко мне навевывался, страшал и пугал.
- Он ее любит до сих пор? – задал он совершенно ненужный в этих обстоятельствах вопрос.
- Кто Тарасов Ленку? Я вас умоляю! Он никого не любит, кроме себя! Он просто не может допустить, что им, таким великолепным, таким неповторимым, кто-то пренебрег. Поэтому он вернет беглянку любыми способами. Вернет, а потом выставит вон. Чувствуете разницу: то она сама ушла от него, а то он ее выгнал, как нашкодившую собачонку.
- Я боюсь предположить, что произойдет до того, как он ее выгонит.
- Я тоже, - призналась Лизавета. – Надо действовать! Вы в полицию заявили?
- Нет. Во-первых, не прошел еще положенный срок для заявления, а, во-вторых, от меня никто заявление не примет – я... посторонний Лене человек.
- Тогда поехали к Тарасову. Прямо сейчас к нему поедem и проверим, там ли Ленка!
- Как я раньше об этом не подумал.
- Ты не знал, куда ехать, - переходя на «ты», успокоила его Жукова.
- Найти адрес человека это не проблема. Но я до последней минуты надеялся, что Лена вернется.
- Конечно, вернется. Или сама, или с нашей помощью.
- Сейчас ко мне приедет мой друг Сергей Бирюков, он частный детектив. Он уже в курсе дела. Мы заскочим к тебе, а потом двинем к Тарасову. Жди!..

Рефрижератор Гуляева выбрался из города. Юрка прибавил скорость и, с чувством радости от близкой встречи с родными, продолжил путь. Дорога была полупустой, «легковушек» совсем мало, только его брат-дальнобойщик попадался навстречу, весело подмигивая фарами. Погода портилась на глазах: морозящий с утра дождик перешел в ливень, застилая лобовое стекло. «Дворники» усердно трудились, не создавая проблем умелому водителю. Да, и трасса была ему знакома: постоянно возил по ней грузы туда-сюда. К тому же в кабине тихо напевало радио. Николай Расторгуев пел про дорогу. И о том, что осталось немного, что он скоро вернется домой. И Юрка скоро вернется. К жене и дочери. И к матери. Ох, и счастливый он человек... И как задушевно поет Расторгуев. Впрочем, как и всегда...

- Руки, говоришь, замерзли? Ну-ну, - хмыкнул Тарасов и выбрался из автомобиля.
- Лена осталась сидеть в салоне, пристально наблюдая за ним. Мысль о побеге опять пришла ей в голову, она открыла дверь со своей стороны и уже хотела опустить затекшие ноги наружу, но передумала. Куда бежать? Тарасов быстро ее нагонит. И еще сильнее рассвирепеет. Вон, как сверлит ее взглядом. Так бы удавил и глазом не моргнул. А что местечко подходящее. Закопает в лесополосе, до нее-то всего несколько метров и ищи-свищи. Была такая Лена Тарасова, и нет больше. И никто не узнает, где могила её...
- А что там психолог говорил?.. На психолога надейся, а сам... ноги в руки и беги. Спасай свою шкуру!.. И чего я сижу? Жду, когда меня... похоронят в ближайшей лесополосе? Ну, почему этот человек так парализует мою волю?! Я не тварь дрожащая, я право имею... О правах будешь в суде распинаться... Да, не тварь дрожащая, и не одноклеточная амеба, я - человек, со своими мыслями и желаниями! Вот сейчас...
- Что будет сейчас, Лена не придумала: Владимир вернулся в машину и занял свое законное место. Но не хлопнул дверцей, не завел двигатель, а скрестил руки на руле,

сверху пристроил подбородок и задумался. Его дума не тянулась бегущей строкой по лбу, потому Елена осталась в неведении. И это неведение ее пугало...

А Владимиру вспомнился поцелуй жены с тем рыжим парнем возле дома Лизаветы. Поцелуй не вызвал прежнего удушющего желания наказать. Все ушло, будто ничего не было. Не было десяти лет жизни с этой чужой ему женщиной, которую он никогда не любил и никогда не полюбит. После пробуждения Тарасов смотрел на жизнь иначе. Неужели подобное возможно? Несколько часов назад автомобилем управлял один человек, а теперь другой, внешне похожий на прежнего, но с пустотой в груди. У этого Тарасова не было никаких желаний, переживаний, волнений, истязаний. Не было и злости. Хотя... Одно желание все же было. Ему хотелось остаться одному. Избавиться от людей, которые знали прежнего Тарасова, чтобы они никому не рассказали, каким он был.

Он уедет. Далеко-далеко. И начнет все с начала. Какие его годы...

Вовка пригладил волосы, улыбнулся своим мыслям и повернул ключ зажигания.

Лена не сводила с него взгляда, нервно покусывая губы.

Когда он повернул автомобиль в обратный путь, она облегченно вздохнула. И даже усмехнулась: Эх, не суждено мне быть похороненной в этой лесополосе. А значит, теперь я проживу долго...

Тарасов вновь прибавлял и прибавлял скорость. Теперь он хотел скорее избавиться от Лены, как о свидетельнице его прошлого. Он доставит ее туда, куда она ему скажет, и все закончится...

Расстояние между «Ниссаном» Тарасова и рефрижератором Гуляева сокращалось. Погода портилась. Дождевые капли отчаянно били в стекла, мелькали перед направленным светом от машинных глаз-фар. Вода с неба лила и лила, поставив себе цель всех утопить...

Из пункта «А» в пункт «Б» спешил Юрка Гуляев. К жене, к дочери, к матери.

Из промежуточного пункта в пункт «А» торопился Вовка Тарасов, решивший расстаться с прежней жизнью и начать все с начала.

Возможно ли это?

Было бы возможно, если бы пути двух автомобилей не пересеклись в одной точке...

Кирилл, Лиза и Сергей подъехали к дому Тарасова. Лиза вышла, и начала осматривать двор в надежде увидеть заметную машину Владимира.

- Его «Ниссана» здесь нет, - задумчиво изрекла она, продолжая визуальный осмотр плохо освещенного двора. Потом подняла голову и посмотрела на окна квартиры, в которой еще недавно жила ее подруга. – И свет не горит. Может, там никого нет? Или они... он затаился в темноте? – Поправка была явно уместной, потому что при местоимении «они» Шмидт недовольно покосился в сторону Елизаветы: как можно соединять в единое целое Лену и ее супруга?! Это два совершенно чужих друг другу человека, которые пока формально находятся в браке.

- Сейчас проверим! – первым высказался Бирюков и решительным шагом направился к нужному подъезду, Кирилл и Лиза последовали за ним. У самого подъезда Кирилл ухватил ее за руку и сказал.

- Лиза, тебе лучше переждать в машине Сергея.

Фраза-приказ была произнесена таким тоном, что у женщины отпало желание оспорить её. Ладно, она посидит, не будет мешаться под ногами...

Удивительно, как изменился Кирилл! Исчезла угловатость, нескладность. Кажется, он даже стал выше, хотя, и раньше был высокого роста. Да, сложные жизненные ситуации меняют человека, - подумала Лизавета, направляясь к машине. Посидеть в салоне ей не удалось: ключей ей никто не дал, забыли впопыхах. – Еще и лучше, - решила она, - как тут усидишь на месте, когда такое происходит... Но как холодно и противно! Хорошо, что небесная канцелярия закрыла кран, прекратив полив всего живого и неживого, а то пришлось бы в подъезде маяться. Я бы точно не удержалась и присоединилась к

мужской компании. - Она стала прохаживаться вдоль дома. Под ноги не смотрела, не сводила взгляда с окон тарасовской квартиры. Засунула руки в карманы пальто и громко сказала, - вот я балда! На ладони лежали ключи от нужной им квартиры. Лиза забыла их вернуть подруге, когда ездила за вещами.

Пришлось бежать вслед за Кириллом и Сергеем.

Мужчины не стали дожидаться лифта и пошли пешком на десятый этаж, поэтому Лиза прибыла туда вместе с ними.

- Нашла повод присоединиться? - поинтересовался Бирюков.

- Я забыла отдать вам ключи от квартиры Тарасова. - И протянула Кириллу связку ключей.

- Очень кстати! - Он взял протянутые ключи. - А теперь...

- Ухожу я, ухожу, не волнуйтесь, - запричитала Лизка и исчезла в кабине лифта.

- Проникновение в чужое жилище... Это статья. - раздумывая, проговорил Сергей, забирая у приятеля связку ключей. - Ай, ай, ай, как не хорошо, но что делать?

- Делать нечего, надо вскрывать, - не поддерживая игривый настрой друга, высказался Кирилл. Он знал, что Серега - не черствый и безразличный человек, просто у него такая специфика поведения в ответственные моменты.

Прежде чем открыть квартиру, Сергей надавил дверной звонок. Трель растворилась в квартире, никого не потревожив. Еще раз надавил. Тот же результат.

Кирилл приложил ухо. Присутствия людей он не услышал.

- За такой-то бронированной дверью ты пытаешься услышать шепот или шаги? - иронически поинтересовался Бирюков.

- Серега, отдай мне ключи!

- С какого перепуга?!

- Я сам войду в квартиру и проверю.

- А мне что предложишь делать? Ждать, когда твое тело рухнет на пол?

- А ты думаешь, что у Тарасова может быть оружие?

- Почему, нет... Господи! Не смотри на меня такими глазами! Я не сказал, что твоей Лене что-то угрожает. Чего не скажешь о тебе.

- Я не хочу, чтобы тебя лишили лицензии частного детектива за нарушение...

- Я тебя умоляю! - перебил его Бирюков. - О лицензии ли теперь речь... Пошли, заботливый ты мой!

Сергей мастерски открыл дверь, словно проживал в этой квартире и проделывал это миллион раз. Прислушался: кроме громкого тиканья часов, других звуков не было, шагнул через порог и нагло щелкнул выключателем. Кирилл протиснулся за ним и прикрыл дверь. Оба притаились.

- Кухня, - заговорщицким голосом изрек Шмидт, кивая в сторону полуприкрытой двери, за которой «голосили» часы.

- Ты оставайся здесь, а я осмотрюсь, - предложил Сергей и направился в указанную приятелем сторону. Наверное, роль сыграла полуприкрытая дверь. Остальные двери были распахнуты. Хотя, в комнатах было темно, лишь маленькая часть жилого пространства была освещена из прихожей, оба почему-то решили, что людей там быть не может.

Кирилл проигнорировал приказ Бирюкова и пошел в другую сторону. Он зашел в одну из комнат и зажег свет. Представшая перед ним картина повергла его в шок. И не столько подействовал хаос, творящийся в ней, сколько развитое воображение, благодаря которому он ощутил присутствие Лены, которая боролась за свою жизнь. Но разбросанные в разных местах мужские сорочки никак не могли быть связаны с ней. Тем более, пустые бутылки на столе, стаканы и тарелки с остатками пищи. Одна из бутылок прилежно лежала на боку, направляя свое горлышко в сторону Кирилла, будто это была не бутылка, а пушка, из которой вот-вот должен вылететь снаряд в сторону неприятеля. На диване вместе с одним домашним тапком валялся плед, похожий на откормленную горбатую змею, и подушка с глубокой вмятиной от головы. Кирилл присмотрелся к

вмятине, пытаюсь разгадать, чья голова ее проделала. Не Лены. По крайней мере, так ему хотелось. Его женщина не могла лежать на чужом диване, устроив голову на чужой подушке и накрывшись чужим пледом.

Кирилл перешел к комоду из красного дерева. На комодѣ вызывающе стояли несколько фотографий. Естественно, на них были изображены хозяин и хозяйка в ту пору, когда Шмидт не был знаком с бывшей хозяйкой этого дома. Он взял в руки свадебную фотку и начал пристально рассматривать жениха и невесту. Невеста в бежево-золотистом платье, доходившем до середины колена, и жених в темно-коричневом костюме с золотым галстуком в тон платью. Очень красивая невеста. И очень счастливая. И не менее красивый жених. Ни чета ему, Кириллу. Красивый жених, да, но не вызывает симпатии. И не потому, что Кирилл ревнует Лену к нему, а потому что женихи на свадьбах не пялятся в объектив наглыми глазами с ироничной ухмылкой на устах. Мол, пусть думает, что она меня окольцевала! А на самом деле? На самом деле он приобрел себе покорную рабыню.

- Урод! – не сдержался от эмоционального высказывания Шмидт. И обратился к мужчине с фотографии, - если с Леной что-нибудь случится, я тебя живьем закопаю! Понял?

- Так вот он какой, северный олень, – неожиданно вступил Сергей. Он остановился позади приятеля и с интересом изучал физиономию Тарасова.

- Что будем делать, Серега? Куда теперь?

- Возьмем фотку с собой, авось пригодится... А поедем мы с тобой, друг Кирюша, в агентство «Глобус», которым руководит господин Тарасов.

- Поздно уже. Все давно разошлись. Кроме охранника.

- Вот у охранника мы и узнаем, был ли Тарасов сегодня на работе? А если был, то когда ушел...

Макар Вяземский готовил себе ужин с таким сосредоточенным видом, будто сдавал выпускной экзамен в кулинарном училище. На самом деле он мало думал о куске мяса, который азартно жарился на сковороде, бездумно резал овощи для салата, не расставаясь с беспокойством о Владимире Тарасове.

Несмотря на беспокойство, Макар знал, что красиво и с достоинством съест салат, и гордое одиночество тому не помеха – всегда нужно вести себя интеллигентно! После чего выложит на большую тарелку подрумянившийся кусок мяса, положит рядом с ним веточку мяты, нальет в бокал красное сухое вино и приступит к основной трапезе. Так же красиво и с достоинством. После чего тщательно вымоет посуду, походит туда-сюда, чтобы пища в желудке лучше переварилась, а уж затем устроится на диване с книгой в руках. И пусть его все считают занудой, Вяземский своим привычкам не изменяет...

Окинув придирчивым взглядом стерильную кухню, Макар отправился бродить туда-сюда. Но сегодня его бездумное брожение сопровождалось размышлениями о Тарасове. Так и не придя к выводу, куда тот мог запропасться, Макар устроился на диване, накрылся теплым пледом, взял в руки книгу. Читать расхотелось, и он стал бездумно перебирать телевизионные каналы на пульте.

На одном из каналов закадровый журналист вещал о каком-то происшествии: то ли брат убил сестру, то ли муж жену. Вяземский не любил плохие новости, тем более перед сном, поэтому решил перейти на другой канал. Но палец так и завис над пультом.

Теперь на переднем плане возник бойкий юноша с микрофоном в руках, который рассказывал об аварии, случившейся незадолго до этого. Юноша бубнил бойко и безэмоционально. Для него это всего лишь работа, и ему нет дела до пострадавших в этой жуткой аварии.

- ...Авария произошла в 27км от города. Как сообщили в ГИБДД, около девятнадцати часов 30-летний водитель внедорожника госномер... Владимир Тарасов не справился с управлением, выехал на полосу встречного движения и совершил столкновение с рефрижератором. По предварительным данным, водитель погиб на месте, его пассажир в

тяжелом состоянии отправлен в больницу, помощь медиков понадобилась и водителю рефрижератора, которая была оказана на месте, от госпитализации он отказался.

- Вовка?! Не может быть!.. Этого просто не может быть! Он прекрасно водит машину, он... - Макар хотел сказать, что тот соблюдает правила движения, но нашел более весомый аргумент, - мало ли в городе Владимиров Тарасовых! И мало ли, кто из них управляет внедорожниками. Вовка не мог так нелепо погибнуть! Он любил жизнь так, как никто... С кем угодно могла произойти авария, только не с ним!

В эту минуту камера «наехала» на развороченный капот внедорожника, треснутое лобовое стекло. Затем поехала дальше, и уткнулась в задний регистрационный номер.

И сомнения испарились!

- Что там говорили о пассажирке? – пролепетал Вяземский. – С Вовкой кто-то находился рядом. И этот кто-то после аварии госпитализирован... Пассажир находится в тяжелом состоянии, - четко повторил за бойким парнем Макар...

Сергей остановил автомобиль возле трехэтажного современного строения, где арендовал весь верхний этаж под свою фирму Владимир Тарасов.

На этот раз Елизавета наотрез отказалась сидеть в машине и ждать. Вся троица двинулась к входной двери. Параллелепипед из стекла и бетона, слабо светящийся изнутри в основном первом этаже, позволял увидеть в просторном фойе, справа от входа, «будку» охранника, похожую на «будку» консьержа в жилых домах. В «будке» виднелась недвижимая фигура в сидячем положении.

Мужчины и женщина еще не достигли желаемого входа, когда в кармане у Шмидта раззвонился мобильник Лены. Он торопливо вытащил мобильник и уставился на светящийся дисплей.

- Лиза, это какой-то Вяземский. Ты его знаешь? - испуганно проговорил Кирилл и протянул мобильник Лизе, чтобы она убедилась, кто звонит Лене.

Жукова вырвала трубку из его рук.

- Точно Вяземский. Это друг и заместитель Тарасова. С чего бы вдруг ему звонить Лене? Насколько я знаю, они почти не общались... Мне ответить?

- Ответь! Только ничего не говори про Лену. Скажи, что она забыла у тебя свой мобильник. И осторожно поинтересуйся Тарасовым, – проинструктировал её Сергей.

- Да, - робко отозвалась Лиза. – Это не Лена, это ее подруга Лиза. Лиза Жукова. Мы с вами... Я...ничего не слышала... Но я... Да, хорошо...

Лиза отключилась, обвела оторопевшим взглядом встревоженных мужчин и вдруг заревела.

- Что? Что-то с Леной? – взревел Кирилл. – Лиза, перестань реветь, отвечай на вопрос!

Реветь она не перестала, но отняла ладони от лица. Закрыла рот, открыла рот, глотнула холодный сырой воздух, приложила ладонь к горлу, и, наконец, произнесла:

- Тарасов разбился на машине... за городом. С ним кто-то был в машине... Этот человек сейчас в больнице... в тяжелом состоянии.

- Лиза! Успокойся! Это не Лена! – Кирилл повернулся к Сергею в надежде услышать подтверждение своих слов.

- Так, никто не делает скоропалительных выводов! Сейчас я по своим каналам узнаю об этой аварии... и о пассажире. – Сергей отошел в сторону и начал вести долгие переговоры.

- По крайней мере, мы знаем, что она жива, - хлюпая носом, произнесла Лиза. – Хотя бы она не сильно пострадала, хотя бы...

Кириллу были неприятны ее причитания. Он отступил от нее. Пусть себе сочиняет небылицы, а я уверен – в салоне автомобиля Тарасова была не Лена... Тогда где она?.. И соседка Светлана говорила... Почему я пытаюсь отгородиться от этого известия? Меня не так заботит, что Лена могла пострадать в аварии, как тот факт, что она находилась в машине вместе с бывшим мужем. Меня это волнует. Как волнует вопрос, куда они

направлялись?.. Я схожу с ума от волнения. Я сошел с ума, если думаю о том, о чем не имею права думать в эту тревожную минуту. Я должен взять себя в руки и здраво посмотреть на ситуацию... Боже! Как мне хочется вернуться назад, во вчерашний день, когда мы были счастливы и строили планы на будущее. Есть ли у меня будущее без Лены... Даже думать не смей! Мысль имеет свойство материализовываться...

И теперь Кирилл допустил мысль, что в машине Тарасова была Лена. По своей воле она ехала с ним, не по своей воле, сейчас это не имеет значения. Значение имеет то, в каком она находится состоянии. И главное, что она осталась жива.

Вернулся Бирюков.

- С Тарасовым была молодая женщина. Без документов. Она без сознания. Я узнал, какую больницу ее отвезли... Мы едем, или так и будем стоять?

- Едем, едем, - хором отозвались растерявшиеся Лиза и Кирилл...

Это была невзрачная на вид районная больница, построенная еще в середине прошлого века. Ободранный внешний вид вызывал уныние и глубокое разочарование у посетителей, чьи близкие невольно здесь оказались.

Троица зашла в приемный покой. Время было позднее. Всегда в приемных покоях суета и неразбериха, невзирая на то, день за окном или ночь, утро или вечер. Здесь было на удивление тихо. Никто не бегал с каталками, никто на этих каталках не корчился и не кричал от боли, никто не сострадал.

Сырость, ободранность, гнетущая тишина поразили Лизу. Она не сдержалась от комментария, обозвав приемный покой склепом. Потом добавила.

- Мы должны забрать Лену отсюда.

- Да, подожди ты, - отмахнулся от нее Кирилл. Его самого «впечатлил» внешний и внутренний вид лечебного заведения, а тут еще она подливает масло в огонь.

- Не надо бежать впереди паровоза, - осадил Жукову Бирюков и направился к окошку регистратуры, за которым сидела миловидная девушка – единственный луч света в этом темном давно не отремонтированном царстве.

Кирилл и Лиза двинулись за ним, но он указал рукой, чтобы они оставались на месте.

Переговорив с девушкой, Бирюков вернулся.

- Сейчас идет операция. Я сказал, что мы родственники потерпевшей. Так проще. Дождемся врача и все выясним... Давайте присядем, - он кивнул в сторону неуклюжих сидений с потрескавшимся кожзаменителем.

- погоди! – остановила его порыв Жукова. – О каких родственниках ты толкуешь, если никто не знает фамилии пострадавшей.

- У нас есть выбор? – философски заметил Сергей. – Надо дождаться конца операции. Вдруг... пострадавшая приходила в себя и назвала свое имя.

- А если не приходила? – прицепилась к нему дотошная Лизка, которая не могла бездействовать пока до конца еще ничего не ясно.

- Это наша Лена. Тарасов затащил ее в машину и увез, - монотонным голосом произнес Шмидт и направился к сиденьям из кожзаменителя. Об аварии он намеренно умолчал.

Сел в неудобное шаткое кресло, откинул назад голову и закрыл глаза.

Ему вновь хотелось вернуться на сутки назад. Теперь вчерашними сутками стал этот ужасный день. Вернее, вечер. А утром его девочка стояла у него за спиной, обхватив его своими ручками, и осуждала его за попытку скрыть свой день рождения.

Неужели это было всего лишь вчера? Кириллу казалось, что прошли годы. Годы ужасных поисков и переживаний. Годы страха и пугающей неизвестности.

Может это был всего лишь сон? Может, не было знакомства с девушкой по имени Лена? Не было любви, не было песен под гитару, не было веселой рыбалки в деревне Алехново, не было жарких поцелуев под холодным осенним дождем...

Сейчас Кирилл проснется, потянется и скажет: «Если бы в жизни все было так, как во сне. Жаль, рано проснулся и не понял, чем же все закончилось?»

Все было и все будет...

Прошло почти три часа.

Никто из ожидающей троицы не вставал за это время, не разговаривал. Они сидели и терпеливо ждали.

И дождались. Дверь распахнулась, и появился доктор.

Двое мужчин и женщина, как по команде, вскочили на ноги и двинулись ему навстречу. Они пытались по лицу эскулапа угадать, с каким известием он к ним вышел. Кроме глубокой усталости его лицо ничего не выражало.

- Вы родственники пострадавшей?- спросил доктор.

- Родственники, - уверенно за всех ответил Бирюков.

- Операция прошла успешно. Хорошо, что быстро ее к нам доставили. Пострадавшая получила сильный удар в живот, вследствие чего – закрытый перелом ребер с правой сторон и разрыв селезенки. Селезенку мы удалили. А ребра срастутся сами, нужен только покой. При соблюдении всех рекомендаций, через месяц ваша родственница будет бегать.

- А как же жить... без селезенки? – спросила зареванная Лиза.

- Нормально, как все люди. – улыбнулся врач. Только сейчас друзья заметили, что он еще достаточно молод. – Удаление селезенки не влечет за собой каких-либо изменений в организме, ее функции компенсируются лимфатическими узлами. Многие люди живут без селезенки и не ощущают ее отсутствия.

- Можно нам ее увидеть?- хриплым голосом попросил Кирилл.

- Пострадавшая сейчас спит. – Доктор увидел устремленные на него молящие взгляды. – Ладно, только недолго. – Друзья уже бросились к двери, но врач остудил их пыл. – Только один человек!

Лиза посмотрела на Шмидта.

- Иди, Кирюша! Мы тебя здесь подождем. Передай ей привет, даже, если она спит, ты все равно передай. Скажи, что я тоже здесь, что волнуюсь за нее, что все уже позади... – Она легонько подтолкнула его в спину...

...Прошло три недели. Лену выписали из больницы долечиваться дома. Тарасова похоронили, занимался всем Макар Вяземский. Лизе пришлось рассказать подруге о гибели Владимира. Лена порывалась сбежать из больницы, чтобы попрощаться с ним, но Лиза уговорила её не ходить - она была слишком слаба.

После выписки из больницы Лена решила пожить в своей квартире, чем очень удивила Кирилла. В их отношениях появилась необъяснимая отчужденность. Теперь, когда преграда в лице Тарасова исчезла - как бы это жестоко не звучало, можно было всерьез задуматься о будущем.

Но все получилось наоборот. Лена отдалилась от Кирилла, оба чувствовали холодность в отношениях. Кирилл с пониманием относился к ее состоянию: только-только погиб муж, с которым прожито немало лет, сама сильно пострадала. Счастье, что, вообще, осталась жива.

Но со временем отчуждение не исчезло. Кирилл не пытался сблизиться, не твердил о своей любви. Лене нужен покой, не нужны эмоции и чувственные всплески, - так решил он и приготовился ждать. Он привык ждать.

Так Елена Тарасова вновь оказалась в своей квартире, только теперь в полном одиночестве...

Петр Леонидович Крюков чувствовал себя нормально, сердечные боли не беспокоили, голова не кружилась, обмороков больше не было. Он вышел на работу, чему был несказанно рад: там он окончательно забудет о болезни.

Жизнь потекла по привычному для него руслу. И будто бы всё хорошо: и с дочерью помирился, и с Викой прекрасные отношения, и в магазине порядок, но что-то Петра беспокоило, камешек пристроился на душе и часто напоминал о себе ноющими болями,

как воспаленный аппендикс. Так часто бывает, когда мучает неразрешимая проблема или тоска, справиться с которой невозможно. После приступа внутри еще не старого мужского организма что-то надломилось, будто внутренний стержень треснул. Пропало желание любить, жить, работать, возиться с внуками, говорить по душам с дочерью. И мечтать. Мечтать человек должен в любом возрасте, даже в глубокой старости. Если ты не мечтаешь, то тебе уже пора туда, откуда не возвращаются.

Внутренний стержень – это метафора, образное сравнение, характеризующее внутреннюю силу человека, но касательно Петра Леонидовича это совсем не образное сравнение. Что-то внутри его сломалось. Был внутри заложен вертикальный стержень, сейчас он дал трещину. Потому-то и спина согнулась, как у старика, и ноги с трудом передвигаются, хотя, Крюков старается из всех сил вернуть себе прежнее состояние, напрямую связанное с камешком на душе, который появился в тот злополучный день, когда исчезли панно.

На протяжении почти двух десятилетий он жил надеждой, что панно найдутся. Теперь надежда умерла. А он сам жив?

Крюков часто вспоминал, как увидел эти панно в первый раз.

Это было еще в 1987 году. Он занимался снабжением археологической экспедиции под руководством одного известного профессора в городище Дурмен-тепе неподалеку от Самарканда. В раскопках Крюков, естественно, участия не принимал, но был всегда в курсе событий: новая находка бурно обсуждалась в коллективе.

Древний город Дурмен-тепе был основан еще в первые века до нашей эры в период походов Александра Македонского. Археологи проводили раскопки в тех местах каждый год и каждый раз что-то находили: то глиняно-гончарные скульптуры, то различный керамический материал... Все находки были ценными, с точки зрения археологии, но, с точки зрения Петра Крюкова, ничего особенного, так всякие обломки и черепки. Попадались и чудом уцелевшие экспонаты, но на человека, далекого от археологии, они впечатления не производили.

Однажды руководитель экспедиции послал Крюкова с поручением к археологам в городище Варахша, где в результате раскопок на территории Дворца бухархудатов была найдена уникальная коллекция орнаментальных панно. По приезду в Варахшу он обомлел: такого чуда он не видел никогда, несмотря на то, что проработал в археологических экспедициях много лет.

Дворец в Варахше очень впечатлял своим величием и красотой. Это было обширное сооружение с целым комплексом помещений, построенных из кирпича и глины. С юга дворец был наполовину прикрыт по фасаду крепостной стеной, а с севера имел трехпролетный вход, опирающийся на стоявшие посередине массивные колонны. Колонны, стены и арки были покрыты резьбой по ганчу. Один из археологов рассказал, что ганч – это покрытие поверхности архитектурных строений. Его уже в древности делали из алебаstra и украшали жилища. В основном на них изображали сказочные сюжеты, фантастическую флору и фауну.

В парадных залах дворца стены были украшены расписными панно, выполненными на тонком слое алебаstra, который затем накладывали на глиняные стены. Древние мастера использовали краску с клеем, разведенным в воде. В качестве изображений выбирали сочетание реального и фантастического мира. Археологи удивлялись: многие панно хорошо сохранились, несмотря на то, что слой алебаstra был очень тонок и легко мог разрушиться по прошествии многих веков.

Крюкову разрешили тогда рассмотреть дворец, но просили руками ничего не трогать. Он не помнил, сколько времени провел там. Дворец обладал магическим действием, он не хотел отпускать Петра. Он долго расспрашивал специалистов об орнаментальных панно, которые были выполнены резьбой по дереву. Подобные панно украшали створки дверей, потолки, колонны. Резьба украшала предметы обихода: сундучки, столики, шкатулки. Особенно Крюкова впечатлили два панно. Материалом для обоих служил платан, но

различие выполненных изображений делало основу абсолютно разной. На первом панно древний мастер изобразил часть головы человека – было лицо: глаза, нос, рот, не было ушных раковин и волос. Нижний овал лица был четко вырезан до того места, где у человека должны начинаться уши, а вместо волос во все стороны расходились, как лучи солнца, орнаментальные узоры. Работа мастера была потрясающей. Но не это заставило Крюкова оцепенеть возле панно.

Черты лица явно принадлежали молодой девушке. И он узнал эту девушку, хотя, она не могла жить в те века. И в этом была загадка.

Девушку звали Маргарита Стебловская. Она была первой школьной любовью Петра. Очень сильной любовью, трагичной и незабываемой. Всю жизнь Петр старался спрятать эти страшные воспоминания подальше или вырвать их из сердца, из головы, из каждой клеточки своего организма.

Они учились вместе с первого класса. Петька таскал Ритку за косы, хлопал по спине портфелем, но никогда не позволял проделывать это с ней другим мальчишкам. Шли годы, Петр провожал Риту домой из школы, по выходным они ходили в кино. В старших классах детская дружба переросла в любовь. Ребята сидели за одной партой, вместе делали уроки, вместе гуляли. Петр помнил, как неумело первый раз поцеловал девушку, как она ответила на поцелуй, как он был на седьмом небе от счастья. Они мечтали о том, куда пойдут учиться после окончания школы, когда поженятся, когда родятся дети, сколько их будет и как они их назовут. Детские трогательные мечты двух влюбленных. За все время они поссорились только один раз. Глупо поссорились. Рита хотела каждый год вывозить их детей на море для укрепления здоровья, а Петр предлагал сплавляться по рекам на байдарке, спать в палатках, готовить еду на костре. Рита была в шоке:

- Как можно детям жить в такой антисанитарии! - выговаривала она и с укором смотрела на Петра. А потом вскочила со скамейки, не дождавшись согласия с его стороны, развернулась и убежала.

Они не разговаривали два дня. И очень два дня страдали.

Ритка не предпринимала шагов к примирению, но ходила в школу с опухшими глазами. Петька, как мужчина, сделал первый шаг, вымолил прощение, пообещал, что все будет так, как хочет она.

Какой всё это было ерундой, но в то время ерунда выглядела настоящей трагедией.

Что такое настоящая трагедия, Петр Крюков понял позже.

Это случилось в субботу, пятнадцатого октября. В тот вечер в школе устраивали танцы. Это сейчас их называют дискотекой, а тогда – танцы. На танцы собирались все старшеклассники. Девчонки наряжались в красивые платья, в туфли на шпильках, делали высокие прически, очень модные во второй половине 60-х годов, подводили глазки, подкрашивали губки и становились совсем взрослыми. Мальчишки облачались в пиджаки и брюки-дудочки, белые сорочки, на шею повязывали узкие галстуки или бабочки, обували остроносые туфли, что было супермодно в то время. Танцевали твист, шейк, вальс под катушечный магнитофон, приобретенный школой для торжественных случаев. К каждой субботе начинали готовиться с понедельника, девчонки обсуждали наряды, делились сердечными секретами, мальчишки записывали музыку на «бабины».

Рита и Петр с удовольствием ходили на танцы. Все вечера они проводили только вдвоем, других желающих ангажировать Ритку на танец не находилось: все мальчишки знали, какой кулак у Крюкова. После танцев Петр провожал девушку домой, они медленно шли по улице, взявшись за руки, и наслаждались обществом друг друга. Почти не разговаривали, переглядывались и все понимали без слов.

В тот вечер они переходили через дорогу, было тихо и ничто не предвещало опасности. Но опасность подкралась из-за угла в виде грузовика, который сбил обоих подростков и скрылся с места происшествия.

Петр отделался сотрясением мозга, а Рита умерла там же, на мокром грязном асфальте, некрасиво вывернув ногу и раскинув руки, словно собиралась поймать летящий на них грузовик и защитить Петю. Наверное, все-таки защитила. Она его, а не он её...

Крюков никогда и никого не смог так полюбить, как любил Риту.

И теперь, в 80-х годах двадцатого века, находясь во дворце бухархудатов, Крюков увидел лицо Маргариты Стебловской, вырезанное на дереве мастером в начале нашей эры.

Если назвать увиденное потрясением, значит, ничего не сказать. Петр Крюков чуть не потерял сознание, он подумал, что разыгралось воображение, что он просто думает о Рите все время, вот ему и привиделось. Он несколько раз открыл и закрыл глаза, видение не исчезло. Потом он посмотрел на панно под разными углами, сместившись то в одну сторону, то в другую. Ничего не изменилось. На него смотрела Рита, его любовь, его радость, его главный человек в жизни.

Другое панно привлекло его внимание тем, что на нем было вырезано некое животное, напоминающее собаку или волка. Мастер выполнил работу с большой наблюдательностью. Зверь получился, как живой и, что самое интересное... он был, как две капли воды, похож на овчарку Риты, которая прожила в семье Стебловских много лет и умерла вскоре после гибели хозяйки. Видимо, не смогла перенести горя... А Петька смог...

Крюкова распирало желание рассказать кому-нибудь о своем открытии. Но кто бы ему поверил? Да, и зачем открывать душу.

Теперь все его мысли занимали панно. Он решил любыми путями завладеть ими. Внушил себе, что таким образом вернет себе Маргариту. А заодно и ее собаку, к которой она была привязана.

Петр долго не мог вспомнить кличку собаки, а потом услышал, как один из сотрудников археологической экспедиции зовет щенка, приблудившегося к ним. Также звали овчарку Риты – Берта.

Рита и Берта должны принадлежать Крюкову.

Он уехал из Варахши совершенно больным, кажется, у него поднялась температура. Оклемавшись, снова туда вернулся, чтобы полюбоваться панно. И снова бродил по дворцу, снова стоял у стены, где находилось панно с изображением лица девушки, и прикидывал, как ему похитить его. Вокруг постоянно сновали люди, один мерзкий старикашка стал на него косо посматривать, пришлось ретироваться.

Крюков знал, что по окончании раскопок все найденные экспонаты передавались в Государственный музей изобразительных искусств или в музей декоративно-прикладного искусства Узбекистана. Он навел справки и выяснил, что интересующие его панно были отправлены совсем в другое место - в Бухарский исторический музей. Как только появилась возможность, Петр посетил музей, но, походив по его залам несколько часов, панно не обнаружил. Вначале испугался, что потерял их след, но потом решил действовать.

Зашел с деловым видом к директору музея, представился сотрудником экспедиции, передавшей ценности, и заявил, что уполномочен руководством еще раз проверить их наличие по списку. Директор не удивился и перепоручил «уполномоченного» одному из сотрудников музея, достаточно пожилому мужчине. Оказалось, что почти все экспонаты находятся в хранилищах, куда Петр был сопровожден сотрудником.

Поначалу он обрадовался такому повороту, решив, что у него появился шанс завладеть панно. Но не тут-то было! Пожилой мужчина проявлял бдительность и не отходил от него. Петр пробыл в хранилище очень долго, надеясь, что сотрудник музея отлучится хотя бы на несколько минут, но не тут-то было. К тому же он оказался словоохотливым, трещал безумолку, отчего у Крюкова сдавило виски. Но он прилежно выполнял свою «работу».

Когда в руках Петра оказалось панно с изображением Маргариты, его пробил озноб, будто он коснулся самой девушки, живой и невредимой. Наконец! Наконец, он держит в руках свое сокровище! Он не может расстаться. Готов пойти на всё, даже на преступление.

Сотрудник музея стоял за спиной и не видел, какие эмоции отражаются на лице «уполномоченного».

Крюков аккуратно положил на стол резной портрет Риты, так он его называл, и поискал глазами что-нибудь тяжелое, чтобы оглушить пожилого мужчину. А вот и то, что ему нужно – здоровенный молоток. Молоток лежал на стеллаже, недалеко от стола, за которым сидел Крюков. Ему нужно было только протянуть руку, взять молоток в руки, и панно будут принадлежат ему.

И он протянул руку. В этот момент дверь в хранилище распахнулась и на пороге выросла крепкая фигура охранника. Он напомнил, что время позднее, и попросил покинуть помещение.

Крюков едва не потерял сознание.

Что со мной происходит? – опомнился Петр. – Неужели я способен на убийство?

Он попрощался с работником хранилища и на ватных ногах покинул здание музея. Его трясло, сил не было вовсе.

Несостоявшийся убийца еле-еле дотащился до своего номера в гостинице и рухнул на кровать.

Ночью его увезла «скорая помощь». В больнице Петр пролежал три недели с диагнозом – воспаление легких.

Выйдя из больницы, он решил забыть о панно, выкинуть эту навязчивую идею из головы...

Прошло два года.

У Крюкова все было хорошо: работа, любящая жена, дочь-школьница, которую он обожал.

В начале весны ему предложили принять участие в подготовке выставки «Культура и искусство древнего Узбекистана». Если бы он знал тогда, что судьба вновь сведет его с теми самыми орнаментальными панно, Петр наотрез бы отказался.

Но им руководила судьба, а от нее, как известно, не убежишь...

Юрия Васильевича Шмидта Крюков знал много лет, они работали в одной археологической экспедиции. Одно время мужчины даже дружили. Юрий как-то признался другу, что давно увлекается игрой в карты, и сейчас у него не самый легкий период в жизни. Он должен одному серьезному человеку крупную сумму денег. Попросил Петра одолжить дать ему в долг, но у того не было такой суммы.

- Если я не верну деньги, мне не жить, - зло бросил Шмидт, словно вина за проигрыш лежала на приятеле.

- Но у меня нет таких денег, - честно признался Крюков, - и никогда не было.

Он с удивлением смотрел на Юрия. Никто из знакомых не мог подумать, что такой трудолюбивый, добрый, щедрый и приятный во всех отношениях человек может быть зависим от карточной игры. Ко всему Юрий Шмидт был веселым, неунывающим, галантным – всегда заботился о женщинах, которым в экспедициях было тяжелее, чем мужчинам, причем делал это просто и без желания получить что-то взамен. Поэтому все женщины считали его истинным джентльменом, а джентльмены не оставляют дам безразличными.

С того разговора прошло несколько дней, а вопрос с карточным долгом так и не был решен. Юрий ходил темнее тучи, и на все расспросы коллег отвечал одинаково: «Зуб болит». Ему советовали поехать в город на прием к стоматологу, но он отнекивался. Никто ничего не заподозрил: мало кто любит посещать зубного врача.

И вскоре Юрий Шмидт вернулся в свое обычное беззаботно-веселое джентльменское состояние. Крюков поинтересовался, как он решил свою проблему? Юрий в ответ загадочно усмехнулся и дал пространный загадочный ответ: «Неразрешимых проблем не бывает».

Через месяц Шмидт и Крюков отправились в Самарканд. Был выходной день, приятели надумали прогуляться по городу, потом пообедать в ресторане. На обед заказали узбекский плов, манты, салат и бутылку водки. Под такую закуску бутылки оказалось мало. Когда они «приговорили» и вторую, язык у Шмидта «развязался».

- Хочешь узнать, как я решил проблему с долгом?

- Хочу, - с трудом выговаривая простое слово, согласился Петр.

- Как-то ко мне подошел незнакомый молодой узбек. Он сказал, что есть один человек, который знает о моей проблеме и может ее решить. Я спросил, откуда такая осведомленность, но тот ответил: «Какая тебе разница?! Главное, он может помочь». Я не никогда не верил в бескорыстную щедрость, поэтому спросил, что этот великодушный человек желает получить взамен? – Он тебе сам обо всем расскажет, - ответил посредник и назвал место, где меня будут ждать. Я пришел на встречу и увидел мужчину лет сорока, высокого, светловолосого. Одет он был в импортные шмотки, разговаривал с едва уловимым акцентом. Я не думал, что он назовет себя, но он не стал скрывать своего имени. Назвался Клаусом Виннером, сотрудником немецкого посольства в Москве. В Узбекистан он приехал по делам.

- И чего ему было от тебя нужно? – на глазах трезвея, поинтересовался Крюков. Общение с иностранцами не сулило ничего хорошего: таких советских граждан сразу брали «на заметку».

- Он коллекционирует предметы старины и хотел пополнить свою коллекцию. Если я окажу ему услугу, он поможет мне.

- Но это же...

- Ой, да брось ты! – прошипел Шмидт, не дослушав осуждающую речь до конца. – Он немец, а... тоже немец, пусть и обрусевший, а немцы должны помогать друг другу.

Впервые за все годы своей осознанной жизни он вслух сказал, что он немец, хотя, всегда считал себя русским, гордился, что он русский. Только в паспорте, в графе «национальность» мелким буквами было написано «немец». Язык он знал, только говорить бегло не мог – практики не было.

- Клаус предложил мне перейти на родной язык, я был только рад.

- И что дальше? Пообщались? – отстраняясь от стола, спросил Крюков почти шепотом, приятель даже не расслышал и переспросил.

- Пообщались, - кивнул он. – Пока я пребывал в сомнениях, Виннер сказал, что заплатит столько, сколько я потребую за... за то, что ему предложу. Я заметил, что с раритетом весьма сложно пересечь границу, а он напомнил, где он служит. Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, он может вывести все, что угодно, даже тело Ленина из Мавзолея.

- Это пусть, это пожалуйста, - криво усмехнулся подвыпивший Петр, у которого предки были «из бывших» и пострадали после революции.

- Гы-гы, - поддержал его приятель, представив, как иностранный гражданин перевозит мумию Ленина через границу.

- Я так понимаю, что ты принял его предложение? - посерьезнев, поинтересовался Крюков. Ленин Лениным, а за державу все ж обидно.

Шмидт снова кивнул, посмотрел по сторонам, изучая усердно жующих граждан разных национальностей, заполнивших зал ресторана, приналег на стол, чтобы его визави лучше услышал, и прошептал.

- Клаус пообещал оформить приглашение. – заметив недоуменный рассеянный взгляд Петра, он пояснил, - поеду в ГДР. Понял?

Чего ж тут не понять? И с долгом поможет расплатиться, и приглашение вышлет. Кому не хочется побывать за границей, поглядеть, как люди живут, пусть не в капитализме загнивают, а «цветут» в стране соцлагеря, но все-таки лучше, чем у нас в Союзе с пустыми полками.

Шмидт не рассказал тогда Крюкову, что именно продал Виннеру, но это было и неважно...

Когда Крюков начал готовить выставку, то вспомнил о своем бывшем приятеле, с которым давно не виделся. Порасспросив общих знакомых, он разыскал Шмидта, позвонил ему и предложил встретиться...

Они сидели в уютном ресторане. Крюков исподтишка изучал Шмидта. И не мудрено: он очень изменился. Из веселого мужчины с джентльменскими повадками, но скромно одетого, превратился во франта, знающего себе цену. И хоть вместо фрака на нем был одет модный джинсовый костюм, но лоска он не забирал.

Пока Юрий дозировано делился информацией о своем житье-бытье, Петр жалел, что настоял на встрече. Он хотел предложить Шмидту состряпать одно дельце, которое будет щедро оплачено, но тот, видимо, в деньгах не нуждался.

Шмидт замолчал на полуслове, взглянул на пребывающего в задумчивости и рассеянности Крюкова, и спросил прямо:

- Петр, у тебя что-то случилось? Может, нужны деньги? Если что...

- Да, я хочу... В общем, мне нужна твоя помощь, Юра. Один я не справлюсь.

И рассказал свою трогательную историю.

Когда закончил, то облегченно вздохнул, словно сбросил с плеч тяжелый груз, который долгое время таскал на себе. Историю поведал, но просьбу не высказал. То ли решил передохнуть, то ли с мыслями собирался.

Крюков явно нездоров, - сделал вывод Шмидт, выдумывая причину для быстрого расставания. - А взгляд-то, взгляд... Глаза бегают, не могут остановиться на одном предмете... Когда девочку свою вспоминал, едва не разрыдался. Ясно, жаль ее, ясно любил, но столько лет прошло. Уже женат, дочь растет... Неужели жена ничего не заметила? Его в лечебницу надо сдавать, он опасен для общества. И случай в хранилище исторического музея тому подтверждение.

Теперь исподтишка за бывшим приятелем наблюдал Юрий. Кроме бегающего взгляда, у того находились в постоянном движении руки. Не замечая своих действий, он нервно потирал ладони друг о друга, будто злорадствовал или выказывал удовольствие от содеянного. Но, скорее всего, Петр выказывал так нетерпение. Ему очень хотелось услышать положительный ответ Шмидта на свой призыв о помощи.

И что я должен на это ответить? - подумал Юра. - Успокоить или предложить приложить все усилия, чтобы отыскать эти злосчастные панно? Отыскать и вручить убитому горем человеку? А он мне за это даст энную сумму денег... Смешно... Неужели подумал, что я соглашусь на эту авантюру?..

Шмидт вновь задумался о предлоге для расставания.

- И что ты обо всем этом думаешь? - неожиданно прервал его нерадостные мысли Крюков.

Тот прикинулся недогадливым человеком и резким тоном спросил.

- Ты хотел выговориться? Но почему выбрал меня? - Тему помощи он не затронул, чтобы вновь не возвращаться к жизненной драме.

Петра покоробил тон Шмидта. Он доверился ему, никак не ожидал услышать в голосе иронию, даже презрение.

Отделаться хочет, - озлобился Крюков, - а не выйдет отделаться, дружок. Я кое-что о тебе знаю. Или запомятовал? Так я могу напомнить.

И напомнил. Его голос изменился: из мягкого и душевного превратился в резкий и отрывистый.

- Ой, как страшно! Боюсь, боюсь... Беги в КГБ, докладывай, - тотчас парировал Шмидт.
- И... побегу, если... если ты мне не поможешь... выкрасть панно... Сейчас эти панно в Москве. Я участвую в подготовке выставки, посвященной культуре древнего Узбекистана.

Вот же сволочь! – мысленно возмутился Юрий. – А я тоже хорош, «глаза залил», взял и выболтал о встрече с Виннером. Впредь буду умнее и осмотрительнее.

А Крюков уже торжествовал победу.

- И мне кажется, что та сделка была не единственной... Ведь так, Юрий Васильевич?

Он медленно провел по приятелю взглядом: сверху вниз, снизу вверх, намекая, что импортная одежда немалых денег стоит. А откуда эти деньги? Ясно, откуда...

Затем перевел взгляд за окно, где возле ресторана стоял автомобиль, на котором тот с шиком подъехал, распугав голубей.

- И не надо говорить, что тебе неожиданно стало везти в карты... Или расстался с пагубной привычкой?

- А кто тебе поверит? – охрипшим голосом спросил Юрий. -

- ТАМ, - он ткнул указательным пальцем в потолок, - ТАМ примут к сведению, вызовут тебя и начнут...

- Довольно! Мне не нужны твои красочные рассказы об ужасах, творящихся в застенках КГБ.

Не обращая внимания на резкий выпад, Крюков, как ни в чем не бывало, продолжал.

- Главное, про дружбу с иностранцем не забыть, - обескуражено заметил он, словно уже побывал ТАМ и забыл рассказать. - Воровство старинных ценностей – это полбеда, а вот дружба с иностранцем может быть расценена, как предательство.

- Эка ты загнул, - скривился Шмидт.

- А вдруг твой немец на самом деле шпион, а ты его завербованный агент. Продаешь секреты нашей Родины – Союза Советских Социалистических Республик.

- Что ты несешь?!

- Семью твою очень жаль... - с ехидным сочувствием в голосе проговорил Петр. – Особенно жаль сына. Клеймо на всю жизнь! Бедный мальчик, бедный мальчик. Говоришь, умный не по годам... Ай-ай-ай, не повезло ему с отцом. И в школе будет изгоем, и в институт не примут, ведь отец – предатель Родины.

Крюков наслаждался своей обвинительной речью, родившейся спонтанно после обидных слов Юрия. А не надо было втоптывать его чувства в грязь!

И Шмидт решил согласиться: Крюков просит только об одной услуге, так я ее выполню. Только неизвестно, кому от этого будет легче?!

Юрий Шмидт еще долго «пережевывал» встречу с бывшим приятелем. Он на него не просто сердит, он его возненавидел. Возненавидел так, как никого и никогда ненавидел.

Человеком Шмидт был покладистым, незлопамятным, но жил по принципу: никто не имеет права вторгаться в мою жизнь. А если кто вторгся, то держись? Куда девалась покладистость, незлопамятность...

Сильно зацепил его бывший приятель Петр Крюков. Ох, сильно...

Следующий удар за ним, за Юрием.

И он знал, как поступит. Выкрадет панно с выставки, а все сделает так, чтобы подозрение пало на Крюкова.

Что-то, а панно он точно не увидит...

Не любил Шмидт мстить, но придется. А нечего было его семью трогать...

Петр Крюков был уверен, что все получится. План похищения панно был разработан в мельчайших подробностях, уже назначен день «операции», как назвал обычную кражу Юрий Шмидт: слово «кража» ему не нравилось. Крюкову было все равно, лишь бы быстрее заполучить панно.

Операция прошла, как в лучших детективных романах. Два орнаментальных панно исчезли с выставки, но... в руки Петра Крюкова не попали. Вместе с панно пропал Юрий Шмидт. Все попытки его разыскать не увенчались успехом.

А потом Крюкова задержали по подозрению в краже в краже музейных ценностей. Петр вину не признал. Следователь сказал, что у них есть все доказательства его вины.

Петр даже представить себе не мог, что этим доказательством является анонимка, пришедшая в милицию, где черным по белому было написано, кто совершил кражу. В те времена утверждали, будто анонимки при рассмотрении дела в расчет не берут, но, на самом деле, для достижения цели, как говорится, все средства хороши. Целью в данном случае было - повышение раскрываемости преступлений и наказание виновного за кражу экспонатов с выставки. А тут еще и улики, как подтверждение его вины: на стеклянной крышке стенда, где находились украденные экспонаты, обнаружены отчетливые отпечатки пальцев Крюкова. Он пытался доказать, что, как руководитель выставки имел доступ ко всему, но это никого не интересовало. Следователю надо было быстрее закрыть дело, и он его закрыл, не забыв «навесить» на подследственного исчезновение еще каких-то экспонатов с выставки.

Вот так Петр Крюков на пять лет был лишен свободы. А панно исчезли будто бы навсегда...

Юрий Шмидт понимал, что Крюков его не выдаст, это не в его интересах. «Сдать» Шмидта – это все равно, что признаться в соучастии. И о прошлых его делишках он рассказывать не станет: догадливые люди спросят, а ты откуда знаешь и почему столько времени молчал?

Но мало ли что Крюкову придет в большую голову? Поэтому надо было действовать оперативно...

В конце 80-х годов выехать в Германию стало гораздо легче, приток этнических переселенцев увеличился, и власти упростили требования к желающим покинуть СССР. Можно было без лишних усилий получить вид на жительство. Выдавались они двух типов: временный вид на жительство и не ограниченный сроком. Главным требованием было - иметь профессию и знать немецкий язык.

Юрий Шмидт, потомок обрусевших немцев, обладал всеми требованиями. Скорейшему получению вида на жительство поспособствовал немецкий друг Клаус Виннер. Юрий решил получить временный вид на жительство, пожить в Германии, осмотреться, а там будет видно. Жить на исторической Родине ему не особо хотелось, он любил свою работу в археологических экспедициях, любил мать и сына и не хотел расставаться с ними надолго, но выхода не было – необходимо отсидеться где-нибудь вдали от любимой Родины.

Пришлось на время расстаться и с матерью, и с сыном. Юра никогда бы ей не предложил отправиться с ним, мать все равно бы не согласилась, а еще бы и ему помешала. Она женщина решительная. А Кирюху родная мать не отпустила бы в другую страну с родным отцом.

Перед отъездом в Германию Шмидт надежно спрятал украденные панно. Хотел сжечь их, чтобы и следа не осталось, в отместку негодяю Крюкову, но в последний момент передумал. Панно ни в чем не виноваты, и у археолога со стажем рука не поднялась поднести к панно спичку.

Перед расставанием Юрий не сдержался и признался матери, куда он отправляется. Только ей, никому больше. Добавил, что это не навсегда, поживет пару лет и вернется. Что ему там делать, когда все родные остались здесь?

Взял с матери клятву о неразглашении его тайны и отбыл.

Мать всплакнула и стала ждать возвращения сына. Он вернется и заживут они, как прежде... Как прежде не получится. С женой Мартой Юра жить не хочет, говорит, что не любит ее, а любит соседку Надю. Надю Жданову.

Об украденных панно Василиса Петровна, естественно, ничего не знала. Как не знала о других делах, которые связывали ее сына и Клауса Виннера...

Уехал Юрий в Берлин и там пропал. Ни одной весточки мать от него не получила...

Минуло пять лет.

Василиса Петровна извелась от неизвестности. А ведь чувствовало материнское сердце неладно с ним, но старалась отгонять плохие мысли.

Но был бы жив, нашел способ успокоить мать.

Однажды Василиса Петровна смотрела по телевизору передачу о мистике, о чудесах.

И вдруг, ее, как громом поразило! Зеркало!

Она вспомнила рассказ своей бабушки о событиях, которые произошли в их семье в девятнадцатом веке. Это предание передавалось из поколения в поколение, и было связано с семейной реликвией, с зеркалом, которое теперь висело на стене в доме Василисы в Алехново. Сама Василиса Петровна к зеркалу относилась с уважением и считала его не просто предметом быта, а живым существом. Не для этого оно передавалось по наследству, чтобы глупо пялиться в него, изучая свое отражение или стоять и причесываться, погружившись в свои думы. Оно – предмет одушевленный, поэтому к нему надо относиться соответственно. Основное назначение зеркала – наблюдать за теперешними владельцами и рассказывать о них следующему поколению. Поэтому жила Василиса, словно под прицелом, постоянно ощущая оценивающий поведенческие и поступки взгляд зеркала. Не хотела, чтобы потомкам было стыдно за их бабушку или прабабушку. Или прапрабабушку...

О способности зеркала накапливать информацию Василиса помнила всегда. Забыла, что оно может этой информацией делиться. Если его хорошо попросить...

Сидя перед включенным телевизором, Василиса будто бы услышала голос своей бабушки, которая много-много лет назад рассказала своей маленькой внучке удивительную историю, которую та восприняла, как сказку.

У ее матери, которую звали Анной, и которая приходилась Василисе прабабушкой, была двоюродная сестра - Мария Тарновская. Ее собирались выдать замуж за коллежского асессора Василия Попова. Это был во всех отношениях приличный господин, с хорошим жалованием, но гораздо старше ее – на целую четверть века. Девушка знала его с младенческих лет, относилась к нему с уважением, но замуж за него идти не хотела. Родители очень любили дочь и желали ей только счастья. Поэтому мольбы Марии были услышаны, и Василию Попову было вежливо отказано. Сему событию несказанно возрадовался родной брат Анны – Михаил, приходившийся кузеном Марии. Михаил с детских лет обожал кузину Машу. После отказа Попову он надеялся на брак с дочерью Тарновских. Но сама Маша никогда кузена серьезно не воспринимала, даже относилась к нему со скрытым, иной раз явным, презрением. И если бы не родственные связи, то на порог дома это «пугало», как она называла Михаила, не пускала.

Михаил был худосочным нескладным молодым человеком с чрезмерно длинными руками, которые болтались вдоль туловища при ходьбе, как у тряпичной куклы, которую трясут из стороны в сторону. Жиденькие русые волосенки постоянно лезли в глаза их обладателю, он все время откидывал их взмахом головы, поэтому выглядел, как припадочный с постоянно дергающейся головой и вращающимися вдоль туловища руками. Дополняли красочную картину постоянные прыщи на лице, которые доставляли Михаилу беспокойство. Поэтому рукам находилось еще одно применение, кроме вращений, - почесывание воспалений на лице. Бывают люди, у которых неказистая внешность компенсируется прекрасным и добрым нравом. Это был не тот случай. Характер у кузена был отвратительный: он был навязчив, завистлив, мстителен и обладал большим самолюбием. Причем отношение к Марии Тарновской у него было неоднозначным. В его сердце странным образом уживались два противоположных чувства: любовь и ненависть. Первое чувство жило в нем постоянно, оно появилось еще в

детские годы. Маша всегда отличалась от своих сверстниц красотой, а с годами становилась все краше и краше. Она была высокой, стройной девицей, с огромными шоколадными глазами и черными, будто подведенными искусным художником, бровями. Как в такую не влюбиться! А второе чувство - ненависть - то появлялось, то исчезало. Периодичность зависела от отношения Маши. Если девушка была снисходительно-сдержанной, то в сердце жила одна любовь. Если занудство кузена доводило ее до белого каления, она бросала колкие реплики, причем прodelывала это в присутствии посторонних. Это обстоятельство особо ранило самолюбивого молодого человека. Но он быстро прощал свою кузину, потому как был влюблен без памяти.

Однажды Михаил пришел в дом Тарновских просить руки Марии. Он считал себя хорошим оратором и поэтому решил покорить всех присутствующих пламенной речью и долгим объяснением того, почему он для Марии самая подходящая партия. Родители не могли понять, чем вызвано перечисление надуманных положительных качеств: Мишу они знали, как облупленного. Как знали о его давней любви к их дочери, и об отношении к кузену тоже знали. Одно не знали – причину визита. Им пришлось только переглядываться и надеяться, что вскоре речь закончится, и молодой человек покинет их дом. Но в конце пламенной речи, без передышки и остановки, Михаил поведал всем о причине визита. Тарновские в очередной раз недоуменно переглянулись, потом перевели взгляд на дочь, которая сидела с отрешенным видом, будто слова кузена не имели к ней отношения.

Маша догадалась, что всю ответственность любящие родители переложили на нее, и теперь ей что-то нужно говорить. Она поднялась, подошла к окну, вдохнула свежий воздух, пытаясь успокоиться, чтобы спокойно произнести фразу, которая родилась еще в самом начале речи кузена. Уж, она-то знала, чем вызван визит в их дом! Потом развернулась, не забыв нацепить на уста восторженную улыбку и сложив перед грудью сцепленные пальцы, будто благодарила Бога за то, что он послал ей такого жениха.

Михаил увидел радостное лицо Марии и обомлел от счастья. А как же! Он решил, что сию минуту, без промедления, получит долгожданное согласие. Но милая улыбка на устах Машеньки быстро уступила место брезгливой гримасе. Она произнесла фразу, которую потом пересказывали друг другу слуги, и которая потом передавалась из поколения в поколение, потому что послужила основной причиной разыгравшейся за этой фразой трагедии.

- Сударь! Даже если на земле исчезнет весь мужской род, кроме вас, я лучше останусь в старых девах, чем свяжу себя узами брака!

Она выпорхнула из комнаты, предоставив родителям произносить слова извинения.

Кузен сделал вид, что принял их извинения, и не зол на кузину. И не теряет надежды на ее согласие. И придет в другой раз. Если Тарновские не возражают. Можно подумать, они могли возражать.

Но подумали, не махнуть ли в имение? Подальше от навязчивого кузена. Они надеялись, что тот вскоре поостынет и расстанется с навязчивой идеей.

Но Михаил не поостыл, ничего не забыл, обиду на кузину затаил.

Тем временем, Мария знакомится с офицером Авериным Львом Игнатьевичем, красавцем и щеголем. Между молодыми людьми вспыхивает любовь. Лев Аверин отличался горячим задиристым нравом. Несколько раз дрался на дуэлях, но оставался цел и невредим. Конечно, он был не лучшая партия для единственной дочери Тарновских, но что поделать: раз Маша полюбила этого молодого человека, то родители согласились на брак. Уже назначили день свадьбы, невеста и жених были очень счастливы, подготовка к бракосочетанию шла полным ходом. Но, вдруг произошла страшная трагедия - незадолго до свадьбы Лев Аверин погибает на дуэли. Девушка чуть не сошла с ума от горя. Она слегла, родители не знали, что делать. На дом вызывали врачей, они выписывали различные микстуры, но ничего не помогало, Мария продолжала лежать, не реагируя на окружающих. Так прошла неделя. Однажды утром она, наконец, очнулась,

поднялась с постели, оделась с помощью горничной и вышла из своей комнаты, чем очень обрадовала родных. Наконец, их мольбы были услышаны. Но это была уже не та Маша, она не смеялась, почти ничего не ела и почти не разговаривала.

А через несколько дней она неожиданно исчезла. Все попытки ее отыскать ни к чему не привели.

Время шло. Известий не было.

Старинное зеркало находилось тогда в доме Анны, кухни Марии и сестры Михаила. Зная о его чудесных качествах, Анна предложила обратиться к нему за помощью. Тарновские готовы были на все, только бы отыскать свою единственную дочь.

Анна взяла на себя «общение» с зеркалом. Она просиживала перед ним по несколько часов в день, пока ее настойчивость не увенчалась успехом.

Был вечер. За окном сгустились сумерки, но девушка не зажигала свечу.

Она уже решила, что сегодняшняя просьба останется без внимания, как и все предыдущие. Но вдруг в комнате послышался шепот. Анне показалось, что она задремала, и ей он почудился. Она затаилась, затем медленно оглянулась, чтобы проверить, не стоит ли кто-то за ее спиной, несмотря на то, что в зеркале никто не отражался. Кроме нее в комнате никого не было. От страха у девушки онемели руки и ноги.

Сначала было тихо, а потом опять... Шепот шел от зеркала. Внутри зеркала... кто-то разговаривал. Вскоре появился резкий запах. Помещение, до этого погруженное в темноту, осветилось мерцанием, исходящим от зеркала. Анна не пошевелилась. Продолжала сидеть и ждать, что произойдет дальше. Мерцание в зеркале стало ослабевать и в его середине, как будто вдаль, появился маленький расплывчатый рисунок, который стал приближаться все ближе и ближе, увеличиваясь в размерах.

Наконец, Анна смогла его рассмотреть.

Она с удивлением поняла, что это уменьшенная копия картины Иванова «Явление Христа народу».

Этот шедевр был недавно передан Александром II в дар Румянцевскому музею. Об этом писали все газеты.

Какое отношение эта картина имеет к исчезновению Маши? – возник у Анны резонный вопрос.

- Я сплю? – спросила она у самой себя. И сразу ответила, - я сплю!

Потрясла головой, потеряла виски.

Видение в зеркале не исчезло. Напротив, в углу зеркала появилась расплывчатая фигура, которая стала приближаться к картине Иванова. Фигура подошла так близко, что Анна легко узнала в ней Марию. Да, это была Мария Тарновская. И не одна. Рядом стоял Михаил, родной брат Анны и кузен Маши. Молодые люди рассматривали картину. Видение было недолгим. И картина, и стоящие рядом с ней люди стали медленно исчезать. Аня дотронулась рукой до изображения Маши, словно хотела остановить ее, вытащить из зазеркалья, но видение пропало. Анна еще долго держала руку в том месте, где только что была Мария.

Она надеялась на продолжение, которое объяснит увиденное ранее.

Продолжения не было.

Теперь перед Анной было обычное зеркало. В зеркале отражалась она сама и комната за ее спиной.

Девушка ущипнула себя. В очередной раз поняла, что не спит.

И что все это значит? – задумалась она. – Явь или мое воображение? И что мне говорить Тарновским? Кто мне поверит?! – мысленно рассудила она. И нашла выход, – надо расспросить Мишу. Были ли они в Румянцевском музее?..

Анна передумала объясняться с братом и терять время, а сразу обо всем увиденном поведала Тарновским, а те, в свою очередь, - полиции, которая с недоверием отнеслась к

мистике, но, поддавшись уговорам убитых горем родителей, провела допрос кузена. Михаил сначала отнекивался, но потом, испугался и признался во всем.

- Я уговорил ее сходить в музей. Мы хотели посмотреть картину Иванова «Явление Христа народу», – рассказывал он, размазывая слезы по своему воспаленному лицу. – Накануне я договорился с двумя бандитами. Ну, чтобы... В общем... они ждали в карете, неподалеку. Когда мы вышли из музея, я проводил ее до кареты, посадил в карету и... закрыл дверь, а сам пошел домой. Что произошло дальше, мне неизвестно. – Он закрыл лицо руками и зарыдал.

На вопрос судебного следователя, почему она согласилась сесть в карету, Михаил ответил, что Мария была ко всему безучастна после убийства Льва Аверина, а он воспользовался ее состоянием, дабы отомстить за нанесенные ранее оскорбления.

Через несколько дней убийцы были найдены. Они рассказали, что задушили девушку, как только она села в карету, а потом закопали ее тело в лесу. Душегубы указали место. Они признались, что их нанял молодой человек, в котором опознали Михаила.

Кузен Михаил в тюрьме сошел с ума, а затем умер в психиатрической лечебнице.

Если бы не старинное зеркало, то тайна исчезновения Марии Тарновской никогда не была раскрыта.

Вот так закончилась эта печальная история...

Бабушка Василисы рассказывала еще много историй о необычных способностях зеркала, но все они были не такими захватывающими как история Марии Тарновской. То у кого-то украли коней, то у хозяев исчезла крупная сумма денег. В поисках каждый раз помогала семейная реликвия.

Помогала...

И почему бы ей не помочь теперь Василисе Петровне?..

Бабушка Кирилл не была суеверным человеком. В молодости она вступила в комсомол, участвовала в самодеятельности, много читала, любила Маяковского и Блока, поэму которого «Двенадцать» знала почти наизусть. Когда работала в деревенской библиотеке, то старалась получить больше новинок, и пристраститься к чтению всех колхозников: устраивала вечера, на которых рассказывала об открытиях, изобретениях, вычитанных из журнала «Наука и жизнь», очень популярного в то время. Особенно посетители библиотеки любили слушать лекции о неопознанных летающих объектах. Василиса Петровна красочно описывала случаи, которые происходили с людьми при встрече с «тарелочками», но сама в эту чепуху никогда не верила.

Сейчас речь шла о единственном сыне. Мать была готова на все лишь бы узнать правду о нем. И готова поверить и сказки, поведанные старенькой бабушкой, которые всегда считала вымыслом.

В связи с этим на полках библиотеки появилось множество литературы мистического толка. Василиса Петровна хотела понять, как правильно вести себя с зеркалом, чтобы оно пошло на контакт. А поняв, перешла к действию.

Василиса не посвящала в свои планы внука. Старалась «общаться» с зеркалом, когда его не было дома. Но так увлеклась, что часто не замечала, как быстро бежит время, и Кирилл заставлял ее сидящей перед зеркалом. Но он был мальчиком тактичным и лишних вопросов не задавал.

Ей долго пришлось «уговаривать» семейную реликвию, прежде чем она ответила на главный вопрос: куда подевался Юрий?

Всего у Василисы Петровны было два видения. Первое видение было точь-в-точь таким, каким его увидела спустя много лет Лена Тарсова.

Когда Василиса Петровна увидела, где сын закопал чемоданчик, она сразу сообразила, где в ее дворе находится это место, и отправилась на раскопки. В чемоданчике она обнаружила панно. Долго думала, что с ними делать, а потом не нашла ничего лучше, как перепрятать. Свою находку, как и сооруженный сыном клад, она оставила в тайне.

Но тщательно записала все в личном дневнике, в обычной ученической тетради, которую позаимствовала у внука. После чего спрятала тетрадь на самом видном месте - за картиной с вышивкой, помещенную в рамку. Теперь тетрадь находилась между вышивкой и картоном – задней стенкой картины.

Картина-тайник привлекала внимание каждого гостя - хозяйка с большой любовью и умением вышила огромный желтый подсолнух на фоне голубого неба. И никто бы не догадался, что она, картина, в себе таит?

Василиса Петровна надеялась, что со временем поделится тайной со своим внуком, но, увы, не успела: болезнь подкралась незаметно, лишив возможности произнести последнее слово. Старушка пыталась поднять парализованную руку и показать на картину, но не смогла. Силы покинули ее...

Но задолго до смерти у Василисы было еще одно видение. Именно, это второе видение ответило за самый главный вопрос...

Поздним летним вечером Василиса Петровна Шмидт привычно сидела перед старинным зеркалом. Глаза устали и слезились, нужные слова не находились. Но надежда еще жила в израненном ожиданием и незнанием сердце матери.

На сегодня уже достаточно, - решила она. Хотела подняться со стула, но так и осталась на месте: ее внимание привлек резкий запах, появившийся ниоткуда. Старушка догадывалась, что последует за этим. Она впиалась взглядом в зеркало. Мерцание! Опять мерцание! Будто кто-то невидимый, сидящий внутри зеркала, очень быстро включал и выключал прожектор или сигнальный фонарь, с помощью которого ведут переговоры корабли, используя азбуку Морзе.

Может, зеркало таким способом пытается со мной изъясниться? – подумала Василиса Петровна. В прошлый раз таких «сигнальных» переговоров не было. Тогда она просто смотрела немое кино с одним единственным актером – Юрием Шмидтом. – И что мне делать? Как разгадать его световые послы? Неужели так и останусь в неведении? – испугалась она.

Но зеркало не собиралось изъясняться с хозяйкой с помощью азбуки Морзе. Световые сигналы вновь сменило немое кино.

В зеркале, как экране телевизора, появился автомобиль, который будто бы выехал из верхнего левого угла. Он двигался из угла вниз, как в замедленной съемке приближаясь к центру. И совсем скоро Василиса Петровна уже могла рассмотреть сидевших в нем людей.

Управлял автомобилем незнакомый ей мужчина. Он крепко держал руль двумя руками и разговаривал с пассажиром, время от времени поворачивая голову в его сторону. Пассажиром был... ее единственный сын Юрий. Оба мужчины были веселы и беззаботны.

Какое счастье – он жив и здоров! – преждевременно порадовалась мать. Появившаяся улыбка начала медленно сходиться с лица, когда она увидела продолжение этой замедленной съемки. Неожиданно автомобиль свернул с дороги, будто кто-то невидимый взял на себя управление этим «игрушечным» авто и решил устроить аварию. Автомобиль врезался в высокое толстоствольное дерево, росшее неподалеку. Женщина застыла, закрыв рот ладонями, чтобы не закричать от ужаса. Но у нее еще оставалась надежда. Вот сейчас распахнется дверь автомобиля и из него выскочит ее сын вместе с водителем. Оба живые и невредимые. Отбегут на безопасное расстояние, и только тогда раздастся взрыв, пустая машина заполыхает...

Из автомобиля никто не выскочил. И не побежал. А автомобиль взорвался, не предоставив возможности двум мужчинам избежать гибели. Если до момента взрыва кто-нибудь из них был еще жив.

Жадные когти пламени пытались добраться до зеленых ветвей раскидистого дерева-старожила, много повидавшего на своем жизненном пути, но никогда не подозревавшего, что станет виновником чьей-то гибели.

Василисе казалось, что она слышала визг тормозов, сильный удар, скрежет рвущегося металла и... взрыв. Она сдавила голову руками, чтобы ее уши не слышали ничего. И зажмурила глаза, чтобы ничего не видеть.

- Неужели это правда? – прошептала она. Она знала ответ на этот вопрос: это правда! Потому что в первый раз зеркало ее не обмануло.

Женщина открыла глаза, опустила руки. Они безвольно упали на колени. Сгорбленная от горя женская фигура сидела и смотрела, смотрела в зеркало-телевизор. Страшная горькая картина пожара стала медленно исчезать. Зеркало втягивало в себя весь ужас, который пришлось пережить Василисе Петровне.

Она не знала, сколько времени провела без движения. Не могла сдвинуться с места. Словно кто-то облил ее жидким цементом, он быстро застыл и сковал ее всю. У нее не было сил сломать эту цементную оболочку.

Памятник скорбящей матери...

Почему я не умерла вместе с Юрой? – подумала она. - И зачем мне теперь жить?

И вдруг пугающую тяжелую тишину дома разорвал возглас внука.

Утро. Наступило утро, а Василиса не заметила, как прошла ночь. Ночь, принеся ей горестную весть.

Луч июльского солнца отразился от зеркала и попал на памятник скорбящей матери.

Цементная оболочка дала трещину.

- Я буду жить ради Кирюши, - прошептала пожилая женщина, с трудом ворочая языком...

О ночном видении никто больше и не узнал...

Если бы Василиса Петровна жила в то время в Берлине, то прочитала бы в местной газете небольшую заметку в разделе происшествий. В ней сухо, без страдательных эмоций, было написано следующее:

«Близ небольшого городка Шенефельд под Берлином, пожарные обнаружили сгоревший автомобиль. В нем найдены тела двух человек. Владельцем сгоревшего автомобиля, как установила полиция, является Клаус Виннер. Представитель прокуратуры заявил, что по внешним признакам невозможно установить, чьи тела обнаружены на месте пожара. Будет проведена судебно – медицинская экспертиза».

Прошло почти три недели, и история получила продолжение. На страницах газет было написано, что в результате экспертизы было установлено, что труп на месте водителя принадлежит хозяину автомобиля - Клаусу Виннеру, его пассажира пока опознать не удалось. В крови Виннера был найден алкоголь, его количество значительно превысило допустимую норму. Машина ехала на большой скорости, водитель не справился с управлением, съехал с трассы, врезался в дерево. Автомобиль загорелся.

Эта трагедия произошла в первый день приезда Юрия Шмидта в Германию...

Приближался Новый год. Лена с детства любила этот праздник, пахнувший елкой, апельсинами и оливье.

При упоминании апельсинов, она вспоминала не только Новый год, но и свое детство...

В то время их семья жила в небольшом городке в коммунальной квартире. Лене в ту пору было лет пять или шесть. Соседствовали они с немолодой супружеской парой. Их дочь училась в институте в Ленинграде. Однажды она приехала к родителям на каникулы. Дело было зимой, на улице дул студеный ветер, закручивая снег в спирали. Лена сидела у окна и рисовала, пристроив лист бумаги на широком подоконнике, и в это время раздался звонок в дверь. Девочка выбежала из комнаты, чтобы посмотреть, кто пришел. Она надеялась увидеть отца. Но вместо него в большую полутемную прихожую, освещенную единственной тусклой лампочкой без абажура, вошла девушка. Все

внимание Лены было обращено не на нее, а на авоську в ее руках. А авоське лежали... ярко-оранжевые шары. Большие и пупырчатые. Шары странно пахли. Лена никогда таких не видела. Девочка забыла о своем занятии рисованием. Авоська с оранжевыми блестящими шарами ее заворожила. Она провожала ее глазами, она зорко следила за ее перемещениями. И втягивала воздух, пропитанный незнакомым ароматом.

Очнулась, когда авоська скрылась за дверью комнаты, где жили соседи. Оранжевая красота ушла, а запах остался.

Перед приездом соседки, у Лены было много дел: поиграть с любимой куклой Мариной, пойти погулять с подругой Олей, о чем договаривались заранее, надеясь, что погода улучшится. Но теперь ей было не до рисований, ни до игр, ни до прогулок. Даже хорошо, что за окнами непогода разгулялась. Можно сесть в темной прихожей или на кухне и ждать, когда выйдут соседи. Вдруг они снова вынесут оранжевые шары и даже дадут ей их подержать, пощупать, понюхать.

Она так и поступила. Но сначала мама прогнала ее из прихожей, объяснив, что там дует и дочь может простудиться, а потом выпроводила из кухни, чтобы под ногами не путалась. Лена дошла до двери своей комнаты, но вернулась и тихо спросила.

- Мама, а что было в авоське? Оранжевое такое? А?

Мама объяснила Лене, что это апельсины. Девочка по слогам повторила незнакомое слово и с недоумением уставилась на мать.

- Это такие фрукты с юга.

- С юга, - как эхо повторила за ней дочь, поставив ударение в самом конце.

Кто такой «юга» малышка не знала, тем более не знала, где он заполучил такие оранжевые солнышки-фрукты.

Выслушав пояснение, она переместилась к соседской двери. И там затаилась. Сначала просто стояла, подперев спиной холодную стену, затем стала медленно прохаживаться взад-вперед, как часовой, несущий службу, стараясь не попадаться на глаза матери.

Почему соседи не выходят?! – мысленно возмущалась она. - Вдруг они делают что-то с этими фруктами, и я их больше не увижу.

Она подходила к двери, прикладывала носик к щели, пытаясь уловить необыкновенный запах. Но ни запаха, ни звуков слышно не было. Девочка решила, если соседи не угостят её этим фруктом с какого-то юга, то она сама не попросит, потому что была хорошо воспитана.

Мама позвала Лену обедать. Ей было не до обеда, но послушаться она не могла. Девочка сидела перед тарелкой супа, водила ложкой по кругу и поглядывала на соседскую дверь. Она даже руку подставила под подбородок, чтобы голова не упала от усталости.

И тут на кухню вышла соседка – мать приехавшей студентки. Обе руки она держала за спиной и при этом загадочно улыбалась. Сердечко Лены сильно забилося. Наконец, соседка дошла до Лены, сидящей перед тарелкой супа, и вытащила из-за спины... два оранжевых шара. Радости Лены не было предела! Остывший суп был забыт. Даже мама не стала ругаться, увидев небывалое счастье на лице своего ребенка.

Лена играла с шарами, катала их по полу, строила «снежную бабу», укладывая друг на друга, жалея при этом, что не дали три шара - баба бы получилась, как настоящая, только красивого оранжевого цвета. Мама наблюдала за дочерью, а потом спросила, почему она не попробует их на вкус? Девочка задумалась: Как? Разве можно съесть такую красоту? А что потом?..

Прошло много лет. Лена не помнила: попробовала она тогда апельсины или нет, понравились ей они или нет? Но тот момент, когда увидела их первый раз и почувствовала их аромат, девушка помнит до сих пор.

Поэтому всегда при виде апельсинов у нее поднималось настроение.

А поднять его сейчас, перед Новым годом, было просто необходимо.

Уже почти месяц Елена Викторовна Тарасова руководила рекламным агентством «Глобус. Все произошло неожиданно...

Сразу после выписки из больницы ее навещил дома Макар Вяземский, не забыв прихватить торт.

Зашел, с торжественным видом вручил торт хозяйке, снял свое стильное пальто, поправил перед зеркалом галстук, окинул взглядом дорогой красивый костюм, поправил трехсотдолларовые очки на переносице, пригладил светло-русые волосы, которые лежали так, будто он только что вышел из салона красоты.

«Ученый малый, но педант». – неожиданно пришли Лене на ум слова нашего классика. И в том момент подумала, что такой мужчина, как Макар, никогда не женится. Тяжело найти терпеливую особу, которая вынесет его педантичность.

Вяземский прошел в комнату, окинул ее оценивающим взглядом, будто проверял, стоит ли переступать порог. Или предварительно нужно обратиться в некую службу, которая приедет и все выдраит до стерильности.

Видимо, решил, что его персона способна посетить данное помещение, отличающееся повышенной чистотой.

Опустился в кресло, не касаясь спиной его спинки, будто она была окрашена, и внимательно уставился на хозяйку. Под его взглядом Лена поежилась, хотела пристроиться на стуле, но передумала, замерла рядом со стулом, уперев в него одну руку. Даже нервно побарабанила по нему пальцами, намекая, что у нее совершенно нет свободного времени. Ну, совершенно! Так что нечего здесь расслаживаться! Излагай, зачем пришел и иди домой! А торт я и без тебя съем.

Но быстро смягчилась, вспомнила, что Макар не единожды навещал ее в больнице, приносил цветы и фрукты, сочувствовал, как мог, развлекал. Вспомнила и села на стул, дескать, готова к дружескому общению.

Вяземский будто ждал именно этого момента и сразу заговорил.

- Как ты себя чувствуешь? – трагическим голосом поинтересовался он.

Тарасовой показалось, что он знает больше о ее здоровье, чем она сама. И это знание его убивает.

- Хорошо, - задумчиво пробубнила она и замолчала.

Молчание затягивалось, атмосфера накалялась. Лена встала, обошла стул и снова села, словно играла в известную игру и теперь победила, заняв единственный свободный стул. Зачем-то взяла в руки пульт и включила телевизор. Вяземский сразу уставился в него с таким интересом, будто именно за этим и пришел. Лена переводила взгляд с Макара на телевизор и обратно. Как кот, который следит за фантиком на ниточке, которым машут у него перед мордочкой.

– Может, чаю? – запротиворечила она самой себе.

- Не откажусь, - вежливо ответил мужчина и поджал губы, предлагая запихивать в него торт и чай силой.

Сначала Тарасова хотела подать чай в комнату, а потом передумала: не баре, на кухне чаю выпьют. Ей очень хотелось увидеть на лице Вяземского недовольство, но тот, молча, отправился на кухню вслед за хозяйкой.

Они сидели на кухне, и приступили к чаепитию. Торт оказался очень вкусным. Беседа начала завязываться. Макар рассказывал о делах в агентстве, делился планами на будущее. Лена чувствовала, что Вяземский ходит кругами вокруг главного, - вокруг основной причины, принудившей его прийти. Прямо, как на рыбалке, закинул удочку и ждет, клюнет рыбка Лена на крючок или мимо проплывет. Только рыбка Лена не поняла, какую наживку он насадил и чего хочет добиться, рыбу поймать или наживку вернуть.

Станный человек, этот Макар Вяземский! Ох, и странный, - подумала она. - Все в жизни у него сложно! Пришел, принес торт, сказал, что надо и ушел. Чего издеваться над больным человеком, тумана напускать.

Лена хлопнула ладошкой по столу.

- Макар, хватит! Хватит лить воду! Чего ты хочешь? - Она хотела добавить - говори и уходи, но это было слишком.

А Лена Тарасова уже не та тихоня, которая выполняла любое требование повелителя-мужа, - подумал Вяземский. – Мне именно такая и нужна.

Вслух сказал:

- Я пришел сделать тебе предложение. – Он посмотрел на ее ошарашенное лицо и попытался объяснить, - не волнуйся, ты все не правильно поняла.

- Скажи так, чтобы я правильно поняла!

- Я хочу, чтобы ты заняла место директора рекламного агентства «Глобус»! – выпалил он на одном дыхании, чтобы не передумать.

- ???

- Не надо давать ответ сегодня, прямо сейчас. Подумай. Взвесь все. Я, в свою очередь, обязуюсь ввести тебя в курс дела, помогать, направлять, советовать, но не навязывать свое мнение. Ты директор, твое слово последнее и решающее.

- Ты так говоришь, будто все решено и обратной дороги нет. - Ей только не хватало рекламного агентства «Глобус» для полного счастья! На ум пришла секретарша Аллочка, с которой началась полоса неудач. Нельзя, конечно, винить ее одну в этой истории. Лена вспомнила погибшего мужа. Как нелепо все вышло. Острая жалость к этому молодому и красивому мужчине пронзила ее сердце. Она попыталась взять себя в руки, переключив мысли снова на Аллу Бабушкину. Жажда мести вдруг захватила некогда добросердечную Елену. Ей так надоело быть паинькой, послушной девочкой, что захотелось сменить имидж. Стать пантерой - красивой, грациозной, жаждущей крови. Крови секретарши Алочки! Пантера-начальница выкидывает из джунглей приبلудившуюся овцу, которая случайно оказалась в их рядах - гордых и красивых зверей.

Лена представила себе картину. Овца с головой Алки идет по поляне, в центре которой небольшой пригорок. На пригорке возвышается пантера Лена с гордо поднятой головой. Все звери, они же сотрудники «Глобуса», провожают овцу презрительными взглядами и кричат: «Вон! Вон из нашей стаи!» Потом переводят восторженный взгляд на предводительницу и славят ее: «Славься, славься во...»

Что-то Остапа понесло, - подумала Лена и невольно усмехнулась своей выдумке.

Макар Вяземский удивленно на нее посмотрел.

- Я сказал что-то... не то?- Отодвинул тарелку с недоеденным тортом и поднялся.

- Ты сказал все то, - успокоила его хозяйка и неожиданно расхохоталась в голос. Она так долго страдала, что просто устала от этих страданий. Устала от постоянных: А что? А как же? А вдруг? А если? И теперь ей захотелось расслабиться. Каждый расслабляется по-своему. Ленка расслабляется при помощи безудержного дурацкого смеха якобы без видимой причины. Но причина-то была – представленная картина с участием пантеры, овцы и других. И только успокаивалась, как снова вспоминала Алку-овцу и себя-пантеру и вновь начинала хохотать.

Макар так удивился ее поведению, что передумал уходить и вновь уселся на стул. Сначала просто смотрел на заливающуюся истерическим смехом Лену, затем робко улыбнулся, затем тоже громко засмеялся. Галстук сам по себе или под действием расслабленной обстановки съехал на бок, прилизанные волосы разлохматились, очки съехали на кончик носа, а поправлять их они и не думал, на щеке, откуда ни возьмись, появилась ляпа крема с торта. И стал Макар Вяземский своим компанейским парнем, ни сухарем, ни придиричивым аккуратистом. Членом общей стаи.

Они проболтали допоздна. Вспоминали Вовку Тарасова, грустили и посмеивались, когда на ум приходил забавный случай. Вяземский рассказывал о школьных и институтских годах. И всегда рядом с ним был Тарасов. Лена раньше не знала, что Макар такой наблюдательный и ранимый, ценящий дружбу, ненавидящий предательство и неискренность. После этой кухонной посиделки она поняла, что на этого человека можно положиться, он не предаст и подставит в трудную минуту свое плечо.

Елена Тарасова согласилась стать директором рекламного агентства «Глобус».

Первым решением директора стало увольнение секретарши-овцы Аллы, которой не хватило ума написать заявление по собственному желанию еще до прихода нового директора. На вакантную должность было много претендентов, но почти все они внешне напоминали бывшего секретаря: модельная внешность и пустая голова. Наконец, Лена нашла подходящую кандидатуру - женщину около сорока, с хорошими характеристиками, приятную и серьезную. Между директором и секретарем сразу установилось взаимопонимание.

Елена Викторовна очень уставала на новой должности, стараясь узнать все и сразу. Иногда ей это удавалось, иногда нет. Но она была рада, что работа занимает все ее мысли. Но перед сном постоянно вспоминала о Кирилле Шмидте, смешном рыжем мужчине, который не мог понять причины ее отчужденности.

Хотела Лена его увидеть? Наверное, да. Он звонил несколько раз, интересовался здоровьем. Но не было сказано нужных слов, которые девушка очень хотела услышать. Даже голос говорившего не напоминал голос того Кирилла, которого она любила. Или любит до сих пор. В голове полный хаос. Лучший выход на данный момент - разобраться в себе. Понять, как дальше жить? С кем жить? Или, может быть, остаться одной?

Что же делать? Как поступить?

Что делать, что делать? Прямо по Чернышевскому! Вот и сон не идет, бессонница замучила, несмотря на усталость. Не то что у незабвенной Веры Павловны в бессмертном произведении этого автора - крепкий сон и красочные видения. Интересный он был человек - писатель Николай Гаврилович Чернышевский, писал о революционерах - разночинцах, о новых людях, а вывод в конце сделал неожиданный, заявив, что только дети делают женщину счастливой. Ни тебе революция, ни тебе новая формация людей, а просто и ясно - дети! Вот оно счастье!

Лена была согласна с классиком на все сто. Никакая интересная работа не заменит семью, детей. Есть, конечно, женщины, для которых существуют свои жизненные ценности, но не ложь ли это? Обмануть других можно, но не себя...

Надо было родить девочку... или мальчика, все равно кого. Только бы рядом с ней был маленький человечек...

Если быть честной, то ребенка она представляла легко. Он будет похож на Кирилла, такой же рыжий и забавный.

И пусть у него будут мать и... отец. Обязательно отец! Как без отца!..

Вот и засни после таких мыслей!..

Кирилл Шмидт каждый день собирался позвонить Лене. Договориться о встрече. Потом встретиться, рассказать, как он ее любит, как скучает.

За все время расставания он звонил несколько раз, после каждого раза давал себе слово больше этого не делать. Лена разговаривала с ним, как с навязчивой и надоедливой мухой, которая напоминает о себе, изредка подлетая и жужжа в ушко. А Лена отмахивается от нее, уйди, мол, не до тебя.

Нет, сравнение с мухой не самое лучшее.

Лучше сравнить с преданным псом. Он любит хозяйку, лижет ее, пытается играть. Но хозяйке это не нужно, у нее своя интересная жизнь. Собакам там не место.

Зачем надоедать человеку, если ты не нужен? Если тебя не любят. Больше не любят. А, может, и не любили никогда.

Кирилл всякий раз набирал знакомый номер, ждал ответа, надеясь, что сегодня Лена будет прежней, такой, как до аварии. Она отвечала и опять... Не голос, а сталь, стальной клинок, рубящий всех на пути и не желающий останавливаться. Кирилл не мог заговорить о любви. Холод клинка проникал внутрь, ранил его, боль заглушала чувства. И он замолкал. Потом пытался что-то говорить, но понимал, что все это не то, голова думает

об одном, а язык несет какую-то ерунду. А на другом конце провода его слушает человек, который с нетерпением ждет окончания этого бреда. Кирилл прощался и долго выслушал короткие гудки, не в силах положить трубку. Он представлял себе, что разговор не закончен, мысленно прокручивал свой монолог, который должен был произнести вместо бреда, но каждый раз путался, сбивался. Все повторялось...

Он должен увидеть ее, заглянуть в глаза, увидеть в глазах ответ на главный вопрос. Кирилл все поймет без слов и объяснений. Но он боится этой встречи, боится узнать жестокую правду. Сейчас он еще надеется.

Кирилл в эти тяжелые для него дни сблизился с Лизой и Жориком Жуковыми, Ванька не отходил от него, когда он заглядывал в их гостеприимный дом. От Лизы Кирилл узнавал новости о Лене, хотя отношения двух подруг тоже изменились.

- Она стала чужая, - говорила про нее Жукова, - какая-то снежная королева из рекламного агентства или заколдованная принцесса, которую надо поцеловать, чтобы расколдовать. Может, попытаешься, Кирюша?

Жорик зыркал на жену, незаметно постукивал пальцем по виску, намекая, что надо думать, прежде чем языком молоть. Но Лизу переключить с этой волны было невозможно. Кирилл грустно улыбался и молчал. Лиза давно предлагала устроить им с Леной неожиданную встречу. Но Кирилл не хотел театральности. И боялся увидеть реакцию Лены, которая от неожиданности не скроет истинных чувств к нему. Хотя, страдать, лелеять надежду и оттягивать встречу было бессмысленно.

В одном Кирилл был уверен: он любит ее по-прежнему, а может, и сильнее... Какая глупость – сильнее, слабее, любовь или есть, или её нет. Это же не рукопожатие.

Лиза Жукова жалела Кирилла, злилась на подругу, которая при любом упоминании его имени, сворачивала разговор. Одно радуется, - размышляла Лиза, - что он ей не безразличен, я это чувствую.

Лиза решила взять на себя роль примирителя двух глупцов, которые еще долго, без ее вмешательства, будут ждать, кто сделает первый шаг. Тут и повод нашелся собраться за общим столом. Это был пока секрет, о котором никто не знал, даже Жорик.

Обе стороны приняли приглашение Жуковых на воскресный обед. До Нового года оставались считанные дни, но Лиза не хотела оставлять все до праздника. Пусть они помиряются и встречаются его вдвоем, без посторонних, - рассудила она.

Все прошло по плану. Лена и Кирилл не удивились, встретившись у Жуковых, характер Лизы они знали и о планах подруги догадывались. В душе оба хотели этой встречи, поэтому примирение состоялось быстро, чему все были невероятно рады, включая младшего Жукова. Ванька сел за стол между влюбленными и не хотел уходить. Мать не могла с ним ничего поделаться, никакие уговоры не помогали.

- Пусть ребенок сидит там, где хочет, - заступился Шмидт. Вопрос был закрыт, чему Ванька был несказанно рад.

- Я собрала сегодня самых близких мне людей, чтобы сообщить приятное известие, - начала Лиза и обвела взглядом притихшую компанию. Она чувствовала себя городничим из «Ревизора», который удивит своей новостью. - Через семь месяцев... в нашей семье ожидается прибавление.

Первой опомнилась Лена. Она кинулась к подруге, расцеловала ее.

- Как я рада, Лизонька. У Ваньки появится брат или сестра, а ты уже знаешь, кто?

- Еще нет. – Она повернулась к мужу. – Не вижу радости на твоём лице.

Жорик смотрел на Лизу и молчал. Он так долго ждал этого события, что теперь не понимал, услышал он эту новость на самом деле или ему почудилось. Затем на его лице появилась улыбка, причем улыбка совершенно счастливого человека. Жорик схватил жену на руки и закружил по комнате. Лиза смеялась и просила поставить ее на место, но мужа охватило полное безумие. Лена с Кириллом хохотали, один Ванюшка не понимал, что происходит. Он испугался за мать и начал тихо поскуливать. Потом зарыдал в полный голос, и взрослые, наконец, его услышали. Жорик отпустил жену. Лиза

посадила сына на руки и начала успокаивать. Потом объяснила ему все. Ребенок долго думал, а затем произнес:

- Ладно, я согласен. Только пусть это будет брат, с пацаном можно поиграть.
- Договорились! – Лиза погладила сына по голове. – А если будет девочка?
- Ну, ладно приводи, - подумав, согласился он. – Буду защищать ее от хулиганов.
- Молодец! Настоящий мужчина растет! – Жорик обнял жену и сына. – Как я счастлив!

Лена радовалась за подругу и немного завидовала ей. Кирилл посмотрел на нее и понял настроение девушки. Он зашептал ей на ухо:

- Поехали домой! Нам тоже надо решить вопрос.. с рождаемостью, если ты не против, девочка моя.- Он поцеловал ее в щеку. Совсем невинный поцелуй, но какая реакция: ей ужасно захотелось остаться с ним наедине. Даже неловко стало. Она зарделась.

Как она за ним соскучилась, соскучилась так, как никогда и ни за кем не скучала. Сердце стало стучать громко-громко и часто-часто! Спящая принцесса очнулась после поцелуя принца.

- Молчание – знак согласия, - констатировал Кирилл. Он схватил ее за руку и потянул в прихожую, испугавшись, что она передумает и снова станет холодной и безразличной. Но глаза Лены говорили о любви, они горели, горели страстью и желанием. Шмидт успел хорошо изучить этот взгляд.

Попрощавшись с хозяевами, которые с пониманием восприняли их скорый уход, Кирилл и Лена поспешили домой...

Когда влюбленные переступили порог квартиры Кирилла, Лена первым делом подошла к зеркалу, наклонилась к нему и прошептала: «Привет! Я по тебе скучала, а ты?» Она почувствовала, что оно тоже радо встреч: зеркало преобразилось, превратившись из тускло - желтого в ярко-лимонное. Оно тоже поздоровалось с подругой...

Кирилл даже немного приревновал ее к старинной семейной реликвии. Но Лена его быстро успокоила. Она так соскучилась, что Кирилл понял это сразу, как только она дотронулась своей пылающей рукой до его лица. Она провела рукой по щеке, по шее, переместившись на грудь. Потом рука скользнула под свитер. Вторая рука присоединилась к первой. Эти два раскаленных уголька разожгли костер внутри мужчины.

Огонь удалось потушить только к утру...

Скоро Новый год! Лена с Кириллом решили встречать его в Алехново, причем прихватить с собой зеркало. Это была просьба Лены, а Кирилл не мог ей отказать.

Осторожно упаковывая зеркало в старое одеяло, Кирилл сказал:

- Самое древнее суеверие гласило: если разбить зеркало, то следует ждать семь несчастливых лет.
- Почему, именно, семь?- Она наблюдала за работой «упаковщика», контролируя каждое его движение.
- Потому что семь считают священным, божественным и магическим числом.
- Я знаю про семь чудес света!
- А семидневная неделя, а семь дырок в голове.

Лена мысленно пересчитала отверстия, как бы проверяя сказанное Кириллом, который перешел к завершающей стадии упаковки: обматыванию зеркала шпагатом.

- А еще семь недель поста, - добавила она, закончив пересчет.- В институте мы изучали психологию, где говорилось о семиступенчатой оценочной шкале.
- Посоревнуемся, кто больше вспомнит все, что связано с цифрой семь?
- Я уже три вспомнила, а ты...два. - Лена помогала Кириллу завязать узел.

Он выпрямился. Работа по упаковке зеркала была завершена.

- Значит, соревнование. Хорошо! – Он сделал вид, что никак не может вспомнить, где еще упоминалось это магическое число. Почесал затылок, приводя в действие мыслительный процесс.

Лена торжествовала. Он не знает, а у нее в запасе есть еще кое-что. Кирилл смотрел на ее довольное и счастливое личико. Он выждал паузу, а затем с видом преподавателя, читающего лекцию нерадивой студентке, выдал.

- Помнишь книгу «Мифы древней Греции»? Так вот, человеку-быку Минотавру, обитавшему в лабиринте на острове Крит, жители Афин каждый год платили дань в виде семи юношей и семи девушек. У меня - три.

- Пока 3:3. – Она улыбнулась снисходительной улыбкой, будто удивлялась, что сказанное ею сейчас до сих пор не вспомнил кандидат наук. - Древний Рим построен на семи холмах!

- У меня тоже из истории: в Вавилоне в честь главных богов построен семиступенчатый храм. Счет – 4:4.

- В христианстве - семь смертных грехов.- Лена произнесла фразу с таким устрашающим видом, будто человек, находящийся с ней рядом, обладает всеми этими грехами, и она решила наказать его за это.

- Если о Христианстве... - Кирилл попытался в точности воспроизвести знамение Господа. - «Всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро». 5:5. Играем до семи.

- Умный очень, да? – Лена задумалась. – Я перейду к другой религии... Согласно Исламу, имеется семь небес. Попавший на седьмое небо испытывает высшее блаженство.

Кирилл не знал, есть ли у нее в запасе что-то еще, и решил дать подсказку.

- А из области литературы можно?

- Конечно! – Она так обрадовалась, что Кирилл сразу понял, что был прав - подсказка была необходима.

- У Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» - «Сошлись семь мужиков...» 6:6. Ну, ты готова проиграть?

- Сейчас, ждите. Сказка братьев Гримм. – Лена говорила громко, четко выговаривая слова, как профессиональный декламатор. – «Храбрый портняжка»: «Когда злой бываю, семерых убиваю...» Ура, ура! Я выиграла!

Она подлетела к Кириллу, повисла на нем, ухватив за шею.

- Осторожно! Еще ребра не зажили! - Он бережно обнял ее. – Поздравляю! Тебе положена награда! Чего желаете?

Лена задумалась. Чего бы ей хотелось больше всего? Чтобы он, этот рыжий парень, лучший на свете, был всегда рядом и всегда ее любил. Она висела на Кирилле и смотрела в его изумрудные глаза, пытаясь передать только что задуманное взглядом. Его лицо было так близко, что у нее начало двоиться в глазах, а от напряжения появились слезы.

- Почему ты решила, что я самый лучший? .... В остальном... я клянусь, так будет всегда. – Кирилл осторожно дотронулся до ее губ своими губами. Это был очень нежный, но в тоже время чувственный поцелуй.

Лена даже не удивилась, что смогла взглядом передать задуманное.

Они понимают друг друга без слов.

Они разговаривают на языке любви...

И вот наступил новый год. Лена надеялась, что, наконец, с его приходом наступит душевное спокойствие. Проснувшись утром, она не будет бояться сегодняшнего дня, не будет думать: какие сюрпризы он принесет? А будет просто жить и наслаждаться. Ей так хотелось, чтобы в жизни все было ясно и понятно. Есть она, есть он, они любят друг друга. У нее интересная работа, которая приносит не только моральное удовлетворение, но и материальное. Кирилл тоже занимается любимым делом. Вечером они собираются на кухне, ужинают, обсуждают прожитый день, потом сидят на диване, прижавшись друг к другу, как сиамские близнецы, смотрят телевизор, затем ложатся спать. Это однообразие их не угнетает, они дорожат каждой минутой, проведенной вдвоем. Никто не сможет помешать их счастливому спокойствию...

Однажды Лена предложила Кириллу переехать в её квартиру. Она была просторнее, ближе к работе и ей, и ему. Шмидт не возражал: ему было все равно, в каких стенах находиться, главное, чтобы рядом была его девочка. Не надо говорить, что зеркало тоже перебралось на новое место жительства и заняло свое место на стене в гостиной.

В середине января в квартире раздался телефонный звонок. Лена только переступила порог, Кирилл еще не было. Она пребывала в превосходном настроении, как и все последнее время. Раздумывала, что бы приготовить на ужин, а звонок отвлек ее от этих важных мыслей.

Наверное, Лизавета, - подумала она, - очень кстати, сейчас посоветуюсь со знатным кулинаром.

Сначала Лена услышала в трубке какой-то шорох или чье-то возбужденное дыхание, сразу не разобралась. Затем скрипучий голос, то ли женский, то ли мужской, медленно произнес:

- Почему ты не погибла вместо него, почему до сих пор жива?

Девушка растерялась. Рука, державшая трубку, вспотела, трубка едва не выскользнула.

- Кто это? – очень тихо спросила Лена.

Ответа не последовало, пошли короткие гудки. Абонент отключился.

Лена присела возле тумбочки, продолжая держать трубку в мокрой руке. Ее начало трясти. Она понимала, что надо взять себя в руки. Сейчас вернется с работы Кирюша, увидит ее, перепугается и ему придется все рассказать. Этого делать нельзя.

Она посидит еще чуть-чуть, встанет, займется ужином, забудет этот розыгрыш. Ведь, это просто розыгрыш!

Лена с трудом поднялась, осторожно положила на место трубку. Потом подумала и отключила телефон. Если он или она захотят еще позвонить, то ничего у них не выйдет. Надеюсь, на мобильный позвонить не рискнет...

Девушка зашла в ванну, умылась холодной водой, подержала в воде руки, сунула под струю воды локти, желая снять напряжение, потом тщательно вытерлась полотенцем. Все ее движения были заторможенными, она злилась на себя, что не может успокоиться и забыть глупую фразу телефонного хулигана.

Она, как зомби, переделась в домашние джинсы и майку, зашла на кухню, открыла холодильник.

Я что-то хотела сделать? – попыталась вспомнить Лена, стоя перед открытым холодильником.

Потом закрыла дверцу, опустилась на стул и неожиданно разревелась. Она поняла, что неприятности возвращаются к ней. И никакой это не розыгрыш телефонного хулигана, кто-то целенаправленно желает ее напугать, довести до истерики. И им это почти удалось. Слезы дружно бежали по щекам, группировались на подбородке и водопадом стекали на одежду. Но благодаря этому молчаливому плачу, первоначальный шок от этих ужасных и неожиданных слов, произнесенных скрипучим мерзким голосом, начал исчезать. Появилась жалость к себе.

Почему, ну, почему, это происходит со мной! Только начала жизнь налаживаться и вот опять, - подумала Елена.

В тишине квартиры раздался звонок ее мобильного. Она дернулась и автоматически смахнула зависшие на подбородке слезы, будто человек, прервавший ее саможаление, способен разглядеть ее мокрое лицо. Сначала избавилась от слез, потом стала вспоминать, куда забросила мобильник. Телефон терпеливо дождался реакции владелицы в сумке. Лена проверила высветившийся номер.

- Кирюша! Это Кирюша! – радостно воскликнула она. – Привет, дорогой!

- Привет, девочка моя! Я еду домой, надо что-нибудь купить?

- Все есть, ничего не надо. Не хватает самого главного – тебя!

На душе стало тепло-тепло. Сейчас он приедет, поцелует ее холодными от мороза губами, и все встанет на свои места.

- Не было никакого звонка, просто не было и все, забудь! - развеселилась она и отправилась на кухню готовить ужин любимому мужчине...

Вячеслав Зимин вернулся с работы. Домой в последнее время идти не хотелось. Трескотня жены, ее постоянное недовольство, ее крики на детей - все раздражало его. Может, он изменился, может она, но что-то стало не так в их отношениях.

Все началось с поездки в Алехново к знакомой теще, к Вике. Зимин, сам того не замечая, стал думать о ней. А потом была встреча Нового Года...

Праздник они встречали вместе, снова у Виктории. Эта была их вторая встреча. Инна подружилась с избранницей отца. Они часто общались по телефону, обсуждали новости, сплетничали. Славик злился на себя: зачем ходит кругами вокруг болтающей по телефону супруги, зачем прислушивается к ее разговору, пытаюсь уловить нотки слегка капризного голоса Вики? Потом начинал злиться на жену: зачем она ей постоянно звонит, а потом пересказывает ему, произнося все время ее имя? Вика сказала, Вика сделала... Эти постоянные напоминания не дают ему забыть эту молодую красивую женщину, ее черные глаза, ее длинные волосы.

Зимин сравнивал себя с тестем, Петром Леонидовичем. Крюков, конечно, мужчина еще ого-го, но в последнее время стал какой то неживой, замкнутый, безразличный. Это резкое изменение случилось после приступа в их первый приезд в Алехново. Вернется ли теще к нормальной жизни – неизвестно? Зачем Виктории такая обуза? А он, Вячеслав, еще молодой, подтянутый, жизнерадостный, полон сил и желаний!

На работе многие молодые девушки «строят глазки» начальнику, Вячеславу Андреевичу, даже не боятся его супруги Инны. Но Славик на их заигрывания не обращает никакого внимания. Для него всегда главной женщиной в жизни была его жена, которая родила ему прекрасных близнецов. Так он думал до тех пор, пока не увидел ее, Вику. Что-то щелкнуло в голове, глаза открылись и стали видеть то, чего раньше не замечал. Сначала Вячеслав не сообразил, что пассия Петра Леонидовича привлекла его внимание, но вспоминал девушку чаще и чаще, появилось желание увидеть ее, услышать ее голос. А какая у нее милая трогательная улыбка! Ловишь себя на том, что твой рот тоже начинает глупо скалиться. Говорят, что влюбленные мужчины начинают глупеть в присутствии своих возлюбленных. Так произошло с Зиминим. Он всегда считал себя эрудированным человеком, с чувством юмора, способным поддержать беседу. Но встреча Нового года показало обратное. В присутствии Вики он одним разом поглупел. На заданные вопросы или не отвечал, или отвечал невпопад. Инна заметила странное поведение мужа, начала приставать с расспросами, но он сослался на усталость. Прошедший год выдался нелегким, еле-еле смогли выполнить план по поставкам. Инна это знала, поэтому объяснение приняла и больше не приставала. Вика, пытаюсь развеселить гостя, пригласила его на танец. Это было что-то незабываемое! Славик даже представить себе не мог, что от танца можно опьянеть. Он держал эту женщину в своих объятиях и хотел только одного, чтобы музыка не заканчивалась...

Наступление нового года принесло новые проблемы на работе – заключение договоров. Проблем уйма! Голова пухнет! И от навалившихся забот и от того, что мысли уходят в сторону. Славик злился: надо выбросить красавицу Викторию из головы! Это неправильно, постоянно думать о ней! У него жена, дети...

Войдя в прихожую, Вячеслав Зимин увидел, как Инна быстро положила трубку телефона.

Так, это уже интересно! Что за секреты? – подумал он и сделал вид, что ничего не заметил.

За ужином Славик между делом поинтересовался:

- У теще ничего не случилось? – Он уловил недоуменный взгляд жены и продолжил. - Когда я вернулся с работы, ты с отцом разговаривала по телефону? – Элементарный вопрос привел Инну в замешательство. При всей своей загруженности и...

влюбленности, Славик обратил внимание, что в последние дни с ней что-то стало происходить. Она снова замкнулась в себе. Но было это не так как всегда, во взгляде какая-то обреченность появилась, будто человек стоит на краю пропасти и раздумывает: прыгнуть ему или отложить прыжок до поры до времени? Поначалу Вячеслав решил, что Инна догадалась о его увлечении Викторией и поэтому расстроилась. Жена всегда была впечатлительной и ранимой, а главное – собственницей. Хотя, он никогда не давал ей повода.

Зимин знал одно – если бы Инна догадалась о его интересе к другой женщине, то никогда не стала молчать и закрываться, как улитка. Она начала бы скандалить и требовать объяснений.

Но что тогда случилось? Почему она так отреагировала на его вопрос?

Инна положила вилку, тихо, но внятно, произнесла:

- Я... никому не... звонила. Ты ошибся.

- Последнюю фразу ты произнесла так обреченно, почти как профессор Плейшнер в «Мгновениях...», только он употребил местоимение «я»: «Я ошибся». А после этого выбросился из окна.

- Предлагаешь мне сделать тоже самое? - беспристрастно спросила супруга, прерывая изучение обеденного стола.

Санька с Петькой не поняли, что происходит между родителями, но догадались, что назревает скандал, поэтому поспешили ретироваться, поблагодарив за вкусный ужин.

Инна поставила локти на стол и с недоумением уставилась на свою пустую тарелку. Она все съела и даже не заметила. У нее не было ни чувства голода, ни чувства сытости. У нее не было никаких чувств, никаких желаний. Может и правда, как Плейшнер...

Каждый вечер, возвращаясь с работы, Лена забирала газеты из почтового ящика. Потом садилась в лифт, на ходу просматривая корреспонденцию. Сегодня среди газет и рекламных листов лежал конверт. На нем не было адреса. Просто конверт. Белый, нестандартного размера, с одной единственной надписью: «ТАРАСОВОЙ». И все. И написано крупными печатными буквами, почти как пишут дошколята перед поступлением в первый класс.

Лена повертела конверт в руках, пытаясь отыскать еще хоть что-то, позволяющее определить корреспондента. Но ничего не увидела.

Лифт остановился. Девушка вышла, подошла к своей двери, открыла дверь, вошла и положила всё на тумбочку, включая конверт. Спокойно, без нервозности и спешки, сняла шубу, затем сапоги, зашла в ванну, начала тщательно мыть руки, разглядывая себя в зеркале.

- Ну, что, Тарасова, - сказала она своему отражению, - кто-то хочет из тебя сделать шизофреничку?

Лена сразу догадалась, что звонок, раздавшийся в ее квартире несколько дней назад, связан с этим посланием. Она не знала, как ей поступить, вскрыть его или выбросить и забыть. Где вероятность, что оно не придет снова? Это не телефон, который она выключила и с тех пор не включала. Почтовый ящик не заварить намертво, не выбросишь на помойку, чтобы таким нехитрыми уловками оградить себя от новых посланий «доброжелателя». Рано или поздно эта писанина попадет в руки Кирилла. Он, конечно, не станет вскрывать чужие письма, но от вопроса, уж точно, не воздержится. Придется все рассказать. А рассказывать особо нечего. Она сама не понимает, что происходит?

Если бы Инна Зимина и ее отец Петр Крюков нашли в себе силы и обратились к психологу, то он объяснил обоим, что они больны психастетической психопатией или проще сказать – неврозом. То ли на генном уровне были какие-то особенности, то ли стечение обстоятельств, но у отца и дочери в жизни появилась навязчивая идея. У

каждого своя навязчивая идея, но обе тайны связаны со школьной любовью. Избавиться от этой болезни трудно, но возможно, а возникает она независимо от желания или нежелания человека. Она живет внутри него, периодически напоминая о себе, приходит и уходит, как волна накатывает на берег. Избавиться от этой навязчивой идеи помогает психологическая поддержка специалиста или сочувствие близких людей, их полное понимание и желание помочь. Человек хочет поделиться своими переживаниями, а его никто не желает выслушать. Тогда он закрывается в себе, как в раковине, и остается со своей проблемой один на один, не замечая, что болезнь подошла совсем близко, с ней надо что-то делать. Но человек не считает себя больным, следовательно, и поход к специалисту не нужен. А навязчивая идея все равно вернется, когда кто-то или что-то напомнит о ней...

В жизни Крюкова навязчивой идеей стало желание обладать старинными панно. Не увидел бы он много лет назад эти древние реликвии, которые напомнили ему погибшую школьную любовь, может, и не было болезни. Панно уходили из его жизни, отпуская израненную душу, а потом опять возвращались. Волна накатывала на берег, мысль начинала работать только в одном направлении – как найти панно? Желание обладать ими было доминантным. Когда они пропали, по мнению Крюкова, навсегда, наступила другая стадия болезни – полное безразличие и непонимание смысла жизни.

А у его дочери все началось со школьной скамьи. У нее был роман с одноклассником, который длился три года и обещал со временем перерасти в официальное оформление отношений. Парень был из очень интеллигентной и обеспеченной семьи, его отец – дипломат постоянно работал за границей, мать металась между мужем и сыном, который находился под присмотром бабушки и домработницы, вырастившей его. Парень был избалован безмерной любовью трех женщин. Мужской руки в воспитании не хватало, но отец был очень занятым человеком, полностью погруженным в свою ответственную работу. Начальную школу мальчик закончил в Лондоне, где проживал вместе с родителями в Дипмиссии, а потом было принято решение продолжить обучение в России: постоянные переезды отца из одной страны в другую, смена школ – отрицательно скажутся на ребенке. Вот так мальчик остался без постоянного родительского глаза, хотя мать всегда держала руку на пульсе и была в курсе всех его дел. Дружба с одноклассницей не осталась без внимания двух бдительных женщин. Сразу было доложено третьей. Мать прибыла в Россию, будто случилось что-то ужасно, а не обыкновенная дружба двух повзрослевших детей. Был собран совет, на котором три женщины решили пригласить подружку ребенка, которому к тому времени исполнилось четырнадцать лет, в гости для знакомства. Но перед встречей успели навести справки и выяснили, что она из приличной семьи, поэтому достойна быть приглашена в дом дипломата.

Чаепитие походило больше на перекрестный допрос. Девочка держалась свободно, открыто отвечала на вопросы. Женщины остались довольны новой знакомой их сына, внука и подопечного в одном лице, и негласно позволили ей находиться с ним рядом. Снизости.

Инну всегда веселило, что её приятель называет мать императрицей. Причем, когда они случайно встретились через много лет, мать перешла в ранг вдовствующей императрицы, потому как отец к тому времени скончался от инфаркта.

Вскоре после высочайшего дозволения быть приближенной к дипломатическому отпрыску отец Инны – Петр Леонидович – отбыл в места не столь отдаленные. Поначалу девочка стыдилась признаться, что ее отец – вор, но потом все же открыла правду своему приятелю. Удивительно, но он воспринял это известие спокойно, пообещав, что не расскажет матери – императрице, которая уж точно запретит им встречаться. Несмотря на его заверения, Инна понимала, что та все равно обо всем узнает, и тогда их дружбе придет конец.

С тех самых пор в душе появилась постоянная обида на отца. Хотя, она не верила в его виновность, но вернуть уже ничего было нельзя.

Инна не знает до сих пор: испытывал ли ее школьный друг какие-то чувства к ней, любил ли он ее? Она его не просто любила, она его боготворила, обожала, просто умирала от любви. Даже решилась на близость в пятнадцать лет, надеясь, что после этого он не сможет ее бросить. Инне завидовали все девчонки школы. К его великолепным внешним данным прилагались еще ум и эрудированность. Он был модно одет, что по тем временам было редкостью, и безразличен ко всем, кроме Инны, а может, правильнее сказать, к Инне он был менее безразличен, чем к другим. Она очень гордилась этим, но все время жила в страхе потерять любимого.

Это случилось перед самыми выпускными экзаменами. Он ей позвонил и сказал, что у него начинается новая жизнь, и Инне в этой жизни места нет. Именно, так и сказал. Даже не дождался выпускного вечера.

Так Инна осталась в его прошлой жизни.

Она хотела тогда открыть окно и выйти через него на улицу. Вот так просто открыть и выйти, как через дверь. А жили Крюковы в то время на шестом этаже. Выходить не стала, боялась высоты.

Потом решила выпить несколько упаковок снотворного, лечь и заснуть навсегда. Она представила свои похороны, убивающегося над ее бездыханным телом возлюбленного, молящего о прощении. А она лежит такая красивая, молодая, в свадебном платье, потому что всех незамужних хоронят в свадебных платьях, она об этом знает, и не собирается его прощать... Ау-у-у, Инна, ты сейчас о чем? О каком прощении идет речь, если ты умерла... Слышишь, умерла! Тебя на этой земле уже нет. А он есть!

Подумала, подумала и решила, что лучше она наденет это платье при жизни. Назло ему! Пусть не думает, что на нем свет клином сошелся!

К тому же, маму жалко. Отец ее смертельно ранил, теперь дочь хочет окончательно добить. Смерти дочери она точно не переживет.

Позабыв о желании найти замену бывшему бойфренду, чтобы облачиться в свадебное платье, Инна устроила слезку за ним. Она старалась случайно попадаться ему на глаза. Сначала он просто здоровался и проходил мимо, потом перестал делать и это. Завидев девушку издали, переходил на другую сторону или вообще исчезал, растворялся.

Выпускные экзамены в школе, а затем вступительные в вуз немного охладили любовный пыл Инны. В институте она познакомилась со Славиком, как ей показалось, влюбилась в него, вышла замуж, родила мальчишек, но рана периодически кровоточила. Желание увидеть бывшего возлюбленного, хотя бы изредка, стало навязчивой идеей.

Удивительно, но после их расставания, Инна ближе сошлась с его матерью–императрицей. Особенно, когда ушел из жизни ее муж. Та жалела, что ее сын так поступил с девушкой. Инну она считала более подходящей для него партией, чем «та плебейка, на которой он женился». С невесткой императрица не общалась, только с сыном, которому было абсолютно все равно, как мать относится к его избраннице. Это его выбор, прошло то время, когда трио женщин решало его судьбу. Теперь их осталось двое – умерла бабушка.

Женитьба бывшего возлюбленного страшно ударила по Инне, хотя сама к тому времени была замужем. Накатило безразличие и пустота. Снова захотелось открыть окно или выпить упаковку снотворного.

Но теперь от опрометчивого шага ее сыновья. Они были совсем еще маленькие, и она не могла их оставить одних...

Периодически Инна забывала о своей первой школьной любви. Жила, как все, была счастлива и обременена заботами.

Инна не хотела ничего слышать о нем. Не хотела, но мечтала о встрече...

А недавно поняла, что ее мечтам не суждено сбыться. Никогда...

Несколько дней назад ей позвонили и сообщили ужасную весть: ее возлюбленного больше нет, он погиб...

Прошло почти два месяца. Раньше она никак не могла ей об этом рассказать: узнав о трагедии, пожилая женщина оказалась в больнице.

Инна даже не успела с ним проститься.

Теперь они смогут встретиться только там, в другой жизни. ТАМ они обязательно будут счастливы.

Но остались здесь, на земле, кое-какие дела. Человек, из-за которого ушел из жизни ее любимый, должен быть наказан. Кто это, Инна знает! Императрица ей все рассказала...

Зими́на терпеливо набирала один и тот же номер и долго слушала длинные гудки. Она должна всё высказать человеку, который виновен в смерти ее любимого мужчины. Тогда ей станет немного легче. Тогда она сможет жить. Жить до тех пор, пока не решится уйти к нему.

Абонент не отвечал несколько дней.

Что делать? Чем успокоить себя и вдовствующую императрицу, которая только и живет жаждой мести?..

Лена взяла со стола конверт. Он жег ей руки, будто сделан не из обычной бумаги, а из раскаленного металла. Она снова бросила конверт на тумбочку. Опять зашла в ванну, засунула под струю холодной воды обожженные руки. Стало легче. Простояла над раковиной долго, зубы начали выбивать дробь от холода. Холод проник внутрь, ее начало трясти, в левой части головы появилась тупая нарастающая боль. Это был первый приступ с начала года. Она уже стала понемногу отвыкать от этой боли, которая изводила ее раньше.

Как глубоко ошибалась Лена, когда думала, что все плохое уже позади. Кому она мешает жить? Почему все эти люди не оставят ее в покое? Ей хотелось выйти на улицу и громко крикнуть: «Люди! Живите своей жизнью, не лезьте в мою!» Лена представила себе картину. Она стоит посередине двора в тапочках и выкрикивает свой призыв к человечеству. Люди открывают окна, выходят на лоджии и внимательно ее выслушивают, кто одобрительно кивая, кто, покручивая пальцем у виска, а кто-то набирает «02», пытаясь призвать к порядку нарушительницу спокойствия.

Да, после сотрясения мозга, она стала рисовать в уме картинки, которые непонятным образом положительно влияли на нее, играя роль психологической защиты. Они успокаивали, поднимали настроение, позволяли трезво посмотреть на происходящее, без слез и истерик. Только так Лена могла взять себя в руки.

Сейчас она тоже пришла в себя, даже боль в левом полушарии затаилась, будто испугалась.

Как хорошо, что я знаю лучшее лекарство и от хандры, и от переживаний, и от физических недугов, - подумала девушка. - А чтобы окончательно привести себя в норму, надо выпить горячего чая и немного поразмышлять.

Лена включила электрический чайник. Он весело зашумел, создавая уют и присоединяясь к мерно гудящему холодильнику. В компанию к чайнику и холодильнику она добавила телевизор, включив его на среднюю громкость, чтобы не мешал размышлениям. Уверенной решительной походкой вернулась в прихожую, взяла злосчастный конверт, грубо оторвала край и вытащила сложенный листок.

Что и требовалось доказать! На белом листе бумаги была написана та же фраза, которую она слышала в трубке телефона:

«ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ПОГИБЛА ВМЕСТО НЕГО, ПОЧЕМУ ДО СИХ ПОР ЖИВА?»

Лена перечитала несколько раз и уже хотела разорвать послание на мелкие кусочки, но передумала. Она вспомнила записку, которую получила в Алехново. Ею потом заинтересовался Бирюков. Но предъявить ему было нечего – послание уничтожено.

Сергей произнес фразу, которую Тарасова вспомнила сейчас: «Уничтожать улики нельзя!»

- Полностью согласна с вами, господин Сыщик, - громко сказала она, будто Бирюков стоял с ней рядом. – Сейчас я поступлю правильно!

Чайник отключился, призывая ее на кухню. Лена налила крепкого сладкого чая, села перед телевизором, но головы на него даже не подняла. Ее мысли были далеко.

Кирилл работает сегодня допоздна, у него занятия у вечерников, поэтому можно пригласить к себе постороннего мужчину и спокойно обсудить с ним сложившуюся ситуацию, - рассудила она.

Этим посторонним мужчиной был, ни кто иной, как частный детектив Сергей Бирюков, который выручал уже не раз.

- Сережка, привет! – поприветствовала его Лена, когда услышала его голос.

- Привет! Что-то случилось? – Бирюков быстро раскусил беспечную наигранность в голосе.

- Почему сразу что-то должно случаться?! Я хочу пригласить тебя в гости пока дома нет Кирилла.

- Ага, кот из дома мыши в пляс, - усмехнулся он.

- Придешь? – с надеждой поинтересовалась она.

- Приду, куда я денусь. Опять нашухорила чего-нибудь, - догадался Сергей.

- Только не вздумай Кириюшке звонить. А нас любовное свидание.

- Тайное любовное свидание, - задумчиво повторил за ней Бирюков. – Заманчиво... А любовное свидание подразумевает чаепитие?

- Подразумевает.

- Ставь чайник. Еду!

Вот и отлично! – подумала Тарасова. - Сейчас придет человек, который поможет во всем разобраться. Вот так, дорогой товарищ Писака! Сейчас вашим посланием займется специалист! Думали, я закроюсь, никому не расскажу о бредовых звонках и письмах, начну изводить себя, задавая вопрос, почему же он, Владимир Тарасов погиб в той аварии, а не я? Дудки! Сейчас я уже не та Лена Тарасова (как мне надоела эта фамилия, когда уже я стану Леной Шмидт), я – директор большого рекламного агентства, я – уверенный в себе человек, здравомыслящий и не страдающий психическими заболеваниями! В отличие от вас, как я успела заметить.

Размышления прервал звонок домофона. Пришел Сергей. Пришел человек, которому Лена доверяла, как самой себе, как Кириллу. Хорошо, что он есть, что всегда приходит на помощь. Он - надежный и преданный друг. С его приходом к Лене вернулась уверенность, не внушаемая, а настоящая уверенность, что все у нее будет хорошо. В этом году, действительно, все изменится, изменится к лучшему.

Девушка усадила Бирюкова за стол. От ужина он отказался, согласившись только на чай. Он пил маленькими глотками обжигающую жидкость, забрасывая в рот маленькие сушки, и слушал рассказ Лены. Чем дальше, тем больше он его интриговал. Сергей любил решать подобные загадки. Естественно, его бы устроило, чтобы эти загадки не касались его близких друзей, в этом случае эмоций меньше, и голова работает четко. Сейчас он смотрел на подругу и думал: слишком много неприятных событий вращается вокруг нее. Маленькая симпатичная женщина, выглядевшая как девочка-подросток, не только благодаря своей хрупкости, сколько взглядом: она смотрит на жизнь широко открытыми, по-детски удивленными глазами. Не ожидает от людей подвоха. Всему старается радоваться, со всеми приветлива и доброжелательна, зачастую доверчива. Люди этим пользуются. Может, их раздражает ее умение с легкостью выходить из трудных ситуаций, бесит ее скрытая внутренняя сила, раздражает и вызывает зависть ее счастье, которое она нашла рядом с Кириллом? Некоторые индивиды воспринимают чужие радости, как свое собственное горе.

Сергей Бирюков внимательно выслушал Лену.

- Я прошу тебя, Сережа, не рассказывай об этом Кириллу, - в который раз повторила она свою просьбу. Тот кивнул в ответ.

Поставил на стол чашку с недопитым чаем и взял ее маленькую ручку в свою, нежно пожал ее, призывая успокоиться.

- Я умею хранить секреты. Это главное правило в моей работе, поэтому можешь быть абсолютно спокойна. – Он выпустил ее руку из своей большой лапы и взглянул на работающий телевизор, будто пытался успокоить и его, исходящего рекламными призывами купить «Орбит-белоснежный» и тогда у вас будет голливудская улыбка. Сергей выслушал рекламный слог, будто считал, что на данный момент ничего главнее нет. Он сделал это намеренно, тем самым, дал Лене время успокоиться, прийти в себя, а потом можно задавать вопросы и получать адекватные ответы.

Лена тоже посмотрела на изображение на экране. Ей стало интересно, чем так заинтересовался Сергей. Это ее немного отвлекло. Она вспомнила Вяземского, который вот так же сидел и смотрел в «ящик». А потом в ее жизни произошел поворот...

Сергей думал, как решить ему задачу с двумя неизвестными: Кто это делает и какую цель преследует?..

Виктория всегда была максималисткой. На все заданные ей вопросы давала два ответа: «да» или «нет». Слова «может быть» и «мне кажется» в ее лексиконе не существовали. Если бы она родилась во времена смуты или революции, то заняла достойное место в рядах руководителей. Ко всему, Виктория была человеком деятельным, энергичным. Ее раздражали в людях медлительность и безразличие. Жизнь дается один раз, и прожить ее надо так, перефразируя Островского, чтобы не было стыдно за то, что ты был ее созерцателем, а не создателем. Все, что ты хочешь получить, надо добиваться трудом, упорством, может быть, и наглостью. Идти, что называется, по головам, Виктория умела, когда цель была трудно достигаемой, или, когда иначе поступить нельзя.

Она любила дорого и красиво одеваться, а какая нормальная женщина этого не любит, любила ездить на хороших машинах, баловать себя новыми колечками – сережками, когда душа этого требовала. Обожала приключения, которых, увы, в ее жизни было не много.

Когда Крюков рассказал ей о старинных реликвиях, она загорелась желанием помочь ему в поисках. Истинными намерениями Петр с ней не поделился. Он даже не сказал, что именно они ищут. Просто сокровища. Обладать ими ей хотелось до жути! Тогда она станет богатой и независимой!

Шло время, результатов в поисках не было. Неудача в этом деле, конечно, не самое страшное в жизни, но девушка не привыкла, когда ее желания не выполняются. У нее имя – «Виктория», что, значит, ПОБЕДА! Она привыкла побеждать!

Когда с Петром произошел приступ, Вика не поняла, что послужило тому причиной. Даже после того, как он велел вернуть дневник сыну Шмидта, она не задумалась. Вернуть, так вернуть. В один из дней зашла к Кириллу, когда он был один в Алехново, без своей драгоценной Леночки, рассказала о находке на чердаке, и отдала дневник. Кирюша обрадовался, он даже не догадывался о его существовании. Было заметно, что он хочет побыстрее выпроводить Вику. Но, не тут-то было! Просто так она не уйдет!

Виктория хотела узнать побольше о сокровищах. Она догадывалась, что отец Кирилла был участником событий, а его сын может знать больше, чем написано в дневнике. Честно говоря, она ничего не поняла из записей дяди Юры, все там было будто зашифровано. И язык свой, понятный, но ничего не понятно. Петр о чем-то догадался, но найти ценности пока не может.

- Ты извини меня, Кирюша, но я не удержалась и прочла дневник дяди Юры, - призналась она.

- Наверное, ты имела на это право, раз отец оставил его у вас.
- У мамы. – уточнила Вика. – А можно я задам тебе вопрос? – Кирилл очень хотел остаться один и узнать из дневника о планах отца. Возможно, это объяснит его исчезновение.
- Задавай, - нехотя, согласился он.
- Что это за панно? И где они?
- А в дневнике ничего не сказано? – Вика покачала головой...

Из рассказа Кирилла она поняла, что панно имеют ценность, но не ту, на которую девушка рассчитывала. Весь клад состоит из... двух резных панно, и те, неизвестно где? Больше ничего нет!

Да, не выйдет из меня королевы Виктории, – расстроилась она, покидая соседний участок. - Как была хозяйкой салона красоты, так ею и останусь... Но я молода, хороша собой, целеустремленна, энергична! Что еще надо, чтобы добиться всего в этой жизни?! Нужен мужчина!.. Не Крюков. Крюков меня обманул. Это раз! Он уже не тот мужчина, что был до болезни. Это два! Детей я по-прежнему хочу, но не от нынешнего кавалера. Это три! Меня убивает его равнодушие ко всему, включая меня. Надоело быть клоунессой, которая пытается растормошить единственного зрителя, не обладающего чувством юмора и не желающего включиться в процессе развлечений. Вопрос: зачем пришел на представление? Сиди в своих четырех стенах, не порть настроение другим.

Для Вики Петр незаметно стал балластом, мешающим ей жить, достигать поставленных целей, идти вперед. Ей надоело отдавать ему всю себя, заботиться о нем, не получая элементарной благодарности. Не говоря уже о сексе. В редкие случаи близости, Петр вел себя вяло, не думая о Вике, не пытался доставить ей удовольствие. Все делал для «галочки», будто повинность отбывал.

Не думала Виктория, что все закончится так быстро. Еще недавно строила планы совместной жизни, мечтала о будущем. Петр представлялся ей настоящим мужчиной, понимающим и любящим. Она знала, что разница в возрасте даст о себе знать, но не так скоро. Ей было жаль немолодого любовника, но себя она жалела еще больше. Проводить все красивые годы в уходе и ублажении мужчины, который тобой не интересуется и почти не замечает, – это не для нее. Вика решила потихоньку отдалять от себя Петра. Сразу заявить о расставании, не могла - удар его доконает. Под разными предлогами уговаривала Крюкова остаться ночевать у себя дома. Он соглашался, спорить, в последнее время, стало не в его правилах.

На горизонте новых мужчин пока не наблюдалось. Зять Петра, не в счет. Вика была женщиной наблюдательной, особое отношение к своей особе замечала молниеносно. С подходящими мужчинами начинала вести игру, неподходящих мужчин сразу отшивала. Тратить время на таких не хотелось. Вячеслав Зимин относился ко второй категории. Он женат, у него двое прекрасных близнецов. Разлучницей быть не хотелось, тем более – оставлять детей без отца. Дети – это святое. И от неврастенички Инны лучше держаться подальше, тем самым не давая повода ее супругу.

Надо признать, мужчина Славик что надо. Вике нравилась его немногословность, уверенность, деловитость. Когда она пригласила его на танец, то уже догадывалась, что он «положил на нее глаз», и хотела лишний раз убедиться в своей наблюдательности и в умении управлять мужчинами. Славик «поплыл» с первых музыкальных аккордов. Чем ближе Вика к нему прислонялась в танце, тем мягче он становился. Одним словом, пластилин. Лепи, что хочешь. Таких у Виктории был вагон и маленькая тележка. Зять не пошел в тестя. Петр был настоящим мужчиной... в начале их романа. Жаль, что все так вышло. Но девушка–победа иначе жить не может. Или «да» - он мне нужен, или «нет» - не нужен. Прощай, мой милый, наша встреча была ошибкой! Прощай, дорогой Петр Леонидович! Увы, наши пути расходятся! Мне прямо, а Вам... куда хотите, туда и идите или стойте на месте. Мне все равно!

- Лена, у тебя есть предположения, кто тебя... достает? Только не спеши отвечать, подумай! Мне не нужен список всех твоих недоброжелателей, вспомни самых – самых, и я начну с них, - спросил Бирюков.

Тарасова задумалась: у нее было мало близких друзей, которым она доверяла и была уверена, что они не ударят в спину, когда отвернется. Значит, надо искать писаку среди просто знакомых. Как узнать: способен ли человек на... доведение до самоубийства? Или он добивается чего-то другого? Хочет, чтобы она прочувствовала свою вину перед погибшим мужем. Ну, прочувствует, и что дальше? Уйдет в монастырь замаливать грехи?.. Вероятнее всего, отправитель письма – женщина, очередная пассия Тарасова. Господи, сколько же их было! Ладно, отбросим эмоции... Пойдем дальше... Эта женщина меня знает, но не настолько, чтобы понять – я никогда не напьюсь снотворного и не усну вечным сном, не уйду в монастырь, отказавшись от своего счастья. Кто это, кто? Не каждый человек может желать тебе смерти или жалеть, что умер не ты, а кто-то другой. Это так страшно! - Лена даже обхватила себя руками, будто обняла, пожалела себя, что у нее на пути встретилась маньячка, действия которой пока не объяснимы. Она никогда не желала зла людям, хотя, как сказать... Тарасова вспомнила одну кандидатуру: Алла Аллочка? Я ведь ее уволила! Она потеряла хорошую работу и едва такую найдет. Могла она затаить обиду? Могла. Могла писать и звонить? Могла. С гибелью Владимира Бабушкина потеряла не только работу, но и любовника. Неизвестно, как она к нему относилась, любила или нет, но планы на совместное будущее строила, и теперь этим планам не суждено сбыться. Кто виноват? Супруга, которая довела до неуправляемого состояния. Которая сидела рядом во время аварии и не предприняла ровным счетом ничего. Которая заняла его место после трагедии. И которая встречается с другим мужчиной, несмотря на то, что с момента гибели прошло мало времени. Виновата со всех сторон!

Лена плохо знала секретаря погибшего мужа. На работе у него появлялась редко, испытывая при этом неловкость за свой внешний вид, за угловатость. Алла всегда была ухожена, стильно одета и к супруге шефа относилась снисходительно, если не высокомерно, и с прикрытым пренебрежением. Уже это могло навести Лену на определенные выводы, но она не замечала ни высокомерия, ни снисходительности, ни, тем более, пренебрежения...

Сергей усердно пил чай. Это была вторая по счету кружка. И делал вид, что смотрит телевизор, но краем глаза поглядывал на Лену. После его вопроса она задумалась. Сначала задумчиво рассматривала вид за окном, будто пыталась разглядеть светящиеся окна в доме напротив. Затем обняла себя, будто жалела и успокаивала. Потом взяла обеими руками пустую чашку, начала вращать ее, рассматривая дно. Так гадают на кофейной гуще. Но чашка была пуста. В ней до этого пили чай. Но Лена так была увлечена этим занятием, что Сергей подумал, что именно дно чашки таит в себе все секреты. Он не удержался и забрал ее у девушки. Заглянул на дно. Одинокие чайники кружили в остатках коричневой жидкости. И ничего более.

Лена посмотрела на руки, повертела кистями, как проверяют их чистоту в детском саду, не понимая, куда исчезла из рук чашка. Потом перевела взгляд на Сергея и увидела, что он с интересом проверяет ее содержимое. Сергей смутился, поставил чашку на стол, улыбнулся своей открытой улыбкой. Лена улыбнулась в ответ.

- Что надумала, милая? Есть кто-то на примете?

- Есть, но не знаю, способен ли этот человек на угрозы? Я не могу обвинять человека без доказательств.

- Ты выдавай информацию, а я буду ее проверять и уточнять, кто на что способен.

- Ладно, – согласилась она. В конце концов, Бирюков не упрячет Аллочку сразу в тюрьму. - У моего погибшего мужа была секретарь Алла Бабушкина. Помнишь, я рассказывала, кем она... была по совместительству. Когда я возглавила агентство

- «Глобус», то немедленно уволила ее. Она могла затаить обиду... Я не могла ее не уволить, сам понимаешь.
- Не надо оправдываться, - осадил ее Бирюков, а в блокноте чиркнул: «Алла Бабушкина - любовница Тарасова, бывшая секретарша».
  - Я могу узнать, где она живет, - предложила Лена.
  - Сам разберись... У тебя есть еще кандидатуры?
  - Пока никто на ум не приходит.
  - Ну, есть люди, которые связывают тебя с Тарасовым и которые тебя... не любят? Может, кто-то ревновал тебя к нему?
  - ???
  - Не стесняйся, рассказывай! Со мной, как с доктором или адвокатом, нельзя скрывать правду.
  - Был такой человек, вернее есть. Если позволишь, я начну издалека, чтобы было понятно.
  - Я не спешу, А если придет Кирилл, я скажу, что по дороге в гости заглянул.
- Лена кивнула. Это правильно, в гости это хорошо.
- Тарасов рос в обеспеченной и интеллигентной семье. Ему твердили, что он особенный, другого такого нет, он должен получить престижное образование, устроиться на хорошую работу, а затем жениться на достойной девушке из приличной семьи. Два первых условия Вовка выполнил, а потом взбунтовался. Ему надоело жить по плану, установленному не им самим. У матери уже была кандидатура на роль жены. Но тут... подвернулась я. Он понял, что я буду его холить и лелеять, ничего не требуя взамен. Как домработница... Он привык так жить. С рождения им занималась женщина, которая в их семье выполняла работу няни и домработницы. Мне всегда казалось, что она единственная любила его по-настоящему, просто любила, как своего ребенка, ничего не вылепивая из него, не вмешиваясь в его жизнь. Вовка это отлично понимал и тоже был к ней очень привязан, искренне привязан. А к матери и бабушке относился с иронией. Пока его устраивало постоянное вмешательство в его жизнь, он молчал. Да, и материальная зависимость играла не последнюю роль. Думаю, на начальной стадии их желания совпадали: учеба в престижном вузе, потом высокооплачиваемая работа. А когда Тарасов смог обеспечивать себя сам, смог обходиться без помощи руководителей в лице мамы и бабушки, то перестал прислушиваться к их мнению. Теперь он мог это себе позволить. Мамочке сменить бы тактику, стать более хитрой, гнуть свою линию более мягко, а она поперла, как танк, не замечая, что сыночек давно вырос и может ее послать подальше с ее выгодными партиями. Что он, собственно, и сделал.
  - Тарасов убил двух зайцев: женился на привлекательной девушке и хорошей хозяйке, и насолил своим близким, - сделал вывод Бирюков.
  - Не знаю, заметил ли он за семь прожитых лет мою привлекательность... Я сама ее не замечала, пока не встретила Кириюшу... А, что касается, насолил... - Лена задумалась. - Наверное, да. Этого он и добивался. Я всегда знала, что его мать считает меня не парой для своего необыкновенного сына, но ее мнение меня мало трогало. Я ее видела всего один раз, когда Вовка привел меня к ней на смотрины. Я не хочу вспоминать то унижение... После знакомства с его матерью, я решила, что наши отношения с Тарасовым закончены... Но, Вовка не внял мамочкиным уговорам и угрозам, и предложил мне пожениться. Я согласилась, решив, что он меня любит, раз пошел против воли мамы и бабушки, которая умерла накануне нашей свадьбы. Мы даже дату отодвинули. Расписались позже, чем предполагали поначалу. За это время мать что только не предпринимала, чтобы нас разлучить. Главным аргументом была, конечно, смерть бабушки. Она считала, что это знак свыше, что ни к чему хорошему этот брак не приведет. Наверное, мать Вовки была права.
  - Он сам этого хотел, ты ему в жены не навязывалась, - попытался успокоить ее Сергей.
  - Тарасов не из тех людей, которые могут что-то сделать против своей воли.

- Не навязывалась, но обманывалась. Считала, что он искренне меня любит, потому на мнение матери ему наплевать. А Вовке просто захотелось «взбрыкнуть», показать свое «Я». Показал. Отца к тому времени уже не было, домработница не в счет, одна мать ничего сделать не могла.

- Они поддерживали отношения?

- Конечно. Она со мной только не общалась, будто меня не существует. Не знаю, настраивала мать его против меня или нет. Человеком Вовка был скрытным, не поймешь, что у него на душе. Он не любил проблем, выяснений отношений... Так и жили. Я и он, он и мать.

- Ты с ней не виделась после его смерти?

- Нет. Я вышла из больницы и решила ей позвонить... Жаль ее стало... Все-таки единственный сын погиб...

- Поговорили?

- Трубку взяла домработница. Она сказала, что хозяйка в больнице. Я спросила, в какой больнице? Она сказала, что знать мне незачем. Появляться перед ее очами я не смею, потому что я... В общем, я виновата в гибели их ребенка. Все в этом духе, не забывая посылать проклятия на мою голову.

- Она еще не совсем дряхлая?

- Кто мать или домработница?

- Вторая.

- Я ее плохо помню, видела тоже, как и свекровь, всего один раз, да и то мимоходом. Она зашла, что-то занесла и вышла. А я была в таком состоянии, что плохо помню, как мать выглядела, не то, что домработница.

- Надо ею заняться.

- Не думаю, что она станет все это проделывать. Вовка говорил, что она простая, малограмотная женщина, ума не хватит додуматься до подобных штук.

- Вот, именно, что малограмотная. Грамотная не стала бы выписывать печатные буквы на конверте, а напечатала бы твою фамилию на принтере. Идею ей могла подкинуть мамаша. Одна подкинула, другая стала действовать. Союз двух женщин, потерявших любимое чадо.

- А ты не допускаешь мысли, что кто-то водит меня за нос - прикидывается пожилыми дряхлым человеком, не имеющим обращаться с оргтехникой? Отводит от себя подозрение?

- А если бы я не поинтересовался домработницей, ты бы о ней вспомнила? Представила ее на месте мстителя?

- Не знаю, - после недолгих размышлений, ответила Елена. Посидела, обратив взор в темное окно, и сказала, - Сереж, мне кажется, что угрозы исходят не от матери Владимира и не от домработницы. Я не знаю, в каком состоянии находится моя бывшая свекровь? И жива ли она.

- Проверим. - Бирюков записывал все в блокнот. - Еще один вопрос... Мне неудобно спрашивать тебя...

- Но, ты же, как врач, - грустно усмехнулась Лена.

- У Тарасова были еще... связи... на стороне?

- Я знаю только об Алле Бабушкиной...

- А та девушка, которую ему сватали родные?

- Я даже не знаю, как ее зовут. Он с ней встречался еще в школьные годы. А виделся ли он с ней после нашей свадьбы, понятия не имею.

Сергей Бирюков сделал еще одну запись в своем блокноте: «Несостоявшаяся жена Тарасова! Связь между ней и его матерью».

Закрыв блокнот и поинтересовался, как человек, уставший от ожидания.

- Кирилл скоро придет?

Лена посмотрела на часы.

- Приблизительно, через полчаса.

- Пожалуй, я пойду.

Сергей вышел в прихожую, Лена потянулась за ним. Бирюков одевался, а она придирчиво за ним наблюдала, как наблюдает заботливая мать за ребенком, который может забыть в зимнюю стужу надеть варежки или шарф. Но у него не было ни того, ни другого. Горло закрывал высокий ворот свитера, а перчатки он не любил. Она подошла к нему ближе, застегнула одну пуговицу, которую пропустил Сергей, и тихо спросила:

- Ты сможешь мне? Я не могу с этим жить. Телефон я отключила, теперь почтовый ящик буду обходить стороной. Что дальше? Что он... или она придумает еще?

Сергей положил ей руки на плечи.

- Я сделаю все, что тебе спокойно жилось. Возьми себя в руки. Всю ответственность ты переложила на меня. Теперь, я решаю эту проблему. Сейчас мы договоримся, что ты забываешь обо всем, думы и заботы направляешь на Кирилла. А если будут... новые послания, то не вскрываешь конверт, а звонишь мне. Договорились?

- Слушаюсь!

- Вот и замечательно.

Он чмокнул ее в щеку и вышел из квартиры.

Кирилл Шмидт возвращался домой. И думал о том, какой он счастливый человек, почти счастливый человек. Это «почти» будет присутствовать в его жизни до тех пор, пока он не узнает о судьбе отца и не отыщет эти несчастные панно.

После раскопок во дворе дома в Алехново Кирилл оказался на распутье, не зная, какой дорогой идти дальше. Затем в его руки попал дневник отца. Решил, вот удача - разгадка близка! Но не все так просто, как хотелось. Кирилл понял, что его догадка подтвердилась - отец виновен в краже. Но куда делись похищенные панно? Может, он закопал чемодан «для отвода глаз»? Жаль, что кто-то постарался и вырвал нужные листы из дневника. И этот «кто-то» обо всем узнал. Вика прочла дневник уже без нужных страниц. Ее интерес вызвал уцелевший малюсенький кусочек сверху от вырванной страницы с одним единственным словом – «панно». Потому Вика о них и спросила. И еще... Описанный отцом диалог с «заказчиком» описан красочно, но мудрено - о ком идет речь, не догадаешься, если не знаешь, кто поплатился за угрозы. Кирилл знал... И знал, что было похищено с выставки. Вику диалог из дневника оставил равнодушной, хотя, в диалоге несколько раз упоминались панно. Она, как все женщины, обожает секреты. Крохотный обрывок страницы со словом «панно», вызвал любопытство... Жаль, что отец не написал о своих планах. Дневник заканчивается словами: «Мне надо на время исчезнуть» и все.

Вдвоем с Бирюковым они прочли дневник несколько раз, пытаясь понять, не упустили ли что-то важное.

Если панно были в чемодане, и скорее всего, они там были, то куда они делись?

Почему бы зеркалу не показать вторую серию, продолжение, которая даст объяснение - где отец и где панно? Просить об этом Лену, Кирилл не может. Слишком большой стресс для нее. А с ним зеркало вряд ли пойдет на контакт, недаром передается по наследству по женской линии. Чувствует оно человека, которому можно доверять, и уже выбрало для общения Лену. И что же делать? Перевезти зеркало в Алехново, подальше от Лены, и все-таки попробовать самому его «разговорить»? Лена точно его не отдаст, она жить без него не может.

Кирилл подъехал к дому. Его мысли переключились на Леночку. Как он соскучился! Будто виделись они не утром, а давным-давно, несколько лет назад! Сейчас он переступит порог, она выйдет ему навстречу, он распахнет полы своей дубленки, увлекая ее внутрь, потом запахнет полы дубленки, как двери лифта, прижмет к себе близко-близко, такую маленькую, такую хрупкую, такую любимую. Он закроет глаза от счастья, от удовольствия. Она обхватит его двумя руками, и они будут стоять так некоторое

время, боясь нарушить это единение, когда сердца так близко и бьются так громко и в такт.

Все произошло так, как он предполагал. Они соблюдали ритуал, ритуал соединения двух любящих сердец...

Чем больше проходило времени, тем меньше вспоминал Вячеслав Зимин Викторину Жданову. Он понимал, что никогда не сможет изменить жене, предать ее. Увлечение, больше похожее на страсть или временное безумие, медленно отступало.

Его мысли занимала семья и работа. Если со вторым было более-менее понятно, то первое его беспокоило. С детьми были проблемы, как и всегда, но они легко решались. Настоящая проблема была с женой...

Когда Славик увлекся Викой, даже не увлекся, а просто думал о ней, болел ею, ничего не предпринимая для сближения, он пропустил момент, когда его жена Инна превратилась в безмолвное и безразличное ко всему существо. Она жила, как робот, который выполняет все команды, действуя без разговоров, без эмоций и выяснений отношений. Инна всегда любила покричать на сыновей, порыдать, если муж не так посмотрел или, не дай Бог, остался равнодушен. Любила обсуждать за вечерним чаепитием события прошедшего дня. Муж был для нее не только любовником, но и другом, с мнением которого она считалась. Вечерние кухонные посиделки стали неотъемлемой частью их жизни. Теперь все изменилось. Сначала Славик сам избегал посиделок - не хотелось общаться с женой, потом Инна перестала на этом настаивать. Она старалась быстро вымыть посуду и уйти в спальню, где предавалась изучению потолка до тех пор, пока муж не выключал свет. Спала ли она ночью, Вячеслав не знал, сам он очень уставал, поэтому, едва коснувшись подушки, сразу проваливался в здоровый сон тридцатипятилетнего мужчины с нормальной психикой. А психика супруги его беспокоила. Инна замкнулась в себе. На вопросы не отвечала, безвылазно сидела дома, выдавала мужу список покупок, и этим их общение ограничивалось. На работе она взяла отпуск, заранее не посоветовавшись с мужем-начальником, который удивился, но возражать не стал. Всегда семья Зиминых проводила отпуск вместе. Место они выбирали спонтанно, им было без разницы, где отдыхать, главное, чтобы вся семья была в сборе.

Вячеслав Зимин решил встряхнуть жену, вывести ее из «зомбированного» состояния. Но ему нужна помощь собственных детей. Только они могут «разбудить» собственную мать...

Частный детектив Сергей Бирюков вплотную занялся делом Лены Тарасовой, переложив другие дела на своих помощников.

Первым номером шла Алла Бабушкина.

Сначала он установил место жительства этой особы, раздобыл ее фотографию и устроился в машине перед ее домом.

Январское утро выдалось морозным и ветряным. Бирюков периодически прогревал салон автомобиля, но недолго – боялся уснуть в тепле. Когда подмерзал, согревался чаем из термоса. Термос был уже почти пуст, а «краса-девица» не появлялась.

Время близилось к полудню. Солнце заглянуло в салон, пытаясь хотя бы немного прогреть этот «холодильник» и сидящего в нем человека. Бирюкова снова потянуло в сон, чтобы его перебороть, он вышел из машины и стал сбрасывать щеткой запорошенное снегом лобовое стекло. Краем глаза наблюдал за входом в подъезд. Недавно в интересующей его квартире началось запоздалое движение. Сначала распахнулась тяжелая портьера, потом мелькнул женский силуэт. Бирюков сделал вывод, что хозяйка квартиры бездельничает, на работу пока не устроилась, потому-то и спит долго.

Стекла автомобиля были очищены. Мужчина глубоко вдохнул морозный воздух. Сна как не бывало. Сергей вернулся в салон, растирая покрасневшие уши, включил приемник,

нашел любимую волну, на которой звучали старые шлягеры. Музыка тихо играла, он постукивал ей в такт по рулю, и тут, наконец, появился интересующий его объект.

Алла вышла из подъезда, подняла голову навстречу январскому солнышку, соизволившему появиться на небе, зажмурилась, постояла немного, затем надела перчатки и двинулась к выходу со двора. Повеселевший наблюдатель медленно тронулся за ней. Сергей любил свою работу, был терпеливым, мог сутки сидеть в засаде, но предпочитал все же нечто иное, более деятельное.

Бабушкина двигалась по тротуару. Некоторые водители, проезжая мимо, сигналили ей, заигрывали, но она не обращала на них внимания. Иные останавливались и предлагали подвезти, но гордо поднятая девичья голова не меняла своего положения.

Увиденная картина навела Бирюкова на мысль – надо приударить за Аллой. Машинка у него хорошая, большая, глядишь, рыбка и клюнет.

Он подъехал к девушке, открыл пассажирскую дверь и красивым баритоном произнес:
- Мадмуазель, вы не застудите свои очаровательные ножки, прогуливаясь в такой морозный день?

Алла оценила сразу всё: и приличное авто, и завораживающий мужской голос и самого мужчину. А, оценив, замедлила ход, повернула голову, и очаровательно улыбнулась.

- Удивительно наблюдательный молодой человек: под длинной шубой умудрился рассмотреть мои ножки.

- У меня глаз-рентген! А если вы осчастливите салон моего скромного автомобиля своим присутствием, то узнаете обо мне еще много интересного.

Улыбка водителя добила ее окончательно. Она впорхнула в теплое нутро, дверь захлопнулась. Птичка в клетке!

Сергей видел ее фотографию, кое-что о ней уже знал: Алла Бабушкина, двадцати четырех лет от роду, незаконченное высшее образование, оканчивать которое она желанием не горит. Теперь ему представилась возможность рассмотреть ее «живьем». Красивая пустышка с одним страстным желанием – удачно выйти замуж, лучше на старенького олигарха без наследников.

Хватит ли у такой девицы ума на звонки и письма с угрозами? У такой хватит. Неизвестно, что ею двигало – желание отомстить за незаслуженное, по ее мнению, увольнение или трагедия с Владимиром Тарасовым, которая перечеркнула все планы на будущее?

Бирюков покосился на счастливо-сдержанное личико девушки.

Способна такая девица на месть? Ленива для мести, слишком ленива, сразу видно. Может, нашла способ для развлечений? А что, от скуки решила отомстить грозной начальнице, которая незаслуженно заняла место погибшего супруга. Чем не развлеченьице?!

А приглашу-ка я ее в ресторацию, - решил Бирюков, нисколько не сомневаясь, что девушка сможет ему отказать.

В конце рабочего дня Сергей заехал в агентство «Глобус». Он сразу прошел в кабинет директора. Елена Викторовна оторвалась от бумаг и приветливо поздоровалась. Частный детектив, кивнул, устало улыбнулся и плюхнулся на кожаный диван.

- Укатала меня сегодня твоя бывшая секретарша!

Лена встала со своего директорского кресла и пересела к нему на диван.

- Бедненький, - посочувствовала она. - Чай, кофе?

- Кофе, если можно.

- Удалось что-нибудь выяснить у этой особы? – спросила Тарасова, когда секретарь поставила на стол две чашки с кофе и удалилась. Ей очень хотелось, чтобы, именно, Бабушкина, а не свекровь, имела отношение к письмам и звонкам.

- Я уверен на 99,9%, что это не она.

- Почему? – недовольно протянула Елена.

- Со слов Аллы, и не думаю, что она солгала, она даже рада, что ты ее уволила. Говорит, что сама бы ушла из этого паршивого агентства, но ты ее опередила.
- Представляю себе, какими эпитетами она меня наградила!
- Да, не очень она тебя любит! Это всегда бывает, когда начальница не только умница, но и красавица. – Сергей одарил ее очаровательной улыбкой. Лена зарделась. Ей ужасно приятно, что такой мужчина, как Бирюков, считает ее привлекательной.
- Но 0,1% ты все-таки оставляешь? – спросила она с улыбкой на лице, которая не соответствовала заданному серьезному вопросу. Но, как можно не улыбаться, когда видишь этого приятного человека с ямочками на щеках, который сидит рядом, пьет кофе из маленькой чашечки, утонувшей в его огромной руке.
- Нельзя быть полностью уверенным, но... - Бирюков поставил чашку на стол и серьезно посмотрел на Лену. - Понимаешь, эти послания пропитаны злобой и ненавистью к тебе... Извини, что говорю это...
- Я сама так думаю. Не извиняйся.
- А Бабушкина тебя не любит, но не ненавидит. У нее одно огромное желание удачно выйти замуж и только этим, на данный момент, занята ее пустая голова. В меня, знаешь, как вцепилась! Как только выведаль у нее все, насилиу вырвался.

Лена представила картину. Сидят мужчина и женщина в ресторане, общаются. Мужчина улыбается завораживающей улыбкой, женщина уже готова идти в ЗАГС, потому что такие улыбки просто так не раздают. И вдруг, в самый ответственный момент, когда мужчина уже обязан вытащить из внутреннего кармана пиджака маленькую коробочку, в которой красивое колечко с дорогим камушком, он встает, прощается навсегда и пытается уйти. Но женщина просто так его не отпустит, она готова на все, лишь бы завладеть заветной коробочкой. Несостоявшаяся невеста бросается ему в ноги, успев крепко ухватить своими ручками одну его щиколотку. Мужчина пытается вырваться, трясет схваченной в капкан ногой. Но женщина держится мертвой хваткой. Тогда он делает шаг свободной ногой, с трудом подтягивая другую, за которой тянется и сама «захватчица». Все посетители забыли о трапезе и внимательно следят за захватывающим зрелищем. Самые догадливые предлагают делать ставки: вырвется – не вырвется. Некоторые поднимаются с мест, и начинают двигаться вслед за медленно удаляющейся парой, позабыв оставить столовые приборы. В это время мужчина, еле-еле передвигая ноги, продолжает движение с одной свободной ногой, а женщина также продолжает двигаться за ним, только волоком на животе, крепко уцепившись за его ногу. Болельщики разделились на два лагеря: одни, в основном это прекрасная половина человечества, за обманутую женщину, другие – за волевого мужчину, пытающегося вовремя отделаться от женщины, пока она не перешла в разряд жены.

Близок выход из ресторана, но будет ли это выходом из создавшейся ситуации, неизвестно?

Мужчина применяет беспроигрышный вариант. На весь зал он громко произносит: «А у тебя тушь потекла и помада размазалась!» Женщина инстинктивно выпускает из рук его ногу, хватается сумку, которая все время двигалась вместе с хозяйкой, повиснув на плече. Мгновенно назрела необходимость изучить свой неповторимый лик, слегка испорченный смазанной косметикой. Жених оказывается на свободе! Ура! Его болельщики выражают свой восторг долгими продолжительными аплодисментами. Горе–невеста сидит на полу и от злости воет, вокруг нее кольцом сгруппировались сочувствующие ей дамы. Теперь тушь, действительно, размазалась по лицу...

Пока Лена Тарасова молчала и мысленно «рисовала» картинку, позволяющие бодро шествовать по жизни, Сергей тоже молчал и думал, в какую сторону двигаться дальше? Он выпил свой кофе и взял вторую чашку, которая предназначалась для Лены. Она этого даже не заметила.

Перейдем ко второй части марлезонского балета, - размышлял Бирюков, применяя свое излюбленное сочетание слов, известное каждому более-менее грамотному человеку. –

Ничего не остается, как заняться бывшей свекровью и ее домработницей. В марлезонском балете охотятся на дроздов и в нем, если я не ошибаюсь, шестнадцать актов, а мы будем «охотиться» на двух дам преклонных лет и, надеюсь, что в моем балете будет всего два акта, иначе, я потеряю уйму времени. И хорошо, если эта вторая часть не окажется «пустышкой». Для третьей части балета сценарий не написан.

Лена очнулась, спохватилась, что сидит с глупой улыбкой на устах, хотела сделать серьезное лицо, но ей это не удалось - придуманная сцена в ресторане не выходила из головы.

Заметила две пустые чашки и поинтересовалась.

- Может, еще парочку?

Вопрос Тарасовой вернул Сергея из Франции семнадцатого века времен Людовика XIII в кабинет директора рекламного агентства «Глобус» в двадцать первый век.

- Извините, что оставил вас без чашечки такого превосходного напитка, - покаялся частный детектив таким тоном, словно еще не совсем вернулся в наши дни.

- Что вы, что вы, у нас этого добра достаточно, - великосветски отмахнулась Лена. В руках явно не хватало кружевного платочка.

- Это хорошо, что достаточно, - удовлетворенно констатировал Бирюков, совершенно серьезно, без тени недавнего лукавства. Лена тоже рассталась с улыбкой.

- Что ты намерен предпринять?

- Займусь матерью Тарасова и ее помощницей.

- Поступай, как считаешь нужным. – Хорошее настроение вмиг улетучилось, будто ветер, проникший с улицы, унес его с собой, оставив только холод и неприятный осадок в душе от того, что есть на свете люди, которые тебя ненавидят до такой степени, что желают смерти.

Дни шли, а результатов не было. Бирюков уже отчаялся, у него возникли сомнения по поводу причастности матери Тарасова к письмам и звонкам. Пожилая женщина за все время слежки ни разу не покинула свою квартиру. Домработница выходила раз в день, и маршрут ее передвижений был один: дом - ближайший магазин – дом. Иногда прибавлялся рынок, который находился через две автобусные остановки. Других передвижений и общений Сергей не заметил. Женщины вели замкнутый образ жизни, только однажды их посетил молодой мужчина, которого он видел в агентстве «Глобус». Этим гостем оказался Макар Вяземский, с которым Бирюков общался по телефону в день гибели Владимира Тарасова и один раз сталкивался в «Глобусе».

Частному детективу пришла в голову мысль, познакомиться с другом Тарасова поближе и задать один вопрос, на который тот должен знать ответ, так как их связывала многолетняя дружба...

Бирюков позвонил Лене Тарасовой и сказал, что хочет поговорить с Вяземским. Как это устроить? Она обещала скоро перезвонить.

Через час перезвонил сам Макар и предложил приехать к нему на работу. Но Сергей отказался, ему хотелось пообщаться на нейтральной территории. Они договорились встретиться в кафе, которое располагалось совсем близко от агентства.

Бирюков пришел немного раньше, заказал жареный картофель, кусок мяса и овощной салат. Он был голоден, но не любил вести переговоры за едой. Вяземский появился, когда он уже пил кофе.

Макар осмотрелся, увидел Сергея и двинулся к его столику. Бирюков заметил, что Вяземский заметно волнуется. Не обязательно, что у него совесть не чиста, не все люди свободно общаются с полицией и частными детективами. Хотя, с частными детективами все же общаться проще, они не машут «корочками» перед физиономией порядочного гражданина и не запугивают. Почти не запугивают.

Вяземский, действительно, волновался. Лена ничего не пояснила, просто попросила встретиться со своим знакомым и помочь ему в разрешении одной проблемы. С этим знакомым Макар уже встречался, и знал, чем тот занимается.

Мужчины пожали друг другу руки. Вяземский сел на предложенный стул. Сергей уважал людей, которые следят за своей внешностью, даже завидовал их умению выглядеть стильно при любых обстоятельствах. Но внешний вид Макара его потряс: он был настолько вылизан и вычищен, будто только-только вышел из салона, где его постригли и побрили, в соседней химчистке вычистили и отутюжили костюм, а перед входом в кафе, оказавшийся случайно чистильщик обуви, вылезал его ботиночка до блеска.

Надо спросить у Лены – он всегда такой или для меня расстарался? - подумал Сергей с сарказмом.

Между тем, Макар проверил цепким взглядом чистоту стола и, убедившись в соблюдении этим заведением санитарных норм, вопросительно посмотрел на Бирюкова. Тот молчал и потягивал кофе.

- Меня Лена Тарасова попросила с вами встретиться, - недовольно начал он, давая понять, что если бы не просьба Елены, он бы никогда не стал общаться с неотесанным мужланом в свитере с растянутым воротом. Вяземский посмотрел на своего визави так, как мог смотреть только он - смотреть и не видеть сидящего перед ним человека, тем самым возвеличивая свою персону и унижая собеседника.

- Да, спасибо, что не отказали, - очнулся Бирюков, не реагируя на величественный взгляд.
- Закажите, что-нибудь?

Макар ограничился чашкой кофе и стаканом минеральной воды без газа.

- Я хочу поговорить с вами о Владимире Тарасове, - сразу взял «быка за рога» частный детектив. – Лена не может знать о кое-каких моментах из его прошлой жизни, а мне это знать просто необходимо. А вы были знакомы с детских лет.

- О каком времени идет речь и, в связи с чем, такая заинтересованность? – скривился Макар, будто ему предложили лечь на пыльный пол и отжаться несколько раз. Этот может, этот кого угодно заставит, - подумал он и Бирюкове – человеку в растянутом свитере и не слишком чистых джинсах.

- Речь идет о школьных годах Владимира. А почему меня интересует то время, я сказать не могу. Только то, что это касается Лены Тарасовой. И от ваших правдивых ответов, от ваших воспоминаний многое зависит, - Сергей намеренно сделал ударение на слове «ваших», чтобы дать понять, что его слово – «на вес золота». Бирюкова начал раздражать Вяземский, который перешел с его персоны на изучение окружающего пространства и посетителей кафе.

Его надо чем-то шарахнуть по голове, чтобы он перешел от созерцания к откровенному разговору, - подумал Сергей, - а то мы так и будем словоблудием заниматься. Вернее, я болтать, уговаривать, а он презирать всех и вся.

Пришлось приоткрыть карты - пусть понимает, что это не простой экскурс в воспоминания.

- На кону жизнь Лены, - зло бросил частный детектив.

- Жизнь Лены? – Макар удивленно вскинул брови. – Я готов. - Брезгливость и презрение сменили сосредоточенность и желание помочь.

- Вы учились с Тарасовым в одном классе? - подтолкнул его Бирюков.

- Да, но не с первого класса. Владимир пришел к нам позже. Я не помню точно, но где-то в четвертом или пятом. Это принципиальный вопрос?

- Нет. Вы с ним сразу подружились?

- С ним многие хотели дружить. Он был какой-то особенный, одевался не как все, говорил, как взрослый. Еще небольшой мальчишка, а уже с чувством собственного достоинства. Его все учителя уважали, не только одноклассники. Не за знания, а за умение себя вести, преподносить себя, создавалось впечатление, что перед тобой не

обычный школьник, а принц, ожидающий восхождения на престол. С возрастом стало приходиться высокомерие уже царствующей особы. Поэтому Вовка не дружил ни с кем, только приближал к себе людей, как подданных, которые ему на данный момент были интересны. Одни надоедали, им на смену приходили другие. Я его не виню. Если бы вам с рождения говорили, что вы – «божество», что вы лучше и умнее всех сверстников, вы бы поверили?

- Не знаю. – Сергей подумал о Лене. Как она прожила с этой царственной особой столько лет? Наверное, кроме унижений ничего не видела. Почему терпела? Почему не ушла? Конечно, это ее дело. Чужая жизнь – потемки. - Не знаю про «божество», но уверен, если человеку каждый день твердить, что он – «дурак», то он им, в конце концов, станет, - добавил он.

- Согласен. Внушить можно что угодно, нужен только человек, выполняющий роль психолога. В жизни Владимира этим человеком была мать.

- Вы виделись с матерью друга после его смерти? – Бирюков напрягся, если Вяземский сейчас сохнет, то доверие он потеряет раз и навсегда.

- Да, я ее навещаю, – не задумываясь, ответил он. - И в больнице навещал, и недавно был у нее дома. Она очень больна, не знаю, поднимется ли она. Потерять единственного сына, в котором видела смысл жизни – это очень тяжело. Мне ее жаль, потому и прихожу к ней. Мы говорим о Вовке, вспоминаем прошлое, рассматриваем фотографии. Она живет этими воспоминаниями...

- Макар, как складывались ваши отношения с Владимиром Тарасовым?

- По-разному. В школе, то сходились близко, то почти не общались месяц или два. По-настоящему мы сдружились только в институте, после школы поступили в один и тот же вуз. Неожиданно Тарасов стал считать меня ровней, принял во внимание мои неординарные способности. Это не мои слова, он так говорил.

- А кроме вас, был еще-то кто-то, кто... задержался рядом с ним дольше других?

- Да, был, вернее, была подруга.

Бирюков даже заерзал на стуле.

- Макар, а вы помните ее имя? - осторожно спросил он, словно боялся спугнуть удачу, подошедшую так близко.

- Естественно, помню. Мы проучились вместе десять лет. После школы, правда, виделись всего несколько раз. У каждого своя жизнь. – Сергей задержал дыхание. - Это... Инна Крюкова. Хотя, она уже не Крюкова, давно замужем, у нее двое мальчишек–близнецов. Внешне она вполне счастлива и довольна жизнью, но всегда при встрече интересуется Тарасовым.

- Они встречались потом, после окончания школы?

- Насколько я знаю, нет. По крайней мере, Вовка мне об этом не рассказывал. А если и столкнулись где-то случайно, то в его голове эта встреча не отложилась.

- Тарасов никогда не вспоминал свою бывшую подругу?

- Он не любил копаться в прошлом. Не думаю, что их подростковая любовь оставила след в его сердце, чего не скажешь об Инне. Она очень страдала, когда Вовка от нее отвернулся.

- А как к ней относилась мать Владимира?

- Снисходительно. А когда на горизонте замаячила Лена, она вспомнила школьную любовь сына, они стали общаться. Наверное, хотела из двух зол выбрать меньшее.

- Инне сообщили о гибели Тарасова?

- Лично я не сообщал, закрутился, забыл. На похоронах ее точно не было.

- Может быть, мать сообщила, но уже позже?

- Понятия не имею. О Крюковой мы с ней не разговаривали... Хотя, нет, вспомнили об Инне, когда школьные выпускные фотографии рассматривали. Но темы гибели Вовки не касались.

- Возможно, она до сих пор ничего не знает?

- Я могу позвонить на квартиру Тарасовых и спросить у домработницы. Она в курсе всех дел.
- Если не сложно...
- Инна узнала совсем недавно, ей Тарасова–старшая сообщила, когда выписалась из больницы, - доложил Вяземский после короткого телефонного разговора с домработницей.
- И как она отреагировала?
- Отреагировала довольно странно. Вовкина мать даже обиделась на нее. Сначала долго молчала, а затем и вовсе бросила трубку. Но на следующий день сама перезвонила. Напросилась в гости... Думаю, у них есть, о чем поговорить.
- Наверное, винят во всем Лену?
- Макар замаялся, потому все же признался.
- Мать Владимира считает Лену виновной. Я пытался её переубедить, да где там, она и слушать не хочет. Еще и обиделась на меня за то, что я ее защищаю... А о чувствах Инны не могу сказать, не знаю.
- Может надо постараться переубедить мать, - предложил Сергей.
- А зачем? Она же не строит против бывшей невестки коварных замыслов.
- Вы так думаете?
- Уверен. У нее просто нет на это сил. Я ведь говорил, она очень больна. Так что с этой стороны Лене ждать удара не надо.
- А Крюкова?
- А ей зачем? У нее семья, дети... Все в прошлом.
- А вы знаете ее фамилию по мужу? - Бирюков мог сам узнать, но зачем напрягаться, если можно получить ответ здесь и сейчас.
- Зимица. Теперь она – Инна Зимица.
- Большое спасибо, что уделите мне время. Вы мне очень помогли.
- Это все? – Вяземскому надоел этот допрос. Бирюков понял это и готов был распрощаться с ним. Но неожиданно надменно-уставшее лицо Макара преобразилось. Сергей повернул голову, чтобы увидеть, кто так заинтересовал его собеседника.

В дверях кафе стояла очаровательная брюнетка.

Она обвела взглядом зал, будто выискивая добычу, и остановила его на Сергее. Он ее сразу узнал. Это была Виктория, соседка Кирилл Шмидта, жительница деревни Алехново. Хотя, деревенской жительницей ее назвать было сложно. Любой городской моднице фору даст.

Одно время девушка с интересом поглядывала на него, но он ответных действий не предпринял, интерес Вики быстро остыл. Они остались хорошими друзьями.

Бирюков поднялся ей навстречу. Виктория Жданова прошла через зал грациозной походкой, привлекая в себе мужские взгляды. Он представил ей Вяземского, который успел забыть, что куда-то спешил. Вика сразу оценила мужчину, который поднялся и приложился к ее ручке, чем вызвал еще больший интерес. Частный детектив понял, что он здесь третий лишний, тактично откланялся и удалился. На пороге все-таки не удержался, повернул голову и посмотрел на парочку. Вика что-то вещала с обольстительной улыбкой на устах, а Вяземский слушал ее с открытым ртом и выглядел при этом полным идиотом. Его высокомерность странным образом улетучилась. Теперь он походил на старшеклассника, по уши влюбленного в молоденькую учительницу...

Сергей Бирюков сел в машину и включил зажигание. Его мысли были далеко от Вики и обалдевшего от ее красоты Вяземского.

Он никак не мог вспомнить, где слышал фамилию Крюков. Обычная распространенная русская фамилия... Почти, как Петров или Иванов... Крюков, Крюков, - повторял Сергей, выруливая со стоянки. Он даже попытался переложить эту фамилию на музыку, но песню прервал звонок мобильного телефона.

Это была Лена.

- Мне опять пришло письмо, - тихо произнесла она, забыв поздороваться, - что мне делать?

- Во-первых, успокоиться, во-вторых, не вскрывать его. Сейчас я приеду. Кирюха дома?

- Нет, но скоро будет. Наверное, через час...

- Я успею до его прихода. Жди!

Сергей резко развернулся, нарушая все правила. И сразу вспомнил: какой-то Крюков был связан с Юрием Шмидтом. Молодец, сыщик! Голова работает! – похвалил он себя, не переставая увеличивать скорость. – Но имеет ли отношение какой-то Крюков к Инне Зиминной, в девичестве Крюковой? Если имеет, то все складывается весьма интересно, если не сказать закручено...

Он забрал письмо, еще раз успокоил Лену, заверив ее, что уже попал на след, хотя, сам был ни в чем не уверен. Ему нужно успокоить ее, убедить, что скоро все закончится. Сергей сделает все для этого. Лена поверила другу.

Бирюков выезжал со двора, когда навстречу ему из-за угла вывернул на своем автомобиле Кирилл Юрьевич Шмидт собственной персоной.

Кирилл заметил его, остановился и вышел из машины. Сергей тоже вышел ему навстречу. И начал сбивчиво объяснять, что приезжал к нему кое-что выяснить, но дома не застал.

- У тебя вид нашкодившего кота, - улыбнулся Шмидт.- Почему ты меня не дождался, или Лена не пустила?

- Что ты, Лена очень гостеприимная хозяйка, просто у меня времени в обрез. – Сергей не умел врать, но иногда это было необходимо. Как сейчас. – Я хотел узнать: тебе знакома фамилия Крюков? – Прикинулся забывчивым. Понадеялся, что приятель не будет дотошным.

- Конечно. - Кирилл даже раздумывать не стал. Эта фамилия была постоянно в его голове. – Этот человек сидел за кражу панно.

- Точно! Как я мог забыть! – искренне, но с долей театральности, признался Бирюков, хлопнув ладонью себе по лбу.

- Конечно, мог. Ты за день успеваешь общаться с таким количеством людей, что скоро забудешь, как тебя зовут, а эта фамилия вполне распространенная. А почему ты спрашиваешь?

- Задачку одну решаю, но с тобой это не связано, – поспешно добавил Сергей. - А как того Крюкова звали, не помнишь?

- Кажется, Петр, а отчества не помню.

- Спасибо, я побежал. – Бирюков боялся, что друг начнет задавать вопросы, он запутается и ляпнет что-нибудь лишнее.

Кирилл проводил автомобиль друга недоуменным взглядом...

Сергей позвонил Лене, как только отъехал. Рассказал о неожиданной встрече с Кириллом и дал инструкции. Она поначалу расстроилась, потом успокоилась.

Бирюков набрал другой номер.

- Макар, извините, что опять беспокою. Это частный детектив...

- Я понял, кто это. Я вас слушаю, – перебил его Вяземский. Сразу видно, что звонок помещал ему общаться с Викторией.

- Еще один вопрос... Вы не помните, случайно, отчества Инны Зиминной?

- Случайно, помню. И что?

- Вы всех одноклассников помните не только по именам, но и по – отчествам? – съязвил Сергей. Ему до смерти надоел этот лощеный индюк, который забыл о женщине, чтобы «напустить тумана» и дать понять, какая он важная персона.

- Нет, не только.

- Кого же еще? – сдерживая гнев, спросил Бирюков.

- Тарасова.

- Я в этом не сомневался. Но меня интересует Инна Зимина, она же Крюкова. – Он уже жалел, что решил сэкономить время, и позвонил ее однокласснику-зануде.
- Вы удивитесь, но я отлично помню, что она Инна Петровна.
- Не ошибаетесь? – недоверчиво протянул Серега. Лично он никогда не знал отчеств своих одноклассников, не считая тех, с кем общается до сих пор, а таких совсем мало.
- Я не ошибаюсь, потому что ее почти все называли Петровна. Причины я не помню...

Бирюков чуть не въехал в зад юркой маленькой машинке, которую мог стереть с лица земли своим танком. Даже не попрощался с Вяземским, просто отбросил телефон на пассажирское сиденье, но перед этим громко засвистели тормоза. Потер виски руками, запустив мыслительный процесс. Сзади сигналили, пришлось двигаться дальше, продолжая обдумывать услышанное:

Значит так, мы имеем школьную подругу Тарасова. Она же его несостоявшаяся невеста. Она же дочь Крюкова, который отсидел срок за кражу панно, которые многие годы пролежали в земле на участке в Алехново. Я так думаю, что панно были в чемодане, который спрятал Юрий Шмидт. Были и сплыли. А в центре этого треугольника: Тарасов – Зимина – Крюков, стоит наша девочка Леночка. Ну, что, решение задачи усложняется? Или наоборот, разгадка близка?

Частный детектив хотел быстрее закончить с этим делом. Ему было жаль Лену, которая живет в постоянном страхе, но спешка в данном случае не помощник. Надо все узнать об этой особе – Инне Крюковой–Зиминой, понаблюдать за ней. И параллельно пойти другим путем: поставить наблюдательный пост у подъезда Лены, фотографировать всех входящих и выходящих, а потом ей предъявить фотографии для опознания, если в конце дня в почтовом ящике появится очередной конверт. Процесс трудоемкий, но игра стоит свеч, если на кону психическое здоровье твоих близких. Нет, конечно, Бирюков не считал Тарасову человеком с неустойчивой нервной системой, но события последнего времени, свалившиеся на нее, как снежный ком, могут окончательно добить эту хрупкую женщину. А обязанность Сергея, как друга и частного детектива, т.е. профессионала, быстренько найти человека, донимающего ее письмами, и выполнить это он готов любыми средствами.

Бирюков задумался: Как эти послания попадают в почтовый ящик! Не по почте, это точно, на них нет адреса, одна фамилия получателя. Следовательно, этот человек, он же отправитель, сам работает почтальоном... или кого-то просит. Метод с фотографированием примитивный, но может дать положительные результаты. Надо просто проработать несколько версий одновременно.

Сергей вспомнил про сегодняшнее письмо. Он вскрыл его, продолжая вести машину.

На листе бумаги крупными буквами было написано: «ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ПОГИБЛА ВМЕСТО НЕГО, ПОЧЕМУ ДО СИХ ПОР ЖИВА».

Вячеслав Зимин уединился с мальчишками в их комнате, чтобы обсудить жизненно важную проблему касательно их матери. Инна не могла им помешать, так как была занята очень важным делом – изучением потолка в спальне. Нервы Славика были на пределе. Он устал жить, как в похоронном бюро, где все говорят вполголоса и ходят с траурными лицами. Ему хотелось взять жену за плечи и трясти её до тех пор, пока она не придет в себя, пока не станет смотреть на мир осмысленно. Ему жаль было мальчишек, которые страдали не меньше него, если не больше.

- Она даже не спрашивает про школу, про оценки, - огорчился Ванька, когда отец плавно перевел разговор на нужную тему.

- Не проверяет ранцы, как раньше. Сначала мы обрадовались, что нас не контролируют, потом стали сами проверять друг у друга, чтобы не забыть что-то важное, – добавил Петька.

- Значит, мамино состояние на вас положительно повлияло: вы стали более ответственными. - Славик задумался. Мальчишки за этот период повзрослели, и не мудрено - переживают за мать, никак не могут понять, что с ней происходит. Петька такой же впечатлительный, как Инна, еще немного и заплачет. Ванька более сдержанный в выражении чувств, но тоже начнет плакать, глядя на брата. Сказано – близнецы! Они чувствуют друг друга, иногда дерутся, ссорятся, спорят, у каждого свое мнение, свои увлечения. Ваня интересуется математикой, Петя – литературой и рисованием. Ваня может гвоздь забить, Петя – приготовить еду и накормить брата и себя. Ванька более инициативный, ответственный. Он – лидер, и брат принимает его лидерство без споров. Вот и сейчас, Ваня первый начал высказывать свои мысли.

- Пап, надо что-то делать, надо маму спасти. Может, она заболела, тогда нужен врач, - с серьезным видом произнес он.

Две пары глаз с надеждой смотрели на отца: он – умный, он найдет выход их сложной ситуации.

- У меня есть одна идея! - загадочно изрек Вячеслав. - Только без вашей помощи я не справлюсь.

Мальчишки внимательно выслушали отца, даже внесли коррективы в его план. Мужская часть семьи Зиминых была настроена по-боевому. На военном совете было принято решение не откладывать выполнение плана, все должно произойти в воскресенье утром. Завтра суббота, они еще раз обговорят все детали, чтобы все прошло гладко, и был достигнут результат.

Отец пожелал мальчишкам спокойной ночи и отправился в спальню, а его воодушевленные единомышленники еще долго не могли уснуть, старались говорить на отвлеченные темы, но постоянно возвращались к восторженному обсуждению семейного счастья, которое обязательно последует за выздоровлением матери...

Всю субботу Бирюков посвятил сбору информации по Инне Петровне Зиминой. Благо, она трудилась в «ящике», где о каждом сотруднике известно практически все. Сергею повезло: на этом предприятии работал его хороший знакомый, причем в «первом» отделе, который и занимался сбором информации на сотрудников. Поэтому к концу дня частный детектив знал о Зиминой практически все, будто был с ней лично знаком на протяжении многих лет.

И вывод сделал легко: особа с неуравновешенной психикой.

Что позволило ему предположить, что именно Инна Зимина терроризирует письмами и звонками Елену Тарасову. Такие люди, как Инна, легко поддаются чужому влиянию. В данном случае Инна поддалась влиянию матери Владимира Тарасова. Пожилая немощная женщина сама лично не могла отомстить невестке, но без труда нашла кандидатуру, которая сделает это вместо нее. Зимина взяла отпуск, причем взяла абсолютно неожиданно, так сказать не «по графику», и всерьез занялась делом мщения.

Бирюков не привык обвинять человека без предварительных проверок, путем одних умозаключений, поэтому решил с завтрашнего дня вплотную заняться Инной Петровной.

Его помощник всю субботу просидел у дома Лены Тарасовой. Он взял с собой профессиональную фотокамеру, и целый день снимал людей, входящих в интересующий подъезд. Народ в выходной день сновал туда-сюда. Многих наблюдатель успел запомнить благодаря хорошей зрительной памяти: этот долговязый парень уже запечатлен, и эта бабуля с песиком выходила один раз. А эту девицу нельзя забыть. А этот пропойца опять пошел за бутылкой.

Особое внимание он обращал на мальчишек, которым за определенную плату могли поручить бросить письмо в почтовый ящик. Такой почтальон не станет прятать конверт в карман или за пазуху, он будет держать его в руках. А если не будет, но сразу зайдет и выйдет, то на него тоже надо обратить особое внимание. Тогда наблюдателю придется оставить свой пост, отложить на время свое фотографическое занятие и отправиться за

пареньком, который сразу может привести к отправителю, если тот будет поджидать неподалеку, чтобы рассчитаться за услугу и получить отчет о доставке. Если проведен предварительный расчет, то дело обстоит сложнее. В этом случае наблюдатель будет ориентироваться по ситуации.

Мальчишки были, но все без конверта в руках. Они входили в подъезд и больше не появлялись, из чего наблюдатель заключил, что они проживают в этом подъезде.

Начинающий сыщик просидел у подъезда по самого вечера, а потом отправился исполнять последнее задание на сегодня – надо было проверить почтовый ящик Елены Викторовны Тарасовой. Кроме одинокой тоненькой газетенки в нем ничего не было. Значит, день прошел впустую, сделанные снимки никому не нужны, и завтра опять заступать на пост с фотокамерой в руках...

Инна открыла глаза. В узкую щель между штор проскальзывали солнечные лучи. В лучах были заметны полчища пылинок, невидимых вне зоны солнечного света. В другой бы раз чистолюбивая хозяйка заохала, подхватила бы с кровати, забыла о завтраке, натянула на себя первые попавшие под руку шмотки и начала генеральную уборку. Теперешнее душевно-эмоциональное состояние хозяйки позволяло ей смотреть на полчища пылинок без всякого трудового энтузиазма.

У Инны не было сил. Не было желаний. Нет, одно желание все же было – ей хотелось уйти в себя, ничего не видеть и не слышать. Единственно кто заставлял ее каждый день отрывать голову от подушки это были ее дети, которых надо было накормить. Славик не способен приготовить завтрак. Оставить голодными детей, она не могла.

Женщина села на кровати, не обратив внимания на мирно сопящего супруга, взглянула на часы, которые показывались почти десять, и удивилась царящей в квартире тишине. Обычно ребята не могут вести себя тихо в выходной день, хотя, отлично знают, что «воскресенье дано работающему человеку для того, чтобы выспаться». Об этом им сто раз твердил отец. Но кого это волнует.

Инна хотела привести себя в порядок, но передумала. Умылась, пару раз провела по волосам щеткой, и в халате, с которым она сроднилась за последнее время, пошлепала на кухню. Она по инерции приготовила завтрак, оглянулась и удивилась, что ее семья не потянулась на запах оладий, которые её мужчины очень любили.

Придется будить, а то оладьи остынут, - решила она и отправилась в детскую.

Открыв дверь, Инна увидела, что кровати заправлены, в комнате идеальная чистота, а на вылизанном столе лежит стандартный лист белой бумаги, на котором что-то написано.

Мать взяла лист бумаги в руки и пробежала по тексту глазами. Потом еще раз прочла. Еще раз. Перечитала написанное еще раз. Чтобы до нее, наконец, дошло, она стала читать вслух:

- Дорогие мама и папа! Нам очень надоела холодная зима в России, и мы решили уехать в жаркую Африку. За нас не волнуйтесь, когда доберемся, сообщим, как устроились. Папа береги маму! Мама береги папу! Иван и Петр.

Рука, державшая лист с посланием, задрожала. В голове что-то щелкнуло, соображение вернулось, с глаз спала пелена. Инна с пристрастием осмотрела комнату, будто искала, к чему бы придраться. Придраться было к чему, и не было тех, кому эти придирки можно было высказать. Мать пока не осознала, что детей в квартире нет. И неизвестно, что они надумали.

- Петя, Ваня, - тихо позвала она. – Петя, Ваня, - позвала она ребят громче. Покрутилась вокруг своей оси и снова, - Ванечка, Петечка, - в голосе появились слезливые нотки. – Да что же это такое! Мальчишки, не разыгрывайте меня! Выходите! Я чувствую, что вы дома, что никуда не ушли.

Она хотела опуститься на стул – её не держали ноги, но на полпути передумала, резко развернулась и побежала в спальню, где спокойно спал муж. Спал и не знал, что мальчишки убежали из дома в Африку.

- Как тебе не стыдно! - взвилась она с порога. - Дети пропали, а ты дрыхнешь! Отец, называется!

Славик не удосужился подхватиться и бежать искать сорванцов, лишь повернул голову в сторону вбежавшей супруги.

- Как пропали? Что случилось, объясни спокойно, - предложил он хриплым спросонья голосом и сладко зевнул.

Инна огрела его своей подушкой, чтобы он окончательно проснулся и понял, что она ему сейчас скажет.

- Петя и Ваня сбежали из дома! Надо немедленно звонить в полицию! – В качестве доказательства она бросила мужу листок с каракулями. И от отчаяния заметалась по комнате, приговаривая, - пусть ищут на вокзалах, в аэропортах... Нет, в аэропортах можно не искать, на борт самолета они не проберутся... Или проберутся? – спросила она, замирая перед сидящим на кровати супругом, который изучал детское послание.

Он с таким вниманием читал короткое письмо, что никто бы не усомнился, что он видит его впервые, а не диктовал его детям накануне. Вячеслав мысленно ликовал: жена вернулась в свое прежнее заботливо-буйное состояние. И значит, план сработал. Жестокий план, ничего не скажешь, но другого выбора у них не было.

- Ну, что ты читаешь это по пятьдесят раз! - притоптывая на месте, разъярилась встревоженная мать. – Чего ты к кровати приклеился?! У нас дети пропали! Ты понимаешь? Про-па-ли де-ти!

В изнеможении Инна опустилась на кровать рядом с мужем и зарыдала. Он обнял ее за плечи.

- Успокойся, я сейчас поеду их искать, - сказал он таким тоном, будто всего-навсего пропал один тапок из ее любимой пары. Левый есть, а правого нет. Прямо не успокоил, а отмахнулся.

- Слава, ты понимаешь, что я тебе втолковываю битый час?!

- Допустим, не час, а минуты две, - сонным голосом парировал он и снова зевнул.

- Я тебя сейчас придушу своими руками, если ты так и будешь сидеть и зевать, - прошипела Инна.

- Куда мне идти? - задумчиво поинтересовался он, поскребывая небритый подбородок.

- Точно убью, - пообещала она и сорвалась с места.

- погоди. – Вячеслав успел ухватить ее за запястье, вернув на прежнее место. Она с надеждой посмотрела на него, как смотрела всегда, когда ждала от него решения по важному вопросу. – Я все сделаю, я верну мальчишек домой.

Он быстро собрался и отправился на поиски сбежавших сыновей.

Не надо говорить, что во время его сборов Инна ходила за ним по пятам и поторапливала. Ее метания закончились у входной двери, которую перед ее носом захлопнул супруг, отвергнув ее желание отправиться с ним. Она особо не настаивала: вдруг мальчишки передумают и вернуться, кто-то из родителей должен быть дома, чтобы сообщить об этом другому.

Инна осталась одна в притихшем доме, который пугал ее безысходной тишиной.

Она не могла сидеть на месте, бродила туда-сюда, но больше стояла у окна, чтобы не пропустить момент возвращения детей. Или мужа, который принесет радостное известие. Но известие ее не успокоит - она должна увидеть здоровых и невредимых детей своими глазами.

Женщина забыла, о чем думала несколько часов назад, какие переживания рвали душу последние дни. Это все такая глупость и ерунда, по сравнению с тем, что может произойти с ее любимыми близнецами. Она бродила по комнатам, стояла у окна,

прислушивалась возле входной двери и молила Бога, чтобы он вернул ей самое дорогое – ее детей.

Она не может думать о плохом. Сейчас вернется муж вместе с ребятами, и они будут жить, как раньше. Не будет в ее жизни больше волн–напоминаний о прошлом, она клянется, что не будет, пусть только мальчишки будут рядом, пусть шкодят, пусть Ванька сидит полночи за любимым компьютером, а Петька вытирает грязные от краски руки о штаны. Главное, чтобы были здесь, с ней...

Какие они всегда были и похожие, и разные. Внешне да: одно лицо, хотя Инна так не считала, всегда их различала, а характеры – полная противоположность. Они такие смешные были в раннем детстве: толстенькие карапузики, улыбчивые, доброжелательные. А все почему? Потому, что росли в атмосфере любви: их всегда любили родители, которые, в свою очередь, любили друг друга. Теперь Инна уверена в этом и не собирается больше выпадать из жизни при появлении очередного миража из прошлого.

Бред, бред, бред. Это все бред и выдумки. Ничего на самом деле не было. Моя жизнь по-настоящему началась, когда в нее вошел Славик, - подумала Инна, вышагивая по ковру. - Почему мы не ценим то, что имеем? Почему берем себе душу и портим жизнь близким людям, которым не безразлично твое душевное состояние? Мы создаем проблемы на пустом месте!.. Какая ты, Инна Зимина, дура! Спокойное существование – не для тебя! Вечный бой, покой нам только снится, так что ли?! И что теперь? – Спросила она у самой себя? Но ответа не было. Инна подошла к окну, надеясь увидеть там свою семью в полном составе. Двор был пуст. Сильный мороз и пронизывающий ветер загнали всех по теплым квартирам. – Боже мой! Вдруг мои дети замерзли? Куда они могли пойти? – Отчаявшаяся мать отошла от окна и присела на диван. Ноги не держали Инну. Она попыталась успокоиться. – Все закончится хорошо! Славик найдет их и вернет домой! Иначе быть не может! Только бы они вернулись. Я попрошу прощения за все! И у них, и у мужа... Ведь, такого мужа, как её Славик, днем с огнем не найдешь. Кто еще способен терпеть ее «концерты», терпеливо выслушивать, жалеть, никогда не попрекать. А она? Была ли она хорошей женой? Иногда да, а иногда... Даже вспоминать не хочется. Теперь все будет иначе, она вылечилась! Она здорова! Только бы с детьми было все хорошо... Только бы... Дорогие мои! Вернитесь к вашей непутевой матери! Господи, прости меня!

Тихо открылась входная дверь. Инна замерла, пытаясь понять, вернулся муж один или с детьми. Она даже дышать перестала. И сердце остановилось в ожидании вестей. Если вести будут плохими, то настанет конец.

По паркету затопало несколько пар ног.

Измученная ожиданием мать поднялась с дивана, но не смогла пойти навстречу: ноги не слушались. Она стояла и ждала.

В комнату зашли мальчишки, живые и здоровые, со смущенными извиняющимися улыбками. Мать прижала их к себе и зарыдала. Потом засмеялась сквозь слезы, это были слезы радости от встречи с детьми и слезы освобождения от прошлого.

Славик смотрел на эту трогательную картину и сам готов был заплакать. Ему было стыдно перед женой за устроенное ей испытание. Но они никогда не расскажут ей правду. Он скажет, что нашел мальчишек на вокзале, где они хотели сесть на поезд. На поезд, который доставит их в жаркую Африку.

Если бы Вячеслав Зимин знал, какое потрясение ждет еще Инну в этот воскресный день, то никогда не стал разрабатывать свой план и приводить его в действие...

Лена с Кириллом провели выходные дни в Алехново. Катались на лыжах, любовались зимней природой, играли в снежки, а потом усталые вернулись домой. Развесили мокрую от снега одежду и сели обедать на веранде. После такого «отдыха» в тепле обоих

разморило. Первая начала зевать Лена, глядя на нее, и Кирилл. Сил не было даже вымыть посуду. Оба еле-еле дотащились до кровати и уснули молодым здоровым сном.

Проснулись уже вечером, на улице было темно. Вымыли посуду, оставленную с обеда, выпили горячего крепкого чая, посмотрели телевизор и отправились опять спать.

Лена забыла обо всех неприятностях. Она была уверена, что на Бирюкова можно положиться. Скоро он докопается до истины, выведет на чистую воду злодея и наступит, наконец, спокойная и счастливая жизнь.

В воскресенье с утра они занялись хозяйственными делами. Лена наводила порядок в доме, Кирилл чистил снег во дворе. Девушка иногда выглядывала в окно, любуясь своим мужчиной. Кирилл расстегнул овчинный тулуп, под которым виднелся оранжевый свитер, который гармонировал с рыжими волосами, развевающимися на ветру. Он поднял голову, увидел в окне любимую и помахал ей рукой. Она тоже помахала и послала воздушный поцелуй.

И тут Лена заметила машину, которая остановилась неподалеку. Эта машина ей была знакома. Владельцем был Макар Вяземский.

Как он ее нашел, что ему нужно и почему припарковался у соседнего забора? – сразу родилось в голове несколько вопросов. Лена хотела уже выскочить на улицу, но потом поняла, что ее заместитель приехал вовсе не к ней, а в соседний дом, к Вике. А вот и она! Выбежала из дома в наброшенной на плечи курточке, длинные темные волосы развеваются. Подлетела к Вяземскому, тот наклонился, вытащил из салона букет бордовых роз и протянул его девушке. Та с улыбкой его приняла, и парочка, оживлено о чем-то беседуя, скрылась в доме. Лена проводила их удивленным взглядом, потом перевела его на Шмидта, который тоже заметил гостя Вики.

Кирилл удивился: Вот, дает подруга! И когда успела подцепить этого зануду Вяземского?

Лена отошла от окна. Ей не понравилось, как Кирилл посмотрел на Вику. Вспомнился престарелый Викин поклонник, на смену которому пришел Вяземский.

Она уже до Макара добралась! - разозлилась Тарасова. - И что мне предпринять? Сказать: Макар, эта женщина тебе не подходит! А он мне в ответ: А тебе какое дело? И будет прав. Он взрослый мужчина, знает, что делает.

Ее размышления прервал звук подъехавшего автомобиля. Лена опять прильнула к окну: возле машины Вяземского приткнулся еще один автомобиль. А вот и престарелый кавалер пожаловал! Сейчас начнутся страсти по-алехновски.

Из машины долго никто не выходил. Заметив чужой автомобиль, водитель, видимо, раздумывал, стоит ли беспокоить хозяйку? Стоит ли узнавать правду или остаться несведущим?

Дверца автомобиля открылась, сначала показалась седовласая голова, а затем и сам мужчина. Издали было заметно, что передвигается он с большим трудом, словно идет он не по своей воле, его тянет в дом невидимая сила, которая заставляет его узнать правду.

Лена его еле узнала. Она видела раньше этого мужчину вместе с Викой. Он очень изменился, сильно постарел, ссутулился. Из импозантного, пусть немолодого, но привлекательного мужчины слишком быстро превратился в сгорбленного старца с шаркающей походкой.

Тарасова искренне его пожалела.

Мужчина двигался дальше, навстречу ему никто не выходил. Он прошаркал половину расстояния от своего автомобиля до входной двери в дом, когда дверь открылась и на пороге появилась Вика в той же курточке. Она сбегала по ступенькам и недовольно начала что-то выговаривать нежданному гостю. Кажется, даже не поздоровалась. Едва появившаяся улыбка на губах пожилого человека застыла на мгновение, а потом сползла с губ. Он начал что-то лепетать в ответ, будто оправдывался, извинялся за свой визит. Вика взяла его под руку и повернула назад к выходу, довела до калитки, громко сказала что-то напоследок, что – Лена не расслышала, хотя, открыла форточку. Сказала,

захлопнула калитку и умчалась обратно в дом, не удосужившись взглянуть на мужчину, который приложил ладонь к левой стороне груди.

Лена была потрясена. Такого бессердечия она не ожидала от Вики, несмотря на то, что предвидела, на что та способна. Одним словом, ведьмочка.

Тарасова метнулась было к двери, чтобы предложить больному человеку свою помощь, но засомневалась – стоит ли это делать? Он сразу поймет, что его унижение стало достоянием общественности. Лена потопталась на пороге и вернулась к своему наблюдательному пункту.

Мужчина стоял у своего автомобиля. То ли не было сил сесть в салон, то ли надеялся, что бывшая возлюбленная снизойдет до жалости. Не снизошла. Он бросил прощальный взгляд на дом, потом перевел взгляд на чужой автомобиль, придерживаясь рукой за капот своей машины, чтобы не упасть от осознания того, что все, действительно, кончено. С трудом дошел до водительской двери, втиснулся в салон, сразу завел двигатель, но не уехал. Снова ждал и надеялся. Надеялся, что Вика выскочит из дома и скажет, что это была шутка, розыгрыш. Что между ними всё по-прежнему. Не выскочила, не сказала. До мужчины дошло, что ему дали отставку, что его выбросили, как ненужную вещь...

Машина медленно тронулась.

Лена стояла у окна, по ее щекам текли слезы. Ей было очень жаль этого человека, которому она не решилась помочь. Она злилась на себя, потом злость перекинулась на виновницу разыгравшейся трагедии – на Вику.

Жаль, что ей не встретился Тарасов! – подумала Лена в тот момент. – Вот вышла бы битва эгоистов! Еще вопрос, кто бы вышел победителем.

Лена задумалась о превратностях судьбы и не услышала, как в дом вернулся Кирилл. Она вздрогнула, когда он очутился рядом. Мужчина догадался, о чем она думает, но развивать тему не стал. Обхватил ее обеими руками и сказал.

- Поехали, нас Лиза ждет к обеду.

- Сейчас поедим, - кивнула она.

Они начали собираться, когда раздался стук в дверь. Лена подумала, что пришла Вика. С кем, с кем, а с ней она хотела встречаться меньше всего.

Но к ним заглянула соседка баба Клава. Тарасова расслабилась. Баба Клава стряхнула с валенок снег, зашла в прихожую и поздоровалась. Это была маленькая пухленькая старушка, улыбчивая и доброжелательная. Когда она улыбалась, лучики морщинок расходились от уголков глаз к вискам, поэтому улыбка получалась какой-то светлой и заразной. Кирилл с Леной тоже непроизвольно заулыбались.

Старушка заметила, что молодые люди уже собрались в дорогу.

- Извините, что без приглашения... Я на одну минуту...

- Заходите, баба Клава, чайку попьем, – пригласили её Лена и Кирилл.

- Велика радость, со старухой чай распивать, - с улыбкой отмахнулась она. Помолчала и добавила. – Кирюша, твоя бабушка, Василиса Петровна, заразила меня вышиванием. Да, не меня одну, почитай, все старухи, более-менее зрячие, занялись этим. Так вот, я хочу на время попросить её картины, что висят на стене. – Баба Клава увидела испуганно-недоуменный взгляд Кирилла. - Не пугайся, я отдам, понимаю, что это бабушкина память. Я только хочу рисунок переснять... Уж, больно они красивые. Я страсть, как хочу, такие же вышить и повесить. Вокруг зима, холодно, а у меня на стене – подсолнух цветет. – Соседка даже зажмурилась от удовольствия.

Кирилл пошел снимать картины. Вынес их бабе Клаве, та поблагодарила, пообещала «вскорости вернуть» и отправилась домой.

- Знаешь, - задумчиво произнесла Лена, - даже чуть-чуть пообщаешься с хорошим добрым человеком, и на душе становится легко. – Лена подошла к окну и проводила взглядом бойко семенящую гостью. Автомобиль Вяземского по-прежнему стоял у соседнего забора.

- Баба Клава – молодец! – задумчиво поддержал ее Кирилл и смолк. Лена оторвалась от окна и заметила, что он внимательно изучает опустевшую стену. – Без картин как-то пусто стало.

- Не переживай, баба Клава их скоро вернет, – успокоила его Лена...

На въезде в город Кирилл с Леной попали в «пробку». Впереди случилась авария или просто кто-то заглох, и все машины с трудом двигались по одной полосе. Когда Кирилл добрался до виновника затора, то ни он, ни Лена не обратили на него внимания: очень спешили к Лизе и нервничали, что опаздывают.

А в машине, опустив голову на руль, сидел без движения водитель. Он не предпринимал никаких попыток, чтобы реанимировать свой автомобиль. Просто сидел, склонившись, и будто бы спал. Проезжавшие мимо водители возмущенно сигналили. А он не реагировал. Он больше ни на что и ни на кого не реагировал.

Все спешили по делам, и никто не остановился узнать, нуждается ли замешкавшийся водитель в помощи?

И Кирилл с Леной спешили и не остановились.

А за рулем уснувшего автомобиля сидел пожилой мужчина лет шестидесяти. Смерть, как всегда бывает, подкралась к нему незаметно. У мужчины случился обширный инфаркт.

И он тоже спешил, очень спешил к своей любимой девушке, которую звали Маргарита Стебловская...

Лиза чувствовала себя отвратительно, но к приходу гостей взяла себя в руки и напекла пирогов: с капустой, с яблоками, с повидлом. Жорик не мог спокойно смотреть на ее осунувшееся лицо жены. По утрам она еле-еле поднималась с постели. Как только принимала вертикальное положение, ее начинало подташнивать. Эта тошнота была постоянной. Смотреть на еду было выше ее сил. Поэтому сегодняшнюю подготовку к встрече с друзьями можно назвать героическим поступком с ее стороны.

Стол был накрыт. Ванька стоял у окна и выглядывал гостей. Он весь извелся. Ему очень хотелось попробовать пирог с повидлом, но мама запретила перебивать аппетит, сначала надо съесть суп, который ребенок терпеть не может, потом второе, затем пирог с капустой, а после, когда в животе не останется места, переходить на сладкое. Ванька не понимал, зачем нужно все усложнять?! Хочет человек начать со сладкого, пусть начинает. Нет, взрослые всегда навязывают свое мнение. А кто прислушается к его мнению? Мама всегда говорит, что нельзя поддаваться стадному чувству, у человека, маленького или большого, всегда должно быть свое мнение. Вот именно, свое. Но кого оно волнует? С утра до вечера Ванька только и слышит: ты обязан хорошо учиться, чтобы родителям-преподавателям не было за тебя стыдно... Ох, везет же Демину, у него родители с утра до ночи пропадают на работе – деньги зарабатывают, а сын предоставлен сам себе... Ванька подумал-подумал и сделал вывод, что Демина жалеть надо, а не завидовать – его родителям нет до него никакого дела. А Демин уже начал курить. И недавно хвастал, что пробовал пиво. Ванюшка ни того, ни другого делать не собирается, хотя, Демин ему предлагал. И не потому, что находится под неусыпным контролем родителей-преподавателей и не потому, что надо вести себя так, чтобы им не пришлось за него краснеть, а потому что хочет вырасти здоровым и крепким.

Ванька согнул руку и попробовал хлипкий пока бицепс. Не успел опечалиться, так как увидел знакомый автомобиль, резво завернувший в их двор.

- Ура! Приехали! – закричал он на всю квартиру и побежал открывать дверь.

Лена и Кирилл вышли из лифта и сразу увидели лукавую мордашку, выглядывающую в небольшую щель приоткрытой двери.

Тетя Лена сделала вид, будто никого не заметила, подошла к двери, дверь распахнулась с индейским кличем, который издал хитрец мальчуган, решив напугать гостей. Гости ничего подобного не ожидали, и очень «испугались», чем его развеселили.

Сначала Ванька повисел на Лене, успев при этом пожаловаться на бессердечную мать, затем тоже самое проделал с Кириллом, пытаясь узнать, какие подарки перепадут ему на этот раз. Шмидт не стал испытывать его терпение и извлек из объемного пакета большую коробку.

Глаза мальчишки загорелись.

- Это мне?

- Тебе-тебе! – успокоил его дядя Кирилл, который с первой встречи привязался к мальчугану. - А знаешь, что это?

- На коробке нарисован роскошный автомобиль... - В голосе Ванюшки чувствовалась надежда, что название на коробке соответствует ее содержимому.

- Это радиоуправляемая модель автомобиля «BMW X5» с пультом управления. Нравится? – задал совершенно глупый вопрос Шмидт.

- Спрашиваешь! – Он снова повис на Кирилле, выражая так свою благодарность.

В прихожей появилась Лиза. Она обняла подругу.

- Как я соскучилась! Почему так редко заезжаете? Живем в одном городе, а будто на разных планетах. – Она хотела всплакнуть, что стало обычным делом в последние время, но сдержалась, увидев и без того расстроенное лицо Лены.

- Совсем плохо? – посочувствовала та. Лиза лишь отмахнулась.

Гости обнялись с хозяином, который с первой минуты начал исподтишка делать Лене непонятные знаки. Пока Лиза разговаривала с Кириллом, Лена подошла к нему и шепотом спросила:

- Что случилось?

- Лен, на тебя одна надежда. Поговори с Лизонькой, пусть согласится на госпитализацию.

- У нее проблемы? – испуганно пробормотала она.

- Она ничего не ест, даже смотреть на пищу не может, скоро сил совсем не останется. А в больнице ее поддержат, витамины поколют, капельницы поставят. Не могу спокойно смотреть на ее мучения.

- Я попробую, - пообещала Лена, - но ты же знаешь свою жену: у нее есть свое мнение по любому поводу и это мнение единственно правильное. – Жорик тяжело вздохнул, он, действительно, хорошо знал характер своей жены.

Взрослые уселись за стол, не было только Ваньки, который в это время распаковывал подарок в своей комнате. Забыты были сладкие и несладкие пироги, нелюбимый суп и другие вкусности, которые мама обычно готовит к приходу гостей. Он вытащил из коробки красивый, блестящий автомобиль, полюбовался им и только хотел поиграть, как его позвали к столу. Ну, какой может быть обед, когда в руках такой здоровский автомобиль?! Опять он должен выполнять чужие приказы. Не дом, а казарма!

- Не дом, а казарма, - вслух повторил он фразу, которую недавно услышал по телевизору. Фраза ему нравилась. Когда Ванюшка первый раз ее выдал грустной матери, та развеселилась. Поэтому время от времени он ее повторял, чтобы поднять матери настроение, но не перебарщивал – однообразие может вызвать обратную реакцию. Сегодня он ее, кажется, уже говорил, в связи с чем, предпочел высказаться наедине.

Пришлось отложить подарок в сторону и идти к гостям. Пусть не думают, что подарок ему дороже тети Лены и дяди Кирилла.

После сытного обеда компания разделилась: мужчины прилипли к компьютеру, Ванюшка улизнул в свою комнату, а женщины отправились на кухню.

- Зачем вы его балуете? - Лизе было неудобно, что сыну подарили такую дорогую вещь.

- Не забывай, что я тоже его мать, хотя и крестная. Скажи лучше, как ты себя чувствуешь?

- Жуков нажаловался? – вопросом на вопрос ответила Лизка. Потом помолчала и устало промямлила, - если, честно, то не очень... Помнишь, как я Ванюшкой легко ходила, про токсикоз не знала... А теперь каждое утро борюсь с собой, нет сил подняться.

- Может тебе в больницу лечь или отпуск взять?

- Какой отпуск! Середина учебного года! А про больницу мне даже не говори. Как я их оставлю одних? Жорик как засядет за компьютер, про все забудет. Ребенок останется без присмотра. Я вся издергаюсь в больнице: не голодны ли, тепло ли оделись, не забыли газ выключить? Ты же знаешь Жукова, он как ребенок, за ним глаз да глаз, не говоря о Ваньке.

- А я на что? Буду их контролировать!

- Тебя, Тарасова, саму надо контролировать... - Лиза внимательно посмотрела на подругу своим глазом-рентгеном. - Признавайся, что случилось? Я тебя насквозь вижу!

- У меня все нормально, - наигранно-бодро доложила она.

- Ты идиотку из себя не строй, и из меня дуру не делай, я все вижу!

- К тебе Лизок вместе с беременностью пришло ошибочное ясновидение. Ты видишь то, чего на самом деле нет.

- Или ты...

- Скажу, скажу, только не волнуйся, - опередила Елена готовую сорваться с ее уст угрозу. - И сразу тебя успокою: ко мне сегодняшний случай не имеет отношения. И если бы не моя впечатлительность...

- Ленка, ты меня пугаешь.

- Ну, вот...

- Не тяни резину! - рявкнула на подругу Лизавета, позабыв о недомогании.

Тарасова отложила мытье посуды и сказала.

- Я сегодня наблюдала одну сцену, похлеще бразильского сериала. Представляешь...

Сначала она коротко описала насыщенную жизнь Виктории Ждановой, потом перешла на визит в ее дом двух мужчин...

- Дела, - протянула Жукова, не сводя загадочного взгляда с подруги, раскрасневшейся после эмоционально рассказа. Она, как никто, знала о её впечатлительности, но не очень верила, что основная причина кроется в жестоком обращении Виктории с бывшим любовником. - Ты только этим расстроена или есть еще причина?

- Да, все нормально, - скривилась от недовольства Тарасова. - Кручусь как белка в колесе, работа-дом, дом-работа. Устаю ужасно, но мне нравится. Все-таки Макар неплохой психолог, раз смог рассмотреть во мне руководителя.

- Какой же он психолог, если связался с этой Викой.

- Любовь зла...

- Какая любовь! Этот Вяземский, кроме себя, никого не любил и любить не будет! - возмутилась Лиза.

- Раньше не любил, потому что не было той, которая срывает его наповал. Теперь такая нашлась.

- Надолго ли он воспылал любовью? - хмыкнула Жукова. - Уж, не знаю, кого больше жалеть: Макара или Викторину?.. Наверное, её, - подумав, констатировала она. - И не из женской солидарности, а потому что он ее не любит, это просто увлечение. И никогда на ней не женится. Просто ему льстит, что рядом с ним такая женщина, с ней не стыдно выйти в свет. Почти как выгулять новые швейцарские часы или престижный авто... Пусть все обзавидуются... Ты же сказала, что Виктория - красивая женщина? - Зачем-то наступила «на больной мозоль» Лизка.

- Сказала, - ответила Лена без энтузиазма, перейдя на трагический шепот. Обсуждать красоту Виктории ей хотелось меньше всего. Но раз уж завела разговор, то будь добра, поддержи тему. - Да, Вика очень красива, и эта красота обладает магическим притяжением, - монотонным голосом доложила она, как это обычно делают нерадивые ученики, описывая главную героиню романа из школьной программы. Им эта героиня до лампочки, и без нее жизнь наполнена событиями, есть что обсудить с друзьями. - Когда я увидела её впервые, то сразу решила, что она похожа на панночку из «Вия»: такие же огромные темные глаза, длинные черные волосы и какая-то пронизывающая холодность от нее исходит, несмотря на то, что она была со мной приветлива. Будто бы искренне

приветлива. А смотришь на ее улыбающееся лицо, и хочется не улыбнуться в ответ, как это обычно бывает, а развернуться и уйти поскорее. Не думай, мною двигает не зависть, не ревность... Не скрою, я сразу приревновала ее к Кириллу. Решила, что между ними был роман до тех самых пор, пока Кирилл не познакомился со мной. Нельзя не влюбиться в такую красотку.

- Уверена, ты не сдержалась и задала ему вопрос в лоб!

- Естественно. Но Кирилл заверил, что они дружат с самого детства, вместе выросли. Вику опекала его бабушка, она ему почти как сестра.

- Кирилл не из тех мужчин, которые ведутся на красоту... И не смотри на меня так! Никто не считает тебя дурнушкой.

- И на том спасибо, - улыбнулась Тарасова. – А про Кирилла я сама все знаю.

- Да, не повезло Вяземскому, - пораскинув мозгами, вздохнула Лиза, забыв, что еще недавно была на стороне Виктории. Видимо, рассказ Лены ей впечатлил.

- Мне его тоже жаль, но вмешиваться я не стану. Не маленький, сам разберется. А если набьет шишек, то это и к лучшему, впредь будет правильно оценивать ситуацию.

- Все мы умные, когда нас это не касается, - заметила Лизавета.

На кухню ворвался автомобиль. Он ловко лавировал в небольшой кухне, управляемый восьмилетним пилотом, который был безмерно счастлив.

- Вернуться бы сейчас в детство! - заулыбалась Лиза, увидев своего сына. – Как мало надо детям для счастья!

- Ванька хотел что-то сказать, но передумал – свое собственное мнение решил высказать в другой раз, когда он будет не так занят.

- Как ловко ты с ним обращаешься, - похвалила его Лена.

- До совершенства еще далеко, - рассудительно ответил мальчик и направил автомобиль в комнату, где находились мужчины. Он хотел услышать их компетентное мнение. Что понимают в этом женщины?!

Маленький Жуков пожалел, что нельзя взять радиоуправляемую модель «BMW» в школу...

Вечером Кирилл и Лена возвращались домой. Девушка про себя твердила, как заклинание: «Только не смотри на почтовый ящик! Только не смотри!» И так всю дорогу.

Она закрыла глаза, и притворилась спящей, чтобы не выказать своего беспокойства Кириллу.

А Кирилл был погружен в мечты о будущем: он хотел жениться на Лене и завести ребенка, такого же замечательного, как Ванюшка Жуков...

Наблюдатель не покидал свой пост у подъезда Тарасовой все воскресенье. Он снова фотографировал всех входящих и выходящих. Под конец дня у него в глазах уже все плыло от множества отснятых лиц.

Он видел, как вернулись Лена и Кирилл. Поздним вечером сыщик зашел в подъезд. Почтовый ящик был пуст. Опять день прошел зря. Может, хозяйка вытащила послание? - подумал он, - тогда надо позвонить начальнику, отчитаться и посоветоваться. Молодой человек так и поступил.

Бирюков заверил, что Тарасова к ящику не приблизится и отпустил его отдыхать.

Лена, действительно, не проверила почтовый ящик. Она даже головы не повернула в ту сторону.

После звонка Сергей Бирюков расстроился: опять, пустышка! Завтра он сам засядет у подъезда Лены. Глядишь, ему повезет.

Отсутствие письма играет против Зиминой–Крюковой, - рассудил Бирюков. - Она целый день просидела дома.

В этом не было сомнений - Сергей все воскресенье просидел в машине у дома Инны. Он видел, как с утра вышел ее муж, который его мало интересовал: Зиминая не могла

посвящать его в свои планы мести жене бывшего возлюбленного. Потом он вернулся со своими сыновьями. Больше никто из Зиминых квартиру не покидал.

Частный сыщик завел автомобиль, еще раз взглянул на окна интересующей квартиры, и уже стал трогаться, когда дверь подъезда распахнулась, и из нее выскочила чета Зиминых.

- Картина Репина «Не ждали», - процедил сквозь зубы Бирюков. – И куда это мы направляемся в такой спешке?

Инна с Вячеславом галопом донесли до своего автомобиля. Автомобиль их заглох, и помчал со двора. Сергей пристроился за ними.

Когда дети нашлись, Инна сначала испытала облегчение, но прошло несколько часов, и беспокойство вернулось. Причем, чем дальше, тем волнение усиливалось.

Она заставила мальчишек померить температуру, подозревая, что те заболели и скрывают это от матери. Термометр показал, что Инна ошибается: сыновья были абсолютно здоровы.

Славик решил порадовать жену и вызвался приготовить обед. Инна не возражала, хотя, знала о его кулинарных способностях. В итоге все закончилось тем, что муж закажет на дом пиццу. Но ей было не до готовки, все валилось из рук, то ли от перенесенного стресса, то ли в предчувствии очередной плохой новости. Предчувствие ее не отпускало, как она не пыталась забыться. Инна зашла на кухню, посмотрела на перепачканного в чем-то красном, похожем на томатную пасту, мужа, который держал порезанный палец под струей холодной воды, хотела предложить свою помощь, но была выставлена за дверь.

Инна отправилась в комнату детей. Они учили стихотворение Лермонтова к завтрашнему уроку литературы. Дети тоже попросила ее уйти, так как с ее появлением начали сбиваться.

Зимина накинула теплый платок и вышла подышать на лоджию. На улице был сильный мороз, долго не простоишь, но эти несколько минут на свежем воздухе принесли шаткое успокоение. Она вернулась в комнату, прилегла на диван, накрылась платком и задремала.

Когда Инна открыла глаза, то удивилась, что незаметно подкрался вечер. За окном маячили сумерки. Домочадцы услышали, что она проснулась и зашли в комнату.

- Mam, мы умираем от голода! Папа наготовил столько еды, а мы без тебя не садимся обедать, – произнес Санька, усаживаясь возле матери.

- А почему вы меня не разбудили? – спросила она, пропустив мимо ушей «папа наготовил».

- Пожалели, ты так крепко спала. – Славик тоже присел на диван и поцеловал жену в помятую от подушки щеку.

- Надо было обедать без меня. – Инна прижалась к мужу.

- Мы сегодня будем обедать или, хотя бы, ужинать, - заныли мальчишки в один голос.

Славик еще раз поцеловал жену и поднял её с дивана.

- Пойдем скорее, а то дети умрут от голода.

За поздним обедом Инна опять почувствовала тревогу. Аппетит пропал, но она не хотела расстраивать мужа и съела все. На этот раз Славик ее удивил своим старанием. Потом они долго пили чай, обсуждая планы на понедельник. Инна решила выйти на работу. Муж порадовался ее решению.

- Правильно! Хочешь, возьмем отпуск на весенних каникулах и махнем в теплые страны.

- Ура! - закричали близнецы. - А куда мы поедем?

- А куда захотите! – ответил отец и посмотрел на жену. – А ты куда хочешь, любимая?

У Инны от этого ласкового обращения защемило в носу. Как давно он ее так не называл. Она взяла его руку и приложила к своей щеке. Какой он родной, любимый, понимающий! Как она счастлива, что встретила его! Какие у них замечательные мальчишки! Как хорошо, что они все вместе!

- Мне все равно, - голос ее дрогнул, - лишь бы вместе с вами.

Сыновья посмотрели на мать, не понимая, что ее могло расстроить. Они решили укрыться в своей комнате: пусть родители побудут вдвоем.

Славик посадил Инну к себе на колени.

- Я тебя очень люблю, - тихо произнес он.

- А я тебя, - ответила она.

Как хорошо им было вдвоем на их теплой, уютной кухне. Они целовались, мечтали, вспоминали прошлое...

Они потерялись во времени. Их идиллию нарушил телефонный звонок.

Трубку взяла Инна. Сначала она слушала без особого внимания, затем ее руки затряслись, она посмотрела на мужа. Славик забрал у нее телефонную трубку. Выслушал и задал всего один вопрос: «Куда подъехать?»

Инна подпирала спиной стену, в голове прокручивалась одна и та же фраза: «Мы остаемся детьми, пока живы наши родители».

- Я теперь взрослая, - вслух произнесла она...

Сергей Бирюков ехал за машиной Зиминых недолго: до районного отделения полиции. По роду своей работы он привык ничему не удивляться, потому припарковался неподалеку и стал ждать. Прошло совсем немного времени, и супружеская чета появилась вновь. Они спешно забрались в автомобиль. Бирюков тронулся за ними, одновременно выискивая в списке контактов мобильного телефона нужный номер.

У Сергея в этом отделении работал старый товарищ, с которым они начинали службу в милиции, только Сергей ушел на вольные хлеба, а Чижиков Андрей Геннадьевич, так звали друга, дослужился до майора.

Долго слушал длинные гудки. Наконец, услышал заспанный голос Андрея.

- Здорово, Чижик! Спишь что ли?

- Это ты, Серега?

- Я! Извини, что разбудил. Помощь твоя нужна!

- Вот ты всегда звонишь, когда нужна помощь! Нет бы, приехать к другу с бутылочкой водочки...

- Заметано! Хоть сейчас!

- Тогда жду!

- А пока узнай у своих: по какому вопросу к ним обращалась гражданка Зимина Инна Петровна? Я подъеду с выпивкой-закусочкой, а ты мне расскажешь... А если узнаешь раньше, то перезвони. Заранее благодарен.

- А ты тогда не приедешь? – напряженным голосом поинтересовался Чижиков.

- Приеду! Будь спок!

- Ну-ну! - недоверчиво произнес майор. – Ладно, жду! А информацию по Зиминной узнаю и перезвоню.

- Спасибо, друг!- Бирюков отключился.

Чижик позвонил через десять минут.

- Слушай сюда, друг мой вольный стрелок! Твоя Зимина сегодня потеряла отца – Крюкова Петра Леонидовича. Он умер в машине. Инфаркт. Прямо на светофоре. Была в нашем отделении, а сейчас держит путь в морг, куда отвезли тело.

- ???

- Ну, чего молчишь?

- Задумался. Спасибо тебе. Еще раз выражу благодарность при встрече. Буду у тебя через полчаса!

- Пospеши, пока я снова не уснул...

Следить за машиной Зиминых не было смысла. Куда они движутся, Сергей знал и к его делу это отношения не имело. Поэтому развернул свой автомобиль, заехал в ближайший супермаркет, закупил там все необходимое и отправился в гости к Чижикову.

Прошло несколько дней. Лена Тарасова больше не получала писем, но Бирюков наблюдения не снимал. Он и его напарник по очереди исправно следили за ее подъездом вместе с другом-фотоаппаратом. Вечером проверяли почтовый ящик, который каждый раз оказывался пуст. Оба злились, но понимали, что другого, более интеллектуального или более мобильного решения этой проблемы, пока нет. Надеялись, что рано или поздно их терпение будет вознаграждено. Лучше рано...

Сергей понимал: если отправителем писем является Инна Зимина, то настанет временное затишье – ей не до писем. И вернется ли она опять к угрозам, еще неизвестно... Хотя, кто способен разобраться в психологии отвергнутых женщин? Частный детектив знал, что после похорон отца Инна не выходила из дома. Кроме одного раза, когда вместе с мужем ездила на кладбище.

Бирюков уже хотел временно снять наблюдение за домом Тарасовой, но что-то его останавливало. Интуиция подсказывала, что совсем скоро мышеловка должна захлопнуться...

Прям не частный детектив, а папарацци, – с недовольством подумал Бирюков, привычно сидя в машине с фотоаппаратом в руках.

Снимков было сделано немного, и то в основном вечером, когда народ повалил с работы.

Ближе к полуночи, Сергей выбрался из автомобиля, размял затекшие ноги, осмотрелся, изучая опустевший двор, и, убедившись, что все нормальные люди уже поужинали и легли в теплые постельки, двинулся в сторону подъезда Лены. Преодолевав два лестничных пролета и без особой надежды на успех заглянул в почтовый ящик.

Выудил оттуда парочку рекламных листов, газетенку о здоровом образе жизни, уже собрался бойко всё скомкать и запустить от злости в маленькую урну, стоящую неподалеку, но нащупал внутри газетенки что-то твердое, не поддающееся скручиванию бумажного шарика.

Рекламные листы и газетенка упали на цементный пол, в руках частного детектива оказался белый конверт – близнец двух конвертов, которые были получены Еленой Тарасовой. Мужчина медленно наклонился, собрал всё что выронил из рук, и, не сводя глаз с белого конверта, словно тот мог превратиться в пепел, и отправил ненужную макулатуру в урну. Затем занялся конвертом. Поднес к глазам, несмотря на то, что крупные печатные буквы легко читались в слабо освещенном подъезде, и прочел по слогам: ТА-РА-СО-ВОЙ.

- Тарасовой, значитца, – глумливо скалясь, повторил он уже вслух. Оч хорошо, просто прелестно!

Сергей впился взглядом в написанное. Те же крупные печатные буквы. И написаны с таким сильным нажимом, будто человек хотел вложить всю ненависть к адресату. Удивительно, что бумагу не порвал... И кого ты, милая, хочешь ввести в заблуждение?! Меня? Неужели я поверю, что это рука пожилого малограмотного человека, не умеющего обращаться с оргтехникой или пишущей машинкой? Любой другой взял бы и напечатал фамилию Лены, тем самым избавив себя от выведения девяти нестройных букв. Так нет же, не поленился, вывел криво-косо, чтобы кого-то подвести «под монастырь». – Он повертел в руках пресловутый конверт, не решаясь вскрыть. – А может быть, не собиравшись «подводить под монастырь», а сделал это по глупости. От небольшого детского ума. Все мы в детстве писали хитрые послания и четко выводили фамилию получателя... Тогда секретарше Аллочке и «флаг в руки» – это показатель уровня её интеллекта. Неужели я рано вычеркнул ее из числа подозреваемых? Зря отверг ее кандидатуру после первой встречи, оставившей неизгладимый след в моем сердце.

Бирюков сообразил, что слишком долго задержался в подъезде у почтовых ящиков. Быстро спустился вниз, сел в холодное нутро автомобиля, повернул ключ зажигания, но прежде чем тронуться, не выдержал и вскрыл конверт.

Короткое послание Лене не содержало ничего нового: «ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ПОГИБЛА ВМЕСТО НЕГО, ПОЧЕМУ ДО СИХ ПОР ЖИВА?»

Видимо, кто-то не отступил от намерения довести своего врага до самоубийства, монотонно забрасывая его полувопросительными предложениями, чтобы вбить в его голову простой вопрос: Почему до сих пор жива? Действительно, почему? Ведь так много способов последовать за супругом, вина за гибель которого лежит на тебе.

Сергей позвонил сыщику, который сидел в засаде у дома Зиминых. Тот доложил, что Инна сегодня никуда не отлучалась. Бирюков и без того знал, что Инны у дома Лены не было, но решил подстраховаться: вдруг прозевал её, когда отлучался на минуту, вдруг она упростила кого-то зайти в чужой подъезд и бросить письмо в почтовый ящик, ссылаясь на занятость.

- Ты уверен? – на всякий случай уточнил Сергей у напарника.

- Абсолютно! Утром она помахала из окна мужу и детям, которые отправились на работу и в школу. Днем – несколько раз выходила на лоджию. Постоит-постоит, а потом назад вернется. Когда стемнело, я видел ее силуэт на кухне. Сейчас свет выключили, наверное, уже легли спать... Я могу быть свободен?

- Да, конечно, отдыхай. Не думаю, что она куда-нибудь двинет на ночь глядя, – задумчиво проговорил Бирюков.

Одна надежда, что Лена опознает кого-нибудь на сегодняшних снимках...

Лена Тарасова проснулась, когда за окном было еще темно. Она села на кровати, посмотрела на спящего Кирилла и на цыпочках вышла их спальни.

Еще спать бы и спать, - подумала она, взглянув на часы, - только пять часов. Но после такого странного сна едва ли теперь не уснешь.

Еще её бабушка говорила: если человека мучает какая-то проблема, и он не знает, как ее решить, то ответ обязательно придет во сне, надо только этого очень захотеть. Очень-очень! А Лена постоянно думает о письмах недоброжелателя, задается вопросом, кто бы это мог быть, а ответа во сне все нет и нет. Неужели бабушка ошибалась?

Вот взять, к примеру сегодняшний сон...

Сначала ей приснилась дряхлая избушка, как у Пушкина в сказке «О рыбаке и рыбке». Перед избушкой сидела... нет, не старуха, а какая-то женщина с длинными русыми волосами. Причем волосы закрывали ей лицо. Лена точно знала, что эта девушка молода и что она ей знакома, но никак не могла рассмотреть ее лицо за копной волос.

Перед длинноволосой женщиной стояло разбитое корыто полное белых конвертов, - точной копией тех, что получила Лена. Она брала в руки по одному конверту и подбрасывала их вверх. Конверты не возвращались на землю, их подхватывали почтовые голуби, стаяй кружившие над головой русоволосой женщины. Один за другим голуби ухватывали клювами взлетевшее ввысь письмо и улетали. Самое интересное, что ни количество писем, ни количество голубей не заканчивалось. За первой улетевшей птицей выстроилась целая вереница. Так они и летали, строго друг за другом, с конвертами в клювах.

Даже во сне Лена ужаснулась: «Неужели я получу такое огромное количество этих злобных писем?»

Избушка стояла на берегу моря. Море было спокойным - полный штиль. Вдруг... из его глубин показалась голова, потом плечи, потом все остальное - стройная девушка вышла на берег, как Афродита из пен морских. Остановилась и с интересом стала наблюдать за полетом почтовых голубей. Лена поняла, что Афродита - это... она сама, только волосы у нее очень длинные, почти до щиколоток, а не короткие, как в жизни. Ее нагота была прикрыта необыкновенной красоты волосами. На теле был только пояс, пояс Афродиты, благодаря которому любой мужчина влюблялся в нее. Лена-Афродита долго наблюдала за действиями девушки у корыта, а та не обращала на нее никакого внимания, продолжая ритмично подбрасывать письма. Лена стала тихо подбираться к

ней, боясь спугнуть: сделает шагок и замрет, потом снова – шагок и остановка. Вот она подошла уже близко-близко. Осталось только протянуть руку, убрать с лица русые волосы, раздвинуть их, как занавесь в театре, и разглядеть лицо... Она уже дотронулась до волос, почувствовала, какие они жесткие от морской воды, и... проснулась.

Проснулась, так и не узнав, кто скрывается за длинными русыми волосами. Теперь она могла сделать один единственный вывод: эта девушка ей хорошо знакома.

Лена решила выпить чай, все равно теперь не уснешь.

Надо бы поразмышлять...

Не зря во сне она вдруг превратилась в богиню любви. Так, вспомним мифологию...

Афродита была дочерью Зевса и Дионы. Семя Зевса попало в море, и ветер унес его на остров Кипр, где из пен морских появилась Афродита. Гера выдала ее замуж за Гефеста, искусного хромоногого мастера.

Тарасова не назовешь хромоногим. Или здесь имеется в виду, что у человека есть пороки, которые внешне никак не проявляются?

Если вспомнить один из афоризмов Али Апшерони: Из всех пороков, унижающих личность человека, себялюбие самый гнусный и презренный, то можно согласиться, что Тарасов - обладатель букета пороков, не только такого порока, как себялюбие... Что дальше?

Афродита любила совсем не Гефеса, она любила Адониса, страстного охотника, который в результате погиб от клыков кабана. И не просто так погиб, всё подстроил Арес. Потом Афродита полюбила Ареса. Когда Адониса не стало.

Вывод один: Афродита – блудница, в которую все влюблялись благодаря ее поясу. А она без особой печали расставалась с одним, и отвечала на чувства другого.

Это не про меня, - мысленно рассудила Лена, крепко сживая чашку с чаем в своих ладонях. - У меня и пояса никакого нет, - то с сожалением, то ли с радостью подумала она. И тотчас вздрогнула, едва не залив себя горячим чаем. – А если во сне пояс на мне оказался не случайно? Он показатель того, что... Чего того?! – В голову ничего умного не приходило.

Лена допила чай и налила себе еще. Снова ухватилась за чашку двумя руками и продолжила размышления.

Афродита – богиня браков и родов. Это уже интересно! Есть вероятность скорого замужества... Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

Какой хороший сон! – сделала вывод Тарасова и мысленно добавила, - наверное, хороший. Пока я в этом не совсем уверена... Так, что мы еще имеем? Афродита покровительствует героям... Это, вообще, великолепно! Значит, Сергей Бирюков решит мою проблему и выйдет победителем! УРА!

Почему я расстроилась вначале? Надо просто разложить все по полочкам, подумать, сделать выводы и успокоиться. Какая я молодец! Как все правильно сделала!

Такого хорошего настроения у Лены не было давно. Она даже не задумалась, что каждый трактует сон так, как ему хочется. Хотелось успокоиться, она успокоилась. Хотела бы накрутить себя, накрутила бы. Все она понимала: и что это всего лишь сон, и что буйная фантазия позволила снять напряжение, но ей был важен конечный результат.

Все как в случае с неизлечимой болезнью Доктор провел обследование и сказал, что ты болен, никакие аппараты и операции уже не помогут. Готовься, дорогой товарищ, в долгий путь туда, откуда не возвращаются. И что дальше? Дальше он может ложиться и ждать. Или может все изменить, вылечиться с помощью самовнушения. Убедительно заявляешь, что диагноз врачей ошибочен, на самом деле ты полностью здоров. Сначала эту мысль помещаешь себе в голову, потом начинаешь в нее верить, будто не ты сам предложил эту версию, а тот, кто тебя обследовал и убедился в твоём крепком здоровье. И так в это веришь, что перепуганная болезнь усомнится и сбежит. Сказки? Нет, не сказки!

Так и с этим сном. Можно было напридумывать себе разных страшилок, которые подстерегают тебя на каждом шагу, довести до нервного срыва. Но Лена так устала от проблем, устала от испытаний, которые в последнее время ей подбрасывает жизнь.

- Я сама кузнец своего счастья! - радостно пропела она. Даже не пропела, а тихо пропищала, чтобы не разбудить спящего Кирилла. – Я кузнец, я кузнец! С кузнеца переметнулась на кузнечика, который был зелененьким, как огуречик. Она склоняла голову то в одну сторону, то в другую, старательно выводя слова известной детской песенки, при этом мерно постукивала ногой по полу.

После исполнения усмехнулась, представив лица своих знакомых, заставших ее посреди ночи за странным занятием. Старательно вымыла пустую чашку и пошла досыпать. Улеглась рядом с Кириллом, придвинувшись близко-близко, пытаясь согреться. Он спросил, не открывая глаз:

- Ты уже вернулась с улицы?

- Почему с улицы? – не поняла Лена, обняла его и чмокнула в щеку.

Кирилл открыл глаза и внимательно на нее посмотрел.

- Представляешь, мне приснился сон, что мы завели большого пса, типа московской сторожевой, и задумались, кто в такую стужу пойдет с ним гулять. Ты сама вызвалась, отмахнувшись от моего предложения... А когда ты прижалась ко мне, такая холодная-холодная, я решил, что ты вернулась с прогулки.

- Собака – это хорошо! Собака, значит друг. Тебе приснился друг, с которым меня что-то связывает, раз я вызвалась его выгулять.

- Ах, так! Сейчас я тебя задушу, как Отелло, ослепленный ревностью!

- У меня другое предложение!

- Говори свою последнюю волю, Дездемона!

- А не выпить ли нам шампанского и не устроить ли нам выходной, прикинувшись больными?

- Шампанское по утрам пьют аристократы или...

- Или очень счастливые люди, - перебила его Лена. – Согласен?

- А чем мы будем заниматься, - покосился на нее Кирилл ее лукавыми глазами.

- Раз мы нездоровы, значит, нам прописан постельный режим!

- Великолепно! Я очень-очень нездоров! – Он притянул к себе Лену.

- А шампанское?

- Все потом, все потом...

С утра начался сильный снегопад. На дорогах образовались жуткие пробки. Сергей Бирюков добирался в рекламное агентство «Глобус» три часа, вместо привычных тридцати минут. Одна радость: снегопад принес потепление. Все устали от сильных морозов, от долгой зимы, хотелось солнца и тепла. В душе появилась надежда, что скоро все это придет.

Сергей сначала нервничал, а потом успокоился: изменить он ничего не может, машина летать не научилась (уввы!), поэтому надо сидеть и терпеливо ждать. Бирюков вернулся мыслями к расследованию.

Я выбрал слишком длинный путь. Надо было найти другой вариант, а не заниматься «просиживанием штанов» у подъезда. Для начала проверить все связи покойного Владимира Тарасова и тогда, может быть, удалось обнаружить этого злодея. Или злодейку, что более вероятно, учитывая способ давления на Лену. Кто варился с Тарасовым в одном жизненном котле? Кто был в курсе всех его любовных походов? Мать? Не думаю. Вяземский? Может быть, и Вяземский. Но будто бы он мне поведал все, что знал. Зачем ему что-то утаивать? Ни к чему, если он в этом деле не замешан. И скорее всего, не замешан – потому как он выбрал бы другой метод мести Елене, и не стал бы ее уговаривать занять директорское кресло, а сам бы на это кресло взгромоздился со всеми удобствами, и Лена ему в этом не помешала. Тогда кто? Кто мог рассказать о

жизни Владимира так, как он сам о себе мог рассказать? Никто! И Лена, и Вяземский утверждали, что Тарасов был закрытым человеком. Значит, я выбрал единственно правильный путь, пусть и длинный, - успокоил себя Бирюков. – Жаль, что версия с Зиминой-Крюковой оказалась тупиковой. Эта дамочка подходила на роль мстителя, как никто.

Наконец, Бирюков добрался до агентства «Глобус», с трудом нашел место для парковки своего немаленького авто, вслух возмущаясь при этом: «Ну, что ж вы все на машинах в такую нелетную погоду, надо на метро ездить, дорогие товарищи!» К товарищам он себя не причислял.

Сергея ожидал неприятный сюрприз: Ленка Тарасова сослалась на недомогание и на работу не вышла. Об этом ему с непроницаемым видом доложила дама-секретарь. И добавила:

- Завтра она будет непременно. Если у Вас что-то срочное, то обратитесь к ее заместителю – Вяземскому Макару Кузьмичу. – Она должна была это предложить и предложила, несмотря на то, что догадывалась о неслужебных отношениях её босса и этого здоровяка, который смотрел на нее так, словно подозревал во всех смертных грехах, одним из них была внезапная болезнь начальницы.

- Нет, нет, спасибо! – Бирюков так быстро открестился от Вяземского, что дама-секретарь не смогла сдержаться от еле уловимой улыбки. – Я по личному вопросу. – Пояснил Сергей.

- Тогда приходите завтра.

Частный детектив попрощался и вышел из здания. Ну, почему, когда она мне так нужна, ее нет, - мысленно возмутился он. – Сам виноват, чего уж теперь... Надо было заранее созвониться, а не тащиться через весь город по такому снегопаду!

Бирюков вытащил из кармана мобильный телефон и позвонил Лене.

- Абонент временно недоступен. Попробуйте... - Сергей не дослушал фразу, произнесенную противным женским голосом. – Сам знаю, что мне делать! – Зло бросил он. Хотя, уверенности, как раз, и не было...

Нагряться к Тарасовой в гости, он не решился: вдруг там Кирюха.

Придется, перенести разговор на завтра, - решил он. – А пока займусь текущими делами, которых накопилась вагон и маленькая тележка.

Он отлично знал, что мысли будет трудно перевести на другие рельсы...

Поздним вечером человек, следивший за подъездом Тарасовой, доложил, что в почтовом ящике был обнаружен очередной конверт.

Бирюков, не оставивший надежду обвинить во всех смертных грехах Инну Зиминову, связался с её «опекуном». «Опекун» сказал, что его подопечная сегодня вышла из отпуска, весь день провела на работе, никуда не отлучалась. Вечером вместе с мужем они заехали в супермаркет, потом отправились домой...

Этот день Лена запомнит на всю жизнь.

Полдня они с Кириллом провели в постели, пока голод не заставил выбраться оттуда. Лена быстренько соорудила гору бутербродов, которые они дружно умяли. После чего Кирилл неожиданно куда-то засобирился.

- Ты куда? – удивилась женщина.

- У меня дела, - пространно пояснил мужчина, выискивая глазами рожок для обуви. Нашел, обулся и скрылся за дверь.

- У него дела, - обескуражено повторила Тарасова, нахмуренно изучая дверь, проглотившую Кирилла Шмидта.

Дверь приоткрылась, появилось озадаченное мужское лицо.

- И не нужно строить догадок! - заявил Кирилл, чем еще сильнее заинтриговал Лену. Дверь захлопнулась во второй раз.

- Все это очень странно, - без особого волнения произнесла она, словно подозрительное поведение мужчины ее совершенно не озадачило.

И занялась приготовлением обеда...

Кирилл появился вовремя: обед был готов, стол красиво сервирован. Лена успела привести себя в порядок, нанесла макияж, надела красивое платье и обула новые туфли. Кирилл ввалился весь усыпанный снегом, увидел наряженную Лену, не удержался, подхватил ее на руки и закружил по комнате.

- Отпусти, дедушка Мороз! – развеселилась она.

- Никогда! – Кирилл еще немного покружил ее, потом бережно поставил на пол, будто боялся разбить свою снегурочку, расцеловал в обе щеки и только после этого сбросил верхнюю одежду и отправился в ванну. После чего промаршировал в спальню, хитро поглядывая на Лену.

Лена проводила его удивленным взглядом, но вопросов не задала. Вскоре он возник на пороге спальни в сером костюме, в белоснежной сорочке. Серьезности момента добавил галстук. Оба волновались, хотя, вида не показывали.

Чинно уселись за обеденный стол. Друг напротив друга. Кирилл открыл шампанское и наполнил бокалы.

- У меня есть тост, - торопливо произнес он, будто боялся, что Лена его опередит. Мужчина заметно нервничал. Он взял в руку фужер с шампанским, потом поставил его на стол, запустил руку во внутренний карман пиджака и замер. Его взгляд был устремлен на Лену. Он хотел увидеть в ее глазах понимание и согласие. Он увидел то, что хотел, вытащил руку, подошел к девушке, протянул маленькую коробочку и произнес: Любимая! Я очень хочу, чтобы ты стала моей женой!

- Я согласна! – недолго думая, ответила Лена. И только после этого взяла из рук Кирилла бархатную коробочку и осторожно ее открыла.

Внутри лежало великолепное кольцо с раух-топазом, цвет которого совпадал с цветом ее глаз.

- Какое красивое! – с придыханьем произнесла она. Надела кольцо на палец, полюбовалась им, потом прильнула к мужчине, стоящему перед ней по стойке смирно.

Лена так быстро дала согласие, что он сразу не сообразил: она сказала «да» или ему послышалось то, что он давно мечтал услышать.

Вместо того, чтобы переспросить, вновь запустил руку в карман и замер в неудобной позе.

- Ну, что ты там еще прячешь? – Лена радовалась, как ребенок, получивший долгожданный подарок от деда Мороза.

Кирилл достал еще одну коробочку и протянул ее девушке.

- Еще кольцо?

- Ты не гадай, а открой и посмотри.

Внутри лежали две очаровательные сережки с такими же камушками. Лена бросилась к Кириллу и повисла на нем.

- Чему ты радуешься больше: подарку или предложению руки и сердца?

- Какой ты у меня дурачок, хоть и кандидат наук! Конечно, предложению!

- Я не дурачок, просто хочу еще раз услышать это от тебя, – серьезно сказал он.

Лена поняла, что нужно дать ответ более торжественно. И доходчиво, чтобы взволнованный и неожиданно поглупевший жених прочувствовал и осознал ее ответ. Она отодвинулась от Кирилла, внимательно посмотрела в его изумрудные глаза и тихо произнесла:

- Я обещаю быть тебе хорошей женой...

На следующий день Елена Викторовна была необыкновенно хороша собой. Глаза сияли, как два раух-топаза в ее ушах, она вся просто светилась от счастья. Ее секретарь,

как любая женщина, любила всякие побрякушки и не могла не обратить внимания на украшения.

- Вам очень идет, Елена Викторовна! Это же раух-топазы, если я не ошибаюсь?

- Именно, раух-топазы. Правда, красиво? – Лена полюбовалась кольцом на руке.

- Очень. Вы знаете, что этот камень - талисман?

- Неужели?

- Он способен защитить от сглаза, порчи, дарит долголетие и здоровье.

- Мне это просто необходимо!

- А еще это камень мечтателей!

Лена подумала: Это точно про меня! Я в последнее время о чем-то мечтаю, что-то придумываю...

- А Вы по гороскопу – водолей, если я не ошибаюсь? – поинтересовалась дама-секретарь.

- Не ошибаетесь! У меня день рождения в середине февраля.

- Ой! Совсем скоро!.. Вы знаете, Елена Викторовна, этот камень Ваш! Он подходит всем водным знакам!

Какой Кирюша молодец! – подумала невеста, - угодил по всем статьям!

Тут дверь в кабинет открылась, и появился частный детектив Бирюков.

- Можно?

- Заходи, Сереж!

- Прогуливаешь, госпожа директриса! – осудительно молвил он, закрывая дверь за секретарем. - Али, правда, болеешь?

- Ага. Болею! Воспаление хитрости обострилось!

- Прошло?

- Кирюшка вылечил!

- Доктор видно постарался: веселая, румяная, жизнерадостная. – Сергей заметил, что с его появлением Тарасова напряглась.

- Я замуж выхожу! – доложила Лена. Поначалу она хотела скрыть факт будущего замужества, но сделала это намеренно – попыталась хорошей новостью закрыться, как щитом, от неприятных известий, которые обязательно обрушит на нее частный сыщик.

Бросила взгляд на колечко с камнем и попросила его о помощи. Назвался талисманом, так выручай!

- Даже не буду спрашивать, за кого! - между тем заявил Бирюков, падая в кресло. – Чего молчишь, скажи, что я догадливый.

- На удивление, догадливый! – усмехнулась подруга. И сдержанно поинтересовалась, - есть новости?

- Сейчас узнаем, есть новости или нет. – Сергей легко вскочил с кресла, в котором безмятежно утопал до этого, и подошел к столу Лены. - Я принес снимки двух последних дней... Тех дней, когда письма точно приходили.

- А если... этот человек просил кого-то опустить письмо в почтовый ящик? – спросила Тарасова, не решаясь взять в руки протянутую ей флешку – носитель информации, способную раскрыть тайну. Бирюков не дождался, бережно положил флешку перед ней на стол.

- Такое тоже может быть, но будем надеяться, что он проделал все без чужой помощи... Ты, главное, успокойся, возьми себя в руки.

- Я абсолютно спокойна.

- Это хорошо, что спокойна, - задумчиво проговорил Сергей. – Этот человек должен быть на этих фотографиях, - опять повторил он, будто пытался убедить в этом не столько Лenu, сколько себя.

- Откуда такая уверенность? – Тарасова смотрела куда угодно, только не на носителя неизвестной ей пока информации.

- Надо знать психологию таких людей, чтобы делать выводы. – Уверенности в его голосе не было. И откуда ей взяться, если еще вчера он думал так же, как и Лена. Но не

остановился на одной фразе, которая не давала развернутого объяснения. - Этот «доброжелатель» не будет просить кого-то бросить письмо, потому что, - начал он нравоучительным тоном, - потому что такие... нездоровые люди получают кайф от своих действий. И от звонков, и от писанины... И от риска быть пойманным на месте преступления, - бойко заключил он с таким довольным видом, будто озарение пришло к нему только что. - Они этим живут, в этом смысл их жизни на данный момент, и они не будут лишать себя удовольствия, и перекладывать «работу» на чужие плечи.

- Хороша РАБОТА! – возмутилась Лена, - терроризировать людей это называется работой! И решительно взяла в руки флешку, на которую Сергей «скинул» все снимки за последние два дня.

Лена внимательно стала просматривать их на экране компьютера. Снимков было много, но девушка не спешила, каждый внимательно изучала и комментировала, когда видела знакомую личность из её подъезда.

- Сережа, ты не думаешь, что это мог сделать кто-то из соседей? – спросила она после изучения пары десятков фотографий знакомых и незнакомых людей.

- Не думаю! Если это соседские проделки, то письма приходили бы каждый день. Ничего нет проще, вышел из квартиры, спустился к почтовому ящику, бросил послание и назад. Здесь сложнее! Человек, досаждающий тебя письмами и звонками, не мог приезжать к тебе каждый день в виду каких-то особых обстоятельств. И делал это ближе к вечеру, когда рабочий день подходил к концу.... А зачем тебе мстить кому-то из соседей?! Ты их кошек не травила? По ночам не веселилась? - Женщина отчаянно затрясла головой. – Тот же, - успокоился Сергей. – Ты смотри, смотри, не отвлекайся.

«Мышка» компьютера замерла в руке Тарасовой.

- Я знаю эту женщину, - испуганно произнесла она и от волнения закусил губу. Сидевший рядом Бирюков с интересом рассматривал на экране компьютера изображение девушки с длинными русыми волосами. - Сон сбывается, - с обреченностью в голосе добавила Лена.

- Какой сон? - без особого интереса задал вопрос Сергей, пристально изучая женщину, указанную Леной. Чужие сны его также интересовали, как зловредную завистливую бабуся - за что тот или иной лауреат получил Нобелевскую премию, главное, что он получил такую огромную сумму денег, а она – нет.

- Не важно, - отмахнулась Тарасова. Она была потрясена: неужели это и есть человек, который писал всякий бред? Но зачем? Зачем этой женщине вбивать ей в голову мысль о необходимости ее, грешницы Лены, пребывания в этом мире? Здесь живут одни положительные во всех отношениях личности, одна она – темное пятно на белоснежной поверхности... Она и Вовку почти не знала, видела, наверное, всего пару раз...

Если бы не сон, Лена никогда не поверила в причастность к этому делу девушки с фотографии, которая зашла в ее подъезд. Была еще фотка, когда она вышла из подъезда. И лицо у нее было дьявольски довольным.

Тарасова закрыла глаза, пытаясь восстановить в памяти концовку красочного сна. Вот она приближается к корыту с письмами, вот уже близко-близко...

Ну, точно, это она, даже волосы не надо убирать с лица. Как Лена сразу не догадалась! Наверное, потому, что не могла на нее подумать. Таких волос нет ни у кого: длинные густые русые волосы какого-то особенного янтарного отлива.

- Ну, чего молчишь? - вывел ее из задумчивости Бирюков, распрямляя спину и складывая руки калачиком на груди. Потом опять согнулся, опираясь кулаками на начальственный стол. – И кто это?

- А? – автоматически переспросила Лена. На самом деле она услышала последний вопрос, пропустила только вступление, а короткое «а» подразумевало желание услышать повторение вопроса – ей нужна была пауза, чтобы собраться с мыслями. Почти как в передаче «Что, где, когда». А вдруг это просто совпадение? Вдруг девушка ни в чем не виновата?

- БЭ! Ты слышишь, о чем я тебя спросил? – в сердцах рывкнул частный детектив. Разгадка совсем близко, а заказчик летает в облаках.
- Извини... Я слышала...
- И кто это? - сдержанно спросил Бирюков.
- Это моя... коллега. Мы вместе работали в агентстве недвижимости. Я – риелтором, а она - секретарем директора.
- Работала?
- И сейчас работает... Наверное...
- Имя у нее есть? – обреченно вздохнул он.
- Конечно, - удивленно произнесла Лена и услужливо кивнула, словно представляла частному детективу свою бывшую коллегу, невидимкой маячившую перед столом. – Ее зовут... - бойко начала она и сникла под конец, - Людочка Павлова. Но я ничего не понимаю. Она и Тарасов? – Женщина пылливо воззрилась на мужчину, у которого должен быть ответ на любой вопрос. – И почему решила надписать конверт какими-то каракулями, а не напечатала?
- Мы ее об этом обязательно спросим. А сейчас расскажи-ка мне, что она за птица? Какие у вас были отношения?
- Человек, как человек... Моложе меня на несколько лет, не замужем... Она набивалась ко мне в подружки, а я старалась соблюдать дистанцию.
- Почему?
- Леночка всегда была любопытной, лезла, куда не просят, а я не люблю, когда мне лезут в душу...
- Особенно, когда в нее плюют! – договорил за нее Бирюков, используя известную фразу «из Высоцкого».
- Не в бровь, а в глаз... Она пыталась вывести человека на откровенность, а потом эта откровенность выходила тому боком: потому что его проблемы дружно обсуждало все агентство.
- А почему люди делились с ней своими тайнами? Не могли найти другую плакательную жилетку, которая будет держать секреты под замком?
- Ты правильно сказал про плакательную жилетку. Знаешь, иногда бывают такие моменты, что хочется поделиться наболевшим, а не с кем. А душа требует! Нормальному человеку твои проблемы до лампочки, а Людочка тут, как тут! Выслушает, посочувствует, человеку становится легче. О последствиях в такие моменты никто не думает.
- Эти тайные беседы касались только личной жизни?
- Не только. В рабочие моменты ее тоже посвящали, когда никого больше не было под рукой. Эту информацию она сливала шефу.
- Павлова была его любовницей?
- Нет! – Лена начала громко смеяться.
- Я спросил что-то смешное? - недоуменно поинтересовался Сергей.
- Просто у нас в агентстве директор - женщина! Вот я и представила себе...
- А что, сейчас все бывает!
- Фу, какие ты гадости говоришь!- поморщилась Тарасова, будто надкусила кислое яблоко.
- Ладно, проехали! Вернемся к секретарше.
- Директриса была ей под стать: любила покопаться в чужом грязном белье и быть в курсе всех рабочих моментов - держать руку на пульсе, как она сама выражалась. Что ты хочешь – старая дева без собственной личной жизни. От скуки-с. Поэтому Леночка, как шпион и доверенное лицо в одном флаконе, ее вполне устраивала. А кто посмеет покушаться на такую нужную личность? Естественно, никто? Или тот, кто не дорожит своим местом.
- А такие были?
- Я не припомню.

- Не пойму вас, женщин! – возмутился Сергей, - знаете, что она стучит шефу, и все равно продолжаете с ней общаться. Я не предлагаю вцепиться ей в волосы, можно просто игнорировать. Улыбаться и игнорировать.

- Не обобщай! Я, например, не пускала ее в свою жизнь... - Лена задумалась. - Все-таки, не пойму, что ее связывало с Тарасовым? Ведь связывало! Иначе Павлова бы так не злилась, не исходила желчью. Если, конечно, эти письма - ее рук дело. Сережка, неужели Вовка был падок на секретарш? – печально усмехнулась она. На ум пришла Алла Бабушкина, с которой все и началось. Или, напротив, закончилось.

- Разберемся! - со всей ответственностью брякнул Сергей. Он предвидел, что на горизонте маячит успешное завершение этого простого на вид дела, которое оказалось запутанно-угнетающим: не знаешь, за какой конец ухватиться, в какую сторону двигать, как на сказочном перепутье. Сейчас путь был обозначен с помощью нехитрых и терпеливых способов, потому и настроение частного детектива резко улучшилось. Куда девалось презрительное недовольство, естественно, собой – таким умным и скорым на выводы. - Ну, когда свадьба, когда водку пить будем? – Спросил он с задорной улыбкой. При этом сопроводил вопрос и улыбку усиленным потиранием ладоней, как это обычно делают перед грандиозным застольем.

- Ты узнаешь об этом первым! – пообещала Лена.

- Тогда я побежал. Уверен, совсем скоро представлю полный отчет о проделанной работе.

Сергей вышел на улицу, загрузился в автомобиль. Думал он не о странной особе по имени Людочка и по фамилии Павлова, а как, ни странно, о своем близком друге – о Кирилле Шмидте, которому крупно повезло - он женится на чудесной девушке. А он, Сергей Бирюков, ни без лести сказать, распутал паутину, сплетенную вокруг этой чудесной девушки паучихой-завистницей. И теперь он займется ею вплотную. Вот так.

Что нужно сделать в первую очередь? – перетекая от приятеля к незавершенному делу, воинственно подумал частный детектив. - Надо приставить к Павловой человека, пусть походит за ней, посмотрит, чем она живет, чем дышит. Параллельно собирать о ней информацию. В самые короткие сроки! Идти прямо к ней и предъявлять претензии – глупо. Улик против нее нет. Ну, заходила в подъезд к Тарасовой и что? Этим ее к стенке не припрешь. Скажет, адресом ошиблась или пришла в гости к знакомым. Последнее легко подтвердить или опровергнуть. А первое можно установить одним способом – задержать Павлову на месте преступления с конвертом в руке у почтового ящика. Это уже сложнее. Надо иметь шапку-невидимку, чтобы незаметно оказаться рядом. Иначе, ничего не выйдет: рядом с почтовыми ящиками открытая площадка, укрыться можно пролетом выше. Женщины в ответственный момент бывают весьма прытки. Людочка услышит шаги и успеет избавиться от конверта до того, как я окажусь рядом. Бросит конверт в тот же мусоропровод, расположенный на расстоянии вытянутой руки, чтобы избавиться от улики. Или запрячет обратно в сумочку, отказавшись от первоначальной затеи. Грозящую им опасность женщины чувствуют спиной. И не грозящую тоже, если боятся быть пойманной за неблагоприятным занятием. Обыскать ее мы не имеем права. Не драться же с ней, в самом деле... Да, шапка-невидимка просто необходима... - усмехнулся Сергей: хорошее настроение крепко засело внутри, даже о сказочных глупостях стал рассуждать. – Ну, раз нет шапки, пойдем простым путем. – Бирюков отрицательно замотал головой, - нет, ухаживать за ней я не стану. Как ускорить процесс? А ускорить можно так: если Людочка относится к категории людей, которые быстро принимают к сведению уличающую их информацию, внимательно выслушивают короткую пламенную речь о последующим за чистосердечным признанием снисхождении, то уже к концу этой пламенной успокоительной речи они готовы сознаться во всем, включая несерьезную потасовку в детском саду, случившуюся несколько десятилетий назад... Но для начала предпримем кое-что еще.

Сергей позвонил Тарасовой.

- Слушай, Лен! Мне нужен человек, которой особенно пострадал от словоохотливой Павловой, но при этом остался с ней в более-менее дружеских отношениях, не перешел к кулачному бою с добавлением колких доходчивых междометий.
- Так сразу не скажешь, надо подумать!
- Думай, я тебе позже перезвоню! – Бiryukov понимал, что процесс может затянуться.
- Я сама тебе перезвоню, когда вспомню...

Бiryukov заехал в свой офис, распечатал на цветном принтере фотографию Павловой и рванул в сторону дома Лены, чтобы вручить портрет наружному наблюдателю. Пусть попробует, в случае появления объекта, задержать его с поличным. Чем черт не шутит, вдруг получится.

По дороге он набрал номер секретаря агентства недвижимости. Ему ответил звонкий девичий голосок:

- Добрый день! Секретарь директора... тра-та-та... Все как обычно, без замысловатых новшеств в приветствии.

Сергей отодвинул подальше от уха свой мобильник, чтобы не оглохнуть. Ответить он не удосужился.

- Вас не слышно, перезвоните!.. Перезвоните обязательно, нам очень...

От дома Тарасовой частный детектив отправился к бывшему месту ее работы. Не успел он подумать о своей просьбе, как человек, пообещавший ее выполнить, объявился.

- Извини, что долго не звонила, - запыхавшись, произнесла Лена, будто для того, что вспомнить, ей была необходима пробежка по лестнице.

- Все нормально, удалось отыскать нужную кандидатуру?

- Думаю это то, что нужно! В агентстве работает одна дамочка лет тридцати пяти, не замужем, но есть ребенок от первого брака. Дамочка живет мечтой о втором замужестве. У нее это желание на лбу написано большими буквами. Она в каждом клиенте видит потенциального жениха. Все посмеиваются над ней, только Людочка наигранно сочувствует. Выслушивает рассказ об очередной встрече с мужчиной, который «растоптал ее чувства», охает, ахает, клеймит позором всех мужчин без разбора, просит не отчаиваться, а после веселит народ, пересказывая в красках неудавшийся роман подруги. Причем делает она это мастерски. Прирожденная актриса! Увы, талант гибнет на корню.

- А как кличут эту дамочку?

- Аделаида Витольдовна Грановская.

- Обалдеть! - восхитился частный детектив, повидавший немало на своем веку. – Как она выглядит?

- Высокая, очень худая – можно анатомию без рентгена изучать, вьющиеся черные, как смоль, волосы, которые находятся в постоянном беспорядке, будто каждое утро перед выходом из дома она засовывает голову в центрифугу... Что еще? Глаза... темные, тоже почти черные или темно-темно карие, я ее глаза с помощью спецсредств не изучала. Ой, про нос забыла. Нос у нее знатный. Крючковатый, как у бабы Яги. И, вообще, она производит, лично на меня, устрашающее впечатление. Потому я избегала общений. Это у меня еще из детства – боюсь таких глазливых персонажей.

- И после красочных насмешек Аделаида не рассорилась с Людочкой?

- До моего увольнения они общались. Грановская делала вид, что ничего не знает о коварстве подруги.

- Может, и правда не знает. Погрузилась в свою мечту с головой и не обращает внимания на косые взгляды. Контингент агентства ее мало интересуется.

- Не могу в это поверить. Мне кажется, что Аделаида обо всем знает, но боится потерять место, если пойдет на конфликт с секретаршей, имеющей влияние на директрису. И остановиться не может, и разругаться не может, и сменить место работы также не может. Квочка, одним словом. Но это не значит, что обида на Людмилу не засела глубоко в душе. Если к ней подкатить с умом, то она не сдержится от мстительной речи в адрес подруги.

Конечно, если та ей что-то сболтнула. Хотя, вряд ли. Я тебе уже говорила, что Павлова свою личную жизнь хранит в подполе за семью замками.

- Будем исходить из того, что не удержалась, сболтнула, - предположил Сергей.

- Может быть, может быть. Так что дерзайте, дорогой сыщик! Желаю вам успехов в работе и личной жизни! Вам, видному холостому мужчине, будет не сложно познакомиться с Аделаидой, сблизиться с ней, не переходя дозволенную черту, и выкачать из нее информацию о Павловой. – Лена похихикала и добавила, - не слышу биения копыт о тротуар, свидетельствующих о готовности к рывку.

- Нерадужные перспективки вы мне рисуете, - театрально насунился Бирюков. - Мне Аллочка Бабушкиной хватило, теперь вот... Аделаида...

Имя уволенной секретарши привычно не резануло Тарасову по сердцу. Наверное, сегодня выпал день всеобщих хороших настроений, выбрасывающий из памяти грустные моменты.

- Куда не глянь, везде желающие выйти замуж! - сокрушенно добавил он. – Ой, трудно мне, ой трудно...

- Одинокому неженатому, - добавила за него Лена...

Сергей сидел в машине у агентства недвижимости, вспоминал Лену и тихо напевал: Ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую! – Затем тяжело вздохнул, - а у меня все Аллочка и, страшно сказать, - Аде-ла-и-ды!

Лена так красочно описала Грановскую, что когда та показалась на крыльце, Сергей сразу ее узнал. Он выскочил из своего шикарного авто, приблизился к женщине, которая замешкалась у входа, уже взялся за дверную ручку, а потом повернул к ней голову и спросил:

- Вы не подскажете, в этом здании находится агентство недвижимости? – Будто был неграмотный и не заметил среди разного размера табличек, облепивших стену вокруг входной двери, нужную ему.

Грановская сделала вид, что только сейчас, после озвученного вопроса, заметила мужчину. Едва сдержала улыбку, рвущуюся наружу, сложила губы в трубочку, словно собралась чмокнуть мужчину, прежде чем ответить, потом нацепила на лицо задумчивость, свидетельствующую непонятно о чем: то ли о забывчивости, то ли, напротив, о быстром подсчете способов для завязывания знакомства. Распрямила зачехленное плечо, повесила на плечо сумку и протяжно, почти на распев, произнесла.

- Агентство недвижимости находится в этом здании. Я работаю риелтором много лет. – «Риелтор» в ее устах прозвучало не хуже президента. - Могу я поинтересоваться, что вы хотите?

Мама дорогая, - подумал Сергей, - это еще хуже, чем я думал, от нее просто так не вырвешься. Бабушкина, по сравнению с ней ребенок!

Но улыбнулся своей неотразимой улыбкой, подступил ближе и доверительно сообщил.

- Понимаете, тут такое дело... - Сделал вид, будто раздумывает: открыть этой женщине причину своего визита или нет? Изучал при этом не ее саму, ни ее лицо, выражающее полную готовность ко всему, а дверь за ее спиной, слегка замызганную возле ручки. Затем обреченно дернул головой, намекая, что выхода у него нет, и тихо сообщил, - я недавно с женой развелся и, как истинный джентльмен, оставил ей квартиру. Сейчас подыскиваю себе нестыдное жилье.

- Чтобы снять? – заворожено глядя на его так призывно шевелящиеся губы, спросила она. В голосе сквозила сексуальная хрипотца, от которой у Сергея заложило одно ухо, по непонятной причине. Чтобы избавиться от заложенности, он подергал себя за мочку – не станет же он ковыряться в ухе пальцем.

- Чтобы купить! – излишне громко доложил он.

Внимание женщины переключилось на мочку уха, которую нервно подергивал джентльмен: видимо, ее голос, ее сдержанное внимание не оставило его безучастным.

Аделаида сглотнула слюну, причем так выразительно, что Бирюков слегка отступил. Женское лицо выражало массу чувств. Ясно было одно – просто так он из ее цепких лапок не вырвется. Пока ему это и не требовалось. А после он придумает джентльменский путь для отступления.

Бирюков приветливо улыбнулся Грановской Аделаиде Витольдовне, купаясь в собственных успокоительных мыслях. И так далеко заплыл, что пропустил начало и середину ее певучей речи.

- ... Такой большой выбор, что даже человек с высокими запросами всегда найдет подходящий вариант, - заключила она, вопросительно вскинув брови, ожидая заверений, что он, именно, такой человек.

- Я очень рад, что встретил такую компетентную особу. - Сергей даже шаркнул ножкой, как очень любил делать, чтобы до конца убедить собеседницу, что он истинный джентльмен и поведение, и мысли у него джентльменские. – Может быть, продолжим беседу в более теплой и непринужденной обстановке? – Грановская поняла эту фразу по своему, но Бирюков быстро поправился, - на улице холодно, можно переместиться в ближайшее... приличное место, где нам никто не помешает.

Темные глаза Аделаиды еще сильнее засверкали, как два черных турмалина, прозванными в народе ведьмиными камнями.

- Я спешу на встречу, вернее, спешила, но встреча совсем неважная, можно отменить, - поспешно доложила она, боясь упустить такую добычу. «Убавила» огонь в глазах, намекая, что дело у нее на первом месте, а не личный интерес, и добавила, - разве я могу отказать такому... клиенту.

- Позвольте представиться - Вяземский Аристарх Львович. – Чего это меня понесло назваться фамилией этого лощенного индюка? Ладно, чего уж теперь. - Для Вас просто – Арик! - неожиданно сообщил он, сбрасывая с себя защитный панцирь.

- Очень приятно! - растеклась по асфальту женщина-риелтор. - А я – Адель Грановская! – И навязчиво протянула руку для поцелуя.

Пришлось Бирюкову, временно нареченному Адиком Вяземским, приложиться к ручке.

Дама уверенно взяла его под руку, будто они познакомились не только что, у этих самых дверей, а идут по жизни в ногу достаточно давно, что позволило сблизиться до мизерного просвета между ними.

Сергей решил вести себя не как Бирюков, а как Вяземский – отстраненно, покровительственно, чуть презрительно-брезгливо. Грановская почувствовала в нем перемену, поняла, что переборщила и тихонечко убрала руку с локтя, будто ее там и не было.

- Куда мы пойдём? – поинтересовалась она, напоминая девочку, которой в воскресный день дали право выбора, а она растерялась.

- Адель, вы лучше знаете эту часть города и можете предложить место, где мы можем спокойно по... пообщаться.

Пообщаться – это здорово! Это не простое поговорить. Под «пообщаться» скрыта масса заманчивых предположений.

- Вы полагаетесь на мой выбор? – жеманно передергивая плечами и, не забывая томно похрипывать, поинтересовалась она, заранее зная ответ.

- Целиком и полностью. – В мужское ухо теперь проник невидимое насекомое и начало там шевелить лапками, вызывая неприятное ощущение. Рука потянулась к мочке уха, в последний момент замерла на середине пути, и метнулась к виску. Сергей озадаченно постучал по виску пальцами, словно просил невидимое насекомое показаться.

- У Вас болит голова? - участливо спросила Адель.

Сергей задумался: Может прикинуться больным и смыться, пока не поздно? Но он знал, что никогда этого не сделает.

- Устал немного, слишком много работы. – Сейчас было бы неплохо снять пенсне и устало потереть переносицу, но за неимением оно, пришлось ограничиться вторичным легким потиранием виска.

- А кем вы работаете, если не секрет?

- Секрет! Но вам я, так и быть, расскажу, но позже. Когда меня вернет к жизни чашка крепкого кофе. – Он рассеянно оглянулся по сторонам в надежде, что сию минуту, посреди улицы, возникнет официант с подносом в руке.

Адель тоже осмотрелась, потом вернулась к созерцанию джентльмена, словно пыталась увидеть в нем какие-то изъяны, но не увидела, чему очень обрадовалась. Сергей это понял по растянутым губам.

Ее обожание и преданность начинают меня раздражать, - подумал он, но улыбнулся в ответ, показывая всем своим видом, что искренне рад встрече с такой милой дамой.

Они вошли в небольшую кафешку, всего на шесть миниатюрных столиков, из которых была занята ровно половина. Пристроились в уголке и углубились в изучение меню. Сладкоежке Грановской не часто приходилось здесь бывать – высокие цены «били» по карману риелтору, воспитывающему в одиночку одиннадцатилетнюю дочь. Одно пирожное, крохотная чашка-наперсток кофе и пятьдесят граммов коньяка стоили как хороший обед в среднем заведении, не в столовке. Сегодня женщина могла себе ни в чем не отказывать – джентльмены всегда платят за женщину...

Общение с мадам Грановской заняло чуть более двух часов. И время было потрачено не зря...

Вечером Лена вернулась с работы в том же прекрасном настроении, что и днем. Мелкие проблемы его не испортили. Известие о том, что ее терроризирует Павлова, поначалу озадачило, затем, как не странно, успокоило. Она хорошо знала эту особу, придумывающую себе развлечения на ходу, поэтому была уверена - дальше писем дело не пойдет. Когда-нибудь ей надоест таскаться на другой конец города, чтобы бросить письмо в почтовый ящик, но ждать этого не следовало. Надо унять ее порыв и поставить точку.

Лену разбирало любопытство, не терзающее душу, но все-таки очень хотелось узнать, почему Павлова пошла на такой шаг? Любовь к Тарасову заставила? Если, конечно, между ними была связь. Или подтолкнула зависть: после его гибели бывшая супруга осталась в выигрыше, и рекламное агентство «Глобус», и хорошая квартира – не главное. Лена не афишировала своих отношений с Кириллом, но, как говорится, шила в мешке не утаишь.

Тарасова переступила порог квартиры, разделась и прошла в комнату. Пока нет Кирилла, ей хотелось «поговорить» с зеркалом...

Она поведала ему историю про Павлову, потом подумала и спросила:

- Знаешь, чего нам не хватает с Кириллом для полного счастья? – Выждала паузу, за время которой зеркало возможно даст ответ или переспросит: Чего же им не хватает? Не ответило, не переспросило, не поменяло цвет, будто ничего не слышало. Но Лену это не охладило. – Кирилл имеет право знать, что произошло с его отцом? И куда делись исчезнувшие панно. Эти тайны не дают ему покоя. – После каждого слова она делала значительные паузы, словно втолковывала зеркалу прописные истины, которые оно никак не запомнит. - Молчишь? Твое право. Но пойми, Кирилл очень переживает, думает об этом постоянно, хотя и скрывает. - Лена перешла на шепот, она так увлеклась своим монологом, что не услышала, как открылась дверь, и зашел Шмидт.

Он сразу услышал какое-то бормотание, стянул с себя куртку и двинулся на звук.

Ну, конечно, опять эти тайные беседы с зеркалом! Если бы не настойчивость Лены, Кирилл давно увез его в Алехново, там ему место.

- Лена, - тихо позвал он. – Лена! – позвал он чуть громче. Не дождавшись ответа, подошел и встал у нее за спиной, надеясь, что она увидит его отражение.

Реакция была бурной и неожиданной.

- А-а-а! - заверещала она и закрыла лицо руками.

- Лена, это я, Кирилл, - стараясь перекричать, доложил он.

Она отняла руки от лица и уставилась в зеркало: сзади нее стоял перепуганный Кирилл Шмидт.

- Нельзя так подкрадываться, - задыхнулась от возмущения Лена.

- Я тебя уже полчаса зову и полчаса стою у тебя за спиной, а ты ничего не слышишь, никого не замечаешь.

- Так уж и полчаса.

- Ну, не полчаса. Я утрирую.

- Мне показалось, что... это не ты.

- А кто?

- Не знаю, - дернула головой испуганная женщина. – Тот, другой из зеркала, был на тебя похож, но одет иначе.

- У тебя развито воображение.

- Только не говори, что на самом деле зеркало не умеет говорить, что все рассказы о его способностях это всего лишь выдумки предков.

- Я не могу это не подтвердить, не опровергнуть. Меня беспокоит твое... постоянное общение с зеркалом. – Кирилл старательно подбирал слова.

- Ну, почему? Что в этом плохого?

- Я не хочу, чтобы с тобой...

- Ничего со мной не случится, - перебила его Лена. – Извини за тон, но ты не прав.

- Я не хочу обсуждать - прав я или не прав! Я боюсь за тебя!

- Это из-за обморока? – Лена вспомнила свой первый «разговор» с зеркалом. – Не переживай, первый блин вышел комом, но принес результаты. – Она хотела добавить «положительные», но вовремя передумала: поиск панно снова зашел в тупик.

- Давай закроем тему... Я проголодался, - признался Кирилл. – У нас есть, чем поживиться?

- Сейчас все будет, бедный мой, голодный мальчик, - вмиг забыла об обидах Тарасова. Инстинкт хозяйки-кормилицы взял свое.

Вскоре перед мужчиной стояла тарелка с котлетами и макаронами. Кирилл наклонился над тарелкой, вдохнул аппетитный запах и замычал от удовольствия. Через пять минут еда исчезла.

- У меня такое чувство, что ты не ел месяца два или больше. - Лена рассматривала пустую тарелку, пытаясь отыскать остатки пищи.

- Хочу добавки!

Пока он поглощал добавку, она села напротив, уложила подбородок на сложенные друг на друга ладони, и с удовольствием стала наблюдать за ним. Потом не выдержала.

- Мне кажется, или ты правда мне хочешь что-то рассказать? Хочешь и никак не можешь принять решение, стоит это делать или нет?

- Это так заметно? – удивился Кирилл, отодвигая от себя пустую тарелку.

- Заметно, я тебя хорошо изучила.

- Раздумываю, надо ли тебе рассказывать одну историю?

- Какую историю? – подобралась Лена.

- Одну историю, которую поведала мне бабуля, когда я надолго застывал у зеркала.

- Хотела тебя отвадить от него?

- Хотела и у нее это получилось.

- Думаешь, что будет обратная реакция? Я еще сильнее сдружусь с зеркалом?

- Ты натура непредсказуемая, - пространно пояснил Шмидт.

- Обещать ничего не могу, но теперь от тебя точно не отстану.

- Чаю налей, пожалуйста!

- Шмидт, я тебя убью! Сначала чай, потом кофе, потом бутерброд с колбасой, потом еще чай. И так по кругу.

- Рассказать?

Ленка в ответ лишь с шумом выдохнула, намекая, что ее терпение на исходе. Кирилл выдержал паузу, затем начал.

– Один мужчина нашел старинное зеркало, где, как, подробностей не помню, они здесь и ни к чему. В общем, нашел зеркало и повесил в своей комнате. Уже после узнал, что это было не просто зеркало, а зеркало с секретом. Один умелец-стеклодув создал внутри зеркала вихревые потоки, и если дотронуться рукой до поверхности зеркала, то тотчас воронка, создаваемая этим потоком, затянет человека внутрь.

- И...вернуться уже... невозможно?

- Невозможно, - с трагическим лицом подтвердил Кирилл.

- Сам придумал или кто подсказал?

- Ты мне не веришь? - ужаснулся он, будто признался в любви недоверчивой девице, которую всегда окружали одни лгуны.

- Верю, верю, - без особого энтузиазма, ответила женщина.

- Если веришь, тогда обещай, что не будешь сидеть перед зеркалом и вести с ним душещипательные беседы. Иначе не заметишь, как окажешься в зазеркалье.

- Обещаю, - кивнула она, а про себя подумала: Если тебе будет легче от моих обещаний, то, пожалуйста, мне не сложно.

- Твое быстрое согласие наводит на размышления.

- Не надо никаких размышлений. Пей чай и расслабляйся. – Лена налила ему еще одну чашку чая, а сама стала мыть посуду.

Интересно, Кирилл, действительно, боится за меня? – размышляла она. – Или не хочет, чтобы зеркало раскрыло мне правду? Правду, после которой мои чувства к нему могут измениться?.. Лучше всего не забивать себе голову разными предположениями, а уговорить зеркало пойти еще на один контакт... И никто меня внутрь не утянет. Столько лет прошло, столько поколений выпрашивало у зеркала помощи, почему оно должно выбрать меня в качестве жертвы?..

Инна Зимина за несколько дней стала совсем другим человеком. Она не плакала, хотя у нее была причина – смерть отца. Почему-то раньше Инна любила рыдать по любому поводу, даже самому незначительному, а сейчас и надо бы, но не получается. Ей казалось, что она находится под наркозом, только все слышит, разговаривает, но без эмоций и желаний делать это. Кто-то задаст ей вопрос, Инна односложно ответит и все, будто слова даются ей с трудом. Она понимала, что нужно поплакать, выговориться и станет легче. Но на это не было сил.

Славик и сыновья пытались ей во всем угодить, вернуть ее к жизни, но у них ничего не получалось. На работе Инна старалась держать себя в руках, хотя, у нее было одно желание – лечь и заснуть, а потом проснуться и пересказать увиденный во сне страшный сон своему мужу. Славик выслушает и успокоит: теперь тесть будет жить до ста лет...

Нельзя обмануть себя, нельзя делать вид, что ничего не произошло...

Инна почти не спала и почти ничего не ела. Вячеслава беспокоило ее душевное и физическое состояние. Он настаивал на обращении к доктору, но супруга наотрез отказывалась.

Славик хотел, как раньше, устраивать кухонные посиделки, обсуждать прошедший день, но Инна ускользала от общения. Скручивалась калачиком на диване и погружалась в дрему.

По утрам он не мог спокойно смотреть на ее осунувшееся страдальческое лицо. Подавал ей завтрак в постель, сидел рядом и следил, чтобы все было съедено. Инна с трудом впихивала в себя пару ложек овсяной или манной каши, выпивала чашку кофе и заявляла, что сыта. Поднималась, приводила себя в порядок и становилась, хотя бы

немного внешне похожей на прежнюю Инну, которая была до смерти отца. Внутренне она стала совсем другой, ее жизнь теперь делилась на две части: до и после.

Как-то они возвращались с работы, Инна, как всегда молчала и смотрела в окно. Вдруг она попросила мужа быстрее остановить машину, успела открыть дверь, и ее вывернуло прямо на дорогу. Славик испугался, выскочил из салона, помог выйти жене. Она поднялась на трясущихся, ослабевших ногах, прислонилась к мужу и тихо заплакала. Наконец-то, - подумал он. - Никогда не думал, что плачущая жена вызовет такое нездоровое умиление. Но сейчас ей это просто необходимо.

Слезы текли по ее лицу, потом перетекали на куртку Вячеслава, но он не обращал на такие мелочи внимания.

Когда она немного пришла в себя, он дал ей выпить воды, поинтересовался, смогут ли они ехать дальше, и, услышав утвердительный ответ, поспешил домой.

Шли дни, но Инне не становилось легче. Каждый день начинался одинаково: ее мучила постоянная тошнота, завтракать она отказывалась, запаха пищи просто не выносила. Славик не находил себе места, уговоры обратиться к врачу Инна не слушала и утверждала, что еще немного и все пройдет.

- Ты сама в это веришь? – спрашивал расстроенный муж и, не получив ответа, шел кормить завтраком близнецов.

Однажды он не выдержал и вызвал врача на дом. Врач осмотрел Инну, и назначил сдать анализы.

Вскоре Зимины отправились в поликлинику за результатами. Вячеслав был взволнован, а Инна - ко всему безучастна: чему быть того не миновать. К тошноте добавилась боль в пояснице, но она старалась на нее не реагировать.

Инна зашла в кабинет, а Славик стал нервно прохаживаться по коридору, замедляя шаги у двери, за которой скрылась его супруга. Время замедлилось, Инна не появлялась. Славик извелся, устал от собственных ужасных догадок, несколько раз порывался зайти в кабинет, но не решался. И супруга убедительно просила «не врываться в кабинет врача».

Он не догадывался, что она заранее приняла решение - если диагноз будет неутешительным, она это скроет. Лучше пусть позже все узнают.

Посетители поликлиники с сочувствием поглядывали на молодого мужчину, который отсчитывал шаги по больничному коридору, будто знали то, о чем мужчина только догадывался. Они пристроились на жестких скамейках, обтянутых серым дерматином, и следили за его перемещениями. В основном это были пенсионеры, которым одиноко и скучно в своих четырех стенах. Тут все-таки веселее, есть с кем поболтать о своих болячках. Или прислушаться к своему организму, который только здесь может «сказать правду»: где, что и как сильно болит? Чтобы живописнее описать свои боли доктору. А если очередь длинная, то успеть обсудить последние новости, узнать о повышении пенсий, поругать правительство, если оно не обещает повышений. Да мало ли тем для разговора у старых и одиноких.

Молодой мужчина участие в обсуждении не принимал, только ходил и ходил взад-вперед.

Когда в коридоре появилась его супруга, он на секунду замер, потом быстрым шагом направился к ней.

Вячеславу казалось, что он не идет навстречу Инне по твердому полу, покрытому линолеумом, а утопает в толстом слое поролона, препятствующему их воссоединению. Он слишком медленно приближался к ней, при этом не сводил взгляда с ее лица, пытаясь прочесть ответ на мучавший его вопрос: здорова жена или... Но на лице Инны была растерянность и какая-то пришибленность, словно она услышала новость и не знает, как на нее реагировать: смеяться или плакать.

- Ну, что? Что сказал врач?- теряя самообладание, спросил он, когда, наконец, добрался до нее.

Инна не произнесла ни звука, ухватила его за локоть и потащила к выходу. В ее голове было столько разных мыслей, которые надо упорядочить и принять решение. Время на принятие решения было совсем мало – всего лишь минут пять, пока они не окажутся на улице.

Славик еле поспевал за женой, которая тянула его, как тянут нашкодившего школьника к директору.

Когда они очутились на свежем воздухе, он высвободился, взял жену за плечи и легонько встряхнул.

- Ты мне можешь объяснить, что происходит? Почему надо было тянуть меня на улицу? Почему нельзя было все рассказать сразу? Нельзя меня мучит... Инна, не молчи!

- Я там задыхалась... Душно там... – пояснила она тихим голосом.

- Ну, вот, здесь... не душно, - хмуро заметил Славик. – Ты...

- Я беременна.

-???

- Почему ты на меня так смотришь?

- А... как же... это... получилось? – споткнулся на последнем слове Славик.

- Ты забыл, как ЭТО получается? – усмехнулась Инна.

- Просто... не припомню, когда это было последний раз? – В голове Зимина застучали молоточки, монотонно отбивая одно единственное слово: изменила, изменила...

- ЭТО случилось в тот день, когда нашлись дети. Уже после нам сообщили об отце. – Произнесла жена, с удивлением рассматривая мужа, который забыл о той сумасшедшей страсти, накрывшей их на кухне. Тогда они забыли обо всем на свете, даже о детях, которые прилежно сидели в своей комнате.

- Ничего себе...- Славик почесал затылок, потом притянул жену к себе. – Я самый счастливый человек на свете!

- А я... не знаю...

- Что значит, не знаю?

- Слав, мне скоро тридцать шесть... Мальчишкам по тринадцать... Как они воспримут эту новость?

- Во-первых, ты самая молодая и красивая! – восхитился он. Слегка отодвинулся жену от себя, окинул оценивающим взглядом сверху вниз и произнес, - вот только подкормлю тебя маленько, а то святые мощи, смотреть страшно! Теперь тебе надо питаться за двоих...

- А что: во-вторых?

- Ах, да! Во-вторых, наши... старшие дети – очень умные и хорошие ребята, они уже взрослые и смогут помогать тебе.

- А ты что будешь делать?

- Я буду кормить свою большую семью! – гордо произнес Вячеслав.

- Ты так говоришь, будто мы уже все решили.

- А разве может быть иначе? Мы потеряли близкого человека, теперь Бог нам послал это маленькое чудо в утешение... Ведь он был зачат в тот день, когда Петр Леонидович ушел от нас.

Инне нужно было заново осмыслить новость, переварить слова, сказанные ее супругом. Она не заметила, как очутилась в салоне автомобиля. Покосилась на Славика, невозмутимо сидящего за рулем. Невозмутимость была обманчивой, мужчина с трудом скрывал свою злость. Злость на ее сомнение. Как можно...

- Как ты мог подумать, что я хочу избавиться от нашего ребенка? – тихо произнесла она.

Муж молчал.

- Славочка! Ты меня неправильно понял. Каюсь, я брякнула какую-то глупость. Была в шоке от этой новости... Пойми, я испугалась. Последний раз я рожала почти тринадцать лет назад, была молодая и неопытная девчонка, ничего не боялась, была уверена, что все пройдет нормально. А сейчас...

- И сейчас все будет хорошо! – твердо сказал муж.

И она поверила ему. Она всегда ему верила...

Бирюков за несколько дней настолько хорошо изучил Павлову, будто вырос с ней в одной коммунальной квартире. Про себя он ее иначе, чем «змея» не называл. Сергей удивлялся, сколько яда скопилось в одном человеке. Жалит всех подряд, а яда не становится меньше.

Дополнила ее портрет Грановская в их первую и единственную встречу. Выпив двести граммов коньяку, она стала очень разговорчивой и поведала Сергею историю о своей неудавшейся личной жизни, придвинув свой стул к нему поближе. Сильный запах духов в смеси со спиртным заставил мужчину отворачивать лицо, чтобы хоть как-то защититься от «букета».

- Понимаешь, - доверительно сообщила Адель, положив руку ему на плечо, - после первой встречи мужчины начинают меня избегать. Ты можешь мне объяснить, почему?

- Дураки, наверное. Не могут оценить вас по достоинству. – Сергей потягивал минеральную воду и теперь на самом деле мучился от головной боли.

- А ты? Ты... вы - умный? Сможешь... сможете оценить... меня?

- Адель, не хотите ли чашечку кофе? – участливо спросил он и увильнул от ответа на каверзный вопрос.

Та попыталась сфокусировать на нем свое зрение, наконец, поймала изображение, и заплетающимся языком произнесла.

- Еще по коньячку?

Сергей решил привести ее в чувство, заказал ей чашечку накрепчайшего кофе и влил в нее все содержимое. Адель немного пришла в себя. По крайней мере, стала вести себя тише, убрала руку с его плеча и больше не заглядывала ему в глаза.

- Можно еще чаю с лимоном? – почти нормальным голосом попросила она.

Чудеса, - подумал Бирюков, - то раз, и пьяная, два, и почти трезвая. Может, она притворяется? Нет, не может быть! Да, и зачем ей это надо? А может быть, она так проверяет мужчин? Воспользуется ли он ее «расслабленным» состоянием или нет? Не проста, плутовка! Надо держать с ней ухо остро!

За чаем женщина вновь стала жаловаться на свою судьбу.

- Адель, - осторожно прервал ее Бирюков, - я понял, вам хочется поделиться со мной своими проблемами, но поймите, я не тот человек, с которым нужно это делать.

- Почему?

- Потому что вы меня почти не знаете, мы ведь познакомились всего пару часов назад, - напомнил он, словно подвыпившая дама успела об этом позабыть. Пригнулся к ней и добавил, - и я – мужчина.

- Я вижу, что вы мужчина... - Грановская окинула его оценивающим взглядом, пытаюсь убедиться в этом еще раз. - Но почему я не могу открыть душу... первому встречному мужчине? Неглупому мужчине! – Еще раз присмотрелась к нему, ткнула пальцем в грудь и с придыханием произнесла, - я вас имела в виду. Вы можете дать дадите дельный совет?

- Я?

- Вы, вы... Потому что лучше знаете мужскую психологию.

- Допустим.

- Тогда подскажите, как себя нужно вести с мужским полом?

- Боюсь, в этом вопросе я не советчик. Лучше спросить у подруги, которая имеет успех у мужчин. У вас есть такая подруга? – спросил Сергей, направляя разговор в нужное русло.

- Не знаю...

- Как это может быть? Вы сомневаетесь в ее успехе? – Сергей делал вид, что тема разговора его мало занимает, чтобы не спугнуть собеседницу своей излишней заинтересованностью.

- Как вы считаете, надо быть откровенным с человеком, который не умеет держать язык за зубами? - задала встречный вопрос Адель.

- Нет, - подумав, ответил Сергей. – Вы себя имеете в виду или ее?

- Её, естественно. – Она замолчала и сосредоточилась на чае.

- А вы оплатите ей той же монетой, раз ее болтливость так вас ранит.

- Вы думаете, это будет правильно?

- А почему нет? Измените своим принципам. Надо дать возможность такому человеку побывать в вашей шкуре.

Адель излишне увлеченно занялась кружком лимона, плавающим в чашке. То опускала его на дно, то поднимала на поверхность.

- Наверное, вы правы, Адик! – Сергей уже и забыл, что стал Адиком, и вздрогнул, когда она произнесла незнакомое имя.

- Покопайтесь в своей памяти, может быть, накопаете на компромат на свою несдержанную подругу. – Бирюков замер: настала решающая минута. Сейчас, сыщик, ты поймешь – тем ли подземным путем пошел, чтобы уличить Павлову. Ну, давай, давай, актриса Адель, выкладывай компромат на Павлову.

То, что Грановская говорит о Людочке, Сергей не сомневался.

- Вы сказали, чтобы я покопалась в памяти...

-И? - слишком нетерпеливо подтолкнул ее Сергей. Удержал в узде свое нетерпение, и уже более спокойным тоном добавил, - Адель, расскажите мне, а я решу, стоит эта информация всенародного внимания или нет.

- Меня сейчас, прямо, током ударило! Я кое-что вспомнила... - Адель замолчала, будто попыталась до конца восстановить воспоминания. Потом сказала совсем не то, что ожидал услышать Сергей. - Знаете, я всегда погружена в себя, в свои мысли, в свою жизнь и часто не замечаю происходящие вокруг меня события.

Бирюков сидел, как на иголках: чего она тянет кота за хвост! Довольно на сегодня лирических отступлений, переходи к главному!

- Адель, о каких событиях идет речь? – голосом исповедника, которому можно доверить свои секреты, произнес он.

- Почему я должна этим делиться с вами? Мы познакомились всего пару часов! – съязвила она, в точности повторив фразу, сказанную Сергеем несколько минут назад.

- Один – один! – весело сказал Сергей, он же Адик. – Будем считать, что мы квиты!

- Сейчас вы станете доказывать, что все самое сокровенное можно рассказать совершенно незнакомому человеку, например, соседу по купе, с которым вы видите первый и последний раз.

Это становится интересным, - подумал Бирюков, - дамочка – неплохой психолог. Я теперь понимаю, почему она делится секретами своей личной жизни с болтушкой Павловой! Она хочет быть жертвой. Люди сначала посмеются над ней, потом найдутся те, кто пожалеет, посочувствует. Глядишь, познакомят ее, несчастную, с холостым братом или разведенным родственником. Ай-да, Аделина! Ай-да, лиса!

Грановская не сводила с Сергея проникновенно-лирического взгляда. Проникновенность была вызвана желанием прочесть мысли своего визави, а лирика... как без лирики, она всегда должна маячить невидимым третьим, чтобы между мужчиной и женщиной постепенно складывались чувственные отношения.

- А вам это зачем? Вам же нужна нестыдная квартира, а не чужие воспоминания?! – растянув губы в непринужденной улыбке, поинтересовалась она как бы без особого желания узнать, зачем ему женские откровения. Ведь, мужчины не любят, когда из них выгребают все их мысли.

- Мне захотелось вам помочь. Человек человеку друг, товарищ и брат.

- Какая глупость! Для нашего серпентария это не подходит!

Бирюков забрел в тупик: он не знал, как поступить? Давить ли дальше на Адель, и принуждать ее раскрыться или перевести разговор на другую тему? Он был уверен: Грановская вспомнила что-то очень важное для него. Откуда такая уверенность? Из опыта.

Сергей принял единственно правильное решение: не торопить события. Перед ним достойный соперник, которого обвести вокруг пальца очень сложно. Это не Алла Бабушкина...

Он пил чай и молчал, предоставив Грановской полную свободу выбора: развернуться и уйти, заподозрив его в злом умысле, или поделиться воспоминаниями, которые всплыли в памяти. Сергей надеялся, что желание поделиться все же пересилит. Чтобы ускорить свою победу над этой женщиной – лисой, Бирюков стал поглядывать на часы. Он пил чай и все чаще бросал задумчивый взгляд на наручные часы. Раз, другой, третий...

Адель извелась. Она надеялась, что он начнет ее уговаривать, а он молчал, пил чай и поглядывал на часы. Ему на фиг не нужна она и ее секреты. И сейчас он допьет свой чай, резко отодвинет стул и скажет: «Мне пора, а вы, если хотите, можете еще что-то заказать». И бросит на стол несколько купюр. Как какой-то падшей женщине за известные услуги. Представить себя падшей женщиной у Аделины не получилось – она постоянно усложняла свою жизнь, вступала с мужчинами в долгие, как ей казалось, непринужденные разговоры, а не была сексуальной рабыней на час. Но иногда, как сейчас, ей вдруг захотелось потерять голову, забыть о хорошем воспитании, о своих принципах, и погрузиться в разгул сексуальной стихии.

То ли представленная картина неудержимой страсти, то ли переживание о скором уходе Адика, но Грановская разволновалась до такой степени, что ее начало слегка потряхивать, словно она внезапно подхватила лихорадку. И лицо стало гореть и покрылось капельками пота, как при ингаляции над вареным картофелем. Женщина несколько раз приложила к лицу бумажной салфеткой и от возмущения ею же и обмахнулась.

Мужчина затравленно отводил взгляд, но пока своего насиженного места не покидал. Медленно выплывающая из легкого опьянения женщина оставила в покое скомканную салфетку, и исподлобья поглядывала на мужчину, переставшего глазеть на свои наручные часы. Теперь его взгляд переместился на соседний столик, за которым расположились вызывающе-рыжая девица и прилично-непривычно одетый молодой человек, явно менеджер среднего звена из соседнего офиса, коих здесь было достаточно. Рыжеволосая девица с наглыми зелеными глазами устала от своего менеджера, взирающего на нее с неукротимой любовью, и заинтересовалась Адиком, приклеившим к ней свой взгляд. Перебрасывание намекающих взглядов было резко прервано Аделью Грановской.

- Э=э-э, - монотонно протянула она, пытаясь подобрать слова, способные отвлечь его от рыжей бестии. - Адик, я... я согласна.

Сергей – Адик недоуменно взглянул на нее, словно не сообразил, о чем идет речь – на что она согласна, если он ей ничего не предлагал. Еще раз бросил взгляд на опостылевшие ему за последние несколько минут наручные часы, даже задумался о покупке новых, затем нервно побарабанил пальцами по столешнице, изображая сумасшедшего пианиста, позабывшего, где он находится.

- Я согласна поделиться своими воспоминаниями, – пристыжено пояснила она.

- Валяйте! Если вам это необходимо, - разрешил Бирюков голосом преподавателя, позволяющего нерадивому студенту взять еще один билет на экзамене.

- Я о компромате... на подругу. Хотя, не уверена, компромат ли это..

Спотыкающийся поток слов был прерван многозначительным кивком Бирюкова-Вяземского, давшим старт к рассказу.

- Эта подруга мне вовсе не подруга. Так, общаемся на работе.

- Она тоже риелтор?

- Нет, она секретарь директора. Очень любознательная особа! Особый ее интерес - чужая личная жизнь. Я раньше думала, что это связано с отсутствием своей личной жизни, а потом задумалась: не может быть, чтобы у молодой симпатичной девушки не быть бойфренда.

- В жизни всякое бывает, - философски заметил Сергей. – Иногда привлекательные женщины, - он выразительно посмотрел на Адель, - бывают одиноки, а дурнушки счастливы в браке.

- Нет-нет, не перебивайте меня... - Она так боялась упустить что-то важное, что не обратила внимания на льстивый намек Сергея. - Я вспомнила одну встречу... Это было где-то полгода назад или... Нет, полгода... Хотя, это не суть важно... Как-то вечером я зашла в кафе. Меня там ждал... клиент. На пороге я остановилась и стала его высматривать. Вдруг вижу – Людка! Ее Людмилой зовут, - пояснила Грановская. Бирюков заерзал на стуле. - Так, вот! Сидит наша Людочка в обществе классного кавалера. Я не удержалась, подошла, поздоровалась...

- А она представила вам кавалера?

- Где там, - отмахнулась Грановская, - она едва под стол не спряталась.

- Чем был вызван такой испуг? Другая бы, напротив, не стала бы скрывать свое знакомство с классным мужиком. Или у него были какие-то... увечья.

- Не было у него никаких увечий! – в сердцах возмутилась Адель, словно Адик «забраковал» ее суженого. Я же говорю – мужик классный и сразу видно, при деньгах: костюмчик на нем дорогой, часики классные, стрижечка что надо. Но пижон! - Она должна была как-то уколоть поклонника Людмилы и уколола, хотя еще минуту назад возмущалась репликой Сергея.

- Как вы определили, что он пижон? – заинтересовался он странной женской оценкой. На ум пришел Вяземский, чью фамилию он на время присвоил.

- Очень просто: все он делал напоказ, будто сидел не в кафе, а на сцене театра: каждый наклон головы, каждое движение руки – все выверено-отрепетировано...

- Надо же, - покачал головой Бирюков, удивляясь наблюдательности Грановской. – И как он отреагировал на ваше появление?

- Он в мою сторону и не взглянул, не ответил на приветствие. Невоспитанный хам!

- Что было дальше?

- А дальше я увидела клиента, кивнула Людке и пошла к нему. Специально села к ним спиной, чтобы не видеть этого... пижона! – В последнее слово она вложила все свое недовольство поведением невоспитанного хама, который на первый взгляд ей показался классным мужиком.

- Позже вы попытались вытянуть из подруги, кто он такой?

- Естественно! Как я могла сдержаться! Она начала мне «вешать лапшу», будто это четвероюродный племянник ее двоюродной бабушки. У меня в то время была затяжная черная полоса, поэтому чужая личная жизнь меня мало интересовала. Будь он, хоть чертом, мне какое дело! Единственно, что занимало мои мысли несколько дней, я не могла вспомнить, где видела этого пижона раньше. У меня хорошая зрительная память, и то, что все усилия напрасны, меня очень злило. Потом все забылось. А недавно я стала перебирать бумаги нашей сотрудницы, которая уволилась... Вы не думайте, что я постоянно сую нос, куда не следует, просто надо было стол освободить. Мы её давно просили прийти и забрать свое имущество, а она не реагировала.

- Я ничего подобного не подумал. Ваша бывшая коллега не явилась, вы взяли на себя ее работу по очистке стола от ненужной бумажной макулатуры.

- Среди этой макулатуры, как вы выразились, я нашла фотографию мужчины, который показался мне знакомым. Тот же надменный взгляд, то же позерство.

- Пижон?

- Пижон! Я поспрашивала у народа, и мне сказали, что это ее муж. Он за ней изредка заезжал после работы. А когда она болела, тоже заглядывал, разговаривал с Людмилой, с

секретаршей. Сама я не видела, у нас, знаете какая-то мобильная работа, на месте не сидим. Я и забыла, как он приезжал за Леной, своих проблем... Впрочем, об этом я уже говорила...

- Вашу бывшую коллегу Леной зовут?

- Лена Тарасова. Хорошая женщина. Мягкая, добрая.

- А муж пижон, - хмыкнул Сергей.

- И Людка у него не первая и не последняя. Такие мужики до гробовой доски не могут успокоиться. Я уж знаю.

Уже успокоился, - подумал Бирюков...

Частный детектив всерьез занялся Людочкой Павловой. И удивлялся, какой скучной, однообразной и безликой была жизнь молодой симпатичной женщины. Оттого и обогащала свою скуку безудержным любопытством.

И еще был частный шопинг. Во время шопинга она почти ничего не приобретала, так по мелочи, но долго и обстоятельно примеряла наряды известных брендов. Нудила, возмущалась качеством, плохой работой обслуживающего персонала и покидала бутик с пустыми руками и презрительным неудовольствием на лице. Причем делала это мастерски, а после ее ухода жертва «миллионерши» получала нагоняй от руководства за упущенную возможность продать товар выгодному клиенту. Никто не заподозрил Людмилу в неискренности, несмотря на то, что одета она была скромно. Или благодаря тому, что одета была вызывающе скромно, как это предпочитают делать истинные богачи, не выпячивающие свой достаток.

Бирюков сделал вывод: «Еще одна актриса! Тебе бы, детка, на сцену, а не по клавиатуре клацать и сплетни собирать». Само собой родилось умозаключение, способное растормозить мозги, начинающие слегка цементироваться от однообразия: Все проблемы в жизни возникают от нереализованности. Здесь и зависть к чужому богатству, к устроенной личной жизни, и желание любым способом отомстить любому, кто нашел себя. Вот и нашла обиженная на судьбу девочка Людочка развлечение. Не все ей сплетничать и шмотки мерить. Придумала себе роль плохой девочки в детективе и восхищается собой, своей властью над Тарасовой, своей возможностью безнаказанно играть чувствами людей. Закончится эта роль, придумает себе другую. Но не понимает одного, что рано или поздно роли закончатся, годы пройдут, она посмотрит по сторонам и поймет, что молодость ушла, старая актриса никому неинтересна, она вызывает только жалость своим желанием играть молоденьких девочек, потому что никак не может смириться, что жизнь прошла.

Частный детектив понял, что должен исполнить свою роль в этом детективе, роль врача-психолога, который выслушает признание несостоявшейся актрисы, а потом перейдет ко второму акту, где у него будет другая роль - роль наставника, который объяснит, наконец, девочке Людочке: что такое хорошо и что такое плохо. И, в зависимости от того, раскается она или нет, в заключительной части Бирюков передаст или не передаст ее в руки правосудия.

Сценарий в голове созрел, репетиции не будет, играем с чистого листа...

Вечерело. Бирюков сидел в машине возле дома Павловой и ждал ее появления. Он хорошо изучил ее график: Людочка должна вот-вот появиться.

Ждал он одну женщину, а думал о другой. О Грановской. На своем веку он повидал много разных дамочек, после общения с которыми почти сразу забывал об их существовании. Иначе было с Аделиной. Нельзя сказать, что она привлекла его, как женщина, но что-то в ней было особенное. Павлова - неплохая актриса, но ее игра заметна «театралу» Бирюкову. Грановская - характерная актриса высшей категории, игра которой не видна. Причем все ее спектакли – монологи. Ей не нужны партнеры, ей нужны зрители, которых она в процессе игры вовлекает в действие, оценивает их талант, а потом решает: достойны они участия в ее пьесе или нет. Главная роль в жизни-

спектакле всегда будет принадлежать ей. Мужчины не любят, когда им отводят второстепенные роли, поэтому у Аделины и не складывается личная жизнь. Она сама выбирает сильных мужчин, слабые - ей не интересны и не нужны, а сильный мужик должен быть вожаком. Когда Грановская это поймет, то и статус ее изменится: из матери-одиночки превратится в жену, хранительницу очага. Бирюков был уверен, что из Аделины выйдет хорошая жена, но проверять он это не станет, слишком боится брачных уз и непредсказуемых женщин.

По расчищенному от снега тротуару застучали каблучки. Павлова!

Людмила зашла в подъезд, Бирюков двинулся за ней. Она поднималась на лифте на свой четвертый этаж, а он на своих двоих топал по ступенькам. Сергей услышал, как открывается, а потом захлопывается дверь, впуская хозяйку дома. Он уже возле двери... Нажимает кнопку звонка. Дверь сразу же распаивается. На пороге стоит Людмила Павлова в скромной шубейке, которую еще не успела снять.

Наверное, и на эту шкурку копила несколько лет, - пожалел он ее и постарался освободиться от жалости, родившейся в процессе собственных умозаключений.

Завидев приятного мужчину, Людочка от неожиданности хлопнула ресничками, сложила губки бантиком и хотела задать банальный вопрос, которым всегда встречают нежданных незнакомцев, но частный детектив ее опередил, поздоровался, сунул под нос удостоверение, которое она не успела изучить, втиснулся в небольшую прихожую и закрыл за собой дверь. Напор напугал девушку.

- В чем дело? – пролепетала она.

- Вы снимайте шубу, снимайте, - по-хозяйски распорядился Бирюков, - и проходите в комнату. Разговор у нас предстоит длинный. – «Порадовал» он.

- По какому праву вы врываетесь в мой дом? - Людмила вспомнила, что надо бы возмутиться. Хотя, возмущение вышло так себе, больше похоже на испуганное блеяние.

- Не надо законы нарушать, дамочка, тогда представители правопорядка, как вы выражаетесь, не будут врываться в ваш дом.

Людмиле пришлось расстаться с шубой. Она некоторое время прижимала ее к себе, словно закрывалась ею от представителя правопорядка. Потребовать еще раз удостоверения она не решилась. С подобными людьми ее жизнь не сталкивала, но ей казалось, что они должны вести себя именно так, как этот мужчина, больше похожий на тренера олимпийского чемпиона.

Бирюков прошел в комнату, Павлова потянулась за ним, печально расставшись с шубой. Сергей вытащил из кармана письма к Тарасовой и бросил их на стол. Письма расположились в осуждающем беспорядке.

- Ваша работа? Можете не отвечать, сам знаю, что ваша. - Люда брякнулась на стул, а Сергей встал совсем близко, она чувствовала запах его туалетной воды, запах щекотал в носу, хотелось чихнуть или почесать нос, но руки прилипли к коленям и не могли оторваться. – Развлечься захотелось, нервишки честным людям потрепать?

Павлова молчала и не сводила глаз с разбросанных по столу писем.

- А вам известно, гражданка Павлова, что за эти деяния полагается наказание? Никто журить вас не будет, выпрашивать обещание - так больше не поступать - не станет. Пару лет колонии общего режима вам гарантированы.

- Это... не... я, - еле слышно произнесла Люда.

- Что вы говорите?! Ах, не вы! Почему так перепугались, увидев эти письма? Или у вас с детства боязнь белых конвертов?

- Нет у меня никакой боязни, - насупилась Люда, - и писала письма не я! – более уверенно заявила она: страх перед двумя годами колонии заставил собраться.

- Еще скажите, что с мужем Елены Тарасовой вы были не знакомы.

- Так, шапочное знакомство. Он заходил пару раз в агентство.

- Зашел, чтобы пригласить вас в кафе?

- Я не была... Кто вам это сказал?

- Сказал тот, кто вас видел вдвоем. На деловую встречу это совсем не было похоже. К тому же вы сильно перепугались, когда вас заметили.
- Я догадываюсь, о ком вы говорите. Но это все ложь! Она мне мстит! Из зависти!.. Ложь то, что у нас было свидание. Я встречалась с Тарасовым... по служебной необходимости.
- Какой такой необходимости? Что может быть общего у директора рекламного агентства и секретаря агентства недвижимости.
- Он хотел купить квартиру... Свою квартиру оставить при разводе жене, а себе приобрести новую.
- А я слышал, что с женой он разводиться не собирался. И с какой стати он обратился к вам? Или вы «сидите на двух стульях»? Первую половину дня исполняете обязанности секретаря, а вторую – риелтора?
- Меня попросили с ним встретиться? Риелтор, который им занимался, заболел и...
- Кто? Фамилия этого человека...
- Я не помню... Это было давно.
- Гражданка Павлова, хватить юлить! Последний раз спрашиваю: Вы писали письма Елене Викторовне Тарасовой?
- Вторичное обращение «гражданка» ее доконало: она представила себя за колючей проволокой, стоящей в одном ряду с такими же заключенными, одетая в телогрейку, обутая в страшные ботинки с оторванной подошвой, на голове - замызганный платок
- Мысли в голове засуетились, пришло сомнение, надо ли стоять на своем?
- Я говорю правду, - все-таки сказала Людмила, но не так уверенно.
- Собирайтесь, поедem в отделение, - устало произнес «страж порядка». – Может, там вы будете более разговорчивой.
- Людка подумал о пытках, с помощью которых из нее будут выбивать правду. Прямо как в фильмах о войне.
- А мне могут дать... два года? – поперхнулась она двумя годами.
- Может, два, а может...
- А если я во всем признаюсь? – перебила его девушка, не пожелав услышать другой срок.
- Чистосердечное признание смягчает наказание! – казенным голосом пообещал Бирюков.
- Понимаете, у меня с этим Тарасовым ничего не было, – быстро проговорила Павлова. - Виделись всего один раз и все...
- Где?
- В том кафе, которое вы упоминали. Когда я его впервые увидели, то обомлела: неужели такое возможно – у серой мышки Ленки Тарасовой такой мужик?! Мне захотелось... познакомиться с ним поближе, а тут и случай подвернулся. Я узнала его номер телефона, подсмотрела у Ленки в мобильнике, когда она оставила его на столе, и позвонила. Сказала, что я располагаю сведениями о том, что его жена ему не верна. Тарасов сразу согласился на встречу. Я решила, что у меня мало шансов, раз он так загорелся: ревнует, значит, любит.
- Но на встречу все равно пошли?
- Конечно, в жизни всякое может случиться: сегодня любит одну, завтра встретил другую.
- В настоящую любовь на всю жизнь вы не верите? – хмыкнул Бирюков. Ответ он заранее знал.
- Ха-ха! Смешно! Любовь, как хорошее настроение – приходит и уходит. Когда солнце светит, ты радуешься, когда дождь – грустишь. Сегодня тебе хочется на обед мясо с кровью, а завтра – одного гарнира с овощами, а послезавтра – ты, вообще, решил сесть на диету.
- Интересная философия у молодой девушки. - Бирюков подумал, что это даже не философия, это неприкрытый цинизм. Жизни почти не знает, классику о большом и светлом чувстве, скорее всего, не читает, а сидит и рассуждает... Разница в возрасте у нас

лет восемь, а складывается впечатление, что восемьдесят восемь. Осуждать вслух не стал, а как бы продолжил перечень сравнений. – Согласно вашей... теории, сегодня я люблю блондинок, завтра – огненно-рыжих, а потом – толстушек...

- Примерно так. Нельзя же заикливаться на одном времени года! Например, зимой мне нравится снег, летом – я люблю плавать в море, весной – восхищаюсь цветущими садами, а осенью... просто красиво...

- Я понял... Но мы отвлеклись, вернемся к Тарасову.

- Рассказывать нечего. Встретились, выпили по бокалу вина. Я начала что-то плести про жену, будто у нее шашни с одним клиентом. Он посмотрел на меня, как на дуру конченную, и спросил, есть ли у меня доказательства. Понял, что таковыми я не располагаю, поэтому развернулся и ушел. Напоследок попросил, не отвлекать его по пустякам и так посмотрел, что у меня пропало всякое желание встречаться с ним еще раз. Но мы встретились, когда Лена от него сбежала. О том, что она сбежала, я сама догадалась, зачем бы ему тащиться в агентство и расспрашивать о ней, если она должна лежать дома и спокойно болеть... Наверное, хотел ее вернуть. Меня он даже не узнал...

- Если между вами ничего не было, зачем вы занимались этой глупостью. – Сергей постучал указательным пальцем по письмам.

- Потому! – зло бросила Павлова. – Почему одним все, а другим... другим дырка от бублика. За какие заслуги эта Тарасова стала директором фирмы? И, вообще! Вы знаете, что она убила своего мужа?! Он не давал ей развод, а она хотела выйти замуж за другого. Выйти замуж и завладеть его фирмой! – Под конец она почти задохнулась от возмущения.

- Да, что выговорите! Спасибо, что открыли глаза. А мы-то считали, что Владимир Тарасов погиб по собственной вине. – В его спокойном доверительном голосе было столько силы, столько неприкрытой неприязни, что Людка сжалась на стуле и пожалела, что набросилась на Лену. Надо было покаяться.

- Может, и правда не виновата, - запоздало опомнилась она и передернула плечами.

- Сейчас речь не о Тарасовой, а о вас. Вы признаете, что писали ей письма? – Павлова неуверенно кивнула. – Тогда берите бумагу и пишите.

- Что писать?

- Признание! – Уставший «нарезать круги» частный детектив устало опустил на стул.

Прошло минут пятнадцать. Павлова протянула Сергею исписанный лист бумаги.

- Поставьте дату и распишитесь.

Он внимательно прочел ее чистосердечное признание, аккуратно свернул лист бумаги вчетверо, пожалев, что не таскает с собой папку, и спрятал его в карман.

- Людмила, вы понимаете, что совершили уголовное преступление? – Бирюков перешел ко второму акту. Теперь он наставник – воспитатель.

- Я не думала, что за эту... шутку могут посадить в тюрьму.

- И не за такие «невинные»шуточки сажали. Учитывая ваше чистосердечное признание и раскаяние... - Он осекся и требовательно посмотрел на девушку.

- Такое больше не повторится! Обещаю!

- Так вот... Учитывая чистосердечное признание и раскаяние, дело до суда не будет доведено.

- Спасибо, - облегченно выдохнула она.

- Ваше признание останется у меня. – Бирюков похлопал по карману, куда спрятал это признание. - Но в любой момент я дам ему ход, если что-то подобное повторится. Это понятно?

Людмила активно закивала головой, Сергей даже испугался, что она вот-вот отвалится...

Пренебрегая лифтом, Бирюков спускался по лестнице и размышлял: правильно ли он поступил? Или надо было передать ее признание в полицию?.. Нет, он поступил правильно! Зачем портить девчонке жизнь. На благосклонность нашего правосудия

надежды мало. Иной раз за мизерную провинность могут вклеить приличный срок, а за убийство – всего-ничего...

Частный детектив позвонил заказчику и успокоил: писем больше не будет.

Заказчик произнес всего два слова: «Спасибо, герой!»

Какой он герой, просто честно сделал свою работу...

- Бывают вещие сны? – спросила Инна Зиминая у мужа, как только открыла глаза и увидела его стоящим с подносом.

- Не знаю. Я не задумывался. Мне редко снятся сны.- Он пристроился рядом с женой и поставил поднос ей на колени. На подносе стоял стакан с соком, чай, бутерброд с ее любимой докторской колбасой и булочка с корицей.

- Я столько не съем.

- Ты не одна, вдвоем справитесь.

- Мальчишек накормил?

- Еще рано, они спят. Позже разбужу и накормлю.

- Ты, наш кормилец! – Инна поцеловала мужа. Потом взяла в руки стакан с соком, отхлебнула и поморщилась. – Кислятина!

- Не кислятина, а полезный апельсиновый сок! - Славик решил отвлечь ее внимание. - Расскажи, что тебе приснилось?

- На рассвете мне приснился папа. – Инна уже не морщилась и пила сок.- Он попросил, чтобы его внучку назвали Маргаритой. Я спросила: «А если будет мальчик?» Он покачал головой, развернулся и ушел. Что ты думаешь про это?

- Не знаю. Но я не хочу заранее знать пол ребенка. Кто бы ни родился, я буду счастлив!

- А двойне?

- Такое возможно?

- Я не знаю.

- Тогда, я буду счастлив вдвойне!

- Как я тебя люблю! – Инна не заметила, как съела весь завтрак.

Ее самочувствие немного улучшилось. Подташнивало только по утрам, но если перекусить лежа в постели, но тошнота отступала.

Жизнь возвращалась к Инне благодаря крохотулечке, сидящей у нее внутри. И не важно, кто это будет - мальчик или девочка. Но, положив руку на сердце, ей очень хотелось девочку. Маргариту... И отец просил.

При слове «отец», что-то в душе сжималось, Инна опять пересматривала, как фильм, последние дни его жизни, винила себя, что не была рядом, не помогла ему. Она надеялась, что рядом с ним Вика. Инна была уверена, что она его любит, заботиться о нем. Как она ошибалась! Эта женщина даже не пришла на похороны.

Когда Зиминая ей позвонила в надежде слиться в общем горе, то была удивлена - новость оставила ее безучастной. Виктория невнимательно выслушала Инну, будто та рассказывала о чем-то совершенно неинтересном для нее. Выразила соболезнование, невнятно предложила свою помощь, и это было сказано таким тоном, что Инна, не задумываясь, отказалась. На этом их общение закончилось. Зиминая ей больше не звонила, а Вика тоже не горела желанием общаться.

Инна, в ее теперешнем положении, не могла держать обиду на эту женщину. Это бы навредило ее ребенку. Поэтому постаралась забыть о Виктории. А жизнь рассудит: кто прав, кто виноват, и воздаст по заслугам...

А Вика Жданова тем временем вела бурную личную жизнь. Вяземский, по ее мнению, подходил ей на сто процентов: импозантен, обеспечен, педантичен, но в меру. Мэру установила сама Виктория. Жаль, нерешителен. Спустя время нерешительность не исчезла, а педантичность стала переваливать через отметину, мысленно установленную Викой. И это ее бесило.

В любом ресторане Макар начинал трапезу с того, что проверял чистоту тарелок, столовых приборов. Вел себя, как санинспектор. Если учесть, что посещали они только приличные места, то его поведение вызывало удивление со стороны Вики и недовольство со стороны обслуживающего персонала. Но девушка старалась закрывать на это глаза, как и на многое другое.

После их случайного знакомства (спасибо Бирюкову), Виктория тоже изменилась. Раньше она уделяла много времени уходу за собой, а теперь стала уделять еще больше. Вяземский замечал любую мелочь, будь то маленькая зацепка на колготках, которую не видно под микроскопом, или несоответствие цвета помады и лака для ногтей. Вика ему объясняла, что, согласно новым тенденциям моды, это несоответствие допустимо, но он так на нее посмотрел, будто она пришла на свидание в халате и тапочках. Поэтому теперь, собираясь на свидание, девушка возвращалась к зеркалу по нескольку раз, рассматривала себя со всех сторон, проверяя безукоризненность своего внешнего вида. Другая бы давно плюнула на этого педанта, но Вика готова вынести все.

С чем Вика не желала мириться, так это с его нерешительностью. Они ходили по театрам и ресторанам, девушка приглашала к себе в гости, но дальше поцелуя в щечку при встрече и расставании дело не заходило.

Детский сад, - думала каждый раз Вика, переступая порог своего дома после расставания с Вяземским.

К себе домой мужчина ее не приглашал, наверное, был не готов пустить женщину на свою территорию.

Подарками Макар тоже не баловал. Вика вспоминала Петра, который был щедрым и любил баловать ее. Вяземский ограничивался букетом цветов, а если приходил к ней в гости, то добавлялась еще коробка хороших конфет, но не более. В гостях он вел себя сдержанно: разглядывал убранство комнат, чистоту полов (Вика перед его приходом всегда делала генеральную уборку), пил чай, вел философские беседы и... удалялся. До главного дело никак не доходило...

Макар Вяземский пока был не готов к серьезным отношениям с Викой. Он рассматривал ее, как лекарственное средство от любви Леночке Тарасовой. Но время шло, а любовь к Лене занозой сидела в сердце. И как удалишь эту занозу, если объект твоей любви постоянно маячит перед глазами. Сам виноват – не надо было уговаривать ее занять кресло директора.

Совместная работа сближала их еще больше, только в отличие от него, Лена относилась к Макару, как к другу и соратнику. Она была единственной женщиной на земле без недостатков. Или он их просто не замечал. Ему все равно, что на ней надето, какая у нее прическа, сделан ли маникюр. В разговоре с ней Вяземский не напрягался, не контролировал каждое слово, боясь выглядеть смешным и непонятым. Они болтали обо всем, Макар не был так откровенен даже со своим другом, с Владимиром Тарасовым. Ради этой женщины он готов был на любые необдуманные поступки, которые никогда в жизни не совершал. Но он понимал, что Лена любит другого, счастлива с ним и скоро собирается за него замуж. Вяземский считал, что Шмидт не совсем подходящая для нее кандидатура. Нормально мыслить мешала банальная ревность. Он знал, что Кирилл - парень хороший. Главное: он любит Лену. В этом Вяземский не сомневался.

Он сомневался в другом - нужны ли ему отношения с Викой?

Предстоящие выходные должны были дать ответ на этот вопрос...

- Поищи хорошо, может ты не там смотрела, - успокаивал жену Славик.

- В этом доме я прожила двадцать лет, и знаю, что здесь всегда все лежит на своих местах. Испокон веку так заведено. – Инна была очень огорчена.

С утра пораньше Зимины приехали в дом к отцу навести порядок. Во время уборки она поняла, что в квартире нет их семейного альбома.

- Не могли сюда проникнуть воры и в качестве трофея взять только чужой альбом с фотографиями, - рассуждала Инна вслух, вызывая ненужную в этих обстоятельствах улыбку мужа. Но его улыбка осталась ею незамеченной. Она вся погрузилась в поиски пресловутого альбома. – Они украли бы что-нибудь посущественней. Правильно я говорю? – не поднимая головы, спросила она у Славы.

- Конечно! Альбом здесь, в доме. Сейчас найдем, не волнуйся! – Вячеслав полез на антресоли. – Может тесть его туда сунул и забыл?

- С чего вдруг? – скривилась Зими́на. И вновь пустилась доказывать, как ей дороги семейные фотографии. – Это же память о родителях.

- Я понимаю, - стоя на стремянке, поддакнул супруг.

- Деньги, золото по сравнению с ним, мелочь...

- Я понимаю.

Инна вернулась в комнату, села на диван и стала осматриваться, будто пыталась с помощью визуального контроля обнаружить пропажу.

На антресолях альбома не было. Славик убрал стремянку и пристроился рядом с женой.

- Надо успокоиться, тогда легче будет сосредоточиться и подумать: куда он мог деться? – Он взял Инну за руку.

- С самого детства я помню: он лежал в одном месте – в мебельной стенке на верхней полке. Сейчас его там нет! - обреченно произнесла она.

Мебель в квартире Крюковых была старой, но добротной, из натурального дерева. Родители купили ее по «блату», как это часто делалось в советские времена, когда все доставалось «из-под полы». Они очень гордились своим приобретением. После смерти матери Инна уговаривала отца избавиться от габаритной тяжелой мебели и купить что-то новое, современное, но Петр Леонидович отказывался. Он не хотел ничего менять в своей квартире, любил постоянство и порядок. Каждая вещь всегда должна лежать на своем месте, тогда тратить время на поиски будет не нужно, - говорил он дочери. Этот жизненный принцип отец никогда не нарушал и не любил, когда вмешивались в его устоявшийся быт.

Сегодняшняя потеря поселила в душе Инны панику.

- Как ты думаешь, - спросила она мужа, - не мог папа отвезти альбом к Вике?

- Не думаю, зачем ей чужая жизнь в фотографиях?

- А мне кажется, что такое возможно. Вика знала его мужчиной в преклонных годах, а он захотел показать ей, каким был в молодости.

- Зачем вести весь альбом? Можно взять несколько фотографий из альбома.

- Все фотки были «намертво» вклеены. Мы так привыкли... Когда я была совсем маленькой, отец много меня фотографировал, потом сам печатал фотографии. Когда фотографий накапливалось слишком много, мы устраивали «праздник альбома», так его назвал отец. Мы доставали альбом, раскладывали все фотографии по временной очередности и начинали их вклеивать. Это была традиция, которую я просто обожала, в основном за то, что папа был рядом. Поэтому старалась делать это медленно, чтобы продлить это день. Мы заново рассматривали фотографии, иногда смеялись, иногда расстраивались, когда я плохо получалась, но всегда слышала от него: какая у него замечательная и красивая дочь. Это очень важно было для меня. Этими словами он внушал мне уверенность в себе, ведь в детстве я была «гадким утенком». Со временем могла не заметить перехода в прекрасного лебедя. Единственно, что меня раздражало: он всегда, после похвалы, добавлял, что я должна... и чего я не должна делать. Отец объяснял это заботой обо мне. Может быть, и так, но мне хотелось самой принимать решения...

- Умные люди учатся на чужих ошибках, а дураки - на своих. Он хотел тебя защитить от ошибок. – Славик увидел, что глаза Инны наполняются слезами и быстро вернулся к пропавшему альбому. - Предлагаю не терять времени и поехать к Вике.

- Мне не хочется туда ехать и видеться с ней... Но другого выхода я не вижу.
  - Давай я поеду один, - предложил муж.
  - Нет-нет, я с тобой! – Инна не хотела оставаться в доме отца одна.
  - Давай я завезу тебя домой, а сам поеду в Алехново. – Вячеслав догадался об этом.
  - Не переживай за меня. Я не буду выяснять с ней отношения и нервничать. Папу, увы, не вернешь. К этой женщине я не питаю никаких чувств: ни ненависти, ни любви. Она мне безразлична.
  - Ты пытаешься обмануть себя, - предположил он.
  - Нет. Это на самом деле так.
- Зимины отправились в Алехново...

Кирилл и Лена надумали покататься в выходной день на коньках. Вернее, надумала Лена, а Кирилл согласился, но не сразу. Сначала заявил, что весна не за горами, днем солнце по-весеннему пригревает землю, и лед на пруду ненадежен. Но Лена стояла на своем, и он сдался.

- Только оденься потеплее, - голосом заботливой матери сказал Кирилл.
- А как я буду кататься, если на мне будет сто одежек? – закапризничала она.
- А если, не будем кататься, а просто прогуляемся по берегу? Тогда ты быстро окоченеешь.
- Сейчас мы будем торговаться до вечера... - недовольно буркнула женщина и стала одевать «сто одежек».

Накатавшись до жуткой усталости, «фигуристы» возвращались домой. Лена еле-еле передвигала ноги, которые с непривычки ужасно болели. Кирилл тащил ее за руку, как тянут маленьких детей, которые не поспевают за родителями, и приговаривал.

- Потерпи, девочка моя, осталось совсем чуть-чуть! Сейчас мы придем домой, я уложу тебя в постель, напою горячим чаем...
- Сам лягу рядом, - продолжила фразу Лена. Вдруг она остановилась. – Кирюш, посмотри туда. – Она указала головой, куда надо смотреть.

У ворот Вики приткнулся автомобиль, который они однажды уже видели. Это случилось в тот день, когда в дом Виктории приезжала «скорая помощь».

- Что им здесь понадобилось? Давай спросим? – придушенным шепотом сказала Лена.
- Не надо лезть туда, куда тебя не просят. Сидят люди и ждут хозяйку. И пусть себе ждут. Они прошли мимо автомобиля и уже собрались войти в свой двор, когда их окликнули.
- Извините, - произнес мужчина, который вышел из заинтересовавшей их машины. - Вы не скажете, надолго ли отлучилась ваша соседка? Мы к ней приехали по делу и не знаем, стоит ли ждать.

- Не могу вам помочь, - ответил Кирилл. – Мы приехали сегодня утром, и ее автомобиля уже не было. Может, она на работе, в своем салоне? - предположил он.
- Это далеко?
- Я могу вам объяснить, как туда добраться.

Кирилл обстоятельно рассказал, мужчина поблагодарил и пошел к своему автомобилю. Открыл дверцу, и собрался сесть, но потом опять окликнул молодую пару.

- Извините еще раз, не могли ли вы дать стакан воды моей жене, она плохо себя чувствует. – Мужчина выглядел очень обеспокоенным.
- Знаете что, мы приглашаем вас к себе! – тоном, не терпящим возражений, произнесла Лена. - Выпьете горячего чая, согреетесь.

- Мужчина опять нырнул в салон, что-то сказал жене и появился вновь.
- Мы не хотим быть навязчивыми.
- Если я еще немного постою на улице, то моя простуда будет на вашей совести, – устало сказала Лена.

Последний довод показался убедительным, и чета Зиминых направилась в гостеприимный дом...

Инна выглядела неважно, и Славик очень был обеспокоен ее состоянием. Когда они приехали в Алехново, и Вики не оказалось дома, он даже обрадовался: Инна не встретится с этой особой, и не будет бередить рану, которая начала, хотя и медленно, но затягиваться. Однако жена наотрез отказалась уезжать – хотела выяснить, где семейный альбом? Переубедить ее не удалось. Славику не осталось выбора, как сидеть и ждать, развлекая супругу разговорами обо всем, что их окружало – одним словом, что вижу, то и пою. Скучность позднего зимнего пейзажа не прибавляла красноречия.

После часа ожидания он не выдержал и предположил, что Виктория может, вообще, сегодня не появиться, мало ли куда ее занесет нелегкая.

- Ты думаешь, у Виктории появился новый кавалер, и она живет у него? – напряглась Инна, несмотря на то, что давно допускала такую вероятность.

- Ничего я не думаю, просто высказываю мысли вслух. – Он посмотрел на жену. – Ты очень бледная. Как ты себя чувствуешь?

- Нормально, только устала ждать.

- Давай вернемся домой. Мальчишки одни и, наверное, голодные. – привел весомый аргумент супруг.

- Они уже взрослые, а обед на плите. - Инна осталась непреклонной, но чувствовала она себя неважно. Ко всему мучила жажда, а воды, как назло, в машине не оказалось. Муж предложил съездить в магазин, но она отказалась, не хотела покидать «наблюдательный пункт».

Поэтому, когда их пригласили в гости, они согласились: можно выпить чаю, согреться, не выпуская из вида соседский дом...

Лена накрыла на стол и пригласила гостей к столу.

Ей сразу понравилась эта женщина, которая назвалась Инной. Ее муж, Вячеслав, тоже оказался приятным мужчиной и хорошим собеседником.

Сначала беседа велась о погоде - о чем еще разговаривать малознакомым людям. Потом мужчины разговорились о хоккее, о последних успехах нашей сборной, оба оказались страстными болельщиками.

А женщины нашли свои общие интересы. Потом Лена не выдержала и спросила:

- У вас к Вике какое-то дело?

Неожиданно для себя, Инна рассказала этой молодой женщине все. Она поняла, что ей очень хочется поделиться наболевшим. Кроме мужа и отца, а теперь одного мужа, у нее не было больше близких людей, с которыми она могла быть откровенной. Мужчины замолчали и тоже стали внимательно слушать ее рассказ: Кирилл Шмидт - с интересом, а Вячеслав Зимин - с удивлением: его жена никогда не откровенничала с «первыми встречными», не говоря уже о коллегах по работе. Но Славик был рад, что это произошло. Ему не нравилось, что Инна отдалилась от всех подруг, не раз ей об этом говорил, но она заявляла, что у нее есть любимый муж, который и друг, и советчик, и жилетка, в которую можно поплакать.

- А как фамилия вашего отца? – задал Кирилл неожиданный в этих обстоятельствах вопрос, когда Инна закончила свой долгий рассказ и облегченно вздохнула, словно избавилась от тяжелой ноши.

- Крюков, Петр Леонидович Крюков. – Она не выказала удивление. Кирилл спросил, она ответила, что здесь такого, ей скрывать нечего.

Лена и Кирилл переглянулись.

- Что-то не так? Вы были знакомы с моим отцом? – забеспокоилась Зимина, заметив их подозрительные взгляды, которыми они обменялись.

Шмидт опять взглянул на свою невесту, будто советовался с ней: надо ли рассказывать этой женщине обо всем, что они узнали из дневника отца? Лена незаметно передернула плечами, мол, поступай, как знаешь. Единственно, чем она не хотела делиться с Инной, какой прием ее отцу оказала Вика в последний день его жизни. О его смерти она узнала

только что из уст дочери. Лена и без того тяготилась своим безразличием – почему не вышла, почему не помогла, а сейчас ей тем более стало стыдно.

А Кирилл без лишних отступлений рассказал о дневнике своего отца, из которого узнал, что тот был знаком с Крюковым, они вместе работали в археологической экспедиции. Под конец не сдержался и сказал.

- Я видел вашего отца несколько раз, но не знал, как его зовут. Вика нас почему-то не знакомила.

- Странно... Все странно... - задумчиво изрекла Инна, предоставив хозяевам широкую возможность для догадок, и приложила ладонь ко лбу.

- У тебя температура? – испугался Славик, - я же говорил, что тебе нельзя перемерзать...

- Нет у меня никакой температуры, голова раскалывается.

- Может тебе таблетку дать? – спросила Лена, не заметив, что перешла на «ты». За это короткое время откровений они успели сблизиться, сродниться.

- Мне нельзя пить таблетки... Я жду ребенка.- Инна поделилась этой новостью легко, хотя о своем положении никому не рассказывала.

- Тогда еще чаю! С лимончиком! – предложила радушная хозяйка.

На улице уже совсем стемнело, а они даже не заметили. Все болтали и болтали, будто давно не виделись и всё не могли наговориться, пересказать все накопившиеся за время разлуки новости. Так бывает.

Лена очень обрадовалась, что Инна ждет ребенка, причем уже третьего, и сразу ей рассказала о Лизавете, которая ждет второго.

- Она моя лучшая подруга, я тебя с ней обязательно познакомлю.

- Вы не собираетесь обзавестись потомством? – напрямую спросила Инна.

- Еще немного подлечусь... - Лена рассказала обо всех событиях, которые с ней произошли за последнее время. Инна слушала новую подругу и удивлялась: Как такая маленькая и хрупкая женщина смогла вынести столько бед! Какая у нее сила воли!

Славик, между тем, позвонил сыновьям, спросил как у них дела и предупредил, что они с мамой останутся ночевать у знакомых. Мальчишки не могли скрыть своей радости – они могут смотреть телевизор всю ночь или играть в компьютерные игры.

Пока женщины делились своими секретами, мужчины решили, что «соловья баснями не кормят», а на слабую половину надежды мало, и отправились во двор жарить мясо. Необыкновенный аромат проник через приоткрытую форточку в дом. Хозяйка опомнилась, замельтешила по комнатам, осуждая себя за невнимание к беременной женщине, которая еще не накормлена.

Все уселись за поздний ужин на веранде. Кирилл налил Инне сок, остальным присутствующим - вино и предложил выпить за знакомство.

- У меня такое чувство, что я вас знаю очень давно, поэтому пить за знакомство, как-то смешно, - вставила свою реплику Елена.

- Тогда, выпьем за дружбу, - не растерялся Кирилл.

Все дружно чокнулись и выпили.

- Мясо получилось великолепным, - проговорила Инна с набитым ртом, - ничего вкусней не ела.

- Конечно, если поморить человека голодом целый день, он еще не то скажет, - рассмеялась Лена.

Мясо было съедено, вино выпито, все отвалились от стола и начали незаметно зевать.

- Объявляется отбой! – громко приказала хозяйка.

Спорить с ней никто не стал...

Макар Вяземский пригласил Вику на выходные в загородный пансионат. Она была счастлива: наконец произойдет то, чего она ждала с большим нетерпением.

Накануне Виктория промчалась по магазинам, прикупила сексуальное бельишко красного цвета. И еще кое-чем пополнила гардеробчик – обтягивающе-декольтированным - весьма необходимым при соблазнении нерешительного кавалера.

Вяземский предложил ехать на ее машине. Виктория решила, что Макар - элементарный жмот, экономит деньги на бензин, и хотела отказаться от поездки, но передумала: манила неизвестность – как будут развиваться события дальше?

На ее машине, так на ее! Какая разница, лишь бы два дня прошли с пользой.

Она подкатила к подъезду, где жил Макар Вяземский. Он ее уже ждал. Не маялся, не прохаживался вдоль дома, не хватался за мобильный телефон, чтобы узнать, где его дорогуша, почему опаздывает, а не случилось ли чего? Он стоял с каменным лицом, как первокурсник перед дверью экзаменационной в свой первый экзамен, когда все чувства покинули его, осталась одна пустота и непонимание, что я здесь делаю.

Вяземский, действительно, не понимал, зачем он пригласил Викторию и что будет с ней делать? С этой совершенно чужой ему женщиной.

Его «размышления у парадного подъезда» прервал автомобильный звуковой сигнал. Он не забыл вызывающе взглянуть на наручные часы, намекая на опоздание. На его намекающий взгляд Вика не отреагировала должным образом – не извинилась. Женщина имеет право опаздывать, а мужчина обязан терпеливо ждать, не выказывая недовольства при ее появлении, тем более не заставляя оправдываться.

Макар поставил стильную сумку с вещами в багажник, сел в салон, наградил Вику отеческим поцелуем, и они отправились в путь.

Дорога заняла всего пару часов.

Припарковав автомобиль возле здания пансионата, построенного в годах этак восьмидесятых, судя по архитектуре, Виктория выбралась из салона и замерла. Постояла, а потом стала вертеться на месте, стараясь зацепить глазом все местные красоты. По сравнению с городом, где снега уже почти не было, или он лежал грязными клоками, здесь, на природе, снег был пушистым и белым, дышалось легко, даже голова начинала кружиться от переизбытка кислорода. Пансионат «Озон» был окружен соснами, изумительный запах влажной хвои заставлял дышать глубоко, до головокружения. И тишина была такой устрашающе-подозрительной, что поначалу казалось, будто ты на время потерял слух.

- Красотища-а-а! – в итоге высказалась Виктория, нарушив тишину, и повернулась к зданию пансионата – кирпичному строению, что ее несколько удивило: ей казалось, что в сосновом лесу должна стоять деревянная избушка. И внутри все должно быть деревянным.

Но внутри все было современно: гладкие стены выкрашены в светло-коричневый цвет, на полу – плитка в тон стенам. Все эти коричневые оттенки заставили Вику сравнить холл с пещерой, к которой приложил руку человек. Но в этой искусственной пещере имелись два французских окна, расположенных по обеим сторонам от входа. Дальше в углах пристроились раскидистые пальмы в огромных кадучках. Ближе к входу в полуметре от окон стояли по две увесистые подставки, напоминающие низкие уличные скамейки без спинки. На подставках-скамейках расселись горшки с красивыми растениями с блестящими листьями: одни напоминали лавровые деревья, а другие - карликовые магнолии. Пещерную экзотику разбавляли пристроившиеся между окнами и подставками привычные розовые кусты, решившие порадовать постояльцев бурных красным цветением в непривычную пору. Все растения хорошо уживались друг с другом, никто никого не ущемлял, не притеснял, не мешал любоваться. В холле тут и там были расставлены небольшие диванчики, казалось бы в беспорядке, на самом деле дизайнер все хорошо рассчитал – не было во всем этом казенности, всё уютно, мило, расслабляющее.

Виктория успела по достоинству оценить и работу дизайнера, и работу флориста. А Макару было не до обзорной экскурсии по холлу, он тащил за собой увесистый чемодан Вики и мысленно возмущался: зачем было набирать с собой столько вещей всего на пару

дней?! Еще пришлось ее ждать у стойки администратора, пока она бродила по холлу и пристально все изучала, будто ее сюда прислали перенимать опыт в оформлении интерьера. Наконец, присоединилась к Макару.

Девушка-администратор приняла протянутые документы, покопалась в своем компьютере и произнесла фразу, от которой у Вики заболели зубы, и стала подергиваться щека.

- Ваши номера 312 и 313. Сейчас вас проводят.

Виктория приложила ладонью к щеке, желая ее утихомирить, приблизилась к Вяземскому и прошептала, чтобы администратор ее не услышала.

- Макар, мы будем жить в разных номерах?

Тот удивленно на нее посмотрел и ничего не ответил, однако, про себя подумал: Девушка без комплексов! Даже не могла промолчать!

И в который раз за сегодня пожалел, что затеял эту поездку...

Пансионат был четырехэтажный. Им достались номера на третьем этаже.

- На четвертом этаже находятся номера – люкс, - пояснил Макар, - я здесь был несколько раз.

- Один? – ревниво спросила Вика. Она начала немного приходить в себя после известия, что они будут жить в разных номерах. Девушка мысленно себя успокоила: не важно, где ты «прописан», главное, где ты ночуешь. Она очень надеялась, что спать ей одной не придется. Как чувствовала, прихватила с собой бутылочку хорошего вина. Вечером пригласит мужчину в свой номер, они выпьют по бокалу вина (больше и не надо), расслабятся, а потом она покажет ему красное белье...

Номер был небольшой, но уютный. Кровать, телевизор, небольшой шкаф для одежды, туалетный столик с зеркалом, на стене – пейзаж в деревянной рамке. И балкон.

Инна повернула ручку и распахнула дверь на крохотный балкончик, на котором с трудом поместились бы два человека. Не удержалась и вышла, чтобы полюбоваться соснами, вдохнуть дурманящий аромат, проветрить мозги. Проветрила так, что в голове не осталось ни одной мысли – ни умной, ни глупой. Отсутствие мыслей стерло из памяти все планы на вечер – а, пусть все идет своим чередом! - и избавило от постоянной тревоги. Тревоги непонятной и угнетающей, которая вытаскивала наружу страх перед неизвестностью, перед будущим, способным преподнести неприятный сюрприз. Раньше Вика считала, что она – вершитель собственной судьбы, теперь в этом глубоко сомневалась.

Хотела вернуться в номер, но передумала. Вынесла на балкон стул, прихватила куртку, чтобы не замерзнуть, и погрузилась в состояние необъяснимого беззаботного детского счастья.

Из лохматых облаков несмело стало выплывать солнце, будто ему захотелось взглянуть на совершенно счастливого человека, который никуда не торопится – просто сидит и наслаждается.

Вика зажмурилась, подставив солнцу свое лицо, соскучившееся за долгую зиму за ласковым теплым прикосновением. Она не следила за временем, не думала ни о ком и ни о чем. Сидела и млела.

В реальность ее вернул знакомый голос.

- Смотри, не замерзни.

Она не торопилась открывать глаза, боясь упустить счастливые минуты. Но не могла не отреагировать.

На соседнем балконе стоял Макар Вяземский и с интересом ее рассматривал. По-новому рассматривал, не так, как раньше. Она скользнула по нему взглядом и повернулась к солнцу, которое, в отличие от этого мужчины, за несколько минут дало ей столько нежности и ласки, сколько он не дал за все время их знакомства.

Только сейчас Макар понял, почему Виктория так поразила его в первую встречу: она была сама собой – необыкновенно красивой девушкой, еще не превратившейся в

хищницу, преследующую добычу. Макара пугал ее напор, ее необузданное желание добиться всего и сразу. Или он ошибался? Придумал ее другую и стал на этой другой заикливаться, чтобы окончательно не потерять голову.

Он постоянно сравнивал ее с Леной Тарасовой, а этого делать нельзя: у каждой женщины свои плюсы и свои минусы. Что он знает о Лене? Хорошая хозяйка, хороший друг, с которым приятно общаться. Любовь ли это? Или самообман? Может, он все придумал, создал женщину-божество – Лену Тарасову, недосыгаемую и неприступную, и поклоняется ей. А если бы она согласилась принадлежать ему, Макару Вяземскому? Захотел ли он сам этого? Или именно недосыгаемость божества разжигает в нем страсть?

Сейчас, стоя на балконе, он с удивлением открыл для себя ту прежнюю Викторию, вихрем ворвавшуюся в кафе, где они сидели с Бирюковым. И не только в кафе, но и в его холостяцкую жизнь, которой он так дорожил.

- Пустышка! – каждый раз говорил себе Макар, расставаясь с Викторией. И добавлял, - хищница! Но у тебя ничего не выйдет!

И не думал: почему он продолжает с ней встречаться? Почему не оборвет тоненькую ниточку интереса, связывающую их? Или это не просто интерес, не тоненькая нить, а толстый канат, накрепко связавший их. Не любовь ли это? Наверное, любовь... Конечно, любовь. И прятался он от этой любви за спиной Лены Тарасовой.

И знал, что Виктория - не пустышка. И не хищница. Ее чувство к нему взаимно, иначе давно бы махнула рукой на мужчину, который сам не знает, чего хочет от жизни: любви и счастья или одиночества, которое со временем дополнится брюзжанием по любому поводу и злостью на самого себя. И он будет обвинять кого угодно, только не себя!

Вика. Виктория. Красивая самодостаточная женщина. Бизнесвумен. Ее привлекают обеспеченные мужчины и это заметно, но что здесь плохого? Каждый нормальный человек стремиться жить лучше. Самого Вяземского тоже интересуют элегантные и красивые женщины, а не бомжихи из подворотни. Она хорошая хозяйка: в ее доме всегда уютно, кругом чистота и порядок. Макар это сразу заметил, как только переступил порог ее дома.

Какое одухотворенное у нее лицо! Какой божественный профиль!

Пока он раздумывает, ее может отбить какой-нибудь прыткий мужичок, который не боится любви, не носится со своей холостяцкой жизнью, как дурень с писаной торбой.

Да, он боится упустить Вику. И боится пустить её не только в свой дом, но и в свою душу. Трус последний...

Копается, копается, выискивает отрицательные черты у нее, а когда обнаруживает, то его счастья нет предела - данная особа не отличается от всех остальных, желающих затащить его в загс. Но к остальным ты никогда не испытывал того, что испытываешь к ней. Об этом ты подумал?

Вяземский стоял на своем миниатюрном балконе и любовался Викторией. А мысли, хорошие и плохие, отталкивали друг друга. То вперед протискивались хорошие, радужные, то – плохие, беспросветные и мрачные.

Вика, нехотя, повернула голову в его сторону.

- Можно, я... зайду к тебе в номер? – испуганным голосом спросил Макар, будто пытался у нее скрыться от преследователей. На самом деле он убегал от себя – от холостяка с мрачными мыслями.

Виктория ничего не ответила. Встала и скрылась в номере.

Недолго думая, Вяземский сорвался с места, за секунду долетел до двери, выскочил в коридор и увидел, что дверь соседнего номера приоткрыта...

Утром Зимины попрощались с хозяевами гостеприимного дома и уехали. Кирилл пообещал узнать у Виктории о судьбе семейного альбома Инны, чему та очень обрадовалась: встречаться с Викой не было желания. Перед расставанием, они обменялись телефонами, и Зимины пригласили новых друзей в гости в следующие

выходные. Лена и Кирилл согласились, им хотелось познакомиться с их сыновьями - близнецами.

- Жизнь без начала и конца. Нас всех подстерегает случай... – процитировала Лена блоковские строки, провожая глазами автомобиль Зиминых. – Как верно сказано: еще вчера мы не знали этих людей, а случай свел нас, не просто свел, а сделал родными...

Машина Зиминых уже давно скрылась за поворотом, а они с Кириллом все стояли и стояли.

– До сих пор до меня никак не дойдет, что отец Инны – тот самый Крюков, с которым был связан мой отец. Случай, так случай, - пробормотал Кирилл.

- Потому мы так быстро «породнились», что ваших отцов связывала общая тайна, которую вы, их дети, не в силах разгадать.

- Ты намекаешь на то, что благодаря этому случайному знакомству, мы с Инной объединимся и раскроем тайну?

- Я ни на что не намекаю, просто рассуждаю вслух.

- Мне жаль, что я не успел пообщаться с Крюковым, может быть, что-то выяснил у него... Странная штука жизнь – жил человек под боком, я с ним встречался несколько раз, и кто бы мог подумать, что это Петр Крюков – человек, который мог знать, что случилось с моим отцом. И куда исчезли панно, раз он отсидел срок за кражу.

- Мне кажется, что он ничего не знал о судьбе украденных панно.

- Дневник отца мне вернула Вика, значит, Крюков его читал. И прежде чем вернуть мне дневник он мог вырвать страницы, чтобы я ничего не узнал.

- Если бы Крюков знал, где панно, он бы их спокойненько выкопал, и не стал бы лезть в дом.

- Меня берут сомнения, что в дом забрался Крюков. Не могу себе представить, чтобы представительный пожилой мужчина проникает в чужой дом и копается в чужих вещах.

- Больше ему делать нечего, как копаться! Забыл, где он провел несколько невеселых лет своей жизни? Мог там найти себе товарища. И этот товарищ, он же поделщик, выполнял всю черновую работу.

Знала бы Тарасова, как близка к истине.

- Больше ему делать нечего! – повторил за Леной Кирилл. – Эти панно особой ценности не представляют. Подобные «товарищи» не будут подставляться по мелочи.

- А кто ему сказал, что они ищут мелочь? Петр Крюков мог ему сулить золотые горы, рассказывать об исторических реликвиях.

- Мог, - согласился Шмидт. И восхитился, - какая ты у меня сообразительная!.. Признайся, тебе, случайно, не зеркало подсказало?

- Это намек на то, что ты забираешь назад слова о сообразительности? – нахмурилась Елена. – Успокойся, с сообразительностью ты попал не в бровь, а в глаз – я такая! – Она вызывающе задрала вверх подбородок.

- Молодец, слово держишь – с зеркалом больше не общаешься, - похвалил он ее с грустью в голосе.

- Не печалься, в жизни все возможно: сегодня ничего не знаешь, а завтра раз, и придет ответ на мучивший тебя вопрос. Надо только отпустить ситуацию, не думать об этом. - Лена замерзла и потянула Кирилла в дом.

- Меня беспокоит не один вопрос, а несколько, - признался он, ведя женщину под руку к теплому дому. – Например, мне интересно, почему оставили чемодан? На месте вора, я бы взял панно вместе с чемоданом, чтобы следов не оставлять.

- Кто его знает, чужая логика нам не ведома.

- Мне показалось или ты, действительно, о чем-то догадалась? Тогда озвучь, прорицательница.

- А не могла Василиса Петровна забрать из чемодана панно? Если мне зеркало дало подсказку, совершенно... почти постороннему человеку, то почему бы ему не дать подсказку твоей бабушке – основной наследнице.

Кирилл задумался, даже не обратив внимания на оговорку. Эта версия ему в голову не приходила.

- Или отец мог поделиться с ней тайной перед отъездом, - высказал он собственное предположение. – А бабушка ждала, ждала его возвращения, не дождалась и выкопала чемодан.

- Не думаю. Разве сын признается матери, что совершил преступление. Представляешь, Юрий приходит к матери покаяться. Он говорит: «Мамочка, извини меня, я украл с выставки ценные экспонаты. Теперь мне надо смыться». А Василиса Петровна отвечает: «Не печалься, ступай себе с богом!»

Лена не смогла удержаться от ернического заявления. Еще и глупо хихикнула при этом.

- Мне кажется, это не повод для смеха, - недовольно высказался Кирилл, не приняв ненужного в этих обстоятельствах веселья.

- Извини, - шмыгнула носом Лена и занырнула в дом, на пороге которого они простояли некоторое время. – Не обижаешься? - начала она ластиться к мужчине, скинув верхнюю одежку.

Кирилл заявил, что не обижается, как можно обижаться на таких маленьких замерзших дурочек, за что получил легкий подзатыльник. Потом он предложил выпить чаю.

- Выпьем чаю, и сразу поедem домой! – заявила Лена. Ей хотелось быть поближе к зеркалу, на которое возлагалась большая надежда. Знакомство с Инной Зиминной это хорошо, но чем она может помочь в поисках отца Кирилла, если вчера услышала о нем впервые? Уверенно заявила, что ее отец - Петр Крюков - никогда не упоминал в разговоре Юрия Шмидта.

Кто может помочь в решении этой задачки? Ни Бирюков, это точно. Они с Кириллом уже несколько лет вместе бьются над её решением, но все безрезультатно. Мать Кирилла, Марта Львовна? Из разговора с женихом и из дневника его отца, Лена догадалась, что отношения между его родителями были сложные. Он - то в экспедициях, то в Алехново, а она в городе. У него свои интересы – археология и любовная связь с матерью Вики, у нее – преданность работе, которая даже сына поставила на второе место. Хорошо, у ребенка была бабушка, которая посвятила ему всю свою жизнь, и воспитала хорошим человеком.

Марту Львовну Лена видела один раз, когда они подали заявление, и Кирилл настоял на том, чтобы заехать к матери и отчиму в гости.

- Мы с тобой столько времени вместе, а вы до сих пор не знакомы, - сказал он тогда.

Невесте не хотелось знакомиться с будущей свекровью: то ли предыдущий опыт супружеской жизни научил ее держаться подальше от такой родни, то ли по другой причине, но она все время оттягивала эту встречу.

Как только они переступили порог, Марта Львовна окинула ее оценивающим взглядом снизу вверх, потом поджала свои ярко-накрашенные губы, показывая всем своим видом, что выбор сына ее не устраивает. Кирилл не обратил внимания на «ужимки» матери, объявил, что они подали заявление и скоро поженятся, и приказал накрывать на стол, вручив ей торт, который они купили по дороге. Мать опять скривилась, будто увидела не шедевр кулинарного искусства, а поставленные на стол, накрытый белоснежной скатертью, грязные сапоги.

- Кирочка, ты же знаешь, что я не люблю сладкого, - капризно запричитала она, а Лена подумала, что ей в очередной раз не повезло со свекровью.

- Не называй меня Кирочкой, я тебя сто раз просил, - смутился сын.

В разговор вмешался отчим Кирилла - Феокист Федорович, который оказался приветливым и добродушным человеком.

- Мартуся, - примирительно сказал он, - сегодня можно нарушить правила – твой сын, наконец, решил жениться.

- Ты так говоришь, будто он залежалый товар, лежал-лежал на полке, а потом его увидели и решили купить, – произнесла она, недовольно косясь на Лену.

- Успокойся! – урезонил ее Ф. Ф., как называл его Кирилл. – Предлагаю выпить шампанского по такому случаю. Он достал фужеры, открыл бутылку, разлил шампанское по фужерам и произнес тост, после которого Лена просто влюбилась в него:

- Существует довольно эффективное средство сделать брак крепким и счастливым. Жених и невеста берут по листу бумаги, и каждый начинает заполнять свой лист, разделив его на две половины вертикальной линией. На левой половине листа будущая супруга записывает все положительные черты потенциального мужа, а на правой - всё, что ей в нем не нравится. Точно так делает и жених. Далее они отрывают правые половинки листов, тщательно... рвут на мелкие клочки и выбрасывают! А то, что записано на левых половинках листов оба учат наизусть, чтобы никогда не забывать положительные черты человека, которого ты выбрал себе в спутники жизни. У каждого найдутся положительные черты, помещенные в левом столбце. Концентрируйтесь на них! Предлагаю выпить за все хорошее, что есть в наших молодоженах! – Ф.Ф. чокнулся со всеми и залпом осушил свой фужер. После чего расцеловал в обе щеки Лену, затем своего пасынка. И добавил, - будьте счастливы, дети.

У Лены увлажнились глаза от положительных эмоций, которыми ее зарядил этот симпатичный мужчина, и от воспоминаний. Все было сказано с такой искренней радостью и любовью, что ей на ум пришла бабушка, которая заменила внучке отца и мать. Бабушка рассказывала Лене в детстве: «Когда она станет взрослой, за ней приедет принц на белом коне и увезет ее в сказочную страну». Лена часто вспоминала о бабушкином предсказании, особенно в последние годы жизни с Тарасовым, который был так же похож на принца на белом коне, как Лена на принцессу Фиону.

Увы, бабуля не дожидая до того момента, когда ее внучка встретила своего принца...

Мать Кирилла пригубила шампанское и капризным голосом спросила:

- Феоктист, ты тоже писал всякую чушь прежде, чем на мне жениться?

- Конечно! – весело ответил тот, - только это меня и спасло, чтобы не убежать от тебя, моя рыбонька! – Ф.Ф. подмигнул Лене.

После этого он чмокнул и жену. Марта сделала вид, что обижена, но на самом деле было заметно, что она привыкла к такому поведению супруга и ее это даже забавляет.

Ф.Ф. наклонился и Лене и зашептал на ухо.

- Не обращайтесь на нее внимание. Она немного ревнует, со временем это пройдет.

- Обращайтесь ко мне на «ты», - попросила она.

- Идет, тогда ты называй меня – Ф.Ф.

- Согласна.

Со свекром мне точно повезло, - подумала Лена...

По дороге домой Лена позвонила Лизавете. Ее очень беспокоило здоровье подруги и не зря. Оказалось, Жукову положили в больницу.

- Почему ты мне не позвонила? – негодовала Лена. – Быстро рассказывай, где ты находишься, мы сейчас приедем.

- Тарасова, успокойся! Ничего страшного не произошло...

- Не заговаривай мне зубы! Давай, говори номер больницы, мы сами ее найдем, без твоей помощи. Или я позвоню твоим мужчинам! Они уж точно не будут скрывать.

Лизе ничего не оставалось делать, как согласиться.

- Спроси, что ей купить? – встрял в разговор Кирилл.

- Лизонька, чего ты хочешь? Тут Кирюшка интересуется.

- У меня все есть, ничего не нужно.

- Ладно, мы сами разберемся, - ответила Лена и отключилась...

Когда она зашла в палату, то едва не разрыдалась: от ее пухленькой подруги осталась почти половина. Но попыталась взять себя в руки, чмокнула Лизу, придвинула стул к ее кровати и села.

- Тарасова, ты глаза не прячь. Если решила поплакать, так плачь... и я с тобой за компанию.
- Хватит глупости болтать, у меня соринка в глаз попала. - Лена усердно потерла глаз.
- Соринка, так соринка... А где Кирилл?
- Остался в машине. Говорит, что посещать ТАКИЕ заведения он не в состоянии. Передавал тебе большой привет. – Тарасова выложила на тумбочку кефир, булочки, фрукты. Лиза при виде этого изобилия отвернулась.
- Зачем ты это притащила? Я видеть ничего не могу!
- Лизка, я вчера познакомилась с одной женщиной, представляешь, она тоже ждет ребенка! Прямо эпидемия! – Елена решила развлечь подругу разговорами на отвлеченные темы.
- Что-то тебя она до сих пор не коснулась? – произнесла Лизавета, пристально глядя на плоский живот Лены.
- Всему свое время, - философски изрекла Тарасова.
- Лен, я очень плохо выгляжу? – тихим голосом спросила Лиза.
- Нормально ты выглядишь, - попыталась успокоить ее Лена.
- Врать ты, Тарасова, никогда не умела... Помнишь, как на экзамене по философии: все списывали, потому что запомнить этот бред было невозможно, а преподаватель у каждого студента спрашивал, пользовался ли он дополнительной литературой? Все начинали предъявлять книги Канта, Дидро, Гегеля, которые были нашпигованы шпорами. Преподаватель был чрезвычайно рад такому пристальному вниманию студентов к классикам философии. Одна ты не оправдала его надежд: потупила глазки и ответила, что твоей дополнительной литературой были шпаргалки, которые сама и выложила перед ним, виртуозно вытащив из сапога, ведь дело было в зимнюю сессию.
- И получила за это пару, - вспомнила Лена, - преподаватель тогда предложил мне придти на следующий день...
- Ты зубрила всю ночь, не давая мне заснуть, а когда явилась пред его очами, он внимательно на тебя посмотрел и поставил четвертак.
- Подруги рассмеялись, вспомнив свои студенческие годы. Лиза даже забыла о своем недомогании, а Лена была рада, что смогла развлечь подругу.
- Расскажи мне о твоей новой знакомой. – попросила ревниво Жукова. Она всегда переживала за Лену: вдруг ее кто-то обманет, обидит, поэтому считала, что все новые знакомые Тарасовой должны проходить проверку. Кирилл, как помнится, тоже не избежал этого.
- Лена долго рассказывала о Зиминых. Раньше Лиза уже слышала историю об отце Кирилла и теперь удивлялась стечению обстоятельств.
- Сериал, - сказала она в заключении. – Если бы не знала, что все это правда, никогда не поверила. Ты знала, что у этого Крюкова есть дочь?
- Когда Бирюков начал раскручивать историю с письмами, то он спросил: слышала ли я фамилию «Крюков», а то у него на подозрении бывшая одноклассница Тарасова по фамилии Зимина, бывшая Крюкова. Я не могла тогда вспомнить, очень была напугана этими письмами и звонками. Тогда Сергей позвонил Кириллу, не раскрывая нашей общей тайны, поинтересовался Крюковым. И Кирилл вспомнил...
- Так, стоп! Тарасова, ты меня в могилу сведешь! Какие письма? Какие звонки? Во что ты опять вляпалась?
- Мама дорогая! Проболталась! – испугалась Лена. – Ну как можно было взять и выложить!
- Ты на меня не смотри, как баран на новые ворота! А все та же, без узоров и цветов! – Лиза не заметила, как откусила булку и жадно начала ее жевать.
- Лена налила ей в чашку кефир и протянула чашку подруге.

- Не подлизывайся! – рывкнула она, но чашку приняла. Стала откусывать от булки и прихлебывать кефир из чашки, не спуская с подруги подозрительно-выжидательного взгляда.
- Лизонька, ты не волнуйся, все уже закончилось, - запричитала Лена, мысленно ругая себя последними словами.
- А почему я узнаю обо всем последняя? – с набитым ртом спросила гневная Жукова.
- Ты не последняя, Кирилл, вообще, ничего не знает.
- Успокоила, - хмыкнула Лизавета.
- Об этой истории никто не знает, кроме меня, Сергея Бирюкова и человека, который писал мне эти письма.
- А теперь все по порядку! – разрешила Лизка, покончив с булочкой и кефиром. Поставила пустую чашку на тумбочку и приготовилась внимательно выслушать...
- Ведь, я видела эту гадюку Павлову, когда заходила к тебе в агентство. – задумчиво сказала Жукова, пытаясь вспомнить, как выглядит гадюка Павлова, решившая поиздеваться над ее подругой.
- Ну, ее! Главное, что все в прошлом.
- Добрая ты очень! Надо было ее в полицию сдать!
- Да, ладно, Лиз... – отмахнулась Ленка. У нее в сумке придушенно зазвонил мобильник.
- Это Кирилл.
- Он намекнул, что устал от двухчасового ожидания.
- Мы и не заметили, что прошло два часа, - призналась Тарасова и обменялась хитрыми взглядами с повеселевшей подругой.
- Помнишь, как в общаге мы могли проболтать всю ночь? И даже не замечали, как подкрался рассвет, - вспомнила Жукова.
- Хорошее было время! – мечтательно протянула Тарасова.
- Сейчас тоже неплохое! Надеюсь, все плохое для тебя уже позади. Скоро свадьба, погуляем.
- Погуляем, - согласилась Лена и полетела к Кириллу...

Ночью Тарасовой приснилась соседка Кирилла в Алехново - баба Клава. В одной руке она держала картину с вышитым подсолнухом, а в другой – чемоданчик, который был очень похож на тот, который закопал во дворе Юрий Шмидт. Старушка долго бродила по зимнему лесу и заблудилась. Услышала странный пугающий звук и подняла голову. На ветке дерева пристроилась большая сова с лицом... Лены. Сова была очень красивая: белая грудка с черными крапинками, желтовато-коричневая окраска на спине. Птица с человеческим лицом давно следила за бредущей по лесу бабой Клавой, перелетая с ветки на ветку, с одного дерева на другое. И позже выдала себя резким звуком, напоминающим хохот. Будто насмехалась над заблудившейся пожилой женщиной, которая совсем отчаялась найти дорогу. Баба Клава поняла, что это всего лишь сова и присела отдохнуть прямо на землю, невзирая на лютый холод. Сон начал завлекать бабу Клаву в свои объятия. Возле нее, прошуршав крыльями, присела сова с лицом Лены, вырвав из опасной дремы. Сова выразительно посмотрела на замерзшую старушку и сказала человеческим голосом: «Отдашь чемодан – найдешь дорогу домой». Якобы предложила сделку. Баба Клава опустила глаза и удивленно воззрилась на старенький чемоданчик, словно впервые его увидела.

- Это не мое, - легко отреклась она и оттолкнула чемодан от себя подальше.
- Конечно, не твое, - с неудовольствием заметила сова и впорхнула на чемодан, показывая всем видом, кому он принадлежит.
- Я хочу домой, помоги найти дорогу, - со слезами попросила баба Клава.
- Помогу, - успокоила сова, - но прежде ты поможешь мне.
- А что тебе нужно? – В голосе старушка чувствовался испуг: вдруг не в ее власти помочь сове? Что тогда? Неужели остается одно - замерзнуть в лесу.

- Помоги открыть чемодан, я сама не справлюсь, - попросила сова и ткнула клювом с замок. Потом перебрала лапками – отодвинулась в сторону, чтобы не мешать своей помощнице.

- Он, наверное, заперт, - убийственным голосом предположила баба Клава, - а у меня нет ключа. – И развела руками, показывая, что ключа у нее, действительно, нет. Только вот - картина с вышивкой.

- Глупая женщина, - презрительно осудила ее сова. – Неужели ты не знаешь, что нужно всего лишь надавить пальцем на мой глаз, и чемодан откроется.

- На глаз?!

- Да, не бойся, ты, мне не будет больно.

Старушка протянула руку, потом отдернула ее, боясь, что птица ее клюнет.

- Ну, чего ты, в самом деле! – возмутилась сова. – Не сможешь мне, я улечу и не покажу тебе дорогу домой! – Напомнила она.

Бабе Клаве ничего не оставалось, как подчиниться. После нажатия на глаз совы, замок, как по волшебству, щелкнул, крышка чемодана самостоятельно откинулась, отогнав сову. Сова невысоко взлетела, покружила над чемоданом, затем вернулась и пристроилась у бабы Клавды на коленях.

Обе, и сова, и старушка, стали с интересом изучать содержимое чемодана.

В чемодане находился всего один предмет. Это была... уменьшенная копия старинного зеркала.

- Это же... зеркало Василисы, - удивленно произнесла баба Клава, - только размером меньше.

Вдруг в зеркале появилось изображение самой Василисы Петровны, бабушки Кирилла. Она с укором смотрела на соседку и сову.

- Сова, ты очень мудрая птица. Должна была давно решить загадку. Разгадка-то у тебя под носом! Не можешь сама справиться, пусть Клавдия тебе поможет. Ниточка в ее руках.

Сова и старушка переглянулись. Когда обратились снова к зеркалу, то заметили, что изображение Василисы Петровны стало медленно расплываться, потом исчезло совсем.

Баба Клава внимательно посмотрела на свои руки, будто искала ту самую ниточку, которая выведет ее из леса или приведет к разгадке. Но в руке женщина держала только вышитую картину с изображением подсолнуха.

- О чем Василиса сейчас говорила? – спросила она, поднимая глаза на сову. Та смотрела в зеркало, словно ожидала продолжения или пояснения сказанному. Но желтоватая поверхность старинного зеркала была чиста, Василиса исчезла. Крышка чемодана со скрипом захлопнулась.

Сова не ответила, только приказала:

- Следуй за мной!

Схватила цепкими лапками за ручку чемодана, взмахнула крыльями и полетела, указывая старушке дорогу домой...

Лену разбудил шорох... крыльев. Она открыла глаза и поняла, что на самом деле это ветер врывается в открытую форточку и играет с тяжелыми портьерами. Они надувались, как паруса, потом возвращались на свое место, издавая то ли шелест, то ли шорох. В комнате царил жуткий холод.

Рядом спал Кирилл, накрывшись с головой одеялом. Лена поднялась и закрыла форточку. Шорох прекратился, но он продолжал звучать в ее ушах, будто большая птица машет крыльями, перелетая с одного места на другое.

Лена села на кровать, натянула на себя одеяло и задумалась.

Этот сон надо «переварить». С кем бы посоветоваться? С Кириллом? Ни в коем случае! Он скажет, что у нее разыгралось воображение, а сон – он и есть сон, не более того и не надо забивать себе голову всякой ерундой. Значит, Кирюшка отпадает... Лизавета? Нет,

ей точно не надо забивать голову. Новая подруга Инна? У нее своих проблем полон рот. Остается одна кандидатура – Бирюков – палочка-выручалочка. Надеюсь, он не откажет, выслушает, присоветует что-нибудь. И не назовет мой сон бредом.

Лена посмотрела на часы. Давно уже пора на работу, а Кирилл все спит! Она стянула с него одеяло и чмокнула в покрасневшую щеку.

- Вставайте, профессор! Ваши студенты уже вас заждались!

- Я не профессор, но обязательно им стану! – зевая, пообещал Кирилл. И закончил, – только покорми меня, пожалуйста! Это придаст мне сил, и я быстро достигну поставленных целей!

- Если бы все так просто решалось, – хмыкнула она и пошла на кухню...

Когда Елена Викторовна влетела в собственный кабинет, то обнаружила в нем Макара Вяземского. В это утро понедельника он выглядел не так как обычно. Будто бы и внешний вид тот же: и черный костюм с белой в мелкую полоску сорочкой, и начищенные до блеска ботинки, и аккуратно зачесанные волосы, но другой. Внутренне другой. Натуральный. Исчезла презрительная обособленность во взгляде, пропала сосредоточенная вымеренность движений, появилась мечтательность и расслабленность.

Лена сразу догадалась, что он не собирается сваливать на ее голову очередную проблему – с таким вальяжным видом о делах не говорят.

- Доброе утро, Макар! – поприветствовала она заместителя и вернула его на землю.

Лена заговорила о текущих делах, Вяземский слушал «вполуха», вновь воспарив к облакам. Она ловила себя на том, что следит за его лицом, которое выражало полное невнимание к ее словам.

- Макар, ты не заболел? – не выдержала она. – Слышишь меня?

- Что? Что ты спросила? – встрепенулся Вяземский.

- Я спрашиваю, ты не заболел?

Неожиданно Макар густо покраснел, словно она задала бестактный вопрос.

- Все нормально, не заболел. И внимательно тебя слушаю! – Вяземский выпрямился на стуле и пригладил волосы, будто они успели разлохматиться во время его витаний в облаках. – Не смотри на меня так!

- Как, так?

- Будто подозреваешь меня в чем-то нехорошем! Я за твоей спиной на революционный бунт народ не подбиваю, – с явным недовольством проговорил он, что могло навести на мысль, что начальство заслуживает того, чтобы за его спиной создать революционную ситуацию.

- Как ты провел выходные? – хитро прищурившись, поинтересовалась Тарасова.

- Хорошо провел, – трагическим шепотом признался заместитель.

- И это все?

- Все! А что ты хотела услышать?

- В общем-то, ничего.. Но я думала, мы с тобой друзья, и между нами нет секретов.

- Можно подумать, ты мне обо всем рассказываешь, – торопливо произнес Макар.

- Поговорили, – поморщилась Лена. – И раз у тебя все нормально, то засучим рукава и примемся за работу.

Макар с такой поспешностью выскочил из ее кабинета, будто она пообещала спустить на него собак.

И зачем меня дожидался, раз сказать нечего? – удивилась она. – Или есть, чем поделиться, но в последний момент передумал? Не знает, как я отнесусь к его откровениям. Раз не может угадать мою реакцию, то дело касается ведьмочки Вики... Теперь понятно, с кем она провела выходные и почему отсутствовала дома в Алехново.

Тарасова так закопалась в делах, что совершенно забыла о своем желании посоветоваться со всезнайкой Бирюковым. Опомнилась ближе к обеду, позвонила ему и предложила вместе пообедать.

- Лена, ты меня пугаешь! – напрягся Сергей.

- Значит, просто так пригласить мужчину пообедать нельзя?
  - Можно, - пробасил он и «закинул удочку», - а у тебя ничего не случилось?
  - У меня все прекрасно, просто нужен совет умного человека.
  - Это ко мне!
  - Вот и славно. Тогда жду тебя через... полчаса в кафе «Лотос». Это через два квартала...
  - Я знаю, где это кафе. Но давай через сорок минут.
  - Хо-ро-шо!..
- Лена Тарасова пересказала свой сон в точности до мелочей. Бирюков выслушал, не забывая поглощать пищу.
- Ты напоминаешь мне комбайн, который убирает пшеницу с полей, - не удержалась она от замечания, подведя черту под своим красочным рассказом.
- Сергей посмотрел на пустые тарелки, расставленные на столе.
- Большому человеку надо хорошо питаться. – глубокомысленно изрек он, - ты не волнуйся, я тебя внимательно слушал. Еда слуху не помеха.
  - И что ты обо всем этом думаешь?
  - Этот сон мне напомнил сказку. Помнишь, раньше было много сказок, где сова - главный персонаж.
  - Она была хранительницей подземных богатств и кладов.
  - Не только, - произнес Бирюков. – В наше время сову считают символом проницательности и эрудиции, ей неведом страх, она – птица мудрости и хранительница ТАЙН. – Сергей сделал ударение на последнем слове.
  - Значит, приснилась она мне не зря. – Лена тяжело вздохнула. - Знать бы, куда приложить твои глубокие познания.
  - Да, трактователем снов я еще не был, хотя, раскрывать чужие тайны – моя профессия...
  - Давай попробуем, - заканючила Лена, - может быть, мы вместе сможем сообразить, что к чему. – Она не стала говорить Сергею, что сова в христианстве символизировала дурные вести, ей не хотелось углубляться в эту сторону. Хватит с нее плохих известий. Будем надеяться, что сон укажет им, где старинные панно и что произошло с отцом Кирилла.
  - Начнем плясать от печки. – Бирюков пил великолепный крепкий кофе, поэтому пребывал в прекрасном настроении и был готов к размышлению. – Во сне баба Клава не может найти дорогу домой. Это может означать одно: она что-то знает, но не догадывается, насколько это важно. Поэтому не торопится поделиться с человеком, который давно бьется над разгадкой этой тайны. Баба Клава должна понять, чем владеет, тогда она поймет: кому это интересно? Разобравшись в этом, она пойдет к нужному человеку и поделится с ним своими знаниями, то есть найдет дорогу из леса... - Он помолчал, а потом спросил: Что в твоём сне она держит в руках?
  - Чемодан и картину с вышивкой Василисы Петровны.
  - Про чемодан мы будто бы все знаем - он пуст... Но ранее в нем хранились панно. Так?
  - Так, - согласно кивнула Лена, забыв напомнить, что нахождение в чемодане панно это всего лишь их догадки. Решила не мешать Сергею в рассуждениях, а только поддакивать, играя роль статиста.
  - В другой руке баба Клава, согласно твоему сну, держит картину, и это значит, что между чемоданом и этой вышивкой есть связь. Кстати, где сейчас картина?
  - Слушай, я и забыла! Эту картину взяла недавно соседка.
  - Баба Клава?
  - Баба Клава, - заморожено глядя на Бирюкова, подтвердила Лена.
  - Очень хорошо! – возликовал частный детектив. – Без сомнения в этой картине «собака зарыта» - в ней кроется тайна, о которой пока не догадывается баба Клава, которая должна поделиться ею с заинтересованным человеком. И именно этот человек бьется над разгадкой давно и безрезультатно! – скороговоркой произнес он.

- Сам ты понял, что сказал? – нахмурилась Тарасова. Лично она окончательно запуталась: которая, который, бьется, без результата.

- Я, да! – уверенно пробасил Бирюков и с недоумением посмотрел на подругу, которая сидела с абсолютно глупым выражением на лице. А еще сова – мудрая птица! – Лови мою мысль за хвост, – предложил он.

- Я не успеваю, – обиженно сказала Лена.

- То, что в чемодане лежало зеркало, а в зеркале была бабушка Кирилла, наводит на мысль о причастности дорогой бабули к пропаже панно. Согласна? – Девушка радостно кивнула. – При этом, бабуля была удивлена и раздосадована, что такая мудрая птица, как сова, в твоём лице, до сих пор не разгадала её тайну! И указала на бабу Клаву, как на человека, держащего нить к разгадке.

- Какой ты умный, Сережка! – восхитилась Лена.

- Сейчас не обо мне. – Бирюков улыбнулся, ему было приятно получить от неё похвалу. – Идем дальше?

- С удовольствием! – Лена удивлялась способности Сергея раскладывать все по полочкам. До этого у неё в голове были вопросы и ни одного ответа, а сейчас в голове начало проясняться

- Знаешь, чего я не могу понять? – спросил Сергей и сам ответил, – почему надо надавить на глаз совы, чтобы открыть чемодан? – Он заказал ещё чашку кофе, а Лена – зелёный чай. – Это не может быть лишним в твоём сне. В нём каждое слово и каждое действующее лицо играют определённую роль...

Бирюков задумался: Что он знает о глазах совы? Она не может двигать ими, как человек. Утверждение, что сова ничего не видит днём – это выдумки. Например, филин днём видит все и даже на большом расстоянии. Зрачок совы реагирует не только на изменение освещения, но и при вдохе и выдохе он сужается и расширяется. Что нам это даёт?

- В доме Василисы, насколько я помню, никогда не было птиц, – вслух рассуждал Сергей, – собака была, а вот птицы... – Умная мыслишка промелькнула и исчезла. Он потер виски, пытаясь вернуть её.

Тарасова старалась реже дышать, чтобы не помешать умственному процессу

- А картины с изображением совы в доме не было? Или с другими птицами? – неожиданно поинтересовался Бирюков.

- Я не видела, но лучше об этом спросить у Кирилла.

- Знаешь, мне не даёт покоя тот факт, что сова не может двигать глазами... О чём это может говорить? Как ты думаешь?

- Значит, у кого-то неподвижные глаза, – потупилась женщина, сообразив, что сморозила глупость.

- У кого? – Так просто Сергей не мог от неё отстать: ему нужна подсказка. Не дождавшись подсказки, выдал, – например, у покойника...

- Бр-р-р! – вздрогнула Лена.

– Или у неодушевленного предмета, – тихо добавил он, – слушай, может у Василисы были чучела птиц?

- Я не видела никаких чучел в доме.

Молодые люди сидели в полном молчании. Сергей, наконец, оставил в покое свою чашку и теперь рассматривал улицу за окном. Лена проследила за его взглядом и попыталась рассмотреть, что он там увидел интересного. Но все было, как обычно: люди спешили по своим делам пешком или в автомобилях, на соседней берёзе весело чирикали воробьи, чувствуя приближение весны. Их громкий «разговор» был слышен даже за стеклами кафе. Вдруг в голову Лены «ударил молния»!

- Сережа, мне кажется, зеркало лежало в чемодане не зря! И не потому, что в нём была Василиса Петровна. Оно тоже является ниточкой к разгадке. – Уверенно сказала она.

- Стоп, стоп, стоп! – Бирюков опять начал тереть виски: сейчас он вспомнит то важное, что пулей пролетело и пропало.

Сергей представил себе старинное зеркало, которое являлось семейной реликвией Василисы. Представил и всё понял.

Ленка, как мы могли забыть о тех диковинных птицах на раме зеркала.

- Точно! И у этих птиц неподвижные глаза! - радостно доложила она. – А старинные вещицы часто бывают с сюрпризами - древние мастера были большими выдумщиками.

- Я начинаю припоминать, у птиц вместо глаз – драгоценные камни.

- Драгоценные или нет – я не знаю, но они очень красивые... - Радость быстро пошла на убыль. – Сережа, но те птицы на сов совсем не похожи. Я даже не знаю, что это за птицы. Кажется, таких в природе не существует.

- Совы сделали свое дело, и ушли на второй план. – уверенно заявил Бирюков. – А чего мы сидим и гадаем?! Надо ехать в Алехново, и все выяснить у бабы Клавды, а потом уже заняться птицами. Будем все делать по порядку.

- Надо ехать, - согласилась Лена. - Только возьмем с собой Кирилла. Если развязка близка, то он не простит нам, если мы о нем забыли в такой ответственный момент.

Сергей подозвал официанта, а Лена достала из сумки телефон, чтобы звонить Шмидту, но телефон зазвонил сам.

- Нет, только не это. – скривилась она. – Мне Вяземский звонит! Наверное, проблемы на работе.

- Пошли его к черту, пусть сам разбирается с проблемами, у нас сейчас дела поважнее.

- Не могу! – заупрямилась Лена, - вдруг у него что-то срочное.... Я слушаю! - Недовольно произнесла она в трубку. Недовольство испарилось с первых сказанных Макаром слов. Она смогла только сказать: Сергей рядом со мной. Мы в кафе «Лотос»... Ждем!

Лена отключилась и испуганными глазами посмотрела на Бирюкова.

- Вику похитили. Неизвестный позвонил Вяземскому и потребовал за нее выкуп. Макар хочет с тобой посоветоваться. Он сейчас будет здесь.

- Лена, не надо заранее волноваться.

- Но как же...

- Очень просто. Зная Викторину, меня терзают сомнения, что ее кто-то похитил и требует выкуп.

- Ты думаешь, что она... все подстроила, чтобы выкачать из Макара деньги?!

- Пока я только предполагаю.

- Я о Викторине не лучшего мнения, но, мне кажется, даже она не способна на такое.

- Позвони Кириллу, пусть приедет. Он ее знает лучше всех, может, разъяснит нам, на что она способна, а на что нет.

В кафе зашел человек, отдаленно напоминающий лощеного красавца Вяземского: пальто нараспашку, волосы дыбом, безумный беспомощный взгляд. Он подошел к ожидавшим его людям, забыл поздороваться и сел на предложенный стул, потом вскочил, схватил Бирюкова за руку и громко сказал:

- Мы должны отправиться на поиски Вики. Нельзя терять ни минуту, я за нее очень волнуюсь... Эти... люди могут ее... убить.

Сергей гипнотизировал Лену, призывая ее вмешаться. Она взяла Макара за другую руку и усадила на место. Потом погладила его по плечу, призывая успокоиться. Вяземский хотел подняться, но сильная рука маленькой женщины пригвоздила его к стулу.

- Макар, прежде чем куда-то бежать, тебе надо все обстоятельно пересказать Сергею.

- Я хотел позвонить в полицию, но испугался за Вику. Похититель приказал не заявлять в полицию. И я вспомнил о Сергее... Вы мне поможете? – спросил Макар у него. - Я очень вас прошу, найдите Викторину.

- Я приложу все свои силы! – убедительно произнес Бирюков.

В кафе влетел Кирилл.

- Что с Викой? – взволнованно спросил он. Лена и в этих обстоятельствах не совладала с чувством ревности и недовольно скривилась, словно у нее в один момент разболелся зуб.

- Присаживайся, сейчас Макар все расскажет, - взял на себя роль председательствующего Сергей.

Вяземский начал сбивчиво рассказывать, и сидящие за столом люди поняли, что проку от такого сбивчивого рассказа мало.

- Хотите чаю... или кофе, - предложил Бирюков. Макар сначала не понял вопроса, а потом отрицательно покачал головой.

- Нет-нет, я ничего не хочу, сейчас надо бежать, спасти Вику.

- Нам надо разобраться во всем. Поэтому вам необходимо успокоиться, выпить чего-нибудь и подробно рассказать нам все, что знаете.- Сергей разговаривал с ним, как с ребенком, который потерял любимую игрушку, а дядя детектив обещает ее найти, если мальчик съест нелюбимую кашу.

- Хорошо, - обреченно согласился Макар, понимая, что другого выхода нет, надо подчиниться этому большому человеку, который лучше знает, как поступить в этой ситуации. Он заказал холодный чай и постарался взять себя в руки. Он был из тех людей, которые пасуют перед трудностями, не знают, как поступить в той или иной ситуации.

Троица друзей старалась не смотреть на Вяземского, предоставив ему возможность справиться с эмоциями. Кирилл с интересом изучал меню, будто ничего более интересного он не читал. Сергей рассматривал пейзаж за окном, а Лена копалась в своей сумке, искала там что-то очень важное. Она делала это с таким фанатизмом, будто от того, найдет она предмет или нет, решится главный вопрос жизни. Во время сильных волнений и переживаний она всегда не могла усидеть на месте: ей нужно двигаться, ходить, как маятник, что-то крутить в руках. Посетители кафе ее бы не поняли, если она стала совершать спонтанные перемещения между столиками, поэтому не придумала ничего лучше, как копать в сумке.

Вяземский пил чай. Обруч, сжимающий голову последние два часа, немного ослабел. Он внимательно посмотрел на людей, сидящих за столом. Они ждут его обстоятельного рассказа. Но что Макар может им рассказать, если понял только одно – Вику похитили и требуют выкуп. Звонивший мужчина хриплым голосом предложил заплатить за «свою красотку», как он выразился, миллион (слава богу, рублей). Если он, любовничек (так и сказал), не заплатит, то будет получать посылки с частями тела своей невезучей девушки, которая пострадает от жадности своего возлюбленного. Он говорил еще какие-то страшные вещи, но Макар ничего не мог понять: перед глазами было совершенное тело Вики, которым он любовался два прошедших выходных дня.

В одном он был уверен – если Бирюков ему не поможет, то он найдет нужную сумму и отдаст ее похитителю. Но вернет ли он Вику, вот вопрос?..

Они расстались сегодня утром. Виктория завезла его домой. Макар не хотел выходить из машины. Он держал ее руку в своей руке, и не хотел расставаться. На прощание прильнул к ее губам. Поцелуй был долгим и чувствительным. Он предложил девушке подняться к нему домой, но она отказалась, сославшись на дела. Они договорились встретиться вечером. Вика помахала ему на прощание и лихо выехала со двора... Ах, если бы он знал, что случится потом!.. А в тот момент он проводил ее обиженным взглядом, и замер на краю тротуара, надеясь, что Вика передумает и вернется. Не дождался, прихватил сумку, и пошел домой. Предчувствий не было, плохие мысли не лезли в голову. Напротив, он был счастлив, несмотря на отказ. Макар мечтал о предстоящем вечере, который они проведут вдвоем.

Коготок волнения поскреб душу, когда он не смог дозвониться Вике. Она всегда, при любых обстоятельствах, отвечала на его звонки. Он оставил ей сообщение на телефоне с просьбой перезвонить, и занялся делами. Но мерзкое чувство скребло и скребло душу.

А вскоре раздался звонок похитителя.

Какое-то время Макар сидел в кресле, сжимая телефон в горячей руке, затем понял, что надо действовать.

Минутное оцепенение сменилось бурной деятельностью. Вяземский выскочил из своего кабинета и помчался к Тарасовой. Но той на месте не оказалось, секретарь сказала, что Елена Викторовна ушла на обед и еще не возвращалась. У него на лице отразилось такое отчаяние, что секретарь предложила ему успокоительное. Он не мог понять, что от него хочет эта женщина и продолжал повторять вслух одну фразу: «Что же делать?» Секретарша подумала, что вопрос обращен к ней и предложила:

- А вы ей позвоните!

- Кому? – не сразу сообразил Макар.

- Елене Викторовне!- подсказала дама-секретарь без малейшего удивления на лице.

- Спасибо! – возликовал Вяземский, будто ему дали не простой совет, а вручили Государственную Премию.

И он позвонил...

Теперь Макар сидел перед тремя присяжными заседателями, которые выслушали его более-менее обстоятельный рассказ, и ожидал приговора.

- Вы пытались дозвониться Виктории после звонка похитителя? – спросил Бирюков. Ничего нового он пока не узнал.

- Нет. – Макар не подумал о такой простой вещи, как позвонить. И почему не подумал, не позвонил? Вдруг это чей-то глупый розыгрыш, и Вика жива и здорова, а он сам нервничает и отвлекает занятых людей от важных дел.

Вяземский достал телефон и набрал знакомый номер, по которому сегодня уже звонил. Бездушный голос сообщил, что вызываемый абонент выключен или находится вне зоны действия сети.

- Сейчас телефон отключен, а до этого она не отвечала. – доложил Макар и посмотрел по очереди на всех сидящих.

Бирюков попытался придать своему голосу ободряющие нотки.

- Может, у Вики важная встреча, и она выключила телефон. А человек, который вам звонил, об этом знал, и решил вас разыграть. Сейчас часто такое происходит. Мошенники звонят родственникам и рассказывают небылицы, а люди верят и несут мошенникам деньги.

- Нужно поехать в салон красоты, который принадлежит Вике, и все узнать, - предложил до сих пор молчавший Кирилл.

- Можно даже не ехать, а позвонить туда, - сказал Сергей, - как называется ее салон красоты?

- «Афродита», - с готовностью доложил Шмидт.

- Вот и хорошо. Сейчас мы узнаем номер телефона этой «Афродиты», позвоним и поговорим...

Тарасовой не нравилось, что ее жених слишком озабочен исчезновением подруги детства. Она понимала, что их связывают многие годы дружбы, но ничего поделать со своей ревностью не могла. На ум пришел тот пресловутый халат, который ей предложил когда-то Кирилл. В тот осенний дождливый день только зарождались их отношения. У Лены было похожее состояние, но тогда она еще ничего не знала о его прошлой жизни, не знала о его чувствах к ней. А сейчас? Как ей не стыдно! Их отношения прошли такие испытания, что сомневаться в Кирилле она не имеет права. Он сказал ей тогда, что Вика – просто друг. Почему она опять сомневается в его словах? Ведь, на недоверии семьи не построишь. Не надо сравнивать Кирилла с Вовкой, которому Лена всегда слепо верила.

Но один раз обжегшись на молоке, дуешь на воду...

Тарасова попыталась взять себя в руки и прислушалась к беседе за столом. Но у нее ничего не вышло: Лена думала о своем, пыталась заглушить в себе ревность. – Неужели, для меня было бы лучше, если бы Кирилл отмахнулся, узнав о похищении подруги, и занялся своими делами, которые посчитал более важными на данный момент. И я смогла

бы полюбить такого бездушного мужчину? Однозначно, нет! Хватит мне одного неудачного опыта. Так почему я сейчас сижу и исхожу злостью и ревностью?! Не нравится, что будущий супруг - равнодушный и добрый человек?

Говорят, нельзя полюбить человека за что-то, его просто любят или нет. Тарасова тоже так считала раньше. А сейчас поняла, что любовь просто так не приходит, даже любовь с первого взгляда, что-то должно произойти, чтобы один человек заметил другого.

Лена полюбила Кирилла за его доброту и внимание. Она не забыла, как он помог ей в трудные дни, когда ей некуда было идти, когда сердце превратилось в ледышку, не способную никогда оттаять. Он протянул ей руку помощи, согрел ее своим теплом...

Это просто глупо не доверять такому человеку, как Кирилл Шмидт...

- Ну, что по коням! – прервал ее размышления Сергей Бирюков, который успел узнать номер телефона салона красоты «Афродита», но там ему никто не ответил. Он не стал терять время и предложил отправиться в «Алехново».

Ехать решили на двух машинах: впереди – Кирилл с Леной, позади – Бирюков с Вяземским.

Всю дорогу Кирилл молчал. Не потому, что обиделся на нее, а просто не знал, что сказать. Строить предположения о местонахождении Вики – толочь воду в ступе, разговаривать о посторонних вещах – глупо.

Лена попыталась прервать затянувшееся молчание.

- Надо сообщить маме Виктории. Как это сделать?

- Не думаю, что это, вообще, нужно делать. Зачем волновать заранее человека? – Лена хотела спросить: он тоже сомневается в том, что его подругу детства похитили? Но пока собиралась с силами, Кирилл сказал, - думаю, все закончится хорошо, мы быстро найдем Вику, и она сама позвонит матери, будто ничего и не было.

- Вдруг мама ей позвонит, не дозвонится и начнет волноваться.

- Да, в этом ты права. Надо ее успокоить... Что бы такое придумать?

- Скажи, Виктория отправилась в дальние страны со своим женихом.

- Ага, с женихом. А почему от матери скрыла и жениха, и поездку в дальние страны? У Вики с мамой доверительные отношения.

- Она могла попросить о звонке тебя. Мол, сама не успела, слишком все вышло спонтанно... Хотя, она может спросить, как ей связаться с дочерью. Сейчас дозвониться на край света – не проблема.

- Тогда скажу, что она уехала не в дальние страны, в дом отдыха, расположенный в лесу. Там точно связи нет.

- Ты версии на лету придумываешь, будто занимался этим всю жизнь, - подозрительно глядя на Кирилла, промолвила Елена.

- Ты сомневаешься в моей честности? – Шмидт болезненно отреагировал на укол женщины. Неужели он не доказал свою любовь, свою преданность.

- Извини меня, Кирюша! Что-то на меня сегодня нашло! - повинулась Тарасова.

- Или собака укусила, – хмыкнул Кирилл.

- Точно! Злая-злая собака по кличке Ревность.

- Дурочка, ты моя! – одной рукой он продолжал держать руль, а другой – притянул девушку к себе. – Никто мне, кроме тебя, не нужен. Я тебя очень люблю!

- А я – тебя! – Она положила голову на плечо Кирилла и подумала: Как хорошо, что он рядом! И тотчас вспомнила о Вяземском и о Вике, которых насильно разлучили. - Бедный Макар, бедная Виктория, - с сочувствием вздохнула она.

- Да, испытание, ничего не скажешь. Я был в аналогичной ситуации, когда тебя похитил Владимир, и... - Шмидт резко замолчал и покосился на Лену. Он слишком поздно сообразил, что сболтнул лишнее, не нужно было возвращаться к этой болезненной теме. Лена сидела с каменным лицом и смотрела вперед. Кирилл суетливо заметил, - не думал, что у Вики с Макаром все так серьезно.

- Раз скрывали от всех свои отношения, то это не обычное мимолетное увлечение... Или, наоборот, мимолетное увлечение, о котором не стоит распространяться. Пролетело и забылось, зачем об этом кому-то знать? - Лена передернула плечами. - А ты что думаешь по этому поводу?

- Не знаю. Мне кажется, все зависит от самого человека. Один трубит о своем счастье, другой – закрывается и бережно его хранит, чтобы не спугнуть, чтобы, не дай Бог, никто не сглазил. Причем это не зависит от характера человека. Обстоятельства могут резко изменить характер, привычки. Возьми, к примеру, своего Вяземского. Всегда спокойный, как удав. Вылизанный, одет с иголки, все честь по чести, даже чересчур. А случилась с Викой беда, куда делся его лоск. Я не удивлюсь, если он, не раздумывая, чтобы ее спасти полезет в канализационную трубу. В чем будет одет, в том и полезет.

- А это уже показатель его любви к женщине. Потому как ползание по канализационной трубе это для Вяземского своего рода подвиг...

- Надеюсь, ему этим заниматься не придется, - задумчиво произнес Кирилл.

- У тебя есть какие-нибудь мысли?

- Пока нет, все зависит от того, что нам скажут в «Афродите»...

К салону красоты «Афродита» они подъехали, когда совсем стемнело.

Салон напоминал оранжерею по количеству растений разного вида: каучуковый фикус соседствовал с драценами, лимонный куст радовал крупными плодами, веселила огромными опухшими-листьями монстера, фикус Бенджамина удивлял скрученными по спирали толстыми стволами. Стойкий запах химии не мешал им расти и цвести.

Работницы салона были одеты в одинаковые симпатичные халатики с вышитым вензелем «А» на кармашках. Они повернули головы и внимательно посмотрели на вошедшую компанию из трех мужчин и молодой женщины.

Администратор салона улыбнулась и хотела задать вопрос, но Бирюков ее опередил.

- Можем мы увидеть хозяйку салона?

- Викторю Юрьевну?

- А у вас их несколько? – съязвил Сергей, растеряв привычную выдержку: меланхолия Вяземского вкупе с занудным причитанием и постоянным требованием «прибавить скорость» плохо отразилась на его воинственном настрое, добавив к настрою едкое раздражение. – И почему вы не отвечаете на звонки?! – зло бросил он, не дав девушке возможности ответить на первый вопрос.

- Виктория Юрьевна у нас одна! – отрапортовала девица, глядя на дерзкого мужчину своими коровьими глазами. – А телефон...не работает. Что-то случилось на линии. – Она взяла трубку стационарного телефона, приложила к своему уху, потом протянула трубку Бирюкову, чтобы он убедился в правдивости ее слов.

- Девушка, я спросил: мы может увидеть хозяйку салона? Отвечайте четко: да или нет?

- Нет! – бойко рявкнула она, как солдат на плацу, с той лишь разницей, что он говорит «никак нет!» Заметив растерянность среди визитеров, она решила поинтересоваться, но обратилась не к злому дяде, а к доброму, которого она несколько раз видела вместе с хозяйкой - к Кириллу Шмидту, - что-то случилось с Викторией Юрьевой?

Все мастера салона забыли о делах и напряженно ждали ответа.

- Мы могли бы поговорить в кабинете Викторю Юрьевны? – спросил Кирилл и первый направился в сторону кабинета, не дожидаясь разрешения.

Кабинет Викторю Юрьевны был совсем крохотным, пять человек в нем с трудом разместились. Если мужчинам было без разницы, что собой представляет кабинетик Викторю, то Лене было интересно.

Огромное окно во всю стену с вертикальными жалюзи, сквозь щели которых видны цветущие фиалки на подоконнике, стол из натурального дерева, удобное кресло, два стильных стула – для посетителей, узкий стеллаж с разноцветными папками. На столе –

компьютер с большим экраном, аккуратная стопка документов в файлах, «мышка» на коврик. На стене – картина с зимним пейзажем, выполненная очень умело.

Пристальным изучением кабинета Лена Тарасова пыталась заново взглянуть на Викторию, как на деловую женщину. Раньше ей не верилось, что она занимается своим салоном, переложив управление на чужие плечи, а сама куролесит. Занималась сама, причем подходила со всей ответственностью. И стало ясно, что первое впечатление о Вике Ждановой было, как это и водится, обманчивым.

Голова Кирилла была занята другим: почему только сегодня его слух резануло отчество подруги детства? Да, он знал, что она – Виктория Юрьевна Жданова. Именно, пристроившаяся к имени и отчеству фамилия сбивала с толку. А сейчас услышал – Виктория Юрьевна и призадумался. Некстати вспоминалась давно забытая фраза, сказанная его бабушкой.

Василиса Петровна обращалась к бабе Клаве.

- Наверное, надо очень любить мужчину, чтобы родить от него незаконнорожденного ребенка.

Кирилл вспомнил всё слово в слово, будто бабуля сидела рядом и вновь произнесла эту фразу. Еще тогда он хотел спросить у бабушки, что означает «незаконнорожденный»? Раньше она таких слов не произносила. Но заигрался с маленькой Викой и забыл...

Все жители деревни Алехново всегда косо смотрели на мать-одиночку Надежду Жданову, «перемывали ей косточки», сидя вечерами на скамейках у заборов. Василиса Петровна эти разговоры пресекала, не любила, когда за глаза обсуждают человека. Со временем разговоры утихли, но маленькая черноволосая и уже в то время красивая девчушка постоянно напоминала бабулям-сплетницам о грехе своей матери. Неприязнь перекинулась на малышку: ее сверстникам запрещали играть с «безотцовщиной». И Вика очутилась в полной изоляции. Бабушка Василиса не стала воевать с соседями, окружила девчушку любовью и вниманием, не делая разницы между нею и своим внуком. Вика всегда называла ее бабушкой Васей. Такое обращение она позволяла только ей, другие дети, даже самые маленькие, называли ее по имени и отчеству – Василиса Петровна. Бабушка не любила фамильярностей, и когда кто-то обращался к ней, называя бабой Васей или бабой Василисой, она резко обрывала «внука», произнося при этом, что внук у нее один и в других она не нуждается.

Оказывается, не один. Была еще и внучка. Незаконнорожденная. Внучка Виктория Юрьевна Жданова...

То, что у отца был роман с соседкой, Кирилл понял совсем недавно, когда в его руках оказался дневник отца. О чувствах к соседке там ничего не было сказано, но тот факт, что отец доверил записи соседке Надежде, говорит о многом.

Кирилл решил, что обязательно докопается до истины. Просто так он от тети Нади не отстанет. Но сначала надо найти Вику...

Пока он предавался неожиданно пришедшим воспоминаниям и размышлениям, бухнувшись от неожиданных открытий на один из стульев, Бирюков допрашивал администратора салона красоты «Афродита».

- Как вас зовут? – более миролюбиво, чем до этого, спросил частный детектив. Он устроился в кресле руководителя, скрестил пальцы и уставился на потерянную девицу.

- Маша... Мария Дронова, – тихо произнесла она и преданно уставилась на Бирюкова.

- Мария, когда вы в последний раз видели Викторию Юрьевну?

- В пятницу. В выходные она не заглядывала, хотя, обычно...

- В выходные Виктория Юрьевна была на выезде, - вставил Вяземский, чем удивил администратора. Все остальные были осведомлены, с кем Вика провела два прошедших дня.

- Продолжайте, - разрешил Сергей.

- А сегодня она в салоне не появилась. Она предупреждала, что задержится – с утра у нее была назначена аудиенция в администрации, а потом она собиралась ехать в город по поводу поставок материалов для салона.

- Когда Виктория обещала появиться в «Афродите»? – спросил Бирюков.

- Она говорила, что заедет после трех и выдаст зарплату.

- Надо позвонить в администрацию, - сам себе приказал Сергей, но не успел предпринять никаких действий. Маша Дронова доложила:

- Виктория Юрьевна не была в администрации... Оттуда позвонили и очень возмущались, что она не пришла в назначенное время. Я ей сразу перезвонила, но никто не ответил. Потом я связалась со складом, где она должна была появиться. Там ответили, что ее не было... Я все время ей звонила, пока на линии что-то не повредили. Как назло. – Девушка ждала объяснений от мужчины, нагло занявшего место Виктории Юрьевны, но тот молчал, только шевелил скрещенными пальцами и любовался блестящей столешницей. Тогда она решилась. – Скажите, с Викторией Юрьевной... случилось несчастье?

Трое мужчин и коротко стриженная женщина внимательно на нее посмотрели, словно она без приглашения вторглась в их дружную компанию и задала нелепый вопрос, не касаемый их торжества.

Не дав вразумительного ответа, ограничившись пространным «совсем скоро Виктория Юрьевна свяжется с вами», компания покинула салон «Афродита», озадачив сотрудников...

- Предлагаю поехать домой к Вике, и хорошенько там пошерстить, - предложил Сергей, когда они оказались на улице.

Вяземский смотрел на него с подобострастием и готовностью к любому действию. До сегодняшнего дня частный детектив вызывал у него раздражение и брезгливость, но сейчас он забыл об этих чувствах. Он был благодарен Сергею за понимание, за рассудительность, за умение ориентироваться в сложной ситуации.

- И надо бы позвонить в полицию, - досказал Бирюков.

- Не надо в полицию, - испугался Макар. - Похититель предупреждал... И какой толк в обращении! Они нас пошлют подальше.

- Я позвоню такому человеку, который нас никуда не пошлет. Это мой старинный друг – Андрей Чижиков. Он майор полиции.

- Точно! – обрадовался Кирилл. – Надо было давно это сделать. Он тоже хорошо знал Андрея, немного грубоватого, но очень компетентного специалиста.

Лена сделала вид, что слышит это имя первый раз, хотя, отлично знала, кто помог Бирюкову, когда он искал анонима, терроризирующего ее письмами.

Все вновь расселись по автомобилям и поехали к дому Виктории.

- Ты чем-то обеспокоен? – спросила Лена у Кирилл, когда они остались одни.

- Станный вопрос. Естественно, я обеспокоен исчезновением своей подруги.

- К прежнему беспокойству добавилось едва скрываемое раздражение. Что ты услышал или увидел в «Афродите» такого, что в одно мгновение погрузился в себя? Я это заметила. Ты никого не замечал и не прислушивался к нашему разговору. Не сразу сообразил, что пора уходить. Если бы я не тронула тебя за рукав, ты бы остался там, в кабинете.

- Тебе показалось, - отмахнулся Шмидт.

- Показалось, так показалось, - с обидой проговорила Лена...

До дома Виктории они добрались быстро. И сразу заметили ее автомобиль во дворе.

- Вот это новости, - прохрипел Бирюков и посмотрел на Кирилла, словно они вместе с Викой затеяли похищение.

Он уже собрался высказать свое мнение, но Лена его опередила.

- Ну, машина стоит во дворе и что? Для начала надо убедиться, что хозяйка дома.

Ее поддержал Вяземский.

- Вот именно! Может, Вике стало плохо... Лежит в доме и ждет помощи.

Бирюков надавил на кнопку звонка, причем сделал это с такой злостью, будто он был виноват в сегодняшних переживаниях. Никто не ринулся гостям навстречу.

- У меня есть запасные ключи. Тетя Надя на всякий случай оставила, когда уезжала.

- Случай представился. – Сергея успокаивало одно: он не успел позвонить Чижикову, тот бы не упустил случая лишний раз покуражиться над бывшим сослуживцем. – Давай, носи ключи!

Шмидт быстро сбегал в свой дом за ключами и протянул их Бирюкову.

- Открывай, - предложил ему Сергей. – Кирилл быстро справился с замком. Сыщики зашли во двор, Бирюков внимательно осмотрел стоявший автомобиль, подергал дверцу: закрыто! Сработала сигнализация.

- Сейчас всю деревню на ноги поднимем, - разволновался Вяземский и оглянулся назад, опасаясь, что возле калитки уже собрались все жители Алехново с граблями и лопатами, готовые защищать чужое добро от преступников.

Но соседи оказались нелюбопытны или настолько привыкли к подобным звукам, что никто на улице не появился.

Сигнализация неожиданно смолкла, будто кто-то невидимый ее отключил.

- Пошли в дом, - нетерпеливо предложил Кирилл и стал перебирать связку с ключами, выискивая нужный ключ. Он открыл дверь. Сергей грубо отодвинул его в сторону, приказал всем оставаться на местах, а сам зашмыгнул в дом. Кирилл направился было за ним, но был схвачен за руку Леной.

- погоди, - прошептала она. – Если в доме кто-то есть, то благодаря завыванию сигнализации, он уже оповещен о нашем появлении.

- Тем более, Сергей нуждается в помощи, - встрял Макар.

- Не нужно мешаться под ногами профессионала, - осадила мужчин Тарасова и отвела их на безопасное, как ей казалось, расстояние, несмотря на то, что они очутились в пятне уличного освещения.

Вяземский не сводил глаз с открытой двери, Лена постоянно вертела головой, будто ожидала нападения. Кирилл Шмидт засунул руки в карманы и смотрел на стоявший во дворе автомобиль, который мог скрывать правду о владелице.

Первым заметил Бирюкова Макар Вяземский. С быстротой и ловкостью пантеры он подскочил к частному детективу.

- Ну? – коротко поинтересовался он и почему-то стал засучивать рукава своего модного кашемирового пальто, не обращая внимания на оружие в руке частного детектива. Рукава съезжали вниз, засучиваться не желали, но Макар с затеей расставаться не спешил.

Бирюков отработанным движением упаковал пистолет в кобуру, обозрел своих сотоварищей, сгрудившихся в кучу, и внятно, чтобы не выслушивать повторные вопросы, произнес.

- Вики в доме нет.

Но вопрос все же последовал. От Вяземского, неустанно боровшегося с рукавами пальто.

- Как там, - он кивнул в сторону приоткрытой двери, - вообще обстановка.

- Там чисто и прибрано. Следов борьбы не наблюдается. Можете сами убедиться. – И указал рукой на дверь, приглашая всех присутствующих молниеносно кинуться в дом с проверкой.

- А ты? – уже стоя на пороге, поинтересовался неугомонный Вяземский. В голосе сквозила назревающая истерия от беспомощности.

- А я позвоню майору Чижикову. – доложил частный детектив. Макар кивнул и скрылся в доме, куда уже успели зайти Лена и Кирилл.

Они прошлись по комнатам, заглянули во все углы, проверили шкафы.

- Я так и знал, что мы здесь ничего не найдем, - обреченно заявил Вяземский, падая на диван.

- Никого, - поправил его Кирилл.

- Я имел в виду – никаких зацепок, - поправился Макар и выпрямил спину, намекая, что сдаваться он не намерен.
- Ты куда? – спросил у Шмидта появившийся в доме Бирюков.
- Схожу к бабе Клаве. Может, она что-то видела или слышала.
- Это правильно!..

Прошло два дня. Напряжение достигло таких пределов, что любой глупый вопрос или невпопад сказанное слово, грозили перерасти в скандал между Вяземским и Тарасовой. Они ходили в агентство, но пользы от них было мало. Лена еще пыталась руководить, но у нее это плохо получалось, мысли были заняты Викторией. Персонал расслабился, но директор смотрела на лень подчиненных «сквозь пальцы», она знала, когда Виктория Жданова отыщется, а она обязательно отыщется, жизнь в агентстве закипит, как прежде.

Вяземский находился в таком угнетенном состоянии, что Лена боялась отпускать его от себя. Утром она заезжала за ним, запрещая самому садиться за руль, целыми днями он сидел у нее в кабинете, пил кофе, ожесточенно грыз сухари и смотрел на свой мобильный телефон, ожидая звонка от похитителя, который должен сказать, где состоится передача миллиона рублей.

Похититель не звонил, изводя неизвестностью Вяземского. Новостей не было ни у Бирюкова, ни у Чижикова.

Баба Клава рассказала, что видела, как Вика вернулась домой утром в понедельник. Как уходила, не видела. Посторонних на их улице будто бы не было. Но у окна баба Клава постоянно не сидела, могла что-то и пропустить.

Опрос остальных соседей результата не дал. Работающий люд уже отправился отбывать трудовую повинность, заслужившие отдых пенсионеры нашли себе работу по дому. По улице никто не бродил в виду «нелетной» погоды.

Кирилл не выдержал и поделился с Леной своими догадками относительно своего родства с Викой. Она почему-то совсем не удивилась.

- В жизни всякое бывает, - философски заметила Лена.

И Кирилл с благодарностью взглянул на нее: лишние вопросы или, еще хуже, желание переубедить в обратном, он воспринял бы в «штыки». Спрашивается, зачем завел разговор? Медленно приучал себя к мысли, что Вика - его сестра, а не подруга детства.

Честно говоря, он всегда испытывал к ней необъяснимые чувства, похожие на любовь. Не любовь мужчины к женщине, а своего рода родственную любовь. Он представлял себе лицо Вики, искал в нем общие черты с ним самим или с отцом, но ничего не находил. Наверное, во всем виноват цвет ее волос, - решил Кирилл. – Она темненькая, а мы с отцом рыжие. Цветом волос Вика пошла в мать...

Кирилл сдержал слово. Он позвонил тете Наде и рассказал об отъезде дочери.

- Вот, егоза! – возмутилась она. – Спасибо тебе, Кирюша, что позвонил. Ты мне, как сын. – Она прослезилась, наверное, опять вспомнила отца. Потом спросила, как у него дела, скоро ли свадьба. Видимо, дочь успела доложить о грядущих переменах в жизни холостяка Шмидта. Кирилл признался, что скоро. И едва не брякнул: «Если все закончится хорошо». Но вовремя «прикусил язык». И не мудрено, что не брякнул: Вика занимала все его мысли. А тетя Надя опять всплакнула, теперь от радости, и пообещала обязательно приехать на свадьбу. Копаться в прошлом, теребить мать Вики вопросами, он не стал. Все позже. Когда Вика найдется. Его сестра.

Он «попробовал на вкус» слово сестра, и оно ему понравилось. Еще недавно он был совсем один, не считая занятого делами Бирюкова, а сейчас у него есть Лена. Есть Вика. Есть мать Вики – тетя Надя...

Лена не сказала Кириллу, что его признание пролило бальзам на ее ревнивую душу. Все женщины – собственницы, при любых обстоятельствах. Надо думать, где искать

Вику, а она расслабилась – как хорошо, что эта красивая темноволосая женщина – сестра ее Кирилла.

Ей надо было с кем-то поделиться новостью, и она нашла заинтересованную сторону. Она позвонила Инне Зиминой, рассказала о похищении Виктории, и вообще, кто есть кто. Та, не раздумывая, заявила, что брат и сестра – одно лицо, и Лена спорить не стала, хотя, ничего общего между ними не заметила. Затем Инна перескочила на похищение, повторив первоначальное предположение самой Лены о заговоре между Викой и похитителем. Но Лена ее переубедила, приведя весомый аргумент – давно бы состоялась передача денег.

- Я могу чем-то помочь? – спросила Зиминая, искренне жалея похищенную девушку.

- Пока мы только сидим и ждем звонка от похитителей. Или новостей от следствия, - устало произнесла Тарасова – Да, чуть не забыла! Инна, я видела твой альбом с фотографиями в доме Вики, но взять не смогла – полиция запретила что-то выносить.

- Брось ты! Он мне, конечно, очень дорог, но сейчас главное – Вика. Она найдется и сама вернет мне альбом. – Они еще поболтали немного. Лена извинилась, что они с Кириллом не смогли приехать в гости к Зиминым.

- Я все понимаю. Надеюсь, что Виктория скоро найдется. Сразу же мне позвони!

- Обещаю!

Сотрудник районного отдела полиции поселка Алехново планомерно и терпеливо обходил все дома, находившиеся в непосредственной близости от дома Вики, и нашел важного свидетеля. Им оказался мальчишка двенадцати лет, который прогуливал в тот день первый урок в школе. Он не выучил стихотворение и лучшего выхода не нашел, как не пойти на урок литературы, хотя к этому предмету должен был относиться особенно прилежно, так как являлся полным тезкой известного писателя Анатолия Рыбакова, написавшего «Дети Арбата», «Кортик», «Бронзовую птицу» и другие книги, многие из которых Толик читал по несколько раз. Особенно ему нравилось любоваться обложкой со своим собственным именем. Он представлял, что это его произведение, все его знают и уважают..., кроме литераторши, которая заставляет учить нескладные стихи, совершенно незапоминающиеся, и писать диктанты, вставляя в него неизвестные слова. Поэтому мальчик решил избежать встречи с нелюбимым преподавателем, подышать свежим морозным воздухом, а не сидеть в душном классе.

Толик Рыбаков шел по улице и раздумывал: куда бы ему податься, чтобы не встретить знакомых, которые могут рассказать матери, что видели ее нерадивого сына болтающимся по улице в то время, когда шли уроки в школе. Поэтому он был начеку и зыркал своими глазенками во все стороны.

Мальчик видел, как Виктория Жданова вышла из дома и села в белую грязную «копейку». Он притаился за деревом, пока машина не уехала. Сидевшего за рулем водителя Толик не рассмотрел, он только заметил, что это был немолодой мужчина в черной вязаной шапке, надвинутой до самых бровей. Мальчик удивился, что Вика уехала на такой «непрестижной тачке», а не села в свой автомобиль, который стоял во дворе. Рыбаков проводил взглядом дребезжащую калымагу и подошел к забору. Он долго любовался сквозь щель классной машиной, даже чуть не опоздал на второй урок.

Больше Толик ничего рассказать стражам порядка не смог: номера автомобиля он не запомнил, сидевшего за рулем водителя описал расплывчато. Розыск белых «Жигулей» ни к чему не привел. Никто из жителей поселка Алехново таким автомобилем не владел.

Что подвигло Вику сесть в поджидавший ее автомобиль – оставалось загадкой....

Лена возвращалась домой после посещения Лизаветы в больнице. Подруга чувствовала гораздо лучше и пребывала в боевом настроении, надеясь очень скоро вернуться домой. Тарасова решила рассказать ей о похищении Виктории и о возможном ее родстве с Кириллом. Общение с Лизой всегда благотворно действовало на Тарасову: постоянные заумные разглагольствования подруги ее веселили.

И теперь по дороге домой с уст Лены не сходила улыбка. Она была несказанно благодарна Лизавете за короткий перерыв в напряженном ожидании вестей. Лизка, как всегда, ее удивила своими познаниями.

- Ты знаешь, что исчезают только люди, которые ведут неправильный образ жизни?! – заявила Жукова, выслушав рассказ Лены, которая ожесточенно задергала головой и при этом заспорила:

- Это неправда! Пропадают разные люди, невзирая на образ жизни, возраст, профессию, увлечения и вероисповедание.

- Не ерничай! – скомандовала Лизка. – И, вообще...

- Дура ты, Тарасова! – досказала за нее Лена, - хоть, и директор рекламного агентства.

- Вот видишь, ты и сама все знаешь! – хмыкнула Жукова и хитро покосилась на знающую подругу.

- Что там у тебя! Выкладывай! – разрешила Лена.

- Я тут статейку одну в газетенке прочла. – Лизавета выдержала паузу, чтобы заинтриговать подругу. Лена еле-еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться: вид у Лизки был такой загадочный, будто она сейчас раскроет какую-то тайну, от которой зависит жизнь не только Лены, но и всех людей на земле. – Очень часто самые обычные люди исчезают под воздействием таинственной силы, о которой толком никто не знает.

Лена открыла рот, чтобы предостеречь подругу от чтения разного макулатурного бреда, но та на нее цыкнула и продолжила.

- Под этой таинственной силой... скрываются... - Она сделала страшное лицо, - инопланетяне!

Лена с хохотом повалилась на кровать:

- Расскажи мне, тетенька, про зеленых человечков!

«Тетенька» не пала духом от непонимания, и продолжила рассказ о таинственных силах.

Лена догадалась, что таким нехитрым способом Лизка попыталась ее развлечь. И у нее это великолепно получилось...

Вика открыла глаза. Сначала она решила, что ослепла, но потом поняла: вокруг нее сгруппировалась темнота. Девушка расставила руки, поводила ими вокруг себя. Потом перешла к ощупыванию себя, желая убедиться, что с ней все в порядке. О каком порядке можно говорить, находясь неизвестно где? На Вике по-прежнему была теплая куртка, брюки, свитер и ботинки. Теплая одежда не спасала от пронизывающего холода и сырости.

Виктория обхватила себя руками, пытаясь согреться, потом сложила руки трубочкой, поднесла их к губам и стала дуть. В результате закружилась голова, а замерзшим рукам теплее не стало. Тогда она засунула руки в подмышки. Пришло ощущение обманчивого тепла. Осталось согреть окоченевшие ноги. Вика стала постукивать ноги друг о друга, чтобы не только их чуть согреть, но и вернуть онемевшим конечностям возможность двигаться. Куда двигать в такой крошечной тьме, девушка пока не решила, но была уверена, что за свою жизнь будет бороться, будет искать способы побега.

Надо бы еще вспомнить, как здесь оказалась.

После расставания с Макаром, девушка вернулась домой. Она хотела привести себя в порядок и отправится по делам. Переступив порог, Вика услышала телефонный звонок.

- Это Виктория? – спросил грубый мужской голос. Вика еще подумала, что человек много курит...

- Да, это я. – ответила она, на ходу снимая меховую курточку и придерживая плечом трубку телефона.

Вика была в прекрасном настроении. Проведенные в пансионате два незабываемых дня, наполнили ее жизнь смыслом: появился человек, который увидел ее истинное лицо. В общем, пришел, увидел, победил...

Раньше Виктория Жданова постоянно жила под маской. Она привыкла играть роль, причем с каждым мужчиной свою: с погибшим бандитом – роль любовницы и соратницы, с Крюковым – роль избалованной девочки. С самого начала отношений с Вяземским Вика приняла решение – завоевать его любыми способами. Она подумала, что ей подойдет маска женщины–вампи, иногда примеряющей маску хорошей хозяйки. Сочетание несколько странное, еще не опробованное, но для такого мужчины, как Макар, подходит, именно, такая женщина. Как она ошибалась! Хорошо, что он смог разглядеть под всеми этими масками истинную Викторию Жданову: деловую и серьезную – на работе, любящую уют и чистоту – дома, умеющую искренне любить – с мужчиной, который ее понимает и прощает оригинальные черты ее непростого характера.

Все складывается прекрасно!.. И тут звонок. Звонок, убивший ее зачаточное счастье. - Ваш знакомый ехал в Алехново и попал в серьезную аварию, - прохрипел в трубку незнакомец. – Я остановился, чтобы оказать ему первую помощь, вызвать «скорую»... Когда его увозила машина скорой помощи, он успел назвать ваше имя и номер телефона, чтобы я взял на себя эту печальную миссию и сообщил об аварии... Но вы не волнуйтесь, он жив. Он бы и сам позвонил, но куда-то подевался его мобильник. Выпал, наверное. - Он серьезно пострадал? – совсем не своим, каким-то чужим, дрожащим от волнения голосом, спросила Вика.

Этот человек почти ничего не знал. Но он мог отвести ее туда, где находился пострадавший Макар. В тот момент она не задумалась, зачем Макару тащиться к ней в Алехново? Ведь они расстались всего-то пару часов назад. И он собирался на работу.

Пришла беда, открывая ворота, - некстати влезла в голову дурацкая пословица. - Беда пришла... Пришла беда... Открывай ворота.

Она металась по дому, то снимала, то накидывала куртку, нервно заплетала волосы в косу, и расплетала.

И в голову не пришло, почему звонивший мужчина не спросил адрес, по которому за ней надо заехать. И не назвал номера больницы, куда отвезли пострадавшего в аварии Вяземского.

Он просто обещал отвезти ее к пострадавшему Макару, и это сейчас было самым важным. Вика должна быть рядом с Макаром.

Завидев незнакомого автомобиль, Вика выскользнула из дома. Она быстро села на пассажирское сиденье, не взглянув на водителя.

Уже отъехав пару кварталов от дома, она покосилась на «доброжелателя». Надо признать, выглядел он довольно странно: на голове черная вязаная шапка, надвинутая до самых бровей, куртка армейского образца с поднятым воротником и черные старые джинсы, слишком вытертые на коленях. Небритый, неухоженный, и это мягко сказано. От Вики он отгородился высокоподнятым меховым воротником. Но ей не было дела до его внешнего вида, до его поднятого воротника – в салоне машины было холодно, главное – он отвезет ее к Макару. Вместе они все выдержат. Волнение о возлюбленном затмило элементарное чувство самосохранения.

На все ее вопросы о Вяземском он пространно отвечал:

- Приедем на место, и вы сами все увидите...

Уже на выезде из поселка Алехново, он резко затормозил. От неожиданности Вика ошутимо ударилась головой в лобовое стекло. Хотела возмутиться, но почувствовала укол в предплечье и отключилась.

Последнее о чем она подумала, что Макар без нее не справится...

Когда руки немного согрелись, Вика перешла к изучению пространства вокруг себя: она сидела на каком-то топчане, накрытым, скорее всего, стареньким матрасом. Откуда-то сверху проникал лазерный луч света.

Скорее всего, я нахожусь в подвале, - решила она, - крышка выхода неплотно прилегает. Перекосилась.

То, что крышка перекосилась, словно приготовилась распахнуться при ее приближении, заставило подняться с топчана, ослабевшие конечности отказались ее держать, и она плюхнулась назад. Потом снова встала и прислушалась к своим ощущениям. В ступни ног воткнулись тысячи иголок, под коленками жгло. От своих ощущений она перешла к напряженному слушанию тишины подвала, которая вот-вот должна разбавиться посторонними звуками. Все равно какими, только не топотом чужих ног. Тишина стояла удушающая и пугающая. Вика похрипела, желая разбавить тишину, а потом тихо сказала:

- Дела мои плохи.

Собственный голос придал ей сил и смелости. Показалось, что предметы в подвале стали «вылезать» из кромешной тьмы. Наверное, обострилось зрение. Или глаза привыкли.

Не выпуская из вида лазерный луч дневного света, такой великолепный, манящий и ценный в этих обстоятельствах, Виктория стала перебирать ногами до тех пор, пока они не уткнулись во что-то грубое. Соприкосновение пришлось по пальцам, и было болезненно ощутимым. Присела и почувствовала под ладонью грубую занозистую деревяшку. Ступени! Девушка начала приближаться к слабому источнику света, осторожно переступая по прогнившим ступенькам. Достигнув потолка, она попыталась поднять крышку, но у нее ничего не вышло: выход был придавлен чем-то тяжелым или закрыт на висячий замок, если снаружи на крышке сохранились петли.

И тут Виктория отчетливо услышала тяжелые шаги над головой. Она притаилась, надеясь, что ее усилия остались незамеченными. Меньше всего ей хотелось встречаться с похитителем. Вика не знала, что задумал этот человек и очень его боялась. Шаги удалились. Она лихо спустилась вниз, будто проделывала это сотни раз, и присела на топчан.

Глаза настолько привыкли к темноте, которая уже не казалась беспросветной, что девушка смогла рассмотреть свое временное «жилище». По периметру подвала были сделаны полки, на которых стояли банки разных размеров, причем они были покрыты паутиной и плесенью. Значит, в этом доме никто не живет, - решила Виктория. Она безумно боялась мышей, не говоря о крысах, которые тоже могли хозяйничать в подвале. Непроизвольно представила, как по ней бегали эти твари, пока она была без сознания.

Вдруг в углу послышался шорох... Вика забралась с ногами на топчан: только подумала о грызунах, а они уже тут, как тут. Хотела постучать, чтобы спугнуть мышей, но испугалась – наверху могут услышать и сообразить, что она очнулась, и придут за ней. Пусть считают, что она еще спит. Да, бояться надо не безобидных грызунов, а человека, который ее похитил.

Вика задумалась: кто он и что ему надо? Если это тот мужчина, который заехал за ней, чтобы отвезти к раненому Макару, то ничего хорошего ждать не приходится: бандит, сразу видно! Если сразу видно, то почему, не раздумывая, села к нему в машину? Беспокоилась о Макаре, потеряла бдительность, которая у нее в друзьях никогда не водилась.

Мда, развлеченьице, ничего не скажешь, - вздохнула она. И попыталась вспомнить, где видела мужичонку, заманившего ее в капкан? Ведь, видела, у нее глаз наметанный.

Когда она села в машину, мужчина краем глаза посмотрел на нее. Именно, этот косой колючий взгляд показался ей знакомым. Между нею и этим колючеглазым было связующее звено. С кем-то из ее знакомых он общался, а Вика случайно увидела. Увидела и удивилась: что этих разных людей может связывать?

Виктория растянулась на топчане, чтобы думалось легче, подложила под голову руки и стала повторять:

- Зачуханный мужик с колючим взглядом и... Зачуханный мужик с колючим взглядом и...

Начало осени. На зеленых деревьях кое-где начинает появляться желтая «ржавчина», на улице дышится легко, воздух наполнен ароматами уходящего лета. Вика распахивает окно, чтобы вдохнуть запах цветущих под окнами мохнатых астр... и видит: за забором ее участка, чуть левее дома, стоят двое мужчин. Один из них, именно, этот человек, к которому она села в машину. А другой... Крюков! Вика подумала тогда, что их может связывать: ухоженного Петра и немытого бомжа? Они стояли под огромным орехом, который растет на границе двух участков – ее и Кирилла, надеясь, что их никто не увидит под сенью раскидистого дерева, тем более, на улице почти стемнело. Не на ту нарвались - Виктория всегда отличалась хорошим зрением, поэтому смогла хорошо рассмотреть эту парочку. Она заметила, что Крюков, который стоял к ней спиной, что-то говорит своему собеседнику, тот внимательно слушает, не поднимая глаз на Петра, рассматривая что-то под ногами, будто собственная обувь его интересует больше, чем слова Крюкова. Любопытство заставило Вику выскользнуть из дома. Скрип половиц на крыльце привлек внимание собеседника Крюкова, который был до сих пор безучастен ко всему. Он резко дернулся и... взглянул на Вику своим колючим и злым взглядом. Именно, этот взгляд ей запомнился.

Вернувшись в дом, Петр выглядел чем-то расстроенным. Она не удержалась и спросила, с кем он разговаривал. Крюков ответил, что человек спрашивал, где ближайший магазин. Вика тогда подумала, что ее любовник что-то скрывает, но выяснять причину не стала: не хочет говорить – не надо, ей какое дело.

Больше она никогда не видела этого неприятного человека... До того момента, как села к нему в машину...

Что ей дало это гениальное воспоминание?

Можно предположить, что похитивший ее человек мстит за смерть своего знакомого – Петра Крюкова, считая ее виновной. Но где доказательство, что двое мужчин, действительно, были знакомы, а не встретились в тот осенний день случайно? Если принять версию, что Петр нанял этого человека для выполнения «грязной» работы при поиске пропавших сокровищ, то это все объясняет: поделщик был посвящен в личную жизнь Петра, заочно был знаком с Викой.

Желание мести можно сразу исключить. Станет он маражаться без особой заинтересованности. Значит, ему нужны деньги... или сокровища. Наверное, он решил, что Крюков их нашел, присвоил себе и забыл поделиться с бывшим поделщиком. Теперь обиженный поделщик узнал о смерти Крюкова, поначалу у него пропала надежда на получение причитающейся ему доли, а потом появилась вновь. И надежда связана со знакомой Петра Крюкова, которая была посвящена в их тайну.

И что теперь делать? Никаких сокровищ у Вики нет, все деньги она вкладывает в развитие своего салона, даже на ремонт дома не может собрать необходимую сумму.

Виктория вспомнила про мобильный телефон в кармане куртки, начала судорожно его искать, но кроме ключей ничего не нашла.

Над головой опять послышались шаги, потом что-то сдвинули и крышка откинулась.

Вика притворилась спящей. Но похитителя так просто не проведешь.

- Жрать хочешь? – прохрипел он.

Девушка резко села на топчане и с вызовом спросила:

- Я хочу узнать, с какой целью вы меня похитили и силой здесь удерживаете?!

- Для развлечений! – Мужичонка ехидно захихикал, - давно мечтал развлечься с такой красоткой! Ты не откажешь мне?

У Вики зашумело в голове, и подступила тошнота, еще немного и ее вывернет. Она попыталась дышать глубже, но затхлый запах проник внутрь, и стало только хуже.

- Дайте, пожалуйста, воды, - с трудом ворочая языком, попросила она.

Похититель чем-то пошуршал, опустил на две ступеньки и бросил к ее ногам пакет.

- Здесь все, что нужно, – сказал он и вернулся назад, захлопнул крышку и подвинул на нее груз.

Когда шаги затихли, она посидела без движения, снова привыкая к темноте, потом заглянула в пакет: там была бутылка воды, кружок колбасы и хлеб. Вика отвинтила крышку и начала жадно пить. Ей стало немного легче: тошнота отступила. Девушка легла на топчан, закрыла глаза и провалилась в сон.

Когда Лена вернулась домой, Кирилл хозяйничал на кухне.

- Как у нас вкусно пахнет! - принялась она, вспомнив, что кроме нескольких чашек кофе и печенья ничего не ела.

- Вымой руки и садись за стол. – Кирилл нажарил огромную сковороду картошки, с которой они расправились очень быстро.

Лена отвалилась от стола.

- Сейчас лопну! – зевнув, сказала она.

- Устала? – спросил Кирилл, убирая грязную посуду.

- Не то, чтобы устала, просто день выдался бестолковым, ничего не делала, занималась вместе с Вяземским разработкой версий: кто похитил Вику и где ее искать?

- Как он?

- Если сказать, что плохо, то ничего не сказать. Он в ужасном состоянии! Никогда не думала, что такой эгоист, как Макар, может о ком-то так волноваться. И при этом, во всех смертных грехах винит себя. Он-то здесь причем...

- Абсолютно, не причем, - согласился с ней Кирилл.

- От Бирюкова нет новостей?

- Пока ничего нет...

Кирилл никогда не видел своего друга таким злым. Когда он ему позвонил, тот попросил, чтобы его не беспокоили, а когда появятся новости о Виктории, он сам сообщит.

- У меня есть предложение, - загадочным голосом, не предвещающим ничего хорошего, произнесла Тарасова.

- Догадываюсь, что ты хочешь предложить! Можешь не продолжать. Я скажу «нет!» и точка.

- Но...

- Без но! Разговор на тему мистики мы закрыли.

- И не закрыли, мы ее еще не открыли толком. Объясни, чего ты боишься?

- Я боюсь, что с тобой случится... обморок или того хуже.

- И зря! – Лена села к нему на колени и обняла за шею. – Со мной все будет хорошо. Пойми, это единственный выход найти Вику. Сам подумай, время идет, результатов в расследовании нет, похититель на связь не выходит. Тебя это не наводит на некоторые выводы? – Кирилл упорно молчал. – Я не хочу сказать, что с Викторией... что Вика... в общем, ты понял, что я имею в виду. В любом случае мы обязаны знать, что случилось.

- Ты права. – после долгих раздумий, согласился Шмидт. Но он не мог рисковать здоровьем Лены. Даже ради своей сестры. Или близкой подруги. – Может, мне попробовать... – начал он.

- Даже не думай! - перебила его Лена. - С тобой зеркало не пойдет на контакт. Или пойдет, но не сразу. И мы потеряем драгоценное время.

- Хорошо, согласен, но с одним условием – я буду рядом.

- Пожалуйста, - великодушно разрешила Лена.

Они прошли в комнату, где на стене висела семейная реликвия Василисы Петровны.

- Ты не рассчитывай, что все произойдет очень быстро, это может затянуться на несколько часов, – предупредила Лена – величайший знаток в делах общения с неодушевленными предметами, устраиваясь перед этим неодушевленным предметом со всеми удобствами.

- Был бы результат, - с грустью кивнул Кирилл, присаживаясь рядом.

- Э-э-э, нет, ты здесь не сиди.

- Почему?

- Потому что ты должен находиться подальше, чтобы зеркало тебя «не видело».
- Какие сложности, - недовольно фыркнул он, но пересел.
- С этой минуты ты замолкаешь! – приказала Лена, - ни звука, понял?

Шмидт не ответил, отвалился на спинку дивана и постарался не смотреть в ее сторону.

А Тарасова между тем уже сосредоточилась на общении с «подругой».

Она что-то внушала ей шепотом. Со стороны это походило на чтение молитвы. Кирилл не прислушивался к неспешному монологу Елены. Ее шепот его убаюкивал. Он пытался бороться со сном, даже хотел сходить на кухню и выпить крепкий кофе, но побоялся потревожить Лену. Его голова постоянно падала на грудь с равномерной периодичностью. Кирилл откинул голову назад в надежде, что это ему поможет в борьбе со сном. Но нашедшая «приют» голова, заставила мужчину расслабиться. В неравной схватке сон вышел победителем. Проваливаясь в забытие, Кириллу явно послышался голос бабули. Она пела ему колыбельную, которую он помнил с малых лет. Колыбельная сопровождалась ярким видением.

Взрослый Кирилл со стороны наблюдал, как они с Викой в далеком детстве играли в прятки. Кириллу досталось водить. Маленькая Викуша так умело спряталась, что он никак не мог ее отыскать. Мальчик обошел весь дом, несмотря на то, что был уговор – прятаться только во дворе! Но девочка частенько нарушала правила. В доме заглянул в шкафы, распластался на полу и проверил подкроватное «помещение» - обожаемое Викторией. Ее нигде не было. Как не было ее торжествующих криков на улице, объявляющих о ее победе. Пришлось внимательно изучить двор, даже уделить внимание собачьей будке, где миролюбиво почивал сторожевой пес. Везде пусто.

Может, домой убежала? – мысленно предположил Кирилл и отправился к соседям. Но и там девочки не оказалось. Тогда он вернулся в свой двор и пристроился на скамейке, раздумывая, где бы еще поискать? Бабушка копалась в огороде и наблюдала за расстроенным внуком. Наконец, не выдержала:

- Кирюша, ты пойди на околицу, там есть заброшенный дом. Может, наша Викуша там тебя дожидается?

Мальчик спрыгнул со скамейки и собрался бежать на околицу, но... почувствовал странный удушающий запах. Дышать становилось все труднее. Он закашлялся и... открыл глаза...

Резкий запах гари пропитал всю комнату, время от времени освещаемую мерцанием: потухнет, зажжется, потухнет, зажжется. У Кирилла зарябило в глазах. А Лена сидела перед зеркалом и никак не реагировала на запах и мерцание. Только подобралась, как пантера перед прыжком. Она не отводила от зеркала глаз. Шмидт хотел подняться и тоже посмотреть, но в ногах была такая тяжесть, будто к ним привязали пудовые гири. Он опустил взгляд, чтобы проверить, есть гири или нет. Убедился, что ноги выглядят, как обычно, без всяких гирь, но идти отказываются. Он с трудом поднял одну ногу и переместил ее, будто бы сделал маленький шаг в сидячем положении. Хотел проделать подобное другой ногой, но руки так онемели, что он не мог ими пошевелить, они вялыми плетями упали на колени. Кирилл хотел позвать Лену, открыл рот, но из горла вылетели лишь хрипы.

Неожиданно молодого мужчину разбил паралич. Он мог только сидеть и смотреть.

А Тарасова не заметила никаких перемен, случившихся с Кириллом. После трех часов упорных уговоров, зеркало «пошло на контакт», и теперь перед глазами девушки предстала картина похищения Викторией Ждановой...

Вика вышла из дома и села в припаркованный возле забора автомобиль, за рулем которого находился неизвестный мужчина средних лет. Девушка выглядела очень взволнованной. Автомобиль шустро выбирался из поселка Алехново. На околице водитель резко затормозил. Лена увидела, как Вика дернулась, ударившись лбом о лобовое стекло, потеряла ладонью ушибленное место и только собралась повернуть голову к неумелому водителю, как тот дернулся, а Вика расслабленно отвалилась на сиденье.

Больше она не двигалась. Мужчина изучил ее насупленным взглядом, криво ухмыльнулся и сосредоточился на виртуозных разворотах. И вскоре автомобиль въехал во двор незнакомого дома, водитель с трудом закрыл ломано-переломанные ворота, висящие на одной петле, вернулся на свое место и загнал автомобиль за дом, чтобы с улицы его никто не заметил. Дом был запущенный, стало понятно, что в нем давно никто не обитает кроме такого несуразного похитителя, больше похожего на человека без постоянного места жительства, обнаружившего на свалке старенькие «Жигули».

На этом видение исчезло.

Лена еще посидела перед зеркалом, потом потянулась: от долгого сидения мышцы совсем затекли.

Едва женщина зашевелилась, Кирилл обнаружил, что с его ног убрали тяжелые гири, руки стали нормально действовать, голос прорезался.

- Удалось что-нибудь узнать? - совершенно нормальным голосом, спросил он. Поднялся на ноги, и в раскачку, как моряк на палубе, подошел к Лене. Встал у нее за спиной и увидел в зеркале свое отражение, нависшее над её отражением.

- Кое-что удалось, только не знаю: поможет ли это в поисках Вики? У тебя такой заспанный вид. Неужели проспал все это время?

- Меня бабуля укачала. – Он увидел недоуменный взгляд Лены и начал с самого начала.

Кирилл не любил пересказывать сны, а потом еще долго их обсуждать: к чему бы это снится, к чему бы то... Но на этот раз он забыл об этом и до мельчайших подробностей описал свое сновидение. Как долго искал маленькую Вику, как бабушка посоветовала сходить в заброшенный дом...

- Заброшенный дом? – Лена удивленно вскинула брови. – Ты сказал – заброшенный дом на околице?

- Да, что-то не так?

- Послушай теперь, что мне «рассказало» зеркало!..

- Все сходится! – сказали они хором.

- Надо звонить Бирюкову, - добавил Кирилл. – И ехать туда. Пока не поздно...

Бирюков приехал на выходные в Алехново. Кирилл пригласил его отметить возвращение Виктории.

Когда все уселись за стол, то непроизвольно уставились на Сергея, ожидая рассказа о похитителе.

- Дайте поесть сначала, - недовольно произнес частный детектив, оглядывая ломящийся от блюд стол. Лена и Вика начали в четыре руки наполнять его тарелку разными салатами.

– Эй, постойте, не надо все валить в кучу, давайте без фанатизма и поклонения героям. – Гордо произнес он и оглядел присутствующих. Макар взял за руку Вику, будто боялся, что она исчезнет. Лена хотела бежать на кухню, но замерла за спиной жениха, облокотившись на его плечи. – Ладно, все равно не отстанете...

Похитителем Виктории оказался некто Чагин Степан Степанович, по кличке Степик, который сидел в далекие восьмидесятые годы в колонии вместе с Крюковым. – Начал рассказ Бирюков. - Находясь в редкие месяцы на свободе, связь с ним не терял. Последний срок затянулся на долгие семь лет, после чего Чагин опять появился у Крюкова. Тот нашел ему жилье, снабдил деньгами и предложил работенку – искать похищенные с выставки ценности, за которые сам отсидел пять лет... Это Степик копался, как крот, в огороде Шмидтов, потом перерыл весь дом, но ничего так и не нашел. По его словам, ему это надоело, и он исчез из поля зрения Крюкова. Но не уехал в другой город, а продолжал следить за ним и за его... за Викой, - поправился Сергей, заметил беспокойный взгляд Макара. - Чагин решил, что Петр Леонидович нашел сокровища и раздумывал, как к нему подступиться, чтобы потребовать свою долю, но пока он решался, Крюков скончался. Ему оставалось только потребовать часть

найденных сокровищ с Вики. И Степик начал вести за ней слежку. В поле его зрения чаще других попадал Макар Вяземский. Он понял, что Вика равнодушна к нему, решил сыграть на ее чувствах. Позвонил и сказал, что тот попал в аварию и нуждается в ее помощи. Номер её телефона ему для экстренной связи сообщил Крюков. После звонка Виктория, не задумываясь, отправилась к Макару, а угодила в лапы Чагина, который запрятал ее в погреб заброшенного дома. Он изучил список контактов в ее мобильном телефоне, узнал номер Вяземского и позвонил ему, требуя выкуп.

- Почему он привез Вику, именно, в этот дом? – спросила Лена.

- Он в нем жил, когда съехал с квартиры, которую для него снимал Крюков. Этот дом Чагин приглядел давно. Случайно узнал, что дом пользуется дурной славой, поэтому непрошенных гостей можно не опасаться.

- А хозяин у этого дома есть? – снова задала вопрос Лена.

- Хозяева живут в городе и уже много лет не появляются. Они пытаются его продать, но всё безрезультатно. Говорю же – дурная слава впереди идет.

- Дурная слава, - задумчиво повторила Тарасова. – Что за дурная слава? - вновь обратилась она к частному детективу.

- Пусть Кирюха расскажет.

Лена оставила в покои плечи жениха, присела рядом и одарила его просящим взглядом.

- Все это бабушкины сказки! – Кирилл хотел отмахнуться, но как же, от такой отмахнешься. Пришлось рассказать.

Когда Кирилл был совсем маленький и был жив дедушка Василий, они часто ходили с ним на реку ловить рыбу. Путь лежал мимо дома, в котором жила старуха, которой в ту пору было больше ста лет. Она сама не знала – сколько ей лет, дожила до ста, а потом сбилась. Вся родня ее проживала в городе, но никто ее не навещал. Бабку прозвали в деревне ведьмой, все обходили ее дом стороной, боялись, что та наведет на них порчу. Старуха выглядела, как баба Яга в русских сказках: сгорбленная, с глубокими морщинами на лице, с крючковатым носом, с торчащими из вылинявшего платка седыми космами, с колючим взглядом. Ходила она с клюкой, которой норовила огреть любого, кто попадался ей под руку. Старуха собирала травы, сушила их, а что делала с ними потом – никому неизвестно. По крайней мере, никто к ней с жалобами на здоровье не обращался, просьбы приворожить-отворожить не высказывал. Но в деревне упорно ходили слухи, что если траву, собранную и высушенную бабой Ягой, заварить и выпить, то наступит мгновенная смерть. Кто пустил по деревне эту сплетню, кто умирал мгновенной смертью от снадобья, никто не знал. До поры до времени...

В те времена в деревне жила многодетная семья Вакуловых. Глава семьи – Борис Вакулов был человеком пьющим. Жена его, Валентина, совсем извелась: как муж напьется, начинает бузить, схватит грабли или, еще того хуже, топор и бегаёт за домочадцами. Боялся он только председателя Василия Шмидта. Борька за топор, а Валентина – бегом к Шмидту, тот придет и успокоит пьяного буяна.

Однажды бывший председатель уехал в город проведать сына и недавно появившегося на свет внука и задержался на несколько дней. Борька Вакулов был в очередном запое. Защитить жену и детей было некому, все жители не хотели связываться с дебоширом. И случилось несчастье: Борька по пьяному делу зарубил двухлетнего сына. Вакулова сразу забрали в милицию. А когда он был под следствием, жена ему понесла передачу, чем удивила всех односельчан: он мальчика убил, а она ему передачи носит. Да, только после того, как Борька все съел и выпил морс, собственноручно сваренный женой, упал замертво. Люди говорили, будто накануне, Валентину видели выходящей из дома бабы Яги. Все решили, что она отравила мужа, хотя, вскрытие показало, что умер Борька от остановки сердца. Правда это или нет, неизвестно. Только после этого случая, дом на окраине стали обходить стороной, а рассказов о его хозяйке становилось все больше и больше. Однажды баба Яга бесследно исчезла. Когда она перестала появляться в деревне,

все вздохнули с облегчением: наконец, в Алехново перестанут бояться за детей, и будут спокойно отпускать их на рыбалку.

Прошел месяц, а бабка так и не появилась. Сообщили родственникам, те сначала не хотели приезжать, да участковый пригрозил, и они прибыли. Обыск дома ничего не дал, баба Яга, как сквозь землю провалилась. Прочесали всю деревню и лес, где она часто бывала, но все безрезультатно – старуха пропала.

- Ее так и не нашли? - спросила Лена. Она представила себе, каково было Вике находиться в том страшном доме: вдруг ведьма еще жива и прячется в нем?

- Нет, не нашли, – ответила Виктория. – Мы эти рассказы с Кирюшкой слышали с самого детства, все это бредни и вымысел. Я бабу Ягу в глаза не видела, родилась уже после ее загадочного исчезновения, но думаю, что все гораздо проще: жила-была женщина, состарилась, прожив очень долгую жизнь, и умерла, но не в собственном доме, а, например, в лесу.

- А... тело где? – Лена любила во всем ясность.

- Звери съели!

- Викуша, ты мне сейчас напомнила нашу бабулю, она тоже не верила в эту чушь. Лена напоминает ее внешне, а ты – характером. – Кирилл был очень рад, что у него появилась сестра и совсем скоро будет еще и законная жена.

Вика подошла к брату и чмокнула его в щеку.

- Я всегда испытывала к тебе родственные чувства. – Она поймала ревнивый взгляд Вяземского, погрозила пальчиком. – Никогда не ревнуй меня, а я обязуюсь быть всегда тебе верной и любящей женой.

- Я сейчас расплачусь, - пообещал растроганный Бирюков, и сделал вид, будто вытирает слезы. – А я один, совсем одни и никому-то нет до меня дела.

Лена и Вика кинулись к нему и расцеловали. Сергей расцвел:

- Давно бы так.

Лена незаметно склонилась к его уху и прошептала:

- Когда мы пойдем к бабе Клаве?

Сергей тихо ответил:

- Чем скорее мы закончим с этим, тем лучше. Я думаю, надо ввести всех в курс дела. Здесь посторонних и незаинтересованных нет.

- Прекратите шептаться, в компании секретов нет, - возмутился Шмидт.

- Еще один ревнивец! – развеселилась Лена. Она подумала, посмотрела на Сергея, тот ей кивнул, и она решилась. – Перед исчезновением Вики мне приснился странный сон...

Она рассказала обо всем: о сове, о бабе Клаве, о Василисе Петровне, об их с Бирюковым догадках.

Все напряженно переглядывались, будто предлагали друг другу высказаться. Один Вяземский ничего не понял из рассказа Лены и сейчас сидел с глупым выражением на лице, уставившись в стол. Инициативу взяла Виктория, поначалу пообещала жениху обо всем рассказать, после обратилась к друзьям-товарищам:

- Почему мы сидим, чего ждем? Мы давно должны быть у бабы Клавы!

Когда в дом соседей вломилась ватага молодых людей, хозяйка перепугалась.

- Извините, - нашелся Кирилл и перевел взгляд на Лену, моля о помощи.

- Баба Клава, мы зашли узнать, как ваше здоровье, как поживает дед Гриша? - издали начала Тарасова.

- Здоровье в порядке... Гришка пошел к соседу... - Баба Клава была женщиной мудрой, недаром прожила на свете семьдесят с лишним лет, поняла: гостям что-то нужно, но торопить их не стала. – Проходите, чайку попьем.

Лена незаметно кивнула своим единомышленникам, будто разрешая выпить чай. Все дружно расселись за столом. Когда хозяйка отлучилась на минутку, Лена тихо сказала:

- Не будем сразу донимать ее вопросами, посидим, поговорим, а там видно будет...

Тут появилась баба Клава с чайником, Вика и Лена бросились ей помогать. Хозяйка дома славилась на всю деревню своими вареньями и джемами, поэтому выставила на стол огромное количество вазочек. Все с удовольствием выпили по чашке, налили по второй, Вика рассказала о похищении. Баба Клава любила обстоятельные рассказы, поэтому время шло, а хозяйка не переставала задавать все новые и новые вопросы, пока Лена не вклинилась в разговор и постаралась направить его в нужное русло.

- Я очень хочу научиться вышивать такие же замечательные картины, как бабушка Кирилла. Жаль, что она не может сама передать мне навыки, обучить всему, что умела.

- Когда тебе этим заниматься? – хмыкнула хозяйка. – Ты на работе целыми днями, потом дома работы невпроворот... Тебе, девочка, о другом надо думать. Вот выйдешь на пенсию, тогда вышивай себе на здоровье, потому что больше заняться то и нечем. – Баба Клава тяжело вздохнула.

- А я в свободное время, - не отставала Лена. Она не знала, что еще сказать: спросить в лоб: Не оставляла ли Василиса Петровна ей какую-то подсказку, которая укажет, где похищенные Юрием Шмидтом панно? Или еще лучше: А не подскажите ли, дорогая баба Клава, какую тайну вам доверила бабушка Кирилла? Старушка решит, что у них массовый психоз, испугается и выставит из дома.

- Баба Клава, вам больше не нужны картины? Я могу их забрать? – не выдержал Кирилл.

- Ой, Кирюша, я совсем забыла... Сказано, старость - голова совсем дырявая... - Баба Клава вышла из комнаты и вернулась через минуту с картинами в руках. - Забываю отдать. - Она протянула вышивки Кириллу. - Одна картина мне показалась подозрительной...

- Чем? – хором спросили все сидящие за столом. Тут дверь открылась, и вошел дед Гриша.

- О, у нас дорогие гости! – улыбаясь, произнес он. Потом оглядел всю компанию, напряженную в ожидании. – Что-то случилось?

Гости дружно поздоровались, но вопрос оставили без ответа, они сами ждали объяснений.

- Чего вы так перепугались? – удивилась баба Клава. – Ничего страшного, просто в одной картине, - она показала на вышивку с изображением подсолнуха на фоне голубого неба, - что-то спрятано. Я не стала смотреть, так как не мое это дело...

Кирилл хотел сразу вскрыть картину, огляделся по сторонам, пытаясь найти что-нибудь подходящее, например, острый нож. Его остановила Лена.

- Спасибо, вам баба Клава, мы пойдем. – Она выхватила из рук Кирилла обе картины и пошла к выходу, остальные потянулись за ней. Выйдя от соседей, вся компания бегом бросилась к дому Шмидтов. Всем не терпелось узнать, что скрывается за вышитой картиной.

Кирилл аккуратно разобрал рамку, в которую была помещена вышивка. И явил миру тонкую школьную тетрадь в клетку. В таких тетрадях Кирилл писал на уроках математики. Понятно, у кого бабушка ее позаимствовала. Тетрадная обложка слегка выгорела и потрепалась.

Кирилл сразу узнал мелкий аккуратный почерк бабушки. В груди Кирилла что-то сжалось, будто он получил послание с того света.

- Я должен побыть один, - тоном, не терпящим возражений, заявил он и скрылся в другой комнате.

Все проводили его понимающе сочувственными взглядами.

- Давайте выпьем чего-нибудь, - предложила Лена, пытаясь прервать затянувшуюся паузу.

- Это правильно! – поддержал ее Бирюков. – Чего желают дамы? - Потом вспомнил про Вяземского, повернул к нему голову и с поклоном спросил: А Вы, господин Вяземский, чего желаете? – Его отношение к Макару не изменилось, все равно он для Сергея остался лощеным индюком, хотя, и являлся почти родственником Кирилла.

- Мне все равно. – ответил Вяземский, не сводя взгляда с Вики.
- Может, чаю? – предложила она.
- У меня лично чай из ушей сейчас полезет, я у соседки выпил три огромные чашки. – Скривился от воспоминаний Сергей и похлопал себя по животу. – Предлагаю ударить по коньячку, для успокоения нервной системы.
- Наливай, только по чуть-чуть. – Лена посмотрела на дверь, за которой скрылся Кирилл. Она начала волноваться: вдруг он узнает что-то нехорошее? Однако, как не банально это звучит, горькая правда лучше, чем сладкая ложь. Может быть, эта тоненькая тетрадь таит в себе ответы на вопросы, которые мучают его много лет.

Бирюков разлил коньяк и предложил выпить за удачу. Все его дружно поддержали.

Вика тоже не находила себе места. Пытаясь немного успокоиться, она встала и подошла к окну. Снега осталось совсем мало. Совсем скоро придет весна, - подумала Виктория, - все проблемы останутся в прошлом, начнется новая жизнь. Теперь у меня есть брат, скоро я выйду замуж за человека, которого искренне люблю, и он отвечает мне взаимностью. Она повернула голову и посмотрела на будущего мужа.

Вяземский крутил в руках пузатый бокал с коньяком и мечтал о предстоящей свадьбе с Викой, ни о чем другом он думать не хотел. Из разговоров за столом он ничего не понял, зачем отправились к соседям – тоже оставалось загадкой. Но Макар был нелюбопытен, захотят - расскажут, если нет, он не обидится...

Бирюков изображал удовольствие и расслабленность. На самом деле, нервы были напряжены до предела. Он не волновался за Кирилла, давно его знал и был уверен, что его друг – человек сильный и волевой. Сергей боялся, что последняя ниточка с прошлым оборвется, и загадка так и останется загадкой...

Все четверо находились в одной комнате, но, будто были на разных планетах.

Прошло немного времени, а им казалось, что сидят здесь несколько дней. Нетерпение зашкаливало, но каждый их присутствующих старательно этого не показывал.

Наконец, дверь распахнулась, и появился взлохмаченный Кирилл.

- Я думаю, всем будет интересно узнать, что написала бабуля. – Он протянул тетрадь Лене. – Прочти, пожалуйста, вслух.

- Ты уверен? – Лена пыталась угадать по глазам любимого человека, что он узнал. Но в глазах Кирилла была только усталость. Он кивнул ей, отвечая согласием на ее вопрос.

Тарасова открыла тетрадь и начала читать.

- Дорогой внучек! Я очень виновата перед тобой за то, что не открыла тайну сразу. Прости меня, если сможешь...

В своей исповеди Василиса Петровна написала о том, как зеркало «рассказало» о спрятанных панно и о гибели сына. Она не знала, как ей поступить? Потом решила выкопать чемодан. Нашла в нем панно. Чемодан, по непонятной причине, снова закопала, а панно перепрятала. Василиса Петровна не могла признаться даже самой себе, что ее сын – вор. Поэтому хранила тайну до самой смерти, даже внуку не решила рассказать...

Бирюков уже отчаялся узнать правду. Он не выдержал и спросил:

- Там написано, где эти проклятые панно?
- Потерпи, - ответил Кирилл, - осталось совсем немного.

Лена продолжала читать.

- Зеркало было моим главным другом и советчиком, поэтому именно ему я доверила тайну, пытаясь скрыть позор своего сына. – Тарасова замолчала и вопросительно посмотрела на Шмидта.

- Все в порядке, - произнес он, - читай дальше.

- Я никогда не говорила тебе, Кирюша, что наша семейная реликвия не только умеет «разговаривать», но и хранить чужие тайны. В зеркале есть потайной ящик, открыть его очень легко...

Когда Лена закончила читать, все, как по команде, посмотрели на стену, где много лет провисело зеркало.

- Оно же у меня дома! – Лена схватила шубку и кинулась к выходу, за ней двинулись остальные.

- Едем на моей машине, - предложил Сергей.

- Ты выпил, - строго сказала Лена.- Я не хочу погибнуть, когда развязка так близка.

- Я выпил пятьдесят граммов, - оправдывался Бирюков.

- Все равно! – девушка была непреклонна. – Поедем на машине Кирилла.

Все быстро расселись, оставив на хозяйстве недоумевающего Вяземского, помахавшего им на прощание рукой.

На дорогах были «пробки», все возвращались в конце воскресного дня в город, поэтому дорога заняла больше времени, чем обычно.

- Жаль, что машины не летают, - обреченно заметила Вика.

- Точно, - поддержал ее Сергей, - иногда день складывается так, что нужно успеть побывать в нескольких местах и решить кучу вопросов, но «пробки» решают все: в итоге я сижу в машине, которая или ползет, как черепаха, или стоит, не двигаясь.

- Одна мечтает, другой философствует, - мягко возмутилась Лена. Ей хотелось выскочить из машины и побежать. Ей раздражали ненужные разговоры, раздражали автолюбители, которым приспичило выехать именно тогда, когда они очень спешат.

Наконец, вся компания добралась до дома Тарасовой. Она первая выскочила из машины и бросилась к подъезду, за ней – Вика. Кирилл не торопясь припарковал автомобиль и присоединился к ожидающему его Бирюкову.

Бирюков положил руку на плечо друга.

- Если там ничего нет, не расстраивайся!

- Я уверен, что они находятся там, куда их положила бабуля. Почти уверен.

Лена и Вика выстроились перед зеркалом и с интересом его рассматривали. Тарасова даже голову наклонила, как это делают в музее, любуясь произведением искусства старого мастера. Зеркало таким и являлось, а в придачу хранило еще секреты предыдущих хозяев и помогало нынешним владельцам.

Спасибо тебе за все, - мысленно поблагодарила зеркало Лена, - ты сделало так много, но я прошу тебя, помоги еще один разочек. Ты понимаешь, на тебя вся надежда, верни нам эти панно!

Зеркало не отреагировало на просьбу. Оно или не слышало, или не хотело при всех показывать свое отношение к новой владелице.

К девушкам присоединились мужчины. Никто не решался приблизиться к семейной реликвии.

- Давай, Кирюха! – подбодрил его Сергей.

Шмидт действовал по инструкции, описанной Василисой Петровной. Он внимательно осмотрел раму зеркала, которая состояла из сказочных птиц и цветов. У всех птиц вместо глаз были разноцветные камни, только у одной – кровавые рубины, именно, о них писала бабуля. Кирилл осторожно дотронулся до глаза, потом надавил на него...

Вдруг из столешницы выдвинулся небольшой ящик. Внутри выдвигаемого ящика что-то лежало, завернутое в материю.

Кирилл взял находку в руки, развернул, и все присутствующие увидели... два старинных панно. Они долго разглядывали их, передавая из рук в руки.

- Чем они привлекли твоего отца и Крюкова? – задумчиво поинтересовалась Лена.

Кирилл знал, чем: сведения он почерпнул их достоверного источника.

- Надо показать панно Инне Зиминой, - игнорируя ответ, заявил он...

- Кирилл сразу догадался, о каком доме идет речь и в его сне, и в «рассказе» зеркала. - начала Елена свое повествование о счастливом вызволении Виктории Ждановой. Они с

Кириллом были в гостях у Зиминых. Они знали, что все закончилось благополучно, но не были посвящены в подробности. Слушали с большим интересом, особенно Санька и Петька, которые забыли о еде и так и застыли с вилками в руках.

- И что это за дом? – поинтересовалась Инна.

- Он находится на околице деревни. В нем давно никто не живет.

- И что было дальше? – спросили хором мальчишки.

- А дальше Сергей и Кирилл решили узнать есть ли там кто живой. Спрятались неподалеку и стали наблюдать.

- А машину похитителя они заметили?

- Похититель ее старательно завалил соломой, разным барахлом, приткнул старые доски, со стороны не понятно, спрятано там что-то или нет – обычная свалка. Но зеркало «подказало», что там должен стоять автомобиль похитителя. И то, что на том месте свалка, наводила на определенные выводы. – Мальчишка уже были не рады, что спросили о машине, объяснение слишком затянулось, они нетерпеливо ерзали на стульях. – Когда Сергей и Кирилл поняли, что в доме есть люди, Бирюков хотел самостоятельно скрутить преступника, но Кирилл его отговорил – на первом месте была безопасность Вики. Поэтому Сергей позвонил своему знакомому майору полиции, с которым они раньше вместе служили. Вскоре прибыла группа захвата. Все закончилось благополучно.

- Жаль, нас там не было, - озабоченно вздохнул Петька.

- Очень хотелось бы посмотреть, как работают профессионалы, - поддержал его брат-близнец.

- Кирилл, так все-таки Вика – твоя сестра? – спросила Инна, которая никак не могла прийти в себя после рассказа Лены.

- Да, ее мать, Надежда Афанасьевна, подтвердила мою догадку.

Шмидт вспомнил тот разговор, который дался обоим нелегко. Тетя Надя только плакала и не хотела рассказывать Кириллу правду. Потом трубку схватила Вика, которая смогла уговорить мать признаться. Так Кирилл обрел сестру, которую очень скоро собирался выдать замуж за Вяземского, он уже попросил ее руки у старшего брата и матери.

- А кто похититель? – поинтересовался Славик.

Лена и Кирилл переглянулись.

- Это очень длинная история, - уклончиво сказал Шмидт.

- Мы никуда не спешим! - Инна поняла, что это загадочное похищение Виктории, каким-то образом, связано с ее отцом, недаром они прячут глаза и пытаются промолчать. И пришли к ним с портфелем, Кирилл пристроил портфель у своих ног и постоянно поглядывает на него, будто боится, что он исчезнет. – Прошу вас, ребята! Я устала от тайн, которыми кормил меня отец на протяжении многих лет.

Пришлось Кириллу рассказать обо всем Зиминой и ее семейству. Начал с пресловутых панно, которые ее отец когда-то давно увидел во дворце бахархудатов в городище Варахша. Эти сведения Шмидт почерпнул из дневника своего отца. Там был описан разговор с Крюковым в ресторане...

Потом щелкнул замками на портфеле, вытащил панно и протянул их Инне.

Инна держала в руках панно и никак не могла взять в толк: неужели из-за этих деревяшек, пусть и старинных, отец сломал свою и мамину жизнь? Неужели эти два панно ему были дороже самых близких людей?!

Инна внимательно выслушала Кирилла, но поняла не все - маниакальные желания отца завладеть этими панно было необъяснимо. Теперь она знала, что не Вика была причиной его болезни, а разочарование в том, что панно исчезли бесследно.

Инна рассматривала лицо девушки, изображенное на одном из панно.

- Когда-то давно я слышала от отца о гибели его одноклассницы и смерти ее собаки, которая не могла пережить потери хозяйки. Отец как-то странно себя вел во время рассказа: голос дрожал, в глазах стояли слезы. Я его раньше никогда таким не видела, он

не был сентиментальным человеком. Тогда мне было лет четырнадцать, и к его рассказу я отнеслась равнодушно. Все дети в таком возрасте очень эгоистичны, думают только о себе или о предмете своего интереса.

– Что мы будем делать с панно? – спросила Инна.

- Как ты решишь, так и будет. – Кирилл считал, что это будет правильным...

Прошло полтора года.

Начало августа выдалось жарким и сухим. Даже ночь не приносила желаемой прохлады.

Во дворе дома Шмидтов в поселке Алехново собралась большая компания. Просто так, без повода – захотелось пообщаться, вот и собрались.

Лена накрывала на стол и краем глаза следила за свекровью и семимесячным сыном Васенькой – копией своего рыжеволосого отца. Бабушка с внуком на руках прогуливались по яблоневому саду.

- Хорошо, хоть, с этой свекровью тебе повезло! – Лиза Жукова держала на коленях маленькую дочурку, которой совсем недавно исполнился год.

- Должно же мне когда-то повести. – Лена перевела взгляд на мужа, который вместе с Сергеем Бирюковым, Славиком Зиминым и Жориком Жуковым, жарил на мангале мясо.

Во дворе расположился огромный надувной бассейн с водой, где резвились Петька и Санька Зимины с Ванюшкой Жуковым.

- Дядя Кирилл, скоро будут готовы шашлыки? – по очереди ныли мальчишки. Рядом с бассейном стояла Инна Зиминая, а рядом с ней, держась за мамину юбку, ликовала маленькая дочь Верочка. На малышку попадали брызги из бассейна, она громко смеялась и поглядывала на мать.

Калитка открылась, и во двор вошли Вяземские - Вика и Макар, который нес на руках полугодовалую Василису.

- Кто к нам пришел! - весело приветствовал их Кирилл, протягивая руки к племяннице. – Иди ко мне, моя красавица. Девочка была совсем мала, но уже необычайно хороша собой, вся в мать. Хотя, многие замечали ее сходство с прабабушкой Василисой Петровной.

- Вяземские пожаловали, - тихо произнесла Лиза, обращаясь к Лене. – Как Марта Львовна относится к Вике?

- Нормально, чего уж теперь... Свекровь нашла свое счастье. - Лена посмотрела на Феоктиста Федоровича, который присоединился к своей супруге, забрал у нее Васеньку и начал ему что-то говорить. Васенька с серьезным видом слушал деда, потом расплылся в беззубой улыбке. - Повезло Марте, Феоктист - хороший человек, и с чувством юмора. Мы с ним сразу нашли общий язык.

- Ты мне не рассказала, что вы сделали с панно? Они так и лежат в потайном ящике в зеркале?

- Ой, Лизка, я совсем забыла, что ты не в курсе последних новостей... Ты помнишь, что Инна, после всех переживаний, попала в больницу. Она чуть не потеряла Верочку. Потом были тяжелые роды, после которых Инна долго восстанавливалась.

- Я помню... Хорошо, что вы с Кириллом были рядом.

- Зимины стали нам родными людьми, хотя, никаких родственных уз между нами нет. Но такое часто бывает... Например, мы с тобой! – Лена обняла подругу, поцеловала ее и девчушку. – Кирилл тогда сказал, что Инна должна решать, как поступить с панно. Когда она оправилась от родов, то опять встал вопрос – что делать с панно. Инна долго думала, а потом решила: выкопать тот чемодан, в котором спрятал панно отец Кирилла, положить туда панно, зарыть и забыть, как о кошмарном сне! Похоронить их вместе с плохим прошлым. Так мы и поступили...

- Мудрая женщина эта Инна. – Лиза была потрясена таким решением. Она никогда на такое не решилась, ее бы терзали сомнения – надо возвращать их государству или нет. Лена, будто прочла мысли подруги.

- Для государства они особой ценности не представляют, тем более, что принадлежат Узбекистану – другой стране. Если бы мы решили их отдать, возникла бы масса вопросов: «откуда взяли?», «почему не возвращали так долго» и тому подобное.

К болтушкам подошел Кирилл.

- Хозяйка, приглашай гостей к столу, у нас все готово. – Он обнял жену и шепнул ей на ухо:

- Я тебя очень люблю!

Лена поцеловала мужа.

- Я тебя тоже люблю!

Лена Шмидт благодарила судьбу за то, что она свела их в тот осенний дождливый день.

С уходом больших проблем у нее пропал вкус воображения. А зачем затягивать себя в выдуманный мир, если в реальном мире всё прекрасно?!

Пусть зеркало расскажет будущим поколениям, как Елена Шмидт была счастлива в окружении родных и близких людей... Если оно, конечно, способно передавать информацию о бывших владельцах. Вдруг всё это выдумки? И ни зеркало, а сама Лена обладает неординарными способностями, как Василиса Петровна. Недаром Кирилл утверждал, что они очень похожи.

Но как быть с преданиями? А кто их может подтвердить или опровергнуть?..

Сентябрь 2009г. – февраль 2010г.

Отредактировано – 2014г.